А. А. Зимин

ВИТЯЗЬ НА РАСПУТЬЕ

А. А. Зимин ВИТЯЗЬ НА РАСПУТЬЕ

А. А. Зимин

ВИТЯЗЬ НА РАСПУТЬЕ

Феодальная война в России XV в.

Москва «Мысль» 1991

ББК 63.3(2)43
З-62

Редакция литературы по истории СССР

Зимин А.А.
З–62 Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. – М.: Мысль, 1991. – 286, [1] с.
ISBN 5-244-00518-9

Книга завершает цикл работ из научного наследия известного советского историка А.А. Зимина (1920–1980), посвященных бурной эпохе XV–XVI вв. Мастерски воскрешая эпизоды кровопролитной феодальной войны на Руси во второй четверти XV в., автор не спрямлял исторической действительности в угоду устоявшимся стереотипам. Правдивое повествование о событиях той поры, яркие психологические портреты их участников, эмоциональный стиль изложения позволяют рекомендовать книгу всем, кто интересуется отечественной историей.

З $\frac{0503020200-050}{004(01)-91}$ 23-91 ББК 63.3(2)43

ISBN 5-244-00518-9 © Издательство «Мысль». 1991

Читателю

Пятнадцатое столетие медленно, но неуклонно приближалось к зениту. В кровавой бойне Алой и Белой розы гибли английские бароны, но еще далеко было до битвы при Босворте, после которой Англия станет державой Тюдоров. Сожженная в Руане Жанна д'Арк своими подвигами привела Францию к освобождению от иноземного ига и к началу объединения страны. Пройдет несколько десятилетий, прежде чем на арагонский престол взойдет Фердинанд, которому его супруга Изабелла принесет и Кастилию, и завершение Реконкисты. Надутая ложным величием империя Габсбургов продолжала расширять свои лоскутные владения за счет соседей. Но зрели уже силы, которые положат предел ее всевластию. После гибели на костре Яна Гуса чехи показали, на что способен народ, выступающий за свою веру и свободу. Гуситские войны, потрясавшие несколько десятилетий Чехию, стали прологом Реформации. Печатая около 1445 г. свою первую книгу, Иоганн Гутенберг еще не осознавал, что принес людям Прометеев огонь знания, который осветит не только век Гуманизма, но и будущие столетия. При дворе флорентийского банкира-тирана Козимо Медичи расцветало Возрождение, предугаданное еще Данте, Петраркой и Боккаччо («тремя флорентийскими венцами»). Здесь творили гениальный зодчий Брунеллески, художник Мазаччо и скульптор Донателло.

А на Востоке сгушались тучи. Мертвой хваткой вгрызлись турецкие войска в Балканы. Опустошены были Сербия, Болгария, Венгрия. В 1444 г. в битве под Варной гибнет польский и венгерский король Владислав III. Татарские набеги терзали земли Польши, Руси и Великого княжества Литовского. Народ угоняли в рабство, чтобы продать на рынках Востока, а многие еще недавно мечтали, что «Турок» принесет свободу от сеньоров. В 1453 г. под ударом османов во главе с юным султаном Мухаммедом II пал Константинополь, последний оплот когда-то могущественной Восточной Римской (Византийской) империи. Святая София стала мусульманской мечетью. В Средней Азии, Афганистане и Иране еще недавно могучая держава Тимура погрязла в распрях его наследников, в ненависти фанатиков-дервишей к тем, кто, как Улугбек в Самарканде, пытался взрастить зерна познания.

Таково было время, когда Русский Витязь, стоя на распутье, должен был выбрать свою Судьбу. Он еще вынужден был склонять шлемоносную голову перед ордынским ханом, но уже помнил звон мечей на Куликовом поле. Он еще не встречал послов или купцов с Запада, но уже видел огромный латинский крест, который несли в Москве перед митрополитом Исидором, возвращавшимся с Флорентийского собора. Он не отягощен был грузом наук, но смутно понимал, что настало звездное мгновение, когда от выбора пути зависят судьбы его потомков. Русь была еще перепахана межами, разграничивавшими великие и многочисленные удельные княжества. Кто из правителей возьмет в свои руки державные бразды власти? Кому из князей будет под силу пронести славное знамя Дмитрия Донского и, объединив многострадальную Русь, сказать решительное «нет» ордынскому царю?

Историку легче рассказать о том, как все происходило, чем понять, почему так произошло. Это тем более сложно, когда размышляешь о переходных эпохах, когда победившие правители «переписывали историю», изображая Ричарда III или Дмитрия Шемяку воплощением зла, а Генриха VII Тюдора или Василия II и их наследников ангелами во плоти.

Автор не тешит себя надеждой, что он в достаточной мере понял суть событий, происходивших в Северо-Восточной Руси во второй четверти XV столетия. Его цель была куда более скромной. Он стремился

изложить читателю всю известную ему сумму сведений, которые бы тот мог осознать как нечто существенное для понимания хода братоубийственных войн времен Василия II и необходимое, чтобы задуматься о причинах происшедшего становления единого Русского государства.

В настоящей книге читатель найдет рассказ о том, какие события происходили во время великого княжения Василия Васильевича (1425–1462), когда закладывались основы торжества московского единодержавия. Прежде чем написать этот том, автору нужно было изучить и жизнь действовавших тогда лиц (князей, бояр, дворян и дьяков), и обстановку, в которой протекали события, и особенности источников, дающих нам возможность понять все это с максимальным приближением к истине. Результаты многолетних разысканий составили справочник, который, являясь базой исследования, проделанного в настоящей книге, имеет и самостоятельное значение[1]. Этот справочник также освобождает автора от необходимости отягощать книгу второстепенными деталями, источниковедческими и генеалогическими подробностями. Ссылки на справочник не даются, и любознательный читатель может по мере возникающей у него потребности в дополнительных сведениях обратиться к его тексту сам. Впрочем, итоги исследования, проделанного автором справочника, широко используются в настоящем томе.

Около 20 лет автор работал над шеститомной серией книг, которую он склонен назвать «Россия на пороге Нового времени». В ней синтезируются его представления о ходе русского исторического процесса примерно с 1425 по 1598 г., т.е. на протяжении более 170 лет. Это – «Витязь на распутье» (1425–1462), «Возрожденная Россия» (1480–1505), «Россия на подъеме» (1505–1533), «Избранная рада» (1533–1560), «Опричнина» (1561–1572), «Путь к власти» (1573–1598)[2]. Все тома объединены стремлением автора показать судьбы России и становление единой государственности в период, когда страна приближалась к Новому времени. Читатель не найдет в них какого-то единого авторского взгляда на историю страны того времени. Эта серия книг лучше отражает эволюцию общих исторических представлений автора, которую он считает завершенной в «Витязе на распутье» – последней книге по времени написания, но

первой в хронологическом ряду всей серии. Книги – увы! – имеют свою судьбу... Автор не находит у себя сил перечеркнуть сделанное им «на заре туманной юности» и переписать остальные тома в ключе «Витязя на распутье». За это он приносит читателям свои извинения.

В предлагаемой вниманию читателя книге нет общего историографического очерка. Уж очень много в нашей литературе писалось о тех, кто осмысливал ход объединительного процесса на Руси. Это, однако, не означает, что автор игнорирует сделанное учеными в течение последних двух с лишним столетий развития науки. Он отлично понимает, что его книга могла быть написана только как звено в цепи усилий многих поколений отечественных и зарубежных ученых, не жалевших сил в исследовании российской истории. Их творческому подвигу с сыновней благодарностью и посвящает своего «Витязя» автор.

Завещание Дмитрия Донского

27 февраля 1425 г. умер великий князь владимирский и московский Василий I Дмитриевич[1], оставив свой удел, «примыслы» и великое княжество единственному сыну Василию, которому еще не исполнилось и десяти лет (родился он 10 марта 1415 г.). Положение малолетнего великого князя на престоле было непрочным. Живы были его удельные дядья –Юрий, Андрей, Петр и Константин Дмитриевичи. Старший из них, Юрий Дмитриевич, сам претендовал на великое княжение. Князь Юрий считал, что порядок наследования не мог быть установлен Василием I, ибо он определялся духовной их отца – Дмитрия Донского. Юрий Дмитриевич полагал, что, согласно этому завещанию, после смерти Василия великокняжеский престол должен был наследовать именно он, князь Юрий, как старший в роде Ивана Калиты.

Однако вопрос был не таким простым, как это казалось князю Юрию.

Составляя в 1389 г. завещание, Дмитрий Донской писал в нем: «...благословляю сына своего Василия своею отчиною, великим княжением». Победа, одержанная на Куликовом поле, и успехи объединительного процесса сказались уже в том, что великий князь Дмитрий считал великое княжение «своею отчиною» и не передавал вопрос о его судьбе на усмотрение ордынских царей. Правда, о том, как строить отношения с Ордой, в случае если наследник умрет, он умалчивал. Всего не предусмотреть во время, чреватое всякими неожиданностями, да и нужно было верить в луч-

шее. Вот ведь сумел сам князь Дмитрий достичь многого. Может быть, с Божьей помощью и князь Василий (если тому даст Бог живота) достигнет не меньшего, а там и Всевышний, может быть, «переменит Орду», и все как-нибудь обойдется.

Но «на Бога надейся, а сам не плошай», – гласит мудрая пословица. Поэтому на всякий случай (чего не бывает в эти смутные времена) князь Дмитрий решил обеспечить судьбу своей семьи хотя бы за счет более или менее верного – удела, которым он сам владел «по старине», восходящей к порядкам его деда Ивана Калиты. Поэтому Дмитрий Донской писал: «А по грехом, отъимет Бог сына моего, князя Василья, а хто будет под тем сын мой, ино тому сыну моему княж Васильев удел, а того уделом поделит их моя княгини»[2]. У князя Дмитрия к тому времени кроме Василия было еще четверо сыновей – Юрий, Андрей, Петр и болезненный Иван. Вскоре после составления духовной появился на свет и Константин (16 мая 1389 г.). Так что ясности добился великий князь Дмитрий весьма относительной.

В самом деле, Дмитрий Донской писал о судьбе своего удела после возможной смерти старшего сына, Василия, но великое княжение не покрывалось этим понятием. Московский государь в противопоставлении своей воли обычному порядку, санкционированному Ордой, не решался пойти до конца. Он не исключал возможности того, что в чрезвычайных условиях (после смерти Василия) судьбами великокняжеского престола будут распоряжаться ордынские цари. Вместе с тем, говоря о переходе своего удела к следующему по старшинству сыну, он как бы осторожно внушал мысль, что и великое княжение должно перейти к нему. Итак, казалось бы, следующим (после Василия) наследником престола должен был стать князь Юрий.

Но в момент, когда великий князь Дмитрий Иванович составлял свое завещание, его старший сын, Василий, не был еще женат (свадьба его с Софьей Витовтовной состоялась только в 1391 г.), и о внуках говорить в духовной было преждевременно (первый сын у Василия, Юрий, родился лишь в 1395 г., но уже в 1400 г. умер). В конце правления Василия I положение дел было иным: у великого князя был малолетний сын Василий, и вопрос о престолонаследии, вроде бы решенный Дмитрием Донским, мог теперь быть пере-

смотрен. Да и само завещание великого князя Дмитрия Ивановича в сложившихся условиях давало возможность для его двоякой интерпретации.

Первая из них опиралась на формальное истолкование текста: наследником удела Василия I (а следовательно, и великокняжеского престола) должен стать следующий по старшинству брат умершего великого князя, т.е. Юрий Дмитриевич. Подобное престолонаследие в роду Ивана Калиты было. Отец Дмитрия Донского Иван Иванович стал великим князем после смерти своего старшего брата, Семена. Но то был особый случай – «черная смерть» унесла с собой и великого князя Семена, и его детей[3]. Проклятая неясность с наследованием сохранялась. Да и обладание великим княжением определялось тогда не столько традицией, сколько волей ордынского царя и раскладом сил на самой Руси.

Вторая интерпретация завещательного распоряжения Дмитрия Донского имела своими истоками новый порядок престолонаследия, только еще складывавшийся при Василии I. В первом своем завещании (1406 г.) Василий I говорил лишь о возможности перехода великого княжения к его сыну («А даст Бог сыну моему, князю Ивану, княженье великое держати»)[4]. Во втором (1419/20 г.) это княжение рассматривается как вотчина завещателя, наследие Дмитрия Донского («А сына своего, князя Василья, благословляю своею вотчиною, великим княженьем, чем мя благословил мои отець»)[5]. В третьем завещании (1423 г.) великий князь повторил первую из формул: «А даст Бог сыну моему великое княженье, ино и яз сына своего благословляю, князя Василья»[6]. Вопрос, следовательно, оставался неясным. Да и в практике княжеских отношений порядок наследования и соподчиненность князей трактовались по-разному. Так, в 1419 г., составляя духовную, Василий I «въсхоте подписати под сына своего Василья брата своего меншего Костянтина. Князь же Костянтин не восхоте сотворити воли его, и про то отня у него вотчину»[7]. Словом, семейный порядок престолонаследия прочных корней еще не имел.

Наконец, была еще проблема, которая волновала наследников Дмитрия Донского. Это – судьба выморочных владений. Старшему сыну, Василию, князь Дмитрий завещал Коломну, Юрию – Звенигород, Андрею – Можайск, Петру – Дмитров и Ивану, вскоре умерше-

му, – Раменейце. Москва должна была находиться в нераздельном владении первых четырех сыновей. Кроме того, как бы в компенсацию за передачу Василию великого княжения Юрий получил «деда куплю» (Калиты) Галич, Андрей – «деда куплю» Белоозеро, Петр – «куплю» Калиты Углич. Дмитрий Иванович учитывал, что у него мог родиться еще сын. Тогда его мать должна была наделить его землями, взяв их «по части» у братьев. Если же кто-либо из братьев умрет, то княгиня «поделит того уделом сынов моих»[8]. И действительно, у князя Дмитрия родился сын Константин. Согласно завещанию Василия I 1406 г., ему уже принадлежали Тошна (ранее была у брата Петра) и Устюжна[9]. Позднее великий князь «за непослушание» отнял у князя Константина его удел, и он стал как бы князем-изгоем.

Смерть Василия I вскрыла противоречия между членами великокняжеской семьи, а если говорить точнее – внутри всего «гнезда Ивана Калиты». Спор шел и о судьбе великокняжеского престола, и о наследовании (после мора 1425–1427 гг.) выморочных земель. Чтобы понять соотношение сил, боровшихся в Северо-Восточной Руси, нужно представить себе политическую структуру в этих землях в начале 1425 г.

С 27 февраля 1425 г. в руках у малолетнего Василия II находилось не только Московское княжество, но и Великое княжество Владимирское, что давало ему (точнее, его опекунам) большую власть над всеми другими уделами, а частично и над независимыми княжествами.

Права Василия Васильевича на великое княжение оспаривал его старший дядя – князь Юрий Дмитриевич. К тому же владения Василия Васильевича по экономическому, политическому строю и своим судьбам были весьма различными, и далеко не всегда их влиятельные землевладельцы и купечество сочувствовали крутой объединительной политике московских князей.

Столица княжества Василия II – Москва располагалась на возвышенном мысу, образованном рекой Москвой и ее небольшим притоком – Неглинной. Основу Москвы составлял белокаменный Кремль, сооруженный в 1367 г. Дмитрием Донским и с тех пор порядком обветшавший. Только два-три города помимо Москвы могли похвастать своими каменными укреплениями (в их числе Нижний Новгород). Кремль был застроен собора-

ми, великокняжеским дворцом и дворами феодальной аристократии (как духовной, так и светской).

За Кремлем лежал посад, населенный ремесленниками и торговцами. Радиально исходившие из Москвы дороги соединяли город с важнейшими центрами Заречья (Замоскворечья). Дороги шли на юг: Ордынка – в Большую Орду, а позднейшие Серпуховка и Большая Якиманка – в Серпухов, на Коломну и Калугу.

Речные пути (по Клязьме и Оке) вели к главной речной магистрали страны – Волге, но дальнейшее продвижение караванов московских судов находилось под контролем Нижнего Новгорода. Этим, в частности, объяснялось настойчивое стремление московских князей овладеть Нижегородским княжеством.

Итальянский путешественник Амброзио Контарини, побывавший в Москве в 1476 г., писал, что «город Московия расположен на небольшом холме; он весь деревянный, как замок, так и остальной город». Край, в котором находилась Москва, «чрезвычайно богат всякими хлебными злаками... [Русские] продают огромное количество коровьего и свиного мяса... Нет... никаких плодов, бывают лишь огурцы, лесные орехи, дикие яблоки»[10].

Московский край (по среднему течению Москвы и по Клязьме) давно уже был освоен. Именно здесь (как и в Переславле, Дмитрове, Коломне) со времен Ивана Калиты располагались старинные владения бояр и их размножившихся потомков. Тут земли были у князей Патрикеевых[11], у видных бояр Добрынских (в частности, П.К. Добрынский владел мельницей в устье Сетуни[12]), у Бутурлиных[13], Мининых[14] и многих других. Топонимические данные говорят о владениях в Подмосковье Белеутовых, Валуевых, Воронцовых, Квашниных, Свибловых, Серкизовых (Старковых) и других боярских семей[15].

Владение самой Москвой основывалось на завещании Ивана Калиты, который «приказал» ее трем своим сыновьям: Семену, Ивану и Андрею[16]. Речь шла о суде и получении доходов, в том числе пошлин. Калита заложил основы «третного» владения столицей, сохранявшиеся и в XV в.

В состав Московского княжества издавна входил Коломенский «уезд» (по нижнему течению Москвы). Сам город Коломна, расположенный при впадении в Москву речушки Коломенки, неподалеку от впадения реки

Москвы в Оку, преграждал путь ордынцам через Оку к столице Московского княжества. Он обычно бывал сборным пунктом русских войск («на берегу»), выступавших против татар, и вместе с тем открывал москвичам дорогу на Оку и Волгу с заманчивыми торговыми перспективами. Транзитное значение Коломны в торговле Центра страны с Востоком и в сношениях с Ордой определилось давно. В городе постепенно складывался значительный посад с развитым кузнечным и литейным производством. Итальянец Контарини в 70-х годах XV в. писал об укреплениях Коломны и ее мосте через реку[17]. Центром Коломны был Воскресенский собор. Коломну «с волостми и путми» Василий I завещал своему сыну – наследнику престола Василию в 1423 г.[18] Она – нераздельное владение московского князя (его «удел»), тогда как сама Москва находилась в управлении князей всего «гнезда Калиты».

Из числа «примыслов» Василий I завещал своему сыну Муром. Муромская земля лежала южнее Владимирщины, примыкая на западе к Москве и Коломне, на юге – к Рязани и Мещере, на северо-востоке – к Нижегородскому княжеству. Ее центр – город Муром располагался на левом берегу Оки, в лесном краю, изобиловавшем, по словам имперского дипломата 10–20-х годов XVI в. Сигизмунда Герберштейна, «звериными мехами, медом и рыбой»[19]. До конца XIV в. Муром входил в Рязанское княжество. Следы этого сохранились в церковном подчинении Рязани и Мурома одной епархии – Рязано-Муромской. В Муроме находился старинный Борисоглебский монастырь.

Нерехту «и с варницами» Василий I завещал своей жене Софье Витовтовне[20]. Нерехта находилась при впадении одноименной реки в речку Солоницу, ведшую к Великой Соли. Это был юго-запад Костромского края, один из крупнейших центров солеварения на Руси. Нерехта интенсивно заселялась духовными и светскими землевладельцами. Уже сподвижник митрополита Алексея Пахомий (умер в 1384 г.) основал близ реки Солоницы Нерехтский монастырь[21]. Селами на Нерехте (еще до 1438 г.) владел видный московский боярин Захарий Иванович Кошкин. Одно из своих сел он передал Троицкому монастырю «с серебром, и с хлебом, и с животиною, да и варницю... у Нерехотьские Соли и з двором с варничным»[22]. Троицкий монастырь владел на Нерехте и другими варницами. Мо-

настырские солевары не только варили соль, но и ездили ее продавать. Летом такие поездки совершались дважды (вверх и вниз по Волге), зимой ездили на 50 возах по всем городам[23]. На Нерехте были варницы и у митрополии[24].

Город Ржева находился на литовском рубеже на реке Сижке, против тверского пограничного города Опоки. По словам современника, городок Ржева был «мал, но тверд и... приправы градские на нем велми много»[25]. Вымененная Василием I у князя Владимира Андреевича Ржева в дальнейшем стала объектом напряженной борьбы между русскими князьями. Претендовал на Ржеву и великий князь литовский.

Значительная часть земель Северо-Восточной Руси считалась владением того князя, который обладал ярлыком на великое княжение. В изучаемое время этим князем был Василий II. «Короне» принадлежал прежде всего старинный город Владимир-на-Клязьме (ведь и великое княжение считалось номинально Владимирским). Он находился в центре давно обжитого земледельческого района. По Клязьме (через Стародуб) путь из Владимира шел к Нижнему Новгороду и на Волгу. Другой путь связывал его с Муромом. Знакомый нам уже Герберштейн писал (правда, со значительным преувеличением) о высоком урожае во Владимирском крае, достигавшем якобы сам-20 и даже сам-30[26]. У реки Уводи находились соляные варницы. Сами реки были богаты рыбой. По берегам рек в бортных лесах жители собирали мед и воск. Частично эти леса входили в «чашнич путь», обслуживавший великокняжеские пиры[27]. Военно-стратегической роли в изучаемое время Владимир не играл[28]. Исподволь, путем «примыслов» и «прикупов», московские князья закрепляли Владимирщину за собой. Так, великая княгиня Софья Витовтовна приобрела во Владимирском крае несколько крупных сел (в том числе Григорьевское Олферьево и др.)[29].

«Короне» принадлежала и Кострома, лесистый равнинный край по одноименной реке. Центр края – Кострома построена была на левом берегу Волги, при впадении в нее реки Костромы. Это был значительный торгово-ремесленный город. В Костроме находился и двор Троицкого монастыря (как бы перевалочный пункт на путях за солью в Соль Галичскую)[30]. Город лежал на путях, ведших из Центра страны на Север: велико-

княжеская Волга – приток Костромы Векса – удельный Галич. Водным путем через Кострому можно было добраться также до Углича и Белоозера. По Волге Кострома связана была и с Ордой. Этим во многом определялась колеблющаяся позиция Костромы в смуту второй четверти XV в. Московские князья стремились всячески удержать город в своих руках, ибо он представлял собой как бы ключ к дверям Галицкого княжества и вместе с тем необходимое звено, связывавшее Москву с Вологдой и Устюгом. Но сама Кострома на первом этапе смуты была враждебно настроена к Василию II.

Большое значение в жизни Костромского края имел Ипатьев монастырь, основанный еще в XIV в. С ним тесно связаны были крупные костромские землевладельцы Сабуровы[31]. Ученик Сергия Радонежского Павел (умер в 1438 г.) основал монастырь на реке Нурме в северной волости Обноре. По соседству с ним Сергий основал Нуромский монастырь[32].

В состав земель «великого княжества» входил и Переславский край, раскинувшийся на водоразделе между левыми притоками Клязьмы и правыми притоками Волги. В центре края простиралось одно из самых больших озер Средней Руси – Переславское (Плещеево). Здесь вырос город Переславль (Переяславль)-Залесский. Водные пути из озера по Нерли вели в Волгу. Через Переславль шли дороги на Ярославль, Кострому, Нижний Новгород, а с Углича – на Белоозеро[33]. Район был богат хлебом, рыбой и солью[34]. В соседней с городом Соли Переславской Троицкий монастырь владел двумя дворами и варницами[35]. О знаменитой переславской сельди писал Герберштейн[36].

В Переславском крае издавна селились князья Патрикеевы, Всеволож-Заболоцкие, Кошкины [37], Замытские, Плещеевы, принадлежавшие к цвету московской знати [38]. Самый богатый переславский монастырь – Горицкий – упоминается уже в начале XIV в. В трех верстах от Переславля располагался Никитский монастырь. Находившийся на полпути от Москвы до Переславля Троицкий монастырь позаботился приобрести в Переславле два двора («внутри городе» и «на посаде за рекою») [39].

Центр небольшого хлебородного оазиса (ополья) в междуречье Оки и Волги – Юрьев Польский был зажат между старинными русскими княжествами (Ростовским,

Владимирским, Суздальским и Переславским), утратившими свою независимость (Владимир и Переславль) или влияние на ход общерусских дел (Суздаль и Ростов).

В совместном владении Великого Новгорода и великих князей московских находились новгородские волости Бежецкий Верх, Волок на Ламе, Вологда, Торжок и Пермь.

Старинная новгородская волость «Бежичи» (Бежецкий Верх) располагалась на возвышенном плато, которое с севера и юга огибалось течениями притоков Волги – Мологи и Медведицы. Край был плодородным и издавна славился развитым земледелием. Центром волости был Бежецк (Городецк). Проникновение московских князей в эту новгородскую волость, управлявшуюся их наместниками совместно с новгородскими посадниками [40], началось исподволь по старинному образцу (путем всякого рода «примыслов»). Так, Василий I уже в 1423 г. завещал своей жене Софье «примысел» – волость Кистьму в Бежецком Верхе [41].

Новгородская волость Вологда простиралась по верхнему течению Сухоны от Кубенского озера на западе. Это был важный речной путь. Он вел на Устюг, а оттуда по Двине – в Поморье. Перебравшись через волок, из Вологды можно было добраться и до реки Шексны, а по ней – на Белоозеро. На юг от Вологды находилась великокняжеская Кострома. Поэтому понятна особая заинтересованность Москвы в обладании Вологдой. Управляли здесь совместно наместники московские и посадники новгородские [42].

Вологда была городом с развитыми промыслами и торговлей. Ее богатство составляли северные меха. В Тотьме на Сухоне между Вологдой и Устюгом варили соль. С товарами, поступавшими из центральных русских районов, вологжане ездили на Устюг и Двину. Через Вологду на Двину в караванах, состоявших из 11 лодей, плыли, преодолевая волок, старцы Троицкого монастыря [43]. В Вологде находился и двор Кирилло-Белозерского монастыря [44].

Проникновение Москвы в Вологодский край относится к началу здесь широкой монастырской колонизации. Первый в этом крае общежительный (Прилуцкий) монастырь основал в 5 верстах от Вологды ученик Сергия Радонежского Дмитрий (умер в 1391 г.) [45]. Московские князья действовали, используя право завещать

свои «прикупы» и «примыслы» своим женам. Так, Василий I в 1423 г. завещал своей жене Софье волость Ухтюжку, Брюховскую слободку и села Федора Свибла на Вологде и в Тошне [46]

К числу новгородских волостей принадлежал и Волок на Ламе (Волоколамск). Он находился на водоразделе между бассейном Оки и Новгородской землей. С древности через Волок шел путь из Новгорода в верховья Волги. Волоколамские церкви Николы Мокрого (покровителя путешественников) и Николы Гостунского (покровителя купцов, торговавших льном) говорили о торговом значении города. Через Волок, в частности, шло снабжение Новгорода хлебом. Волок имел для Новгорода, как и другие его волости на юге, и оборонительное значение. Поэтому он находился в совместном владении с князьями, приглашавшимися в Новгород для защиты его рубежей от тех, кто с завистью взирал на процветающую, богатую Новгородскую землю. Половина Волока управлялась слугами князя, другая половина – новгородскими тиунами.

Еще в конце XIV в. московские князья пытались освоить Волок, присоединить его к своим владениям. Тогда это сделать им не удалось.

Как и Волоколамск, транзитное и вместе с тем оборонительное значение для Новгорода имел Торжок (на реке Тверце). Через него шел торговый путь («новоторжский путь»), связывавший Новгород с Тверью (через Торжок она связывалась с Вышним Волочком, а далее по реке Мсте с Новгородом). Это объясняет, почему Торжок в изучаемое время был объектом постоянной экспансии Тверского великого княжества. Управлялся Торжок великокняжескими и новгородскими тиунами (каждый, как на Волоке, ведал своей стороной) [47].

Пермская земля со своим центром Чердынью (Великая Пермь) располагалась на реке Вишере, притоке Камы [48]. По Вишере путь шел на Устюг и Вологду [49].

Территорию по рекам Вычегде и Выми, тесно связанную с Пермью, населял народ коми. Здесь уже к середине XV в. сложились отдельные земли – Вычегодская, Вымская и Сысола (по реке Сысоле) [50]. Центром края был Усть-Вым [51]. Население всех этих земель занималось преимущественно добычей пушнины и рыболовством. Почва здесь была скудная.

Опорным пунктом для продвижения московских кня-

зей в пермские земли стал Устюг. Вклинившись во владения новгородцев, он препятствовал их продвижению с Сухоны на Вычегду. Деятельность Стефана Пермского (конец XIV в.) привела к распространению, хотя еще незначительному, православия в этих землях. Созданная вскоре Пермская епархия стала мощным орудием московской администрации в Перми. Пермская земля, входившая в сферу влияния Москвы, постоянно находилась в состоянии вражды с Вяткой.

Второму по старшинству сыну, Юрию, Дмитрий Донской завещал Звенигород, Рузу и «куплю» Ивана Калиты Галич. Позднее князь Юрий стал владельцем далекой, но богатой Вятки.

Звенигород и Руза с «тянувшими» к ним землями находились между Москвой и Можайском. Защищенный деревянно-земляным укреплением Звенигород стоял на крутом левобережье реки Москвы. Дорога от этого естественного стража столицы великого княжества вела не только в Москву, но и в удельный Можайск, а далее в Литву. Этим положением города во многом объяснялись тесные звенигородско-можайские связи.

Обширный Галичский край включал в свои пределы земли по левым притокам Волги – Унже и Костроме, а также в бассейне Верхней и Средней Ветлуги. На берегу Галичского озера, дающего истоки реке Вексе (приток Костромы), располагался сам Галич, а к северо-востоку от него – другой крупный город, Чухлома (также на озере). Коротким, но трудным путем Галич связан был с Вяткой [52].

Галичский край был малообжитым, болотистым и лесистым. Для земледелия почва там была неважной, но условия для животноводства имелись. Интенсивно развивались в Галицкой земле промыслы. Были в Галиче свои пушки (1450 г.). Соль Галичская (в верховьях Костромы) славилась как крупнейший центр производства соли. Поэтому в ней стремились обосноваться и светская знать, и крупнейшие монастыри, которым варка и продажа соли могли доставить значительные денежные средства. Среди боярских солеваров в Соли владел варницами фаворит князя Юрия Дмитриевича Семен Федорович Морозов [53]. В 30–40-х годах XV в. Троицкий монастырь владел там тремя варницами [54], а Симонов – двумя [55]. В завещании князя Юрия Дмитриевича (1432/33 г.) Галич упоминался «с станы городскими, и со всеми волостми, и Солью с варницами, и

с серебром, что на людех, опричь церковных варниць»[56].

Галицкая земля была местом беспокойным из-за соседства «черемис» и набегов татар. Когда-то здесь обитало племя меря, давшее название самому Галичу («Галич Мерьский»). В Звенигороде, входившем в один удел с Галичем, также когда-то жила меря[57].

В XIV в. монастыри в Галицкой земле, в том числе Спасский в Галиче, не были сколько-нибудь значительными. Воскресенский в Соли Галичской в конце XIV в. разгромили «инородцы». Авраамий (умер в 1375 г.) основал пустыньку на озере Чухломе. В 1415 г. у железных рудников Железного Борока (в 30 верстах от Галича) инок Яков основал Железноборовский Предтеченский монастырь. На земле галицкого боярина Ивана Овина и его внука Дмитрия Ивановича некий инок Паисий основал Галицкий монастырь[58]. Согласно житию Паисия, этот монастырь пользовался покровительством князя Дмитрия Юрьевича Красного. По смерти князя Паисий отправился к Василию II, у которого «исхлопотал» льготную грамоту для монастыря[59].

Галич был хорошо укрепленным городом. Его крепость Верхнее городище стояла на горе («Столбище»), с боков прикрыта была оврагами, а с юга и востока – валом (до 4 м) и рвом. Предание считает ее городом Шемяки[60]. К озеру примыкало древнейшее Нижнее городище (XII в.). Южнее Нижнего и Верхнего городищ, в петле реки Кешмы, впадающей в озеро, располагалась самая большая крепость Галича (возможно, более поздняя, чем первые две). Посад в Галиче находился «на Подоле у озера»[61]. Там же была соборная Спасо-Преображенская церковь.

Руза находилась на гористом мысу между реками Рузой и Городенкой. В духовной Дмитрия Донского «Руза городок» упоминается в числе звенигородских волостей, завещанных великим князем сыну Юрию[62]. Около 1432–1433 гг. князь Юрий Дмитриевич завещал Рузу своему второму по старшинству сыну – Дмитрию Шемяке. В этом завещании Руза впервые названа городом, к которому уже «тянут» волости («с волостми, и с тамгою, и с мыты, и з бортью, и с селы, и со всеми пошлинами»)[63]. Очевидно, тогда Руза переживала время экономического подъема.

Пожалованная Юрию Дмитриевичу Василием I Вятская земля[64] сохраняла не только своеобразный

строй жизни, но и фактически независимое положение и была скорее союзником галицких князей, чем одним из их владений.

Вятская земля простиралась по реке Вятке (притоку Камы) с притоком Чепцой. Край изобиловал плодородными почвами, но был окружен труднопроходимыми лесами. Отдаленность Вятки от центральных районов страны делала ее убежищем для беглых холопов[65]. Кроме русских здесь обитали удмурты (вотяки), мари. Следы язычества (в том числе многоженство) в крае были значительными[66].

Свободных земель на Вятке было предостаточно. Население края занималось добычей пушнины, бортным промыслом и рыболовством[67]. Пушнину вятчане везли через Новгород на европейские рынки.

Центром края был город Вятка (Хлынов). Кроме него известны на Вятке городки Котельнич и Орлов[68]. Были на Вятке волости, погосты и села. Короткий, но трудный путь связывал Вятку с Галичем. Он был опасен тем, что проходил по землям, населенным черемисами. Длинный, но безопасный путь шел через Вологду и Устюг[69].

Государственный строй Вятской земли был близок к новгородскому, но имел и специфику. На Вятке были свои бояре, «житьи люди» и купцы, но влияние боярства здесь сказывалось несравненно меньше, чем в Новгороде. Вяткой управляли «земские воеводы». Вооруженная сила находилась в распоряжении «ватаманов», администрация – у «подвойских»[70].

Своему четвертому по старшинству сыну, Петру, Дмитрий Донской завещал города Дмитров и Углич. Последний Василий I выменял позже на Ржеву[71].

Небольшой, но важный в стратегическом отношении Дмитровский удел находился в центре густозаселенного района, а сам город Дмитров – на берегу Яхромы, впадающей в Сестру (приток Дубны, впадающей в Волгу)[72]. Построенный на болотистом холме, Дмитров был защищен рвами и крепостным валом. Город как бы прикрывал Москву с северо-запада и вместе с тем связан был с волжским путем и через систему рек – с Белоозером. Его посадский люд занимался средневековыми ремеслами, в том числе гончарным производством и металлургией. В начале XVI в. Герберштейн подметил богатство дмитровских купцов, которые «без особого труда ввозят из Каспийского моря по Волге то-

вары по различным направлениям [и даже в самую Москву]»[73].

В Белоозере имел свой двор Кирилло-Белозерский монастырь[74]. Владели дворами в Дмитрове и селами в его волостях и станах и другие крупнейшие монастыри, в том числе Симонов[75], Кириллов[76] и Троице-Сергиев[77]. Выходец из Троицкого монастыря Мефодий (умер в 1392 г.) основал на берегу реки Яхромы у устья Песноши Песношский монастырь, пользовавшийся покровительством удельного дмитровского князя Петра[78].

В Дмитровском крае землями владел цвет московской знати: князья Оболенские, князья Патрикеевы, Воронцовы, Заболоцкие, Кутузовы, Морозовы, Сабуровы, Старковы, Ховрины.

Еще во времена Дмитрия Донского Дмитров составлял единое целое с Галичем. В докончании великого князя с серпуховским князем Владимиром Андреевичем 1371 г. упоминаются данные этому князю «удел Галич, Дмитров с волостьми»[79], который позднее был забран Дмитрием Ивановичем. Связью Дмитрова с Галичем отчасти и объясняются претензии князя Юрия Дмитриевича на Дмитров.

Угличский удел был зажат между Кашинским уделом Тверского великого княжества, Бежецким Верхом, Ярославлем и московскими землями. Углич (на Волге) принадлежал к числу крупнейших городов Заволжья. Через него пути вели в Ярославль, Нижний Новгород и Орду. Из Москвы зимой шел через Углич путь на Белоозеро. Дороги шли также во Владимир, Суздаль и Переславль. Население занималось земледелием, скотоводством, рыбной ловлей, разведением бобров, а горожане также ремеслом и торговлей.

Удел третьего по старшинству сына Дмитрия Донского, Андрея, составляли города Можайск, Калуга, Верея и Белоозеро. Можайский удел (не считая Белоозера) находился на литовско-русском порубежье. Его столица – Можайск (при впадении Можайки в Москву) был как бы бастионом, прикрывавшим Москву с запада. Город был торговый и ремесленный. Пути шли через Можайск из Смоленска на Москву и из Новгорода и Твери на юг. По волоку в верховьях Протвы спускались в Оку. Под Можайском находились мельницы[80]. В лесах водился зверь, на которого позднее устраивалась княжеская охота[81].

В центре можайского кремля находился собор Николы, построенный в конце XIV – начале XV в. Строительство Никольского собора (равно как и Иоакима и Анны) связывается с именем князя Андрея Дмитриевича[82]. В 1408 г. при содействии князя Андрея под городом заложен был Лужецкий монастырь иноком Ферапонтом (умер в 1426 г.), основателем Ферапонтова монастыря на Белоозере[83].

Небольшое, но стратегически и экономически важное княжество было зажато со всех сторон сильными соперниками, между которыми приходилось все время делать выбор можайским князьям.

Калуга находилась в лесистом и болотистом крае на левобережье Оки, ниже впадения в нее Угры (первоначально – при устье реки Каменки). Городок был небольшой, но с оживленной торгово-ремесленной жизнью, в частности с развитым деревообделочным промыслом[84]. Калуга входила в удел князя Андрея Дмитриевича (до смерти его в июне 1432 г.), как можайская волость.

Белозерский край, центром которого было Белоозеро с вытекающей из него рекой Шексной, когда-то заселяло племя весь. Остатки этого ассимилированного народа жили там даже в начале XVI в. Герберштейн писал, что «у жителей тех мест свой язык, хотя ныне почти все говорят по-русски»[85].

Богатство этого лесистого и болотистого края состояло в первоклассной рыбе[86], в соляных источниках, а также в болотной железной руде[87]. На Белоозере начинались пути, ведшие на юг – к Твери, Дмитрову и Москве. Волок (Словенский волочок) связывал его с Сухоной. Из Москвы добирались до Белоозера зимой через Углич, а летом через Ярославль[88].

Еще в 1397 г. инок Симонова монастыря Кирилл, родственник московского окольничего Тимофея Васильевича (из рода Протасьевичей), основал на Белоозере монастырь (Кириллов), ставший там цитаделью московского влияния. Другой постриженник Симонова монастыря, Ферапонт, основывает монастырь (Ферапонтов) в 15 верстах от Кириллова[89]. В устье Шексны находился Усть-Шехонский монастырь.

Ранняя история Белозерского княжества обстоятельно изучена А.И. Копаневым, и нам остается лишь суммировать итоги его исследования[90].

Белоозеро входило в половину Ростовского княжества, доставшуюся князю Константину Васильевичу. Дочь Ивана Калиты Настасья, выданная замуж за князя Василия Васильевича Ярославского, купила у своей сестры Феодосии (вдовы князя Федора Романовича Белозерского, погибшего в 1380 г.) и у ее сыновей Федора и Романа ее вотчину на Белоозере. По завещанию Дмитрия Донского Белоозеро считалось «куплей» Ивана Калиты[91].

Князья Белозерские, по родословию их потомков Монастыревых, происходили от меньшого брата князя Федора Святославича Смоленского, Юрия.

Уже в XIV – начале XV в. Белоозеро быстро распадалось на уделы. Так, его нагорная, Зашекснинская половина (Сугорье), удел князей Сугорских, входила в состав пяти уделов, в том числе Сугорского, Шелешпанского, Карголомского, Кемского и Ухтомского. Дмитрий Донской завещал Белоозеро сыну Андрею[92]. После его смерти (в июне 1432 г.[93]) Белоозеро получил его младший сын, князь Михаил, женатый на дочери серпуховского князя Ярослава Владимировича. На второй дочери князя, Марии, женат был Василий II[94]. Этим определялась во многом та поддержка, которую оказывал великому князю его свояк с Белоозера.

По духовной грамоте 1423 г. Василий I завещал на Белоозере слободку князя Василия Семеновича своей жене[95]. Права князя Михаила на Белоозеро признал Василий II в своем докончании с Иваном и Михаилом Андреевичами 1433 г.[96]

В церковном отношении Белоозеро подчинялось Ростовской епархии (след древней связи Белоозера с Ростовом). Так, в частности, было около 1455–1462 гг.[97]

Верея располагалась на высоком мысу в излучине реки Протвы. Город укреплен был деревянно-земляным валом. Возник он сравнительно недавно: еще в 1389 г. Верея считалась «отъездной волостью», а в 1402 г. – «городком»[98]. В Верее существовало налаженное ремесленное производство. Во время раскопок там обнаружены остатки изделий гончаров и специалистов железоделательного ремесла.

Верея входила в удел можайского князя Андрея Дмитриевича, а после его смерти перешла к его младшему сыну, Михаилу.

Такова была сложная система распределения земель между наследниками Дмитрия Донского, определявшаяся в основном последним завещанием этого великого князя.

Дети князя Владимира Андреевича Серпуховского владели по завещанию своего отца (около 1408 г.) Серпуховом, Боровском, Радонежем, Угличем, Городцом на Волге.

Серпухов построен был на Оке у устья реки Серпейки, в центре земледельческого района. Дубовый кремль города заложил князь Владимир Андреевич в 1374 г.[99] Под городом основан был Высоцкий монастырь. Район Серпухова богат был железной рудой. Она добывалась там, как писал Герберштейн, «прямо на ровном месте»[100].

Около 1408 г. князь Владимир завещал Серпухов своему старшему сыну Ивану («с тамгою, и с мыты, и с селы, и з бортью, и со всеми пошлинами»). К нему уже «тянуло» несколько волостей и слободок. В «выход» с Серпухова и всего удела князь Иван должен был платить 48 с половиной руб., тогда как с Боровска, второго по размеру города князя Владимира, шло 33 руб.[101] После ранней смерти князя Ивана Владимировича и его братьев Серпухов перешел к его племяннику Василию Ярославичу. Осенью 1432 г. принадлежность Серпухова князю Василию Ярославичу была санкционирована Василием II[102].

На реке Протве, на высоком мысу между двумя оврагами, находился город Боровск. Около 1408 г. князь Владимир Андреевич завещал его своему второму по старшинству сыну, Семену[103]. После смерти князя Семена (в 1425 г.) Боровск унаследовал его племянник Василий Ярославич. По докончанию, составленному с ним Василием II осенью 1432 г. (после выхода великого князя из Орды), владение Боровском великокняжеского шурина было санкционировано Василием Васильевичем[104].

Василию Ярославичу принадлежал также городок Радонеж, построенный в излучине реки Пажи (приток Вори, впадающей в Клязьму). Небольшую крепость (площадью около 4 га) защищал земляной вал. Посадский люд городка занимался промыслами и ремеслами, в том числе гончарным производством. В 1337 г. неподалеку от Радонежа основан был монастырь, получивший название Троицкого (позднее Троице-Сергиев).

Этот монастырь стал самым влиятельным в Северо-Восточной Руси.

К северу от Нижнего Новгорода находился Городец (на левобережье Волги). У «Соли на Городце» располагались «городецкие варницы»[105]. Городок был торгово-ремесленный. Значительную сумму, шедшую с него в княжескую казну, составляли «мыт», «тамга» и другие «пошлины». Уже в начале XV в. «в новогородцской (нижегородский. – *А.З.*) выход» с Городца и городецких волостей поступало 160 руб. (в общую сумму –1500 руб.)[106]. К Городцу «тянул» Юрьевец (на Волге).

В пределах Великого княжества Владимирского и Московского находились полузависимые от него небольшие княжества. Так, половина (Борисоглебская) Ростова принадлежала московским князьям, а другая половина (Стретенская) – измельчавшим ростовским княжатам. Еще в XIV в. Ростовское княжество, по наблюдению В.А. Кучкина, занимало кроме своих северных территорий «довольно скромное пространство от верховьев р. Устьи на западе до верховьев р. Лахости на востоке и от верхнего течения р. Нерли Клязьминской на юге до верховьев р. Мокзы на севере»[107].

Старинный русский город Ростов располагался на берегу Ростовского озера (Неро). Через Ростов проходил путь из Москвы на Кострому и Волгу. По Которосли можно было попасть через волоки в Ярославль и на Белоозеро. Соль Ростовская обеспечивала солью не только ближайшие окрестности города[108]. Рыбу ловили в озере и реках, вытекавших из него[109]. Ростов был центром епархии и поддерживал тесные связи с митрополией. В Ростове находилась и митрополичья слободка (позднее волость) Караш[110].

Издавна «тянул» к Ростову Великий Устюг. Он находился на левом берегу Сухоны при ее слиянии с рекой Югом. Отсюда путь лежал на север – в далекую Двинскую землю и на юг – в центр Руси. Связан был Устюг также с Галичем, Заозерьем, Вологдой и Усть-Вымом. С Устюга на юг везли меха[111] и транзитом с Двины соль. Сюда поступал столь необходимый хлеб, ибо земледелие на Устюге не было развито. Народ жил там разноязычный[112]. Колонизован край был недавно, с XIV в.

Первоначально город Устюг построен был на верши-

не горы Гледен у устья реки Юга и назывался Гледен. Его центром стал Гледенский Троицкий монастырь.

Устюг в княжеских докончаниях не упоминается, ибо не считался ни личным владением московских князей, ни удельным городом. Но Москва уже давно пыталась там закрепиться. Средства для этой цели были испытанные – «примыслы» и покупка земли боярами и князьями. Так, Василий I по своему завещанию передавал устюжские села боярина Федора Свибла своей жене Софье Витовтовне[113].

Несмотря на то что в 1423 г. Василий Дмитриевич завещал Нижний Новгород своему сыну, за нижегородские и суздальские земли еще долгие годы велась упорная борьба. В ней принимали участие как потомки суздальско-нижегородских князей, так и князья, боровшиеся за великое княжение.

Нижегородский край был землей, где изобиловали «лесы бортныа, реки бобровыа»[114]. Нижний Новгород являлся одним из крупнейших городов Руси XV столетия. Находясь в лесном краю на холмистом правом берегу Волги при впадении в нее Оки, он представлял собой как бы ключ к центральным районам Северо-Восточной Руси. Для русских купцов Нижний Новгород был воротами на Среднюю и Нижнюю Волгу, ведшими в сказочные страны Востока, а также и в грозную Орду. На левобережье Волги (на Луговой стороне) жили мари, правобережье (Горную сторону) наряду с русскими населяли чуваши и мордва[115].

Старейшими и влиятельнейшими монастырями в Нижнем Новгороде были Благовещенский и Печерский. Постриженник Печерского монастыря Макарий основал пустыньку на реке Лухе, ставшую потом Богоявленским монастырем, и монастырь на озере Желтые Воды. В 1439 г., во время набега Улу-Мухаммеда на Нижний Новгород, Макарий, по словам его жизнеописателя, попал в плен, а Желтоводский монастырь был разрушен. После освобождения из плена он основал на берегу Унжи, в 15 верстах от Нижнего, новый монастырь[116].

Старинный русский город Суздаль когда-то был столицей Суздальского княжества. В изучаемое время он все больше и больше терял свое значение. Еще в XIV в. он уступил место столицы Нижнему Новгороду. Заселен был край неравномерно. Сам Суздаль находился в центре хлебородного оазиса. Здесь проживала и

основная масса населения края[117]. Позиция суздальско-нижегородских князей в ходе смуты 20–50-х годов XV в. определялась целым комплексом разнообразных причин. Так, родство с Василием II князя Александра Ивановича Брюхатого (женатого на его сестре) имело немаловажное значение для 20-х – начала 30-х годов, равно как и тяга Шуйских к Дмитрию Шемяке в середине 40-х годов.

Не менее сложную картину борьбы различных страстей в среде княжат представлял собой Ярославский край. Ярославское княжество еще в XIV в. находилось в пределах территории, отграниченной реками Волгой и Малой Пушмой (на западе) и междуречьем рек Касти и Соти (на востоке), а также средним течением рек Которосли и Туношны (на юге) и верховьями реки Ухры (на севере). Ярославским князьям принадлежали также на северо-западе кубенские и заозерские земли[118].

Ярославль, крупнейший город Заволжья, был центром земледельческого района. Особое значение в экономике этого края играли Волжский путь и река Которосль, связывавшая его с Ростовом. В 9 верстах от Ярославля находился влиятельный Толгский монастырь, а в самом городе – Спасо-Преображенский[119].

Были на Руси еще два великих княжества – Тверское и Рязанское. Великое княжество Тверское занимало выгодное географическое положение. Оно протянулось длинной полосой вдоль верхнего течения Волги с ее притоками Тверцой, Шошей, Медведицей, Дубной и др. Этот лесной и болотистый край благодаря удобному расположению сухопутных и речных путей стал центром развитой торговли, преимущественно транзитной. Тверь связывала Новгород с Югом, Смоленск и Литву – с русским Центром и Востоком. С севера и северо-запада Тверь соседствовала с Новгородом и его волостями (Торжком и Бежецким Верхом), на юго-западе граничила с Великим княжеством Литовским, на юге – с новгородской волостью Волоком на Ламе, Рузой и Дмитровом, а на востоке – с Великим княжеством Московским и Угличем. Находясь в окружении могущественных соседей, Тверь давно уже была лишена возможности расширять свои пределы и даже сферы своего влияния, а потому была крайне заинтересована как в сохранении с ними добрых отношений, так и в равновесии противоборствовавших сил. Балансируя между сильными соперниками, она могла еще надеяться

на сохранение своей независимости. Отдаленность от Орды способствовала налаживанию в Тверском княжестве мирной жизни.

«Дорогой жизни» для Твери была Волга, которая манила тверских купцов в сказочно богатые, по их представлениям, страны Востока. «Хожению за три моря» Афанасия Никитина (1466–1472 гг.), начавшемуся путешествием по Волге, должны были предшествовать поездки торговых караванов тверских гостей по Волге на Ближний Восток.

Тверская земля – край с развитой городской жизнью. В Великом княжестве Тверском было несколько крупных городов. В первую очередь это сама Тверь, построенная на мысу у реки Тмаки. Ее центром был Спасский собор с расположенным рядом княжеским дворцом и епископскими палатами. Город был укреплен прочными дубовыми стенами, а также валами и рвами. Масса посадского люда жила в Затмачье и Заволжье. В этом богатом городе находились «многы домы с товаром»[120]. О развитии ремесла в Твери говорит и то, что она славилась своими пушками[121]. Польский хронист начала XVI в. Матвей Меховский писал, что в Твери было 160 деревянных церквей. На войну из Твери выходило якобы 40 000 вооруженных воинов[122].

Вторым по значению городом в Тверской земле был Кашин (на реке Кашинке, впадающей в Волгу) – центр особого удельного княжества, тяготевшего к Москве. Он находился почти на самом восточном рубеже княжества, на скрещении сухопутных дорог, ведших в Тверь, Бежецкий Верх, Дмитров, Углич и Москву. Укреплен он был валами с деревянными стенами. Центром удела князей Холмских, по-видимому, был небольшой городок Вертязин, лежавший на стыке Волги и дороги на Москву. Зубцов и пограничный город Опоки, противостоявший Ржеве, прикрывали западные рубежи Тверского княжества. В 40 верстах от Зубцова находился городок Микулин, а в 8 верстах от него – захудалая крепость Телятев, центры небольших уделов– Микулинского и Телятевского. На реке Медведице находился городок Дорогобуж – центр Дорогобужского удельного княжества. «Новый городок» (Старица) при впадении реки Старицы в Волгу только еще становился центром Старицкого княжества.

Несмотря на продолжавшееся дробление Тверской земли на уделы, тверские князья добились известных

успехов в подчинении уделов своей власти. Накануне ликвидации своей обособленности находилось Кашинское княжество.

Великое княжество Рязанское располагалось по течению реки Оки и ее притока Прони, а также обнимало территорию верховьев рек Дона и Воронежа. На севере оно граничило с Коломной и Муромом, некогда входившими в состав Рязанского княжества, на востоке – с Мещерским краем и Городцом на Оке. Восточную часть Рязанской земли наряду с русскими населяла мордва. Подвергавшаяся постоянным набегам ордынцев, Рязань переживала состояние упадка и рассчитывала только на помощь своих могущественных соседей – Литвы и Москвы.

Городов в Рязанской земле было немного. На реке Оке стояли Ростиславль, Перевитеск, Переяславль-Рязанский (столица княжества) и Старая Рязань, а на реке Проне – Пронск, столица удельного Пронского княжества, являвшегося земледельческим оазисом Рязанской земли. Основная масса населения сосредоточивалась на севере, более (чем другие районы княжества) отдаленном от «Поля» и близком к Москве.

По словам итальянца Иосафата Барбаро, путешествовавшего по стране в 70-е годы XV в., Рязанская земля была «обильна хлебом, мясом, медом и другими полезными вещами... Повсюду много лесов и деревень»[123]. Герберштейн писал, что «там великое изобилие меду, рыб, птиц и зверей... Народ там в высшей степени смелый и воинственный»[124]. В Рязани бортничество действительно было развито[125].

Рязань прикрывала Северо-Восточную Русь от набегов кочевников. Через ее территорию шли торговые пути в Орду.

Пятнадцатый век был временем расцвета экономической и культурной жизни Великого Новгорода. Формально он признавал верховное главенство князей, получивших ярлык на великое княжение, а фактически был вполне самостоятельным государственным образованием республиканского типа. Новгород был опоясан системой пограничных городов-крепостей, защищавших его от вторжения жадных до поживы соседей. На севере – это Ладога (на Волхове), Орехов (у истоков Невы на острове), Копорье, Ям (на реке Луге). Они прикрывали подступы к Новгороду со стороны Швеции и

Ливонского ордена. На юге Новгород защищали Порхов (на реке Шелони), Старая Руса и Демон.

Новгород был боярской республикой, в которой господствовавшая прослойка общества жила преимущественно за счет оброков, взимавшихся с крестьянства новгородских земель. Богатства новгородского боярства накапливались также путем внешнеторговых операций. Вывозил Новгород пушнину, воск и кожу[126]. Пушнина шла на Восток, в Царьград, в «Немцы» и в Литву. Основными ее поставщиками в Новгород были Печора, Двина и особенно Устюг. Велика была и доля пушнины (белок) в натуральном оброке новгородских крестьян.

Транзитная торговля Новгорода воском достигала значительных размеров. Воск поступал из центральных районов страны, в том числе со Среднего Поволжья. В Новгород ввозились в первую очередь сукна. Поступала сюда и соль, которой в Новгороде не хватало. Привозились (главным образом ганзейскими купцами) и благородные металлы (преимущественно серебро). Как видим, для ведения транзитной торговли с Западом Новгород должен был сохранять тесные связи как с Севером, так и с Центром Руси, с Галичем, Москвой и Литвой. Отсюда и противоречивость политики Новгорода в 20 – 50-е годы XV в. Верховным главой Новгорода считался великий князь владимирский (московский). Боярское руководство Новгорода вело сложную игру, стремясь занять место «между трех огней» и при этом сохранить фактическую независимость от своих могущественных соседей. Влияние князей-наместников, приглашавшихся как из Москвы, так и из Литвы, на ход внутренней жизни Новгорода было минимальным.

«Младший брат» Новгорода – Псковская земля располагалась на узкой полосе территории вдоль Чудского и Псковского озер и реки Великой. Здесь находилось до десятка городов-крепостей. Это Изборск, Остров, Велье, Опочка – к югу от Пскова, а к северу – Вороноч (при впадении Сороти в Великую), Котельно, Врев. На берегу Чудского озера стоял Гдов[127]. Эти города являлись надежной защитой Псковской земли от вторжения Ливонского ордена и Великого княжества Литовского.

В 20–50-е годы Псков принадлежал к числу вернейших союзников Москвы. В эти годы он переживал поло-

су экономического подъема, сопровождавшегося социальными движениями (в том числе стригольников)[128]. Верховная власть в Псковской республике, как и в Новгороде, принадлежала совету посадников (из числа псковских бояр-землевладельцев). Этот совет вынужден был считаться с волей веча. Князья-наместники, присылавшиеся обычно Москвой, возглавляли вооруженные силы республики. Псков вел обширную торговлю с соседними странами Запада.

Таково было окружение великого княжества, которым распоряжался Василий I Дмитриевич накануне смерти.

Завещая еще в 1423 г. престол своему сыну, Василий I создал регентский совет, который должен был управлять страной в годы его малолетства. Сына он «приказал» своей жене Софье Витовтовне, ее отцу великому князю литовскому Витовту, а также князьям Андрею и Петру Дмитриевичам и детям князя Владимира Серпуховского Семену и Ярославу (с младшей братьею)[129]. Отсутствие среди опекунов князей Юрия и Константина Дмитриевичей объясняется сложившейся обстановкой. Князь-«изгой» Константин находился в немилости, а Юрий Дмитриевич, очевидно, уже внушал Василию I опасения своими претензиями на великокняжеский престол.

Дядя или племянник

Сразу после смерти Василия I (27 февраля 1425 г.) реальная власть в Москве перешла в руки энергичных правителей – властолюбивой княгини-вдовы Софьи Витовтовны, волевого митрополита Фотия и деятельного боярина Ивана Дмитриевича Всеволожского. Наибольшим влиянием из них при дворе пользовался митрополит. Решив сразу же покончить с какими-либо недомолвками (в первую очередь с претензиями Юрия Дмитриевича на великокняжеский престол), митрополит Фотий уже в ночь смерти великого князя направляет в Звенигород к князю Юрию своего боярина Акинфа Ослебятева[1]. Он должен был передать приглашение дяде малолетнего великого князя явиться в столицу и присягнуть на верность Василию II, т.е. подчиниться его воле[2].

Выбор гонца был сам по себе удачным: родич героя Куликовской битвы Осляби должен был внушить доверие к себе сыну победителя Мамая. Однако князь Юрий, собравшись было ехать по собственному почину в Москву, переменил решение. Вероятно, он усмотрел в приглашении опасность для себя и повернул к Галичу[3]. Это было в Великий пост, т.е. между 25 февраля и 7 апреля 1425 г.[4]

Жребий был брошен. Непослушание удельного князя подлежало наказанию, что, конечно, понимал и сам князь Юрий. Приняв решение сопротивляться намерениям московских властей, он тем самым показал свое стремление начать борьбу за великое княжение. В той

обстановке Юрий Дмитриевич должен был или покориться, или победить. Третьего исхода теперь уже не существовало. Князь Юрий избрал борьбу за власть и, очевидно, сразу предъявил свои права на великое княжение, опираясь на завещание Дмитрия Донского[5].

Да и в предшествующее время в деятельности Юрия Дмитриевича были черты, напоминавшие деятельность Дмитрия Донского. Князь Юрий прославился своим успешным походом на булгар и казанских татар в 1395 г. Летописец об этом походе писал: «...и никто же не помнит толь далече воевала Русь Татарьскую землю»[6]. Ходил он в походы и против нижегородских князей. В 1398 г. Юрий Дмитриевич выступал против князя Семена (ставленника татар) в Казань и Булгары, а в 1414 г. он «не сътвори зла ничтоже» Нижнему[7]. Нижегородцы запомнили надолго это благожелательное отношение к ним князя. Василий I всячески отстранял князя Юрия от престола, особенно когда у него появились реальные наследники (дети). Некоторое время (до осени 1406 г.) Юрий княжил в Новгороде[8]. Все три направления деятельности князя Юрия (антиордынская борьба, попытки завязать контакты с Новгородом и Нижним) отчетливо прослеживаются и в действиях его сыновей после 1425 г. Много внимания уделял князь Юрий своей столице – Звенигороду. Здесь он построил придворный храм – Успенский собор. Благодаря содействию князя Юрия инок Троицкого монастыря Савва (умер в 1406 г.) создал под городом Сторожевский монастырь с каменным храмом. Наконец, в Троицком монастыре князь Юрий содействовал строительству Успенского собора[9]. В росписи всех этих соборов принимал участие Андрей Рублев[10].

Кроме прав (которые можно оспорить) и властолюбивых желаний (которые можно смирить) принятое князем Юрием решение выступить против Василия II определялось и тем положением, в котором он находился. Жизненный путь Юрия Дмитриевича приближался к закату: 50 с лишним лет – возраст по тогдашним эталонам весьма почтенный. У князя к тому же было четверо молодых, но уже самостоятельных сыновей в возрасте 20–24 лет. Это Василий (Косой), Дмитрий Большой (Шемяка), Дмитрий Меньшой (Красный)[11] и Иван. Последний, вероятно, был склонен к религиозной экзальтации, психической неуравновешенности или просто болен[12]. Имя Дмитрий князь Юрий дал двум

своим сыновьям в честь их великого деда. Старшие сыновья Юрия Дмитриевича, Василий Косой и Дмитрий Шемяка, возможно, уже к 1425 г. стремились к самоутверждению. Для того чтобы удовлетворить их желание без ущерба для себя, звенигородскому князю нужно было приобрести новые земли, что сделать было невозможно, не получив ярлыка на великое княжение.

Для успешной борьбы за великое княжение с племянником, опиравшимся на военное могущество Москвы, уже проверенное в борьбе с сильными противниками, князю Юрию нужны были реальные возможности. К 1425 г. претендент на великое княжение обладал не только устойчивым авторитетом в различных землях Северо-Восточной Руси, но и землями (Звенигород, Галич, Руза, Вятка), которые переживали тогда экономический подъем, что давало ему надежду на победу в борьбе за власть.

Слабостью князя Юрия в военно-стратегическом отношении было положение его столицы: Звенигород находился вблизи от Москвы, был слабо укреплен и соседил с Литвой, враждебной Юрию Дмитриевичу и благосклонной к Василию II. Поэтому князь Юрий средоточием своих сил избрал более отдаленный и перспективный Галич, имевший к тому же довольно солидные крепостные сооружения.

Для подготовки к выступлению требовалось время. Поэтому князь Юрий предложил Василию II заключить перемирие до Петрова дня, т.е. до 29 июня. Великий князь принял предложение, и перемирие было заключено. Одновременно обе стороны начали энергичную подготовку к борьбе. Уже весной князь Юрий «розосла по всеи своеи отчине, по всех людеи своих», и собрались «вси к нему изо всех градов его, и восхоте поити на великого князя»[13]. Похоже, что решение принято было с учетом пожеланий всех собравшихся воинов князя Юрия. Созвано было что-то среднее между древнерусским вечем и московским земским собором.

В свою очередь и правительство Василия II, узнав о действиях князя Юрия, приняло необходимые меры. Возможно, именно тогда великий князь пожаловал своего дядю Константина уделом, в который вошла Ржева[14]. Князю Петру Дмитриевичу он дал в удел волости Шачебал и Ликурги (правда, тот передал их Константину Дмитриевичу)[15]. Затем Василий II соеди-

нился со своими дядьями Андреем, Петром и Константином Дмитриевичами и «со всеми силами» двинулся к Костроме. Это произошло еще до окончания срока перемирия с князем Юрием. Кострома должна была стать базой для дальнейшего наступления на Галич. Путь к нему лежал по рекам Костроме и Вексе.

По одной из версий, Юрий Дмитриевич, узнав о движении против него войск Василия II, бежал из Галича в хорошо знакомый ему Нижний Новгород[16].

В Москве отлично поняли, какую опасность таила эта новая попытка дяди великого князя укрепиться в важнейшем городе на Волге. Поэтому вслед за ним послали его брата Андрея Дмитриевича с войском, по тем временам весьма внушительным (25 000 человек). Но князь Андрей, по каким-то причинам «не дошед» Юрия, вернулся. Летописец считает, что это князь Андрей сделал, «норовя» своему брату Юрию. Рассказ помещен после записи о миссии митрополита Фотия в Галич, когда тот «миру не взять»[17].

Л.В. Черепнин на основании этого рассказа считал, что «допустить наличие тайного сговора братьев покойного Василия I против их племянника вполне возможно»[18]. Нам представляется, что условия конца 20-х – начала 30-х годов абсолютно исключали этот «сговор». Князья Андрей, Петр и Константин решительно поддерживали тогда малолетнего Василия II в борьбе с могущественным Юрием Дмитриевичем. Ремарка летописца о том, что князь Андрей действовал, «норовя» своему брату Юрию, отражает придворные слухи, а не действительный расклад сил.

Тем временем митрополит Фотий пытался примирить князей. Летописец из окружения Фотия писал о его «челночных» операциях: «...ездил митрополит на Кострому и в Галич ко князю Юрью и пакы на Кострому и во Володимер к празнику, а из Володимера на Моськву»[19]. Следовательно, Фотий побывал в Галиче еще в ту пору, когда Василий II выезжал на Кострому, но тогда эта поездка результатов не дала.

После неудачной военной акции против Юрия Дмитриевича[20] и получения от него новых предложений о годовом перемирии в Москве решили снова послать Фотия ко двору князя Юрия. В совещании по этому вопросу принимали участие великая княгиня Софья, князья Андрей, Петр и Константин Дмитриевичи «со

всеми князи и боляры». Какое-то сообщение послано было и Витовту.

На Рождество Иоанна Предтечи (24 июня) Фотий добрался до Ярославля, где ужинал у ярославского князя Ивана Васильевича. Затем он поспешил в Галич[21]. Прослышав об этом, князь Юрий Дмитриевич решил устроить демонстрацию единения всего народа Галицкого княжества в поддержку их князя. Он «собра вотчину свою» и встретил Фотия «з детми своими и з боляры, и с лучшими людьми своими, а чернь всю собрав из градов своих и волостеи, и из сел, и из деревень, и бысть их многое множество». Князь Юрий «постави их на горе от града с приезда митрополича, кажючи ему многих людеи своих». Ожидаемого эффекта демонстрация, судя по Московскому великокняжескому своду, не произвела. Митрополит помолился в соборной церкви Преображения (на Подоле, у озера), затем, выйдя, посмотрел на народ, «иже на горе стояще», и сказал князю Юрию с иронией: «...сыну, не видах столико народа в овчих шерьстех, вси бо бяху в сермягах». Князь хотел показать, сколь много было сил в его распоряжении, «а святитель в глум сии вмени себе»[22].

Во время переговоров Фотий продолжал настаивать на заключении мира, «чтобы не было кровопролитиа межи их с великим князем». Иную позицию занимал князь Юрий: ему нужно было только перемирие для сбора сил и для переговоров в Орде. В позиции Василия II было одно слабое звено. Его и нащупал князь Юрий. Василий Васильевич занял великокняжеский престол без санкции ордынского царя. Это должно было вызвать неудовольствие в Орде и грозило неприятными последствиями «самозванцу», чем мог воспользоваться князь Юрий. Поэтому митрополит Фотий спешил окончательно договориться с Юрием Дмитриевичем, не прибегая к посредничеству ордынцев. Но князь Юрий решительно настаивал на заключении предварительного перемирия.

Видя бесперспективность дальнейших споров, митрополит в гневе покинул город. А тут как раз в Галиче начался «мор на люди и на град» (примерно тогда же начался мор и в других русских землях). Узнав об этом, князь Юрий сел на коня, покинул свою удельную столицу, догнал митрополита в селе Пасынкове[23] и едва умолил, чтобы тот вернулся. По его

возвращении «преста гнев божии». Тем временем митрополит вел беседы о мире не только с князем, но «и со всеми православными». На этот раз переговоры окончились успешно, и князь Юрий проводил Фотия «со всем народом», пообещав послать к великому князю «бояр своих». Посланы были боярин Борис Галицкий и Данила Чешко, которые «и доконча мир на том, что князю Юрью не искати княжениа великого собою, но царем, которого царь пожалует, то будет князь великии Владимирьскыи, Новугороду Великому и всеа Русии и крест на том целоваше»[24]. Такова версия происшедшего в великокняжеских сводах 70-х годов XV в. К сожалению, другой нам не известно.

Достигнутый в Галиче компромисс устраивал обе стороны. Заключенное соглашение было одновременно и миром, и перемирием. Князь Юрий обещал, что сам он не будет «искать» под Василием II великого княжения. И в этом смысле соглашение давало окончательное решение спорного вопроса, т.е. было миром. Но вместе с тем сохранялась и возможность передать решение вопроса о судьбе великого княжения в Орду, поэтому соглашение носило временный характер, т.е. было перемирием. Эта уступка князю Юрию не пугала Василия II. В Орду ехать за получением ярлыка на великое княжение все равно было нужно. Но там у Василия II были все шансы выиграть спор, ибо ордынцы косо смотрели на князя Юрия, считавшего себя наследником Дмитрия Донского[25]. К тому же великий князь рассчитывал и на поддержку Литвы, благодаря которой временное соглашение должно было превратиться в постоянно действующее.

Ближайшие события, однако, внесли существенные коррективы в планы обеих сторон.

Уже с Ильина дня (20 июля 1425 г.) начался сильный мор в Твери[26]. С Ильина дня до Крещения (6 января 1426 г.) мор был и в Пскове[27]. С Троицы (27 мая 1425 г.) эпидемия черной оспы стала распространяться в Москве (пришел мор «от Немец во Пьсков, а оттоле в Новгород, тако же доиде и до Москвы и на всю землю Рускую»)[28]. Мор не затихал и в 1426 г.: «...мор бысть велик во Пьскове, и в Новегороде в Великом, и в Торжку, и во Тфери, и на Волоце, и в Дмитрове, и на Москве, и во всех градех Руских и в селех»[29].

Во время эпидемии оспы умерли великий князь

тверской Иван Михайлович (21 мая 1425 г.), потом сын его Александр, затем на Юрьев день (26 ноября) сын Александра Юрий, и на тверском престоле утвердился брат Юрия князь Борис, а в Кашине на недолгий срок Василий, в 1426 г. «пойманный»[30]. Скончались также князь Иван Васильевич Ярославский (1426 г.)[31] и осенью князья Андрей, Семен и Ярослав Владимировичи[32].

Осенью 1425 г. «был мор на Москве силен». «На ту осень еха» Василий II в Москву и жил там до Рождества (25 декабря). Митрополит Фотий отправился в свое село Бисерово[33], оттуда во Владимир, где пробыл «Велик день», т.е. Пасху (31 марта 1426 г.), и приехал в Москву после Троицы. 20 марта 1426 г. во Владимире побывал и Василий II, выдавший там жалованную грамоту митрополичьему монастырю. В том же году был «преполох Татарьскыи с великою нужею»[34].

Митрополит Фотий после Воздвиженья (14 сентября 1426 г.) приехал из села Курчева в Москву. Затем митрополит отправился в Ильинское, а великий князь – в село Красное. Здесь умер родственник фаворита Василия I Иван Голтяев, и Василий II поспешил бежать «от заразы» в Гжель. Хотя мор не пощадил и деятелей церкви, митрополит все же поехал в Москву, «занже на Москве почался мор злеи первого»[35]. Действительно, в 1426/27 г. «во всех градех русьских и во властех и селех» мало людей осталось, «мерли прыщом»[36]. Другой летописец тоже пишет, что «мор бысть велик в градех русьскых». От оспы умер и последний из сыновей серпуховского князя Владимира Андреевича – Василий[37].

Из этого когда-то многочисленного семейства остался в живых в конце концов лишь один внук князя Владимира Андреевича – князь Василий Ярославич. Воспользовавшись его несовершеннолетием, Василий Васильевич (вернее, регентский совет), как его опекун, «недодал» княжичу ряд земель, входивших в удел его деда. Так, Городец на Волге великий князь взял себе, рассчитывая, вероятно, использовать его в качестве приманки для безземельных суздальских князей, а Углич передал своему дяде Константину Дмитриевичу, с тем чтобы союз с ним приобрел солидную материальную основу.

Мор был тяжким бедствием для Руси. Но беда не

приходит в одиночку. На Петров день (29 июня 1426 г.) великий князь литовский «розверже» мир с псковичами. Витовт был крайне недоволен тем, что псковичи не поддержали его воинственных устремлений по отношению к Ливонскому ордену[38].

Возможно, Витовт рассчитывал на легкий успех своей военной экспедиции в связи с «замятней» на Руси, которая не позволяла правительству Василия II решительно поддержать псковичей. Попытка Пскова ликвидировать конфликт с литовским великим князем успеха не имела. Псковские послы вернулись из Литвы, не установив мирных отношений с Витовтом. Не откликнулись на просьбу псковичей о помощи и новгородцы («не помогоша ни словом, ни делом»), решившие не осложнять отношений со своим могущественным соседом. Псков остался один на один с Литвой. 1 августа 1426 г., вступив на Псковскую землю, войска Витовта осадили крепость Опочку. В состав «силы» литовского великого князя кроме литовцев входили наемники (немцы, чехи и волохи), а также татары из двора свергнутого золотоордынского хана Улу-Мухаммеда[39].

Двухдневная осада Опочки была безрезультатной. Великий князь литовский попытался найти другое место в псковской обороне, которое можно было бы прорвать. 5 августа Витовт подошел к Вороночу. Однако эта маленькая крепость три недели мужественно оборонялась от обложивших ее войск иноземцев. Под крепостью Котелно 400 псковичей разбили 7-тысячный отряд литовцев и татар[40]. Возможно, эти цифровые сведения и не точны, но факт победы псковичей несомненен. У крепостцы Вельи жители города Острова перебили отряд татар из 40 человек. Отважно сражались и жители города Врева. Словом, легкой прогулки у литовского великого князя не получилось. Не поддержал Витовта и Ливонский орден, занявший во время литовско-псковской войны нейтральную позицию[41].

Видя провал своей кампании, Витовт охотно откликнулся на мирные предложения псковичей. Чтобы облегчить на переговорах положение Пскова, великий князь Василий II поспешил послать к Витовту своего посла Александра Владимировича Лыкова[42]. 25 августа 1426 г. перемирие было заключено. По московским сведениям, псковичи должны были выплатить великому князю литовскому 3000 руб., хотя псковичи называли

сумму в три раза меньшую (1000 руб.). Деньги эти должны были пойти на выкуп взятых в плен под Котелно псковичей[43]. Одновременно псковичи направили посадника Юрия Тимофеевича к Василию II с просьбой «печаловаться» о них и послать с этой целью своего посла к Витовту.

Время для Василия II было трудное: «...бяше ему тогда брань велика с князем Юрьем, стрыемь своим, о великом княжении». Все же великий князь обещал помочь своим верным псковским союзникам[44].

Срок перемирия с Литвой истекал в Крещение (6 января 1427 г.). Поэтому зимой 1426/27 г. псковичи с боярами Василия II явились в Вильно, но привезли с собой в счет выкупа лишь 1000 руб. Деньги Витовт взял, но пленных «на крепости посади», ожидая присылки остальной суммы. Только весной 1427 г. псковичи согласились уплатить ему на Покров еще 450 руб.[45] Словом, отношения Пскова с Литвой продолжали оставаться напряженными.

Пробыв осень 1426 г. в Брашеве и в Коломне, митрополит Фотий решил отправиться в Литву, чтобы урегулировать спорные вопросы с Витовтом. Поездка состоялась после Рождества и продолжалась семь недель (с 25 декабря 1426 примерно до середины февраля 1427 г.). 14 августа 1427 г. Витовт сообщал ливонскому магистру: «...как мы уже вам писали, наша дочь, великая княгиня московская, сама недавно была у нас и вместе со своим сыном, с землями и людьми отдалась под нашу защиту»[46]. Речь, очевидно, идет о той же поездке зимой 1426/27 г., в которой принимал участие Фотий. Ставке Юрия Дмитриевича на Орду митрополит и княгиня-вдова решили противопоставить патронат великого князя литовского.

В начале августа 1427 г. великий князь рязанский («переяславский князь») встречался также с Витовтом и заключил с ним договор. Рязанский князь «дался ...ему в службу». Тогда же «дался в службу» Витовту и пронский князь[47]. Рязанские окраины почти каждый год подвергались набегам ордынцев. Так, осенью 1425 г. татары напали на рязанские украины «и возвратишяся с полоном в Поле», а рязанцы «идоша за ними и постигоша их, биша и полон отъяша»[48].

Тем временем на Руси возникло новое осложнение. 23 февраля 1428 г. в Дмитрове умер князь Петр Дмитриевич[49]. Распри между Василием II и князем Юрием

должны были вспыхнуть с новой силой, на этот раз из-за выморочного наследия князя Петра. Василий II присоединил его удел (прежде всего Дмитров) к своим владениям, но на него претендовал и князь Юрий.

Впрочем, сторонам удалось прийти к соглашению. 11 марта 1428 г. Василий II вместе с Константином и Андреем Дмитриевичами заключили докончание с князем Юрием. В нем 54-летний дядя признавал себя «молодшим братом» 13-летнего племянника. Формула докончания о том, что князья должны жить в своих «уделах» по завещанию Дмитрия Донского, оставляла за князем Юрием возможность поставить перед ордынским царем вопрос о судьбе великого княжения[50]. В связи с моровым поветрием со Звенигорода на четыре года снималась уплата дани и яма. Зато князь Юрий уступал своему брату Константину несколько волостей. Спорный вопрос о судьбе Дмитрова в договоре был обойден молчанием[51].

Впервые в княжеском докончании Василия II и Юрия Дмитриевича упоминалось о служилых князьях. Князь Юрий обязывался отныне не принимать князей, служивших Василию II, «с вотчиною». Переходя на службу к галицко-звенигородскому князю, они теряли право на свою вотчину, которая находилась ранее под великокняжеским патронатом[52]. Пункт этот был чрезвычайной важности, ибо на первом этапе династическая война Василия II с князем Юрием в значительной степени зависела от позиции служилых князей (в первую очередь ярославских и суздальских), за влияние на которых шла напряженная борьба.

В том же 1427/28 (6936) г. были составлены еще два договора с князем Юрием. Они до нас не дошли, но сохранилось упоминание о них в Описи архива Посольского приказа 1626 г.[53] Один договор заключил «великий князь» (?!) Юрий Дмитриевич и его сын Дмитрий Меньшой с Василием II, а другой – Юрий Дмитриевич с Василием II и Константином и Андреем Дмитриевичами. Очевидно, споры вокруг первого докончания были жаркие[54]. Великокняжеский титул князя Юрия означал, возможно, то, что на каком-то этапе переговоров галицко-звенигородский князь отказывался признать себя «молодшим братом» (до решения спора в Орде). Отсутствие среди составителей договора старших сыновей князя Юрия (Василия Косого и Дмитрия Шемяки) показывает, что конфликт их с

отцом, обострившийся позднее, вызревал уже к 1427/28 г.

Пока русские князья выясняли между собой отношения, Витовт готовился к новой войне. Свой поход он предполагал направить против Новгорода[55]. Предварительно в августе 1427 г. великий князь литовский заключил докончания с великим князем тверским Борисом Александровичем (чтобы быть им «заодин»)[56], а также с князьями Иваном Федоровичем Рязанским и Иваном Владимировичем Пронским[57].

Отношения с Новгородом Витовт разорвал в Петров пост (до 29 июня 1428 г.). На этот раз в помощи отказали новгородцам псковичи, говоря: «...как вы намь не помогосте, тако и мы вам не поможем». Ссылались они также и на условия мирного договора с Витовтом. К тому же их высокий покровитель (Василий II) «крест поцелова», что не будет в конфликтных случаях помогать «по Новегороде ни по Пскове»[58].

16 июля Витовт вступил в пределы Новгородской земли. Его поход был хорошо организован. Литовский великий князь шел «с многими силами». С войсками двигалась артиллерия («пушки, тюфяки, пищали»), которая должна была обеспечить взятие новгородских крепостей. Согласно союзному договору, тверской князь Борис Александрович послал с Витовтом «тверскую силу» под командованием Захария Ивановича[59]. Однако все оказалось значительно сложнее, чем то полагал великий князь литовский. Два дня Витовт безрезультатно простоял под Вышгородом. Затем 20 июля он подошел к Порхову, взяв по пути Себеж. Но под Порховом Витовт задержался на неделю, и перспективы взятия этой крепости у него были весьма проблематичными. Осажденные сражались с завидным упорством. Им удалось разбить одну из самых больших пушек Витовта (по имени Галка) и убить пушечника-немчина Николая. Великому князю литовскому приходилось задумываться о том, как бы поскорее закончить кампанию. Это отвечало и желанию новгородцев.

Для ведения мирных переговоров новгородцы направили к Витовту представительную делегацию, в которую вошли посадник Григорий Кириллович Посахно, Исаак Андреевич Борецкий[60], а также совсем недавно избранный архиепископ Евфимий II. В результате усилий обеих сторон заключен был мир. Новгородцы откупались большой ценой: они обязывались уплатить 5000

руб. (такую же сумму вносили и жители Порхова). Тысячу рублей заплатили за выкуп «полона». Деньги приходилось собирать «со всех волостей» из расчета с 10 человек по рублю[61].

После незначительного конфликта на порубежье, происшедшего в 1427 г., на следующий год псковичи подтвердили старый договор с Ливонским орденом[62]. Орден находился тогда во враждебных отношениях с Литвой, и его сближение с Псковом объяснялось взаимными интересами.

В конце 1428 г. «без вести» совершили набег на Галич ордынцы. В нем принимал участие «царевич Махмут-Хозя»[63]. Возможно, речь шла об Улу-Мухаммеде. С месяц татары осаждали город, но так и не смогли его взять, «воюя» только галицкие волости[64]. Правда, на Крещение (6 января 1429 г.) им удалось «изгоном» (неожиданным набегом) взять Кострому. Захватили они также Плесо и Лух[65]. Затем ордынцы отошли Волгой на Низ. Первый известный летописям набег ордынцев на Галич говорил о том, что край этот начал к концу 20-х годов XV в. превращаться в процветающий – ордынцам было там что грабить, иначе вряд ли бы они избрали его объектом своего нападения.

В догонку за ордынцами Василий II отправил князей Андрея и Константина Дмитриевичей «с своими дворы» и временщика тех лет боярина И.Д. Всеволожского. Они дошли до Нижнего Новгорода, но так и «не угониша» татар, а потому вернулись. Однако князь Федор Давыдович Стародубский Пестрый и Федор Константинович Добрынский, «утаився у князеи», «своими полкы» погнались за татарами, побили их и отполонили полон, но царевича и князя Алибабу так и не догнали[66]. Летописец добавляет: «Тем воеводам при животе честь, а по смерти вечная память»[67]. Столкновение Всеволожского и Добрынского стало как бы предвестником того конфликта, который произойдет через несколько лет между ними в связи со свадьбой Василия II.

Осенью 1430 г. Витовт созвал своих союзников в Вильно, предполагая устроить торжественную коронацию. Среди прибывших к середине сентября были Василий II и митрополит Фотий, а также великие князья тверской и рязанский. С дарами явились ко двору Витовта и новгородцы[68]. Однако коронация не состоялась, так как польский король не пропустил корону

через свои владения. Приехавших на торжество пришлось распустить. Исключение сделали для Фотия, который оставался при дворе великого князя литовского еще 11 дней. 27 октября великий князь литовский Витовт умер. Василий II тогда не успел еще вернуться в Москву и находился в Вязьме[69]. Началась затяжная борьба за престол между соперничавшими князьями Свидригайлом Ольгердовичем и Сигизмундом Кейстутовичем.

В октябре 1430 г. союзный Свидригайле ордынский князь Айдар (зять Улу-Мухаммеда) воевал Литовскую землю. До Киева он не дошел всего 80 верст. Не удалось ему взять и Мценск, где воеводой был Григорий Протасьев. Айдар принес присягу («роту»), очевидно обещав Протасьеву свободу. Тот вышел из города, но был схвачен и отведен в Орду. Улу-Мухаммед, «почтив» Григория, отпустил его, а на Айдара «поругася»[70].

В 1428/29 и 1429/30 гг. «в Поле» стояла страшная засуха. Распространилась эпидемия[71]. О поездке в Орду Василию II и князю Юрию тогда не приходилось и думать.

Зимой 1430 г. князь Юрий «разверже мир» с Василием II[72]. Причины этого неизвестны. Возможно, князь Юрий счел, что настала пора решить спор без участия Орды. Очевидно, именно тогда Василий II выслал против князя Юрия большую рать князя Константина Дмитриевича («со всею силою»). Повторилось то, что было в 1425 г. Князь Юрий бежал из Галича в Нижний Новгород, где «седе... со всеми людьми своими». Затем он занял оборону на реке Суре. К реке подошел князь Константин, но перейти ее он так и не сумел, а потому вернулся в Москву. Как только Константин Дмитриевич ушел, князь Юрий отправился в Нижний, а оттуда перебрался в Галич[73].

Весной 1431 г. Василий II послал князя Федора Давыдовича Пестрого, уже отличившегося в войне с ордынцами, «на Болгары Волжьскии». Тот «всю землю их плени»[74]. Мор и засуха, а также распри с Ордой обескровили землю волжских болгар. Русские войска нанесли по ней дополнительный удар.

2 июля 1431 г. умер фактический глава московского правительства митрополит Фотий[75]. Смерть Витовта, а затем кончина Фотия развязали руки князю Юрию Дмитриевичу в его борьбе за великокняжеский пре-

стол. Новгород и Тверь, занятые своими довольно запутанными отношениями с Великим княжеством Литовским, не проявляли никакого желания вмешиваться в борьбу Василия II и Юрия Дмитриевича. Осенью 1431 г. новгородцы после напряженных отношений с Ливонией в 1430/31 г. продлили с ней перемирие на четыре года[76].

Готовясь к решительной борьбе с Сигизмундом, Свидригайло развернул напряженную дипломатическую деятельность, направленную на создание анти-Сигизмундовой коалиции. С Тверью у него установились дружественные отношения еще раньше: в 1430 г. он женился на дочери тверского князя Ивана Ивановича[77]. 25 января 1431 г. Свидригайло заключил мирное докончание с Великим Новгородом[78]. Оно повторяло «старину», которой регулировались новгородско-литовские отношения, и было прелюдией к дальнейшему сближению соседей. В обстановке противоборства в Северо-Восточной Руси двух сил новгородцы предпочли опереться на третью. Основное в докончании 1431 г. сводилось к установлению «чистого пути» (свободы торговли) между новгородцами и жителями Великого княжества Литовского. При решении конфликтов, связанных с возникновением судебных дел, судопроизводство велось по законам той страны, в которой совершено преступление. Границы между Новгородом и Литвой объявлялись незыблемыми.

Вел переговоры Свидригайло с Ливонским орденом и с Улу-Мухаммедом[79]. 19 июня 1431 г. он заключил союзный договор с Прусским орденом[80]. В 1431/32 г. подписано было докончание с Псковом[81]. В июле 1431 г. началась война между Свидригайлом и Польшей[82]. Польские магнаты не могли примириться с самостоятельной политикой, которую твердо проводил литовский великий князь. Нарастало и в самом великом княжестве недовольство усилением влияния русских князей при дворе Свидригайла. Лидером недовольных стал князь Сигизмунд. В ночь с 31 августа на 1 сентября 1432 г. он совместно с князем Александром (Олельком) Владимировичем выступил в Ошмянах против Свидригайла. Свидригайле пришлось бежать в Полоцк. Сигизмунд взял решительный курс на сближение с католической Польшей. 15 октября 1432 г. Литва возобновила в Гродно унию с Польшей[83]. Свидригайло двинулся на Ошмяны. В его войсках была и

«тверская сила»[84]. Однако 9 декабря он потерпел поражение от Сигизмунда[85].

Осенью 1431 г. наступило время для нового раунда борьбы за великое княжение на Руси. Судьба его должна была решиться в Орде при дворе Улу-Мухаммеда. В Успеньев день (15 августа) в Орду выехал Василий II[86]. Вслед за ним в Воздвиженьев день (14 сентября) туда поспешил и князь Юрий[87], возвратив Василию II договор от 11 марта 1428 г. со «складною вместе»[88]. Князья отправились в Орду «со многими дары»[89].

Ситуация поначалу для князя Юрия сложилась крайне тяжелая. Обоих претендентов на великое княжение к себе в «улус» взял видный ордынский правитель – даруга московский Минбулат. Он оказывал «великую честь» Василию II, с которым, очевидно, и раньше имел сношения по долгу службы, а князю Юрию были «безчестье и истома велика». Однако и у Юрия Дмитриевича вскоре нашелся высокий покровитель. Им был Тегиня, ордынский вельможа из знатного рода Ширинов[90]. Он «силою» забрал князя Юрия от Минбулата и вместе с ним отправился в Крым, где они провели всю зиму.

За время отсутствия князя Юрия боярин И.Д. Всеволожский, представлявший интересы уже подросшего великого князя, провел большую «работу» среди ордынской знати, используя распри, существовавшие между ордынскими вельможами. Князей Айдара, Минбулата и других он пугал тем, что в случае передачи ярлыка на великое княжение Юрию Дмитриевичу резко возрастет влияние Тегини при ордынском дворе, что грозило ордынским князьям серьезными осложнениями («а вас что будет»?!). К тому же Юрий – «побратим» Свидригайла[91], а у Айдара с литовско-русскими княжатами были особые счеты.

Рассуждения И.Д. Всеволожского подействовали, и ордынские князья склонили Улу-Мухаммеда к решению спора о великом княжении в пользу Василия II.

Весной 1432 г. Тегиня и князь Юрий вернулись из Крыма. Братанич Тегини постельник Усеин рассказал ему о положении при ханском дворе и о том, что Улу-Мухаммед якобы сказал: «...аще что речет Тегиня за князя Юрья о великом княжении, то убити его повелеваю». В такой обстановке началось разбирательство спора. Дискуссия была жаркой («многа пря бысть межи

их»). Василий II искал великого княжения «по отечьству и по дедству», т.е. опирался на факт наследования престола его отца и деда. Хуже положение было у князя Юрия. Тот подкреплял свои претензии «летописцы старыми, списки и духовною отца своего великого князя Дмитрея»[92].

Сообразив, вероятно, что ссылки обеих сторон на Дмитрия Донского не очень будут способствовать скорому и однозначному решению вопроса, И.Д. Всеволожский решил перевести постановку вопроса в иную плоскость. Он заявил Улу-Мухаммеду: Василий II ищет не просто великого княжения, а «твоего улуса, по твоему цареву жалованью и по твоим девтерем и ярлыком». Предъявлены были и документы («а се твое жалованье перед тобою»)[93]. Это, конечно, в корне меняло ситуацию. «Вольный царь» понял, что в лице Василия II он имеет дело с вассалом, преданным его воле. Претензии князя Юрия И.Д. Всеволожский отводил тем, что князь хочет получить великое княжение «по мертвой (т.е. утерявшей свою силу. – *А.З.*) грамоте отца своего, а не по твоему жалованью волного царя»[94]. Упоминая духовную грамоту победителя ордынцев Дмитрия Донского, И.Д. Всеволожский убивал надежды князя Юрия на великокняжеский престол. В конечном же счете И.Д. Всеволожский сводил дело к признанию, что вершителем судьбы великокняжеского престола на Руси может быть одна только воля ордынского царя. К тому же хитроумный боярин как бы невзначай констатировал: Василий Васильевич вот уже который год сидит на престоле («на твоем жалованье»), исправно неся службу «тебе, своему государю, волному царю», о чем «самому тебе ведомо».

Дело казалось решенным окончательно и бесповоротно. Улу-Мухаммед уже велел почтенному возрастом князю Юрию подвести коня к мальчишке Василию в знак покорности и вассальной преданности ему. Но Василий II проявил даже великодушие (так сказать, «что вы, что вы!») и не захотел дядю своего «обесчестити». Дальнейшее упорство грозило князю Юрию роковыми последствиями (сколько подобных князей-упрямцев кончали свой жизненный путь в Орде!).

Но тут выяснилось, что слова и хитросплетения не всегда могут совладать с реальным ходом событий. Как раз тогда, когда в ставке Улу-Мухаммеда велись дебаты о судьбах великокняжеского престола на Руси,

против ордынского хана выступил один из сыновей Тохтамыша – Кичи-Ахмед. Продолжал отстаивать права князя Юрия и Тегиня. «Убоявся» Тегини, Улу-Мухаммед «сотвори по Тегинину слову». Достигнут был компромисс: Василий II сохранял за собой великое княжение, а князь Юрий получал ярлык на Дмитров[95], связанный с Галичем удельными связями еще в XIV в. Сравнительно недавно он принадлежал брату Юрия Петру, но после его смерти (в 1428 г.) считался «вымороком»[96].

Поездка в Орду и спор о великом княжении заставили правительство Василия II сделать выводы на будущее. Отныне, чтобы «сор не выносить из избы», в договоры с «молодшими» братьями неукоснительно будет вставляться пункт о том, что сношения с Ордой являются прерогативой великокняжеской власти. Так, уже осенью 1432 г. в докончании Василия II с князем Василием Ярославичем появляется пункт: «А Орда знати тобе, великому князю, а мне Орды не знати»[97]. Такая же формула присутствует и в докончании с князем Юрием Дмитриевичем 1433 г. («а мне Орды не знати никоторыми делы»)[98].

В ставке Улу-Мухаммеда Василий II дал, очевидно, твердое обязательство исправно платить «выход» Орде (цена за ярлык!). Собирать его с русских земель должен был сам великий князь[99]. С одной стороны, это давало ему значительные политические преимущества над всеми княжатами, входившими в великое княжение, а с другой – наносило моральный ущерб его авторитету, ибо великий князь оставался проводником ханской политики.

Автор Медоварцевского летописца сохранил нам предание о конце спора в Орде. Оказывается, Василий II «смирился пред» князем Юрием, а тот начал бить челом Тегине и другим ордынским князьям, говоря, что царь его «седину старую» обесчестил, ибо «великое княжение дал младенцу». Якобы сам Юрий просил царя придать к его вотчине Дмитров, с тем чтобы его «старость не до конца оскорбил». Юрия Дмитриевича поддержал Тегиня, который даже «хотел... отъехати» от Улу-Мухаммеда, когда пришел на него Кичи-Ахмет. Тогда-то царь и пожаловал Дмитровом князя Юрия. Согласно Медоварцевскому летописцу, Всеволожский якобы выступал против пожалования Дмитровом князя Юрия, говоря, что «Дмитров изначала

великого княжениа улус». Всеволожский беспокоился и о своей дальнейшей карьере: «...мне, холопу великого князя, зде того не мощно от великого княжениа Дмитров отдати». Но царь все же «ярлыки свои дал князю Юрью на Дмитров»[100].

На Петров день (29 июня 1432 г.) Василий II и князь Юрий были отпущены из Орды. Первый пришел в Москву, а второй – в Звенигород и оттуда в Дмитров[101]. С Василием II прибыл ордынский посол царевич Мансырь Улан, который и посадил его на великое княжение 5 октября[102].

Итоги поездки сначала не были многим ясны. В Пскове говорили, что из споривших между собой князей «княжения не взят ни един»[103]. В Новгороде также считали, что они вернулись «без великого княжениа»[104]. В Ростове записали в летопись, что ордынский царь придал князю Юрию Дмитриевичу к Галичу еще Звенигород, Рузу и Вышгород, хотя этими городами он владел и раньше[105]. Вскоре все встало на свои места. В новгородских летописях появилась новая запись о том, что Улу-Мухаммед дал великое княжение Василию II[106].

В июне 1432 г. произошло еще одно событие, имевшее влияние на ход дальнейшей борьбы за московский престол. В Можайске умер князь Андрей Дмитриевич[107]. Можайский удел поделили его сыновья: старший из них (Иван) получил Можайск и Калугу, а младший (Михаил) – Верею и Белоозеро.

Итак, на великокняжеском престоле, опираясь на реальную силу Москвы и волю ордынского хана, утвердился Василий Васильевич. Князь Юрий получил Дмитров, но пробыл там недолго и бежал оттуда в Галич, боясь расправы со стороны Василия II. Великий князь «поимал» в Дмитрове его наместников и посадил на их место своих[108]. Но дядюшка, изгнанный племянником из Дмитрова, готовился к продолжению борьбы.

Борьба за Москву

Понимая, что победа над князем Юрием Дмитриевичем была лишь временной и что решающая борьба за великое княжение еще предстоит, Василий II и его окружение решили закрепить достигнутый ими успех. Прежде всего необходимо было обеспокоиться о дальнейших судьбах престола. Великий князь достиг совершеннолетия, и пора было подумать о его женитьбе. Сразу же после возвращения из Орды, осенью 1432 г., состоялось обручение Василия Васильевича с сестрой серпуховского князя Василия Ярославича Марией[1]. Другая сестра князя Василия Ярославича была женой верейско-белозерского князя Михаила Андреевича. Браки в «гнезде» Ивана Калиты уже давно служили династическим целям. Благодаря помолвке (а потом женитьбе) Василия II серпуховской шурин и белозерский свояк оказались надолго впряженными в великокняжескую колесницу.

Обручение великого князя нанесло сильнейший удар по матримониальным планам И.Д. Всеволожского. Родовые связи Ивана Дмитриевича были обширными. Сам он был женат на дочери Микулы Васильевича (из рода тысяцких Протасьевичей). Старшая дочь его была замужем за князем Андреем Владимировичем Радонежским, но тот умер еще в 1408 г. Вторую свою дочь он в 1421 г. выдал замуж за тверского великого князя Юрия Ивановича[2], скончавшегося в 1425 г. Внучка Ивана Дмитриевича (дочь князя Андрея) была обручена с князем Василием Юрьевичем Косым. После своей

успешной миссии в Орду Всеволожский рассчитывал выдать замуж за великого князя одну из младших дочерей, а теперь его планы провалились[3].

Среди влиятельных бояр начали распространяться слухи о том, что Улу-Мухаммед отдал Дмитров Юрию «по Иванову слову». Говорили также, что Иван Дмитриевич в бытность в Орде сватал свою дочь за князя Юрия. Боярину явно грозила опала. Поэтому он решил предупредить события и бежал к князю Константину на Углич. Но расчеты Всеволожского на поддержку Константина Дмитриевича не оправдались. Угличский князь не склонен был впутываться в свару с великим князем. Ивану Дмитриевичу пришлось бежать далее, на этот раз в Тверь, но и там он надолго не задержался[4]. Тверской великий князь не хотел превращать свой двор в средоточие противников как московского великого князя, так и галицко-звенигородского. В происходившей тогда на Руси борьбе за власть он ревностно охранял тверской «нейтралитет». Всеволожский обрел приют в Галиче, где, по словам летописца, начал «подговаривати» князя Юрия возобновить борьбу за великое княжение[5].

Не терял времени и Василий II. Утвердившись на великокняжеском престоле, он создает коалицию союзных с ним князей.

Около осени 1432 г. вместе с дядей угличским князем Константином Дмитриевичем, можайским князем Иваном Андреевичем и верейско-белозерским князем Михаилом Андреевичем Василий II заключает докончание с серпуховско-боровским князем Василием Ярославичем[6]. Оно содержит развернутую характеристику правовых норм взаимоотношений великого князя с серпуховским. В основных чертах они повторяют нормы докончания Дмитрия Донского с дедом Василия Ярославича Владимиром Андреевичем (около 1363 г.)[7].

По осеннему докончанию 1432 г., Василий Ярославич признавал себя «молодшим братом» Василия Васильевича, обязывался быть с ним (и родичами-союзниками) «заодин» и держать «под ним» великое княжение «чесно и грозно». Словом, серпуховско-боровский князь обязан был во всем и везде «хотети» великому князю «добра». Он обещал, узнав что-либо «о вашом добре или о лисе от хрестьянина и от поганина», сообщать ему об этом «в правду, без примышленья»[8]. Отныне друзья и недруги Василия II

должны были стать таковыми же и для Василия Ярославича. Запрещалось ему без дозволения («веданья») великого князя заключать самостоятельно с кем-либо докончания. Новостью был пункт о том, что сношения с Ордой отныне становились прерогативой великокняжеской власти (опыт поездки в Орду князя Юрия заставил внести в формуляр докончания соответствующую оговорку: «...мне Орды не знати»)[9]. Со своей стороны великий князь должен был держать серпуховского князя «в братстве, без обиды». Формулировка весьма туманная, но докончание санкционировало сторонам владение теми землями, которые находились в их распоряжении по предшествующим грамотам или пожалованиям.

После этих общих пунктов шли частные. Они касались правового положения ордынцев, делюев, числяков, слуг под дворским, холопов-должников, закладчиков и т.п. Важным было обязательство Василия Ярославича лично участвовать в войне с «недругом» великого князя или присылать своих воевод, если в поход пойдут только великокняжеские военачальники. Запрещение покупать села в великом княжении Василию Ярославичу с его боярами, а в его уделе великому князю и его боярам имело чисто декларативное значение и на практике нарушалось. «Примыслы» и «купли» не только были надежным средством проникновения великих князей в уделы, но и подготавливали их окончательное присоединение к основным территориям великого княжества.

Таковы были основные пункты докончания Василия II с Василием Ярославичем, составленного осенью 1432 г. Как увидим дальше, действительность далеко не всегда соответствовала благим намерениям князей и торжественным заверениям договоров, заключавшихся ими. Нарушение их было делом обычным. Подчас все решало реальное соотношение сил, а не устаревшее право.

Вероятно, осенью 1432 или в начале 1433 г. Василий II вместе с Иваном и Михаилом Андреевичами и Василием Ярославичем заключили союзническое докончание с рязанским великим князем Иваном Федоровичем[10]. Договор с Рязанью, возможно, предусматривал взаимную поддержку в борьбе с Кичи-Ахметом, врагом покровителя Василия II Улу-Мухаммеда.

Старалось правительство Василия II добиться под-

держки и влиятельных сил внутри великого княжества. Так, 26 сентября 1432 г. Василий II выдал жалованную грамоту Троицкому монастырю на суд великокняжеского пристава в селах Присеки и Вилгощь в Бежецком Верхе, находившемся в «сместном» владении великого князя и Новгорода[11].

8 февраля 1433 г. состоялась свадьба Василия II с Марией Ярославной. В Москву на торжества по этому случаю прибыли и два старших сына князя Юрия Дмитриевича – Василий Косой и Дмитрий Шемяка. Сам князь Юрий и его младший сын, Дмитрий Красный, отсутствовали. Во время празднества разыгрался скандал, который стал прелюдией к новой вспышке открытого столкновения между галицкими князьями и Василием Васильевичем.

По одним летописным рассказам, Захарий Иванович Кошкин[12], а по другим – Петр Константинович Добрынский[13] узнал на князе Василии Косом золотой пояс («на чепех с камением»), принадлежащий великокняжеской семье. Его якобы получил в приданое Дмитрий Донской от великого князя нижегородского Дмитрия Константиновича. Этот-де пояс подменил на свадьбе Дмитрия Ивановича тысяцкий Василий (из рода Протасьевичей): он взял себе предназначенный великому князю Дмитрию пояс, а ему дал меньший. Тысяцкий Василий передал пояс своему сыну Микуле, которого женили на другой дочери князя Дмитрия Константиновича. В свою очередь Микула якобы дал злополучный пояс в приданое И. Д. Всеволожскому, когда выдавал за него свою дочь; на самом же деле Микула погиб в 1380 г., когда Всеволожскому было вряд ли более 10 лет[14]. По смерти князя Андрея Владимировича Радонежского и возвращении из Орды в 1432 г. Всеволожский обручил свою внучку (дочь князя Андрея) с Василием Косым и дал ему пресловутый пояс.

Драгоценные пояса тщательно перечислялись в княжеских духовных грамотах. Так, Дмитрий Донской завещал сыну Василию «пояс золот велики с каменьем без ремени, пояс золот с ременем Макарова дела», сыну Юрию – «пояс золот новыи с каменьем с жомчюгом без ремени, пояс золот Шышкина дела, вотола сажена»[15]. Василий I Дмитриевич завещал наследнику Василию «пояс золот с каменьем, что ми дал отець мои, да другии пояс мои на чепех с каменьем, а третеи пояс ему же на синем ремени»[16]. Князь Юрий

Дмитриевич завещал Василию Косому «пояс золот с каменьем, на чепех, без ремени»[17].

Властная княгиня-мать на свадьбе Василия II сорвала злополучный пояс с князя Василия Косого. Юрьевичи в гневе («роззлобившися») покинули свадьбу и направились в Галич к отцу. По дороге они «пограбиша» Ярославль и ярославских князей («казны всех князей розграбиша»)[18], державшихся промосковской ориентации. Вслед за Василием Косым и Дмитрием Шемякой «разъехашася по домом» остальные князья и бояре[19].

Смысл происшедших событий нуждается в комментарии. С.Б. Веселовский верно подметил, что «ни Софья, ни ее приверженцы, ни московское правительство в целом не были заинтересованы в том, чтобы вызвать разрыв с Юрьевичами и бросить их в объятия отца». Но из этого он сделал вывод, что «пустил клевету о краже пояса» сам И.Д. Всеволожский, чтобы «поссорить Юрьевичей с великокняжеским двором и вовлечь их в дело отца»[20]. Нам представляется такой ход мысли у И.Д. Всеволожского излишне хитроумным. Вряд ли у него была необходимость выступать в роли пресловутой унтер-офицерской вдовы, которая «сама себя высекла». Ивану Дмитриевичу вряд ли бы пришло в голову оболгать самого себя. Ход дела, вероятно, был иным.

Пояс, вокруг которого разыгралась ссора, имел не столько ценностное, сколько символическое значение[21] – примерно то же, что шапка Мономаха в более позднее время. Владение поясом, как наследием Дмитрия Донского, означало преемственность власти от этого славного победителя на Куликовом поле. С поясом также ассоциировалось обладание Нижним Новгородом (пояс некогда принадлежал великому князю Дмитрию Константиновичу). Скандал из-за него имел и другой аспект.

В боярской среде давно росло недовольство всевластием Всеволожского. Очевидно, противниками могущественного боярина были задолго до 1433 г. Добрынские. Имел личные причины ненависть Ивана Дмитриевича и Захарий Иванович Кошкин: ведь дочь Всеволожского недавно чуть-чуть не сделалась невестой великого князя, а ее счастливая соперница Мария Ярославна была дочерью двоюродной сестры Кошкина. Легенда о похищении пояса родилась среди боярских

противников И.Д. Всеволожского в условиях, когда князь Юрий Дмитриевич продолжал думать о захвате великокняжеского престола, а Иван Дмитриевич бежал к нему. Великая княгиня Софья Витовтовна усмотрела в истории с поясом стремление обосновать права князя Юрия Дмитриевича на великокняжеский престол и поэтому взяла на себя роль карающей руки «справедливости». Для этой цели пришлось пожертвовать и отношениями с Юрьевичами.

По версии великокняжеского свода середины XV в., коварный И.Д. Всеволожский «начат подговаривати» князя Юрия вступить в борьбу за великое княжение, а тот и «посла по дети свои», которые в ту пору присутствовали на великокняжеской свадьбе[22]. В этой версии не сходятся концы с концами: или дети Юрия, «роззлобясь», сами уехали (что правдоподобно), или их «подбил» к отъезду Юрий Дмитриевич, поддавшийся на уговоры Всеволожского. В блестящем очерке о И.Д. Всеволожском у С.Б. Веселовского есть тоже некий «перебор» – могущественный боярин рисуется им беспринципным честолюбцем-авантюристом[23].

Для оценки позиции И.Д. Всеволожского в происшедших событиях полезно обратиться к разбору судебной реформы, осуществленной в годы его правления. В так называемой Записи о душегубстве говорится: «По старине бывало, что вси дворы и дворцовыи великие кнеини и удельных князеи, всих суживал наместник болшеи, судии за ними не бывало; а учинила то кнеини великая София при Иоане при Дмитреевиче, что судья за ними ставится»[24].

По М.Н. Тихомирову, порядок решения судебных дел большим наместником московским «установился с начала княжения Василия Темного». Реформа Софьи Витовтовны и И.Д. Всеволожского «подчинила наместничьему суду все городские дворы без изъятия, в том числе дворы городских удельных князей, чем нарушались права последних. Переход всех дворов под судебную власть большого наместника должен был вызвать недовольство удельных князей как шаг, направленный к умалению их феодальных прав. Следовательно, этот переход надо учитывать как один из поводов к феодальной войне середины XV в.»[25], – полагал М.Н. Тихомиров.

Но в Записи о душегубстве говорится об ином: об ограничении власти московского наместника и расши-

рении судебных прав удельных князей. Нововведение, по Л.В. Черепнину, «было осуществлено в интересах удельных князей» и вызвано «происками И.Д. Всеволожского, отражавшего интересы возглавлявшейся галицкими князьями оппозиции». Позднее Л.В. Черепнин считал Всеволожского представителем «старых бояр», стремившихся к централизации на основе «известного равенства отдельных русских княжеств»[26].

Смысл реформы Софьи Витовтовны и И.Д. Всеволожского в целом Л.В. Черепниным понят правильно. Реформа ограничивала судебные права большого (московского) наместника за счет увеличения прав удельных князей. И все же эти изменения в области судопроизводства нельзя рассматривать однозначно как шаг назад, как уступку удельно-княжеской оппозиции. Следует иметь в виду и обстановку, когда реформа была принята. Она могла быть проведена после 27 февраля 1425 г. (смерть Василия I) и во всяком случае до осени 1432 г. (бегство Всеволожского в Тверь, а потом в Галич). Не могла она произойти и после августа 1431 г., т.е. после отъезда в Орду великого князя и Всеволожского. Следовательно, мероприятия Софьи Витовтовны и Ивана Дмитриевича осуществлены были в 1425–1431 гг.[27] Но именно тогда правительство малолетнего Василия Васильевича озабочено было созданием коалиции удельных князей для противостояния претензиям на великое княжение Юрия Дмитриевича. Поэтому реформа судебных порядков хотя и содержала уступку в пользу удельных князей, но имела своей целью сплотить князей «гнезда Калиты» в борьбе с галицким князем, т.е., если встать на точку зрения И.Д. Всеволожского, имела антиудельную направленность.

В том же русле, что и преобразование наместничьего суда, находилась и унификация монетного дела. Она проведена была, согласно Н.Д. Мец, в феврале – апреле 1425 г.[28] Суть реформы сводилась к следующему. В Москве создан был единый монетный двор. Установлен был также единый вес монет (от 0,77 до 0,7 г), причем вес удельных монет повысился (с 0,62 до 0,65 г). На монетах изображался, в частности, Самсон, побеждающий льва. Монеты удельных князей стали двуименными: на одной стороне находилось имя Василия II, а на другой – либо Андрея или Петра Дмитриевичей, либо Семена или Ярослава Влади-

мировичей. Это были князья, подписавшие в 1423 г. завещание Василия I. Отсутствие монет с именем князя Константина Дмитриевича объяснялось, вероятно, тем, что он в начале 1425 г. был еще безудельным князем-«изгоем». С князем же Юрием правительство Василия II тогда конфликтовало и поэтому никаких монет от его имени не выпускало. Первые двуименные монеты Василия II и Юрия Дмитриевича относятся к 1428 г. (после заключения с ним мартовского докончания).

Итак, стремясь ценой некоторых уступок создать коалицию удельных князей для борьбы с Юрием Дмитриевичем, правительство Софьи Витовтовны и И.Д. Всеволожского одновременно подчиняло их своей власти.

Прибывшие в Галич после отъезда со свадьбы Василия II Василий Косой и Дмитрий Шемяка увидели, что их отец уже «собрався со всеми людьми своими, хотя итти на великого князя»[29]. Они с радостью присоединились к начавшемуся весной 1433 г. походу[30]. В нем принял участие и И.Д. Всеволожский.

В Москве еще не знали об угрозе, нависшей над Василием II, когда туда прибыл ростовский наместник П.К. Добрынский с сообщением о том, что князь Юрий со своими детьми и «многою силою» подошел уже к Переславлю. Не успев «собраться с силою», Василий Васильевич решил попытаться окончить дело миром. Он направил к князю Юрию своих послов – Федора Андреевича (с выразительным прозвищем – Лжа)[31] и Федора Григорьевича (Товарко). Встреча с представителями князя Юрия состоялась у Троицы, но ни к чему не привела: якобы Всеволожский «не дал о миру и слова молвити». Да и послы Василия II были хороши: «...бысть межи их, обоих бояр, брань велика и слова неподобные». Так ни с чем («безделнии») они и вернулись к великому князю.

Тогда Василий II собрал в Москве всех, кого смог, в том числе даже и торговых людей («москвич гостей и прочих»). Воинство было далеко не боеспособное. Ведь князья и бояре разъехались со свадьбы, и никого иного под рукой не оказалось. Военные действия союзного Василию II князя Василия Ярославича Серпуховского и рязанской рати существенных результатов не дали[32].

Выступив из Москвы, Василий II встретился с князем Юрием в решительном сражении на реке Клязьме (в

20 верстах от Москвы) 25 апреля 1433 г. То ли потому, что князь Юрий собрал большое воинство, то ли потому, что москвичи в дым перепились, помощи великому князю ниоткуда не подоспело, и бой Василий II проиграл. Сам же Василий Васильевич вместе с матерью и женой бежал в Тверь. Однако князь Борис Александрович не захотел, видимо, вступать в конфликт с новым великим князем, и беглецам пришлось отправиться дальше. Путь их привел в Кострому, где Василий II рассчитывал найти себе опору в кругах, враждебных Юрию Дмитриевичу[33].

Одержав победу на реке Клязьме, Юрий Дмитриевич вошел в Москву. Для псковского летописца князь Юрий был законным наследником великокняжеского престола. По его словам, он «седе на великом княжении во граде Москвы во своеи отчине»[34]. Псковичи чутко реагировали на смену властей в Москве. Для них «законным» был тот князь, кто реально обладал властью в столице.

Пребывание в Москве великий князь Юрий использовал для своего обогащения. Судя по его договору с Василием Васильевичем, заключенному год спустя, он «поимал» «казну» и «поклажу» Василия II, его матери и великокняжеских бояр. С гостями (торговыми людьми) и суконниками (купцами, ведшими торговлю с Западом) у него установились, очевидно, хорошие отношения, раз уж они позднее ссудили ему такую значительную сумму, как 600 руб.[35] Правда, «казну» позже Юрий Дмитриевич пообещал вернуть Василию Васильевичу, но тот брал на себя погашение его долга гостям.

Вдогонку за Василием II князь Юрий послал на Кострому своих детей, а затем двинулся сам[36]. Казалось бы, успех его был полный. Но вскоре произошло непредвиденное.

Великий князь Юрий Дмитриевич «смирился» со своим племянником Василием Васильевичем и дал ему в удел Коломну, которую в свое время Дмитрий Донской пожаловал отцу Василия. Как только Василий Васильевич прибыл в Коломну, «многие люди начаша отказыватися от князя Юрья за великого князя (по терминологии великокняжеского летописца 70-х годов. – *А.З.*) и поидоша х Коломне безпрестани». Согласно Сокращенному летописному своду конца XV в., «князи же, и бояре, и воеводы, и дети боярские, и вси дворяне не

повыкли галичьскымъ князем служити»[37]. В Ермолинской летописи рассказ об этом немного иной: «Москвичи же вси (а не вообще «многие люди». – *А.З.*), князи, и бояре, и воеводы, и дети боярьскые, и дворяне, от мала и до велика, вси поехали на Коломну к великому князю, не повыкли бо служити уделным князем»[38].

В Никоновской летописи причина отъезда бояр изложена иначе. Юрий Дмитриевич, сев на великокняжеский престол в Москве, послал вдогонку за Василием II своих детей. Те настигли его в Костроме. Тогда туда пошли сам князь Юрий «и с ним силы многи». Придя в Кострому, Юрий Дмитриевич «взя его» (очевидно, захватил Василия II). Тот же «доби челом дяде своему», используя для этой цели заступничество фаворита («любовника») князя Юрия боярина Семена Федоровича Морозова. Это не понравилось И.Д. Всеволожскому («не любо ему бысть сие зело, что простыню дает ему, еще же и удел хощет дати ему»). Так думал не только Иван Дмитриевич, «но и инии мнози бояре и слуги, разъяришася о сем, и не любо им бысть сис всем». Впрочем, рассказ Никоновской летописи в некоторых своих звеньях вызывает недоумение. Вряд ли позиция И.Д. Всеволожского, нарисованная летописцем, была близкой к действительной. Именно в это время он вместе со своими детьми отъехал от князя Юрия к Василию Васильевичу[39].

Так или иначе, но многие галицкие бояре были недовольны тем, что Морозов «исхлопотал» Василию II удел, и, наверное, тем, что князь Юрий отпустил с ним на удел «всех бояр его». На Коломне Василий II сам «нача звати к себе людей отовсюду»[40]. Народ стал к нему стекаться, ибо всем не люб был княжеский фаворит. Словом, недовольство вызывал не сам новый великий князь, а непоследовательность его политики и С.Ф. Морозов.

Негодовали на боярина Семена Федоровича и старшие дети великого князя Юрия Дмитриевича. Вероятно, между Василием Косым, Дмитрием Шемякой и Морозовым разыгралась бурная сцена, в результате которой братья его убили «в набережных сенех» Кремлевского дворца. Они якобы говорили Морозову: «Ты учинил ту беду (мир с Василием II с передачей ему Коломны. – *А.З.*) отцю нашему и нам; издавна еси коромолник, а наш лиходеи, не дашь нам у отца наше-

го жити»[41]. Удовлетворенные совершившимся («въструбивше»), княжичи покинули Москву, где их могла ждать расплата, и отъехали на Кострому[42].

Одним из последствий мира с Василием II и передачи ему в удел Коломны Василий и Дмитрий Юрьевичи считали отъезд из Москвы служилых людей. Это и привело к тому, что «не остася у отца их никого, ни у них»[43]. По С.Б. Веселовскому, князь Юрий «совершил грубую ошибку», заключив мир на подобных условиях[44]. Иными словами, он считал справедливыми упреки князю Юрию, которыми осыпали его старшие сыновья (а по некоторым летописям, и И.Д. Всеволожский). По-видимому, Веселовский заблуждался.

Практически у Юрия Дмитриевича не было иного исхода. Законы «гнезда Калиты», птенцы которого связаны были прочными узами кровного родства, не были еще подточены нарушением традиции галицкими князьями. Ведь именно Юрий Дмитриевич вступил в борьбу с Василием II как защитник «старины», иначе говоря, заветов Дмитрия Донского. Как же мог он, победив своего противника, достигнув «высшей власти», выступить нарушителем традиции великого князя Дмитрия? А эта традиция повелительно требовала, чтобы удел, переданный князем Дмитрием своему наследнику престола (Василию I), оставался за его сыном. Пожалование Василия II московским уделом (Коломной) отвечало политической программе Юрия Дмитриевича, воскрешало «старину». Устранение Василия II с политической арены противоречило бы этому. Бурно протестовавший против данного решения Юрия Дмитриевича (и С.Ф. Морозова) Дмитрий Шемяка позднее сам окажется в сходной ситуации и будет вынужден считаться с силой традиции. Пока же ему казалось возможным окончательно расправиться со своим московским двоюродным братом.

И все же новые понятия медленно, но неуклонно пробивали себе путь в умах политических деятелей молодого поколения, будучи подготовленными сдвигами в жизни общества. Только Юрию Дмитриевичу к ним приладиться было трудно. Ему противостояли не только Василий II с его окружением, но и старшие сыновья. Боярство и служилый люд Москвы поддерживали изгнанного в Коломну бывшего великого князя, хотя купечество склонялось, вероятно, к его противнику.

Не было единства и среди галицкого боярства.

Недовольство вызывала миротворческая деятельность ближайших соратников их князя. Все это привело Юрия Дмитриевича к решению покинуть беспокойную столицу, ибо «непрочно ему седение на великом княжении»[45]. Великое княжение он передал Василию II, а сам отправился в Звенигород или Рузу[46].

По возвращении в столицу Василий II заключил с князем Юрием новое докончание (между 25 апреля – 28 сентября 1433 г.). Договор был составлен от имени великого князя и союзных с ним князей «гнезда Калиты» (Константина Дмитриевича, Ивана и Михаила Андреевичей и Василия Ярославича) с князем Юрием и Дмитрием Меньшим. Князь Юрий признавал старейшинство Василия II («имети ми тобя, великого князя, собе братом стареишим»)[47]. Князья обязались оказывать друг другу помощь в случае борьбы с каким-либо недругом. В конкретных условиях того времени это означало совместную борьбу с Василием Косым и Дмитрием Шемякой[48]. Один из пунктов договора прямо запрещал галицкому князю помогать своим старшим сыновьям: «...детеи ми своих болших, князя Василья да князя Дмитрея, не приимати, и до своего жывота, ни моему сыну меншому, князю Дмитрею, не приимати их. А тобе их также не приимати»[49].

Договор содержал уступку Василием II Бежецкого Верха меньшому сыну Юрия Дмитриевича, Дмитрию Красному (кроме конфискованных владений И.Д. Всеволожского и владений князя Константина, остававшихся там опорными пунктами Москвы). Бежецкий Верх находился формально еще в «сместном» владении с Новгородом, и там нужно было еще укреплять влияние Московского великого княжества. Взамен Бежецкого Верха князь Юрий отказывался от претензий на Дмитров. Новый договор как бы санкционировал порядок, сложившийся после возвращения Василия II и Юрия Дмитриевича из Орды.

Князь Юрий обещал по-прежнему отправлять дань в великокняжескую казну для уплаты «ордынского выхода». Обязывался князь Юрий погасить задолженность за уплату Василием II «выхода» с его удела («а что еси платил в Орде за мою отчину, за Звенигород и за Галич, два выхода и с распанами, а о том ми с тобою розчестися, и чего ся не оточтусь, и мне то тобе подняти те выходы»). Василий II со своей стороны готов был заплатить долг князя Юрия гостям и сукон-

никам (600 руб.), взятый, чтобы погасить задолженность Василия Васильевича (ордынского долга неким (купцам) Резеп-Хозе и Абипу)[50].

Обязательство князя Юрия не вступать в самостоятельные сношения с Ордой имело особенно важное значение, поскольку у всех еще в памяти была поездка Юрия Дмитриевича к Улу-Мухаммеду в 1431–1432 гг. Выговаривал себе князь Юрий «нейтралитет» в возможных конфликтах Василия II с Литвой («а в Литву ти у меня помочи не имати»), где великим князем был его «побратим».

В бытность свою великим князем (после 25 апреля 1433 и до 20 марта 1434 г.) Василий II заключил докончание и с Великим Новгородом[51]. Дело было не только в традиции, согласно которой великий князь владимирский (теперь московский) становился сюзереном Новгорода, но и в конкретной обстановке. В налаживании отношений заинтересованы были обе стороны: Василий II – в преддверии нового раунда борьбы с Юрием Дмитриевичем, Новгород – из-за тревожной обстановки на западных рубежах[52]. Только весной 1434 г. ливонские послы прибыли в Новгород и заключили с ним перемирие на два года[53]. 16 июля 1436 г. договор был подтвержден[54].

С Псковом, отказавшимся помочь новгородцам во время похода Витовта в 1428 г., у Новгорода отношения долго не налаживались. В 1431 и 1432 гг. новгородцы Пскову «миру не даша, а рати не учинишя». То же было и зимой 1433/34 г.[55] 24 июля 1434 г. псковичи заключили мирный договор с новгородцами, но в январе 1435 г. отказались посадить в городе владычных наместников[56].

Докончание Василия II с Новгородом 1433–1434 гг. составлено «по старине». Оно восходит к тексту договоров, заключенных Новгородом еще с князьями Ярославом Ярославичем и Михаилом Ярославичем, и представляет собой, по определению Л.В. Черепнина, «устойчивый... договорный формуляр»[57]. Основные пункты новгородской «старины», как она рисуется по договору 1433–1434 гг., сводятся к следующему. Между великим князем и Новгородом сохраняется мир «по старым грамотам крестным» (как «целовали крест» великие князья Иван Данилович, Семен Иванович, Иван Иванович, Дмитрий Иванович и Василий Дмитриевич). Важнейшими условиями этого мира являлись, с одной

стороны, обязательство великого князя держать Новгород «по старине, без обиды», а с другой – обязательство новгородцев «княжение... великое держати чесно и грозно, без обиды». Новгородцы обязывались «не таити» пошлину великого князя, а тот в свою очередь –управлять новгородскими волостями «мужми ноугородскыми», получая в свою пользу «дар» с этих волостей.

Великий князь в Новгороде делил свою власть с новгородскими посадниками, без которых он не мог ни судить, ни раздавать волостей, ни выдавать каких-либо грамот. В Торжке и Волоколамске управление устанавливалось «по половинам»: одна из них находилась в ведении новгородцев, другая – княжеских тиунов. В Бежецком Верхе («Бежицах») великому князю, княгине, боярам и слугам запрещалось владеть («держать») какими-либо селами, а также использовать любые формы их приобретения (в частности, покупку и «дар»). Договор содержал перечень новгородских волостей (в их числе были Торжок, Бежичи, Пермь, Печора, Югра, Вологда), из которых запрещался вывод людей в великое княжение («в свою волость»). В этих волостях великому князю не разрешалось держать закладчиков, лишать кого-либо земель, отменять судебные решения («грамот не посужати»). Договор устанавливал размер пошлин («погон») княжеским дворянам, а также запрещал судить новгородца «на Низу», т.е. в великом княжении, и закрывать Немецкий двор в Новгороде.

Сразу же после заключения докончания с Василием II Юрий Дмитриевич отправился в Галич, а великий князь начал кампанию против его старших сыновей. Он послал воеводу князя Юрия Патрикеевича со своим двором («а с ним двор свои, многие люди») на Кострому, где в то время находились Юрьевичи. К ним, несмотря на договор князя Юрия с Василием II, подоспели галичане и вятчане[58].

28 сентября 1433 г. в битве на реке Куси, прикрывавшей с юга Галич, Юрьевичи разбили московские войска и полонили князя Юрия Патрикеевича[59]. Одержав победу, Василий Косой и Дмитрий Шемяка послали весть об этом своему отцу, приглашая его занять великое княжение («Отче, поиде на княжение»). Однако князь Юрий, приверженный своим рыцарским представлениям о чести и верности договорным обязатель-

ствам, решительно отказался «взяти княжение под Васильем Васильевичем»[60]. Вероятно, именно поэтому Юрьевичи не закрепили свой успех. Дальнейшая кампания против Василия II теряла для них всякий смысл, и они вернулись на Кострому. Как только «Волга стала» (замерзла), они пошли к «Турдеевым» оврагам[61].

Узнав о разгроме на Куси и о той поддержке, которую оказали Юрьевичам галичане, Василий II зимой 1433/34 г. решил покарать князя Юрия, которого он, очевидно, считал закулисным организатором поражения московских войск. Чтобы осуществить свою цель, великий князь выступил в поход на Галич[62].

Поход Василия II оценивали и по-другому. Так, в Пскове в нарушении договора обвиняли именно великого князя, который пошел на князя Юрия «через мирную руку и правду»[63].

Перед походом на Галич Василий II приказал ослепить И.Д. Всеволожского, очевидно заподозрив его в сношениях с галицкими князьями[64].

Узнав о движении вооруженных сил Василия II, Юрий Дмитриевич направился с Галича на Белоозеро. Московские летописи, сочувствующие Василию II, говорят о бегстве князя Юрия в те края («беже»), но осведомленный тверской летописец предпочитает сказать, что он «съехал» туда. Во всяком случае князь Юрий изрядно потрепал на Белоозере войска безынициативного князя Михаила Андреевича. Галич обороняли Василий Косой и Дмитрий Шемяка. Василию II удалось поджечь городские посады, но взять крепость он так и не смог. Юрьевичи там «отсиделись», а затем к ним на подмогу пришел их отец «с Межи»[65]. Правда, великий князь «люди в плен поведе и много зла сотворив земле тои»[66]. После похода на Галич Василий II вернулся, очевидно через Переславль, в Москву.

Даже относительный успех галицкой акции Василия II был достигнут только благодаря укреплению им коалиции союзников. Между 25 апреля – 28 сентября 1433 г. он заключил докончание с князьями Иваном и Михаилом Андреевичами, обязующее князей быть «заодин» с великим князем и бороться с его недругами[67]. Примерно в то же время заключен был и договор с Великим Новгородом[68]. Эти шаги не замедлили сказаться и на ходе военной кампании. Так, рязанский князь Иван Федорович «посылал свою рать

с... братычем, со князем с Васильем, и воевали, и грабили, и полон имали» (взят был «полон... галичской»)[69]. Иван Андреевич (возможно, с братом Михаилом) «воевал... Галич и Галичскые волости, также и Звенигородскые волости», взяв при этом полон[70].

Действия же князя Юрия Дмитриевича и его детей не были достаточно эффективными. Но все же в ходе военных операций ими была взята («имана») вотчина князя Михаила Андреевича «Белоозеро и Белозерьскые волости», захвачено было несколько «Можаискых волостей и отъездных мест», а также полон[71]. Борьба Москвы с Галичем еще предстояла.

В 1434 г., собрав значительные силы, Юрий Дмитриевич с детьми двинулся в новый поход. Значительным подспорьем ему были подоспевшие вятчане[72]. С Василием II выступил можайский князь Иван Андреевич. Можайск прикрывал западные рубежи страны, и союз с можайским князем мог уравновесить влияние Галича в районе, где галицким князьям принадлежали такие крупные города, как Звенигород и Руза. Можайск важен был обеим враждовавшим сторонам еще и потому, что участие Ивана Андреевича в той или иной коалиции князей придавало ей значение если не общерусской, то во всяком случае общекняжеской (рода Калиты). Это отлично понимал коварный, жестокий и честолюбивый правитель Можайска. Он был озабочен в первую очередь расширением территории своего небольшого княжества и усилением своего влияния на ход борьбы за великое княжение. Поэтому из распри Василия II с его противником Иван Андреевич стремился извлечь для себя максимум выгоды. Но для обеих сторон союзником он был ненадежным. Только тот, кто ему сулил (а еще лучше – давал) больше, мог рассчитывать на его временную поддержку.

Решающая битва Василия II с Юрием Дмитриевичем состоялась в «субботу Лазареву», т.е. 20 марта 1434 (6943) г., у св. Николая на горе в Ростовской земле[73]. Она окончилась полным разгромом московских войск («войска его побили много»)[74]. Василий II бежал в Новгород, где 1 апреля «прияша его новгородцы»[75]. Иван Можайский устремился с поля боя в Тверь (туда к своей дочери, супруге князя Бориса, бежала и его мать)[76].

Достигнув Новгорода, Василий Васильевич остановился на Городище, где обычно жили в Новгороде

князья-служебники. На этот раз непрошеного гостя новгородцы встретили враждебно: его присутствие могло привести к конфликту с великим князем Юрием Дмитриевичем, чего они старались избегать. 5 апреля «вси людие... выехаша ратию на поле на Городище». До открытого столкновения дело не дошло, но вскоре (26 апреля) князю-беглецу пришлось покинуть Новгород[77].

Главой Новгорода в это время был фактически Евфимий II (Вяжицкий), избранный на архиепископский престол в ноябре 1429 г. (после смерти Евфимия I)[78]. Неустойчивое положение Северо-Восточной Руси способствовало тому, что Новгород тогда стал склоняться к литовской ориентации. С осени 1432 г. на кормлении там сидел князь Юрий Лугвеньевич (Семенович), а в 1434 г. Евфимий на поставление поехал в Смоленск к митрополиту Герасиму[79].

После победы на реке Могзе Юрий Дмитриевич не стал преследовать своего племянника, а пошел прямо на Москву, где в то время находилась Софья Витовтовна, а воеводой был Роман Иванович Хромой (из рода Ратшичей)[80].

Пытаясь сохранить коалицию князей, чтобы продолжить борьбу с Юрием Дмитриевичем, Василий II послал боярина Андрея Голтяева в Тверь к князю Ивану Андреевичу. Боярин должен был убедить Ивана Можайского, чтобы тот «не отступал» от Василия Васильевича, «а был бы с ним заодин». Осторожный и расчетливый можайский князь и на этот раз оказался верен себе. Он отвечал уклончиво, фактически отказывая («отказа с Ондреем») Василию II в помощи: «...господине государь, где ни буду, а везде есми твои человек, но чтобы ныне вотчины не потерял да матка бы не скиталася по чюжеи отчине, а всегда есми твои»[81].

Истинные намерения Ивана Андреевича прояснились вскоре, когда к нему прибыл от Юрия Дмитриевича посол Яков Жестов, передавший ему просьбу князя Юрия соединиться с ним. Не теряя ни минуты, Иван Андреевич поспешил из Твери к новому великому князю. Встретившись в Троицком монастыре («у Троицы»), князья двинулись прямо к Москве[82].

31 марта (на Светлой неделе в среду) после недельной осады Москва была взята. Город отворили Юрию Дмитриевичу по распоряжению Р.И. Хромого[83].

Войдя в столицу, князь Юрий приказал отправить великих княгинь Софью Витовтовну и Марью Ярославну, по одним сведениям, в Рузу[84], а по другим – в Звенигород[85]. Одновременно он «поимал» казну великого князя[86].

7 апреля великий князь литовский Свидригайло, внимательно следивший за событиями в Северо-Восточной Руси, с радостью сообщил гроссмейстеру Ордена из Вязьмы, что он получил известие о победе князя Юрия: «...князь Юрий, великий князь Московский, и великий князь Василий, сын его брата, дрались с многочисленными силами и с ужасным упорством и ожесточением. Всевышний помог князю Юрию низложить врага своего, кн. Василия, и разбить его воинство; завладеть городами, селами и всею его землею; взять в плен не токмо старую великую княгиню и супругу Василия, но и всех поднявших против него оружие и, наконец, изгнать самого Василия из его владений; князь же Юрий, с давнего времени искренний и верный наш друг, обещал подать нам помощь и прислать к нам своего сына»[87].

Василий Васильевич не отказался от дальнейшей борьбы за великое княжение и 26 апреля отправился в Тверь, рассчитывая на помощь великого князя тверского. Но Борис Александрович счел для себя за благо сохранить позицию невмешательства в споре дяди с племянником. Поэтому князю Василию пришлось покинуть Тверь и двинуться по Волге «на Мологу да к Костроме, да оттуды в Новгород Нижний»[88]. Когда-то Нижний был пристанищем гонимого князя Юрия, а теперь к нему устремился согнанный с престола московский князь. Беглец, однако, нигде поддержки не встретил. По Ермолинской летописи, он «побеже... по Заволжью к Новугороду Нижнему, а оттоле въсхоте поити в Орду, не бе ему стати с кем противу его», т.е. князя Юрия[89]. Василий II, не найдя поддержки на Руси (к тому времени умер даже его дядя Константин[90]), решил перенести спор в Орду. Василию Васильевичу осталось только надеяться, что ордынский хан воспримет самовольный захват великого княжения Юрием Дмитриевичем как нарушение своей воли и снова посадит его на престол в Москве.

Иным было положение у великого князя Юрия Дмитриевича. Даже ближайшие союзники Василия Васильевича спешили заключить с новым великим князем докон-

чания, признать его старейшинство на Руси. В договорные отношения с ним вступили великий князь рязанский Иван Федорович[91] и князья Иван и Михаил Андреевичи[92]. Иван Федорович, в частности, обязывался «сложити» крестное целование к «князю» Василию Васильевичу и больше с ним в какие-либо переговоры не вступать (не «ссылатися»). То же самое обязательство содержалось и в докончании с Андреевичами[93].

Придя к власти, Юрий Дмитриевич решил перестроить всю систему взаимоотношений великого князя с союзниками и родичами. Рязанский великий князь отныне рассматривался им «братаничем», т.е. племянником, а не «братом молодшим» (как его называл Василий II даже в 1447 г.)[94]. Дистанция между ним и великим князем московским увеличилась. Иван и Михаил Андреевичи должны были «иметь» его «отцом», а он обязывался их держать «в сыновьстве». Это уже не отношения по типу «брат старейший» и «брат молодший». Великий князь Юрий Дмитриевич пытался сделать более решительный шаг по пути утверждения единодержавия, чем Василий II[95].

В том же направлении великий князь Юрий осуществлял и монетную реформу. На монетах, которые он выпускал, изображался всадник, поражающий змия, т.е. Георгий Победоносец[96]. Святой Георгий был патроном князя Юрия. Выпуск монет с изображением победоносного всадника говорил и о стремлении князя Юрия утвердить единодержавие, и о его решимости бороться с ордынцами (змей символизировал Восток). Вернувшись к власти, Василий II сохранил изображение Георгия Победоносца на монетах, введенное Юрием Дмитриевичем. Позднее оно стало также гербом Москвы.

Закончив создание коалиции князей против Василия II, князь Юрий отправил своих сыновей Дмитрия Шемяку и Дмитрия Красного на Нижний. Не успели они добраться до Владимира, как получили известие, что 5 июня 1434 г. их отец умер[97].

Между концом июня 1432 – 25 апреля 1433 г. Юрий Дмитриевич составил духовную грамоту[98]. В ней он завещал Василию Косому Звенигород, Дмитрию Шемяке – Рузу, Дмитрию Меньшому – Галич и Вышгород. Совместно они должны были владеть жребием князя Юрия в Москве, Вяткой и Дмитровом. В 7-тысячный «выход» со Звенигорода шло 511 руб., с Галича – 525 руб.

Князь Юрий Дмитриевич принадлежал к числу выдающихся политических деятелей первой трети XV в. Трезвый политический ум подсказывал ему решения, которые направлены были к укреплению единодержавия на Руси. Он понял, что опорой его на этом поприще наряду со служилым людом может быть русский город. Являясь наследником программы Дмитрия Донского, князь Юрий сознавал, что только в борьбе с Ордой можно добиться создания мощного единого государства. Он умел идти на компромиссы, когда это вызывалось насущной политической необходимостью. Он сам покинул столицу Руси, когда убедился, что сложившаяся там обстановка не давала ему шансов на успех. И вместе с тем князь Юрий снова начал борьбу за великое княжение, как только сумел сплотить вокруг знамени Дмитрия Донского достаточно сил, чтобы нанести поражение Василию II.

На Русском Севере распространен был культ Георгия Победоносца, поражающего змия. В.Н. Лазарев, давая общую характеристику русской живописи XV в., отметил: «Образ Георгия особенно почитался на Севере – в Новгородской, Двинской и Вятской областях. Здесь Георгию были посвящены многочисленные церкви; его воспевали в духовных стихах... Постепенно образ «Егория Храброго»... сделался одним из самых популярных тем новгородской иконописи»[99]. На Севере образ Георгия Победоносца мог ассоциироваться с князем Юрием, наследником славных традиций Дмитрия Донского, так же как змей – с ордынцами.

Умный политик, князь времени Предвозрождения, Юрий Дмитриевич был покровителем замечательных начинаний в русском искусстве, отмеченных гением Андрея Рублева. По рождению он должен был уступить великое княжение своему старшему брату, Василию, не обладавшему какими-либо особенными достоинствами. В решающую борьбу за власть князь Юрий вступил уже на закате своих дней. Смерть неожиданно оборвала его жизненный путь как раз тогда, когда он добился великого княжения и сложились условия, которые могли предотвратить дальнейшую братоубийственную войну. Завершение объединительного процесса русских земель могло быть куплено ценой меньших потерь, чем те, которыми заплатил народ после его кончины. Но история отнюдь не всегда выбирает прямые пути к прогрессу.

Авантюра Василия Косого

Итак, 5 июня 1434 г. в Москве скончался великий князь Юрий Дмитриевич. Вопрос о наследнике престола всплыл с еще большей остротой, чем девять лет тому назад, после смерти его старшего брата, Василия. Иным был и расклад сил. Властью в великом княжестве обладали прямые наследники князя Юрия, которому еще недавно радушно отворила ворота и столица государства – Москва. Молодые и энергичные сыновья Юрия Дмитриевича Василий Косой и Дмитрий Шемяка, уже достаточно понюхавшие запаха пороха, в течение долгих лет шли рука об руку к власти. Их кузен Василий Васильевич не мог рассчитывать – во всяком случае в ближайшем будущем – на возвращение великого княжения и бежал из столицы, надеясь найти прибежище в каком-либо городе, где были сильны антимосковские настроения.

Правда, эта, казалось бы, кристально ясная расстановка сил при ближайшем рассмотрении затуманивалась. Срок пребывания князя Юрия в Москве оказывался совсем небольшим (немногим более двух месяцев), чтобы можно было сказать о полной гармонии интересов галицких князей с москвичами (предшествующий опыт князя Юрия говорил скорее о существовании между ними серьезных противоречий). Не прошли еще искуса обладания великокняжеской властью Юрьевичи и, выдержит ли их братский союз это серьезное испытание, предвидеть было трудно. Наконец, чем окончатся

попытки Василия II противоборствовать своим галичским родичам, предугадать было невозможно.

Игра страстей дополнялась запутанной традицией престолонаследия. Юрий Дмитриевич твердо отстаивал родовой принцип наследования великокняжеского престола (от брата к брату), а его соперник Василий Васильевич настаивал на семейном (от отца к сыну). Но вот князь Юрий умер, и все изменилось. Согласно родовому принципу престолонаследия, все права переходили к Василию Васильевичу (старшему среди князей следующего поколения), а по семейному – к сыну князя Юрия Василию Косому. Как же в такой пикантной ситуации поведут себя князья? У кого из них будет больше шансов получить великокняжеский престол? Время и напористость решали многое, но не все.

И вот Василий Косой, находившийся при умершем отце, объявил себя его наследником, послав об этом сообщение своим братьям[1]. И в самом деле, что было терять время князю Василию? Дмитрий Шемяка и Дмитрий Красный посланы были еще Юрием Дмитриевичем в поход против Василия Васильевича на Кострому и к моменту смерти своего отца сумели добраться только до Владимира[2]. Не до великого княжения было и самому Василию Васильевичу. Однако младшие братья решительно воспротивились самовольному решению Василия Косого.

Позиция Дмитрия Шемяки и Дмитрия Красного на первый взгляд кажется и неожиданной, и неоправданной. Братья категорически отказались признать Василия Косого великим князем. Гадать о причинах этого, когда источники безмолвствуют, очень трудно. И все же, приняв своевольное решение, Василий Косой преступил закон «гнезда Калиты». Уже одно это могло вызвать негодование у его братьев. Но он выступил также и против того самого родового принципа наследования престола, за который боролись князь Юрий и его сыновья. Факт захвата престола Василием Косым превращал борьбу за «идею», «принцип», «наследие Дмитрия Донского» в обыкновенный разбой. Права на великокняжеский престол, согласно толкованию духовной грамоты Дмитрия Донского галицкими князьями, отныне принадлежали Василию II. Поэтому Дмитрий Шемяка и Дмитрий Красный объявили Василию Косому: «Аще не восхоте Бог, да княжит отец наш, а тебя и сами не хотим». Чего же «хотели» братья? Конечно,

вернуться к «старине» – посадить на престол Василия II.

Дело было, конечно, не только в юридической стороне вопроса. Своим волевым характером и самостоятельностью действий Василий Косой внушал младшим Юрьевичам серьезные опасения. Другое дело – Василий Васильевич. У него не было каких-либо особенных талантов, а особливо задатков крупного политического деятеля. К тому же совсем недавно он потерпел поражение и не пользовался безоговорочной поддержкой в каких-либо русских землях. Итак, Юрьевичи предпочли его, как слабейшего из претендентов, рассчитывая, что смогут при нем играть заметную роль.

Василий Васильевич охотно пошел им навстречу: «...прииде к ним князь великии, и смирившеся, поидоша к Москве»[3]. Московские летописцы умалчивают о том, что Василий II посажен был на престол в 1434г. его злейшим врагом Дмитрием Шемякой. Вряд ли это можно объяснить случайностью.

Теперь уже обстановка стала иной. Василий Косой попал в положение полководца без войска: московские и, возможно, галицкие полки находились с его братьями и Василием Васильевичем. Поэтому Василий Юрьевич принял решение покинуть Москву. На великом княжении он пробыл всего месяц. «Побрав злато и сребро, казну отца своего, и градьскыи запас весь»[4], взяв в качестве заложницы Марию Голтяеву (мать жены Василия II), Василий Косой направился к Ржеве (один из городов князя Юрия). Затем, «поимав» князя Романа «Переяславского», он двинулся в Новгород, который рассчитывал сделать опорой сопротивления своим соперникам[5]. В «розмирье» с Василием Косым столицу покинули московские гости и суконники, бежавшие (очевидно, с Василием Юрьевичем) в Тверь[6].

Итак, великим князем снова стал Василий Васильевич. Вернув власть, он щедро вознаградил своих союзников. Дмитрий Шемяка получил в дополнение к Рузе Углич и Ржеву, а Дмитрий Красный – к Галичу Бежецкий Верх. В докончании с двумя Юрьевичами (около 5 июня 1434 – 6 января 1435 г.) Василий II санкционировал их право на владение землями, завещанными им их отцом князем Юрием Дмитриевичем, а также подтвердил собственное им пожалование. Оно состояло из удела недавно умершего князя Константина Дмитриевича (Ржева и Углич) и Бежецкого Верха. «Бежичами»

жаловался Дмитрий Меньшой «по старине», т.е. на условиях «сместного» (совместного) владения с Великим Новгородом. Положение Вятки определялось распоряжением Юрия Дмитриевича («по отца вашого последнему докончанью»), т.е. Вятка должна была находиться в совместном владении Юрьевичей[7]. В качестве компенсации за сожжение Галича зимой 1434 г. Василий II освободил этот город от уплаты «ордынского выхода» на три года («а галицькие ми выти не взяти в выход три годы»).

Не найдя сочувствия своему стремлению любой ценой снова овладеть великокняжеским престолом, князь Василий Юрьевич осенью 1434 г. покинул Новгород, где он провел всего восемь недель. Василий Косой двинулся по Мете, затем перебрался в Бежецкий Верх и Заволочье, при этом «много зла бысть от него»[8]. Этот поход в какой-то мере был ответом на докончание Василия II с братьями Василия Косого, согласно которому Бежецкий Верх переходил к Дмитрию Красному. Оговорка о том, что порядок управления Бежецким Верхом сохранялся старый (совместно с Новгородом)[9], по существу ничего не меняла. Василий Юрьевич рассчитывал на то, что безвольный Дмитрий Красный не сможет организовать ему сопротивление, а сам он сумеет укрепиться в Бежецком Верхе, тем более что «заволочани задашася за него, и крест к нему целоваша, а от Новагорода отъяшася»[10].

Слабость Василия Косого заключалась в разорванности его княжения на две части: одну составляли буйные вятчане, другую (западные владения) – Дмитров, Звенигород и, возможно, Руза и Ржева. Попытка обосноваться в Бежецком Верхе имела своей целью создать вокруг Москвы на западе полукружье, которое могло стать плацдармом для наступления на столицу великого княжения. Но реальной опорой в борьбе с Москвой могли быть только северные земли, на которые распространялось влияние Дмитрия Шемяки. Вятчане были слишком далеко.

Однако закрепиться в районе Бежецкого Верха Василию Юрьевичу не удалось, и он, пройдя Заволжьем, вышел на Кострому[11]. Пробыв некоторое время в Костроме, Василий Косой двинулся на Москву. Но в битве при реке Которосли (между Ростовом и Ярославлем) он 6 января 1435 г. потерпел поражение[12]. Ему пришлось бежать в Кашин (по словам одного из летописцев,

мимо Ростова), где он «окопився», т.е. соединился с новыми силами[13]. Сюда собрались остатки его «дружины» (примерно 300 человек). От великого князя тверского Бориса Александровича, стремившегося сохранить «равновесие» претендентов на великое княжение в Северо-Восточной Руси, прибыла подмога, в том числе «кони, и порты, и доспех»[14].

Полагая, что князь Василий Юрьевич находится в Вологде, Василий II направил туда своих воевод «со всеми людми». Обычно посылались в поход все военные силы, имевшиеся в распоряжении великого (или удельного) князя. Василию Косому удалось «безвесно» (незаметно) прийти на Вологду и захватить врасплох всех великокняжеских воевод. В плен попали боярин Ф.М. Челядня, а также В.М. Шея (Морозов), А.Ф. Голтяев и др. Пограбив заодно и саму Вологду, Василий Юрьевич пошел, по словам Типографской летописи, «в Новогородское»[15]. По Ермолинской летописи, он двинулся с Вологды в Заозерье «и, пришед, ста у Дмитрея Святаго на устьи»[16]. Речь идет о реке Устье. Князь Дмитрий Заозерский (очевидно, союзный с Дмитрием Шемякой, а значит, в то время и с Василием II) не хотел пропустить Василия Косого в Новгород, но тот, «бив его», взял в плен его мать и сестру, а также «имение его все взяв». «...Много же людеи заозерян на том бою избьено бысть», – отметил летописец[17]. Военные действия захватили Ярославщину и Белоозеро[18].

После военных действий в Заозерье, судя по Ермолинской летописи, Василий Юрьевич двинулся к Устюгу. Здесь, очевидно, горожане не оказали ему сопротивления и открыли городские ворота. Впрочем, на Устюге были не только сторонники Василия Косого. Его враги составили заговор, решив на Пасху (17 апреля) убить князя. Однако у Василия Юрьевича нашлись и доброхоты, предупредившие его о грозящей опасности. Василий Косой бежал за Сухону, едва спасшись от гибели. Те из его сторонников, кто не успел последовать за ним, были убиты. Устюжан, взятых в плен Василием II, заговорщики «отполонили»[19]. Между вятскими союзниками Василия Косого и частью устюжан, очевидно, вспыхнули старые распри. Его противники явно рассчитывали на поддержку Василия II, но великий князь пока еще не мог оказать им действенной помощи.

Весной 1435 г. Василий Юрьевич снова пришел к Костроме и послал «по вятчан», которые поспешили к нему на подмогу. Узнав об этом, Василий II счел для себя за благо заключить мир со своим соперником. За отказ от претензий на великокняжеский престол он пожаловал Василию Косому Дмитров, как это было в аналогичном случае с его отцом[20]. Договор санкционировал также незыблемость соглашения великого князя с союзными ему Дмитрием Шемякой и Дмитрием Красным. В противне докончания Василий Юрьевич подчеркивал, что князья должны руководствоваться в своих взаимоотношениях нормами завещания Дмитрия Донского (жить «по душевной грамоте деда нашего великого князя Дмитрия Ивановича»). Василий Юрьевич обещал вернуть белозерский и ярославский полон, а также награбленное им на Вологде имущество бояр. Наконец, он обязывался не принимать гостей и суконников, бежавших от Василия II в Тверь.

Докончание оказалось недолговременным. В Дмитрове Василий Юрьевич пробыл всего с месяц, а затем снова отправился в Кострому, послав великому князю «разметные грамоты». В чем была причина очередного обострения отношений между князьями, нам не известно. В Костроме Василий Юрьевич прожил до «зимнего пути». Когда установились холода, он вместе с вятчанами двинулся к Галичу. Удар и на этот раз был направлен по слабому звену великокняжеской коалиции: в Галиче находился союзный Василию II безынициативный брат Василия Косого Дмитрий Меньшой. Расчет был правильным. Город был взят. Затем Василий Косой направился к Устюгу. В заговенье на Филиппов пост (15 ноября – 25 декабря) он вышел на реку Кичменгу и двинулся по реке Югу. Устюг был осажден 1 января 1436 г. Осада затянулась на девять недель. В конце концов город пал. Воевода князь Глеб Иванович Оболенский был убит, владычный десятинник Иев Булатов повешен[21]. Да и многие устюжане посечены были и повешены в отместку за попытку убить князя Василия Юрьевича во время заговора 1435 г.

Тем временем зимой 1436 г. Дмитрий Шемяка приехал в Москву звать Василия II к себе на свадьбу в Углич. Его невестой была Софья, дочь князя Дмитрия Заозерского[22]. Вряд ли этот шаг означал попытку заманить великого князя в ловушку или устроить на свадьбе какой-либо скандал по образцу происшедшего

в феврале 1433 г. Дмитрий Шемяка в это время воздерживался от поддержки своего старшего брата и, вероятно, пытался нормализовать свои отношения с Василием II. Однако Василий Васильевич иначе оценил его намерение и решил по-своему использовать предоставленную ему возможность. Он попросту «поимал» князя Дмитрия и отправил его с приставом Иваном Старковым на Коломну[23]. Очевидно, великий князь усмотрел связь выступления Косого с приездом Шемяки и решил не допустить тесного «сдиначества» братьев[24]. Этот шаг Василия Васильевича был несомненным просчетом. Он привел к раздроблению сил коалиции князей, выступавшей против авантюристических действий Василия Косого.

Поступок великого князя вызвал негодование в среде сторонников Дмитрия Шемяки, и когда с Устюга Василий Юрьевич двинулся на Вологду, то к нему присоединился двор Дмитрия Шемяки, представлявший крупную боевую силу («княжи Дмитреевы братни дворяне 500 человек»)[25]. Во главе двора находился воевода Акинф Волынский. Выступив против Василия II весной 1436 г., Василий Юрьевич переправился через Волгу и подошел к Нерехте. Очевидно, он от Вологды шел по Мологе и Волге.

В молниеносных рейдах Василия Косого прослеживается некая система, объясняющаяся и сложной обстановкой 1434–1436 гг., и самим характером этого князя. Василий Юрьевич стремился прежде всего обеспечить себе поддержку тех земель, в которых влияние его братьев и Василия II не было прочным. Не имея достаточно сил для захвата Москвы, он предпочитал громить своих врагов поодиночке, нанося удары по их наиболее слабым позициям. В 1434 г. Василий Юрьевич рассчитывал на поддержку Новгорода и тех его волостей, которые находились в совместном владении с великими князьями (Бежецкий Верх). Он надеялся также, что антимосковская позиция Костромы приведет ее к союзу с ним (сходными были расчеты в недавнем прошлом и Василия II). В начале 1435 г. после неуспеха первоначального плана Василий Юрьевич решил нанести основной удар по ярославским союзникам Василия II и Дмитрия Шемяки, с тем чтобы добиться захвата Костромы и Вологды. Видя, что наиболее верным союзником его стала Вятка, Василий Косой решил укрепиться на Вологде и в Устюге,

чтобы как-то приблизить свои владения к землям вятчан.

Предпринимая все эти действия, Василий Косой надеялся, что ему удастся одному, без коалиции князей одержать победу. Это был его крупнейший просчет. Особенно пагубно на судьбе Василия Юрьевича сказалось то, что он практически потерял свою столицу (Звенигород), столицу Шемяки (Рузу) и оттолкнул от себя влиятельного можайского князя Ивана Андреевича, перешедшего в стан сторонников Василия II.

Слабость позиции Василия Косого учло окружение Василия II, которое добивалось объединения вокруг Москвы князей «гнезда Калиты». Великого князя поддержали Иван Андреевич Можайский и Дмитрий Меньшой[26]. Возможно, с Василием II были заодно и его наиболее преданные союзники – белозерский князь Михаил Андреевич и серпуховской князь Василий Ярославич. Великого князя поддерживал ярославский князь Александр Федорович Брюхатый. К Василию II прибыл из Литвы князь Иван Баба Друцкий[27]. Наконец, поняв опрометчивость своего поступка, Василий II распорядился освободить Дмитрия Шемяку «из железа», предписав «быти ему простому на Коломне», т.е. жить там как бы под негласным надзором. Трудно сказать, как подействовал этот жест на позицию двора Шемяки.

После этой дипломатической подготовки Василий Васильевич двинулся против своего основного противника.

Решительная битва состоялась 14 мая 1436 г. в Ростовской земле на реке Черехе (между Волгой и селом Большим), у церкви Покрова в Скорятине[28] (по другим сведениям – «в Ростовском Нализе»[29]). Сначала враждующие стороны взяли перемирие до утра[30]. Полки, распущенные Василием II, разъехались «вси кормов деля». Этим попытался воспользоваться Василий Косой. Нарушив достигнутое временное соглашение, он совершил дерзкий набег на лагерь великого князя. Однако «сторожа» предупредили Василия II о грозящей ему опасности, и по сигналу боевой тревоги тому удалось собрать свои силы. В начавшейся баталии успех сопутствовал Василию Васильевичу. Отряды Василия Косого были наголову разбиты, а сам он бежал с поля боя. Однако князя догнали и схватили Борис Тоболин и князь Иван Друцкий[31]. Пленник был

препровожден в Москву и 21 мая ослеплен[32]. Победители расценили особо опасными действия вятичей, поэтому их воевод ждало суровое наказание. Один из них, Дятел, был повешен в Москве, а другого, Семена Жадовского, «в Переславли черн мужики ослепы убили», т.е. забили насмерть[33].

По возвращении в Москву Василий II послал за Дмитрием Шемякой в Коломну «и пожаловал его»[34].

Одной из причин поражения Василия Юрьевича была его нерасчетливая уверенность в обеспеченности успеха. Когда он с конным войском переправился через Волгу и пошел на Нерехту, то главную свою ударную силу – 400 вятчан – отпустил от себя вверх по Волге к Ярославлю (центр сопротивления союзников Василия II). Ожидая, что во главе этой судовой рати будет сам Василий Косой, Василий II направил под Ярославль 7-тысячное войско во главе с ярославским князем Александром Федоровичем Брюхатым. Получив весть, что под Ярославлем на устье реки Туношны (в 15 верстах от города) стоит какая-то судовая рать, вятчане поспешили на помощь к Василию Косому. Соединиться с его силами они так и не успели. Им удалось только захватить князя Александра, которого они и препроводили на Вятку[35].

Но в целом битва на Черехе привела к разгрому сил, боровшихся против коалиции князей во главе с Василием II.

Умер Василий Косой в 1447/48 г.[36] Это был человек авантюрного склада. Несомненно обладавший задатками крупного полководца, он переоценил свои силы и ухитрился растерять своих надежных союзников. Его гибель в междукняжеской борьбе за власть была естественным следствием этого.

Победа над Василием Косым не означала еще установления единовластия Василия II. Одолеть старшего сына Юрия Дмитриевича ему удалось только вместе с коалицией могущественных князей-союзников, которые за оказанную великому князю поддержку рассчитывали получить вознаграждение и сохранить свои позиции в уделах.

Через месяц после победы над Василием Косым (13 июня 1436 г.) Василий II и Дмитрий Шемяка составили новое докончание[37]. И на этот раз Дмитрий Юрьевич признал себя «молодшим братом» Василия Васильевича. Он подтвердил переход удела Василия Косого (Дмитров

и Звенигород) Василию II. Удел Константина Дмитриевича (Ржева и Углич) остался по-прежнему за Дмитрием Шемякой и его братом Дмитрием Красным. Возможно, в то же самое время составлены были договоры Василия II с другими его союзниками-князьями – Иваном и Михаилом Андреевичами. В «прибавку» к своей отчине князь Иван Можайский получил Козельск и Лисин. Андреевичи, как и Дмитрий Юрьевич, признали Василия Васильевича «братом старейшим»[38]. Так системой договоров подведены были итоги борьбы Василия II с Василием Косым. Победа московского князя тем самым получила правовую санкцию.

Флорентийская уния

Примерно пять лет сохранялся компромисс, достигнутый в 1436 г. Эти годы были наполнены подготовкой сторон к дальнейшему противоборству. Василию Васильевичу, по-видимому, казалось, что он поступился слишком многим, а союзники, очевидно, рассчитывали на большее.

Не урегулированы были отношения Москвы с Новгородом и Литвой. Нарастала угроза со стороны Большой Орды и ее наследников. Нужно было решить запутанный церковный вопрос, переплетавшийся с русско-византийскими отношениями. Серьезные осложнения внешнеполитической обстановки и внутрироссийские трудности не позволяли Василию II выступить против Дмитрия Шемяки. У галицкого же князя пока сил хватало только на то, чтобы не утратить независимость в своих внутренних делах.

Обострение борьбы Василия II с Василием Косым привело к росту самостоятельности Новгорода, осмеливавшегося проводить самочинные внешнеполитические акции против своих «ослушников». Еще зимой 1435/36 г. Новгород послал войска в карательную экспедицию против Ржевы. Речь шла о Пустой Ржеве, находившейся на притоке Великой. Этот небольшой городок с волостью издавна был очагом споров между Новгородом и Литвой. Он платил дань («ржевскую дань») Новгороду, но признавал власть Литвы. Впрочем, ржевичи платили дань нерегулярно («не хотеша дани давати»)[1]. Это и вызвало поход новгородцев на

них. Новгородцы «казниша ржевиць и села вся пожгоша по Ръжеве по плесковьскыи рубежь»[2].

Тогда же, в предвидении нового столкновения с Василием Косым, Василий II попытался урегулировать отношения с Новгородом, памятуя, что в Новгородской земле были силы, готовые поддержать его противника. Разногласия Новгорода с Москвой касались прежде всего положения тех новгородских волостей, которые хотел освоить московский великий князь. Так вот, зимой 1435/36 г. Василий II «человаше крест» Новгороду, что он «отступитися» новгородской «отцины Бежичкаго верха и на Ламьском волоке и на Вологде». Эту заманчивую для новгородцев посулу великий князь подкрепил обещанием послать своих бояр на размежевание земель в 1436 г. на Петров день. Однако победа Василия II над Василием Косым сделала предполагавшуюся уступку земель для Москвы ненужной, и никаких своих «мужей» на развод земель летом 1436 г. великий князь не прислал[3]. Новгородский вопрос остался, таким образом, нерешенным.

Резкое обострение обстановки в Великом княжестве Литовском имело влияние и на позицию русских земель по отношению к претендентам на великокняжеский престол в Литве. 1 сентября 1435 г. Свидригайло потерпел тяжелое поражение от Сигизмунда Кейстутовича на реке Свенте (у Вилкомира). Псковский летописец писал, что «за много лет не бывало такого побоища в Литовскои земли»[4]. Свидригайло бежал с поля боя в Полоцк «на 30 конях» вместе со своим союзником Юрием Лугвеньевичем[5]. Летом 1436 г. от Свидригайла отложились и союзные ему Полоцк и Витебск.

Перемену обстановки в Великом княжестве Литовском учли старые союзники Свидригайла. С Сигизмундом поспешил заключить мирное докончание бывший верный доброхот Свидригайла великий князь тверской Борис Александрович[6]. 31 декабря 1435 г. с Польшей заключили мир Прусский и Ливонский ордена, обещавшие порвать с Свидригайлом. Не отстал от них и Новгород, понимая, что его противостояние Москве возможно при сохранении прочных тылов на западе. Зимой 1436/37 г. новгородцы отправили своих послов к победителю на Свенте и заключили с Сигизмундом мирный договор[7]. Это, конечно, не означало, что новгородские власти готовы были к открытому сопротивлению

Москве. Отнюдь. Они хотели остаться в положении буфера между Западом и Востоком. Поэтому, когда весной 1437 г. к ним из Москвы прислан был виднейший боярин Василия II князь Юрий Патрикеевич за «черным бором», они заплатили ему этот тяжелейший для них побор[8].

Существенные перемены, оказавшие влияние на ход борьбы за единовластие на Руси, произошли в «Поле». В ходе перегруппировки сил в Орде против Улу-Мухаммеда выступил один из сыновей Тохтамыша – Сеид-Ахмед. Сферы влияния обоих царей были различными. Если Сеид-Ахмед захватил на время Крым, а потом обосновался на Днепре, то Улу-Мухаммед кочевал в приволжских степях. Очевидно, именно ордынцы Сеид-Ахмеда в конце 30-х годов XV в. больше других татар опустошали русские окраины и «украйные села поимаша»[9]. Наверное, именно они не только в 1437 г. приходили на Рязань, но и в 1437/38 г. «воеваша Рязань и многа зла учиниша»[10].

Осенью 1437 г., потерпев поражение от Сеид-Ахмеда, Улу-Мухаммед с небольшими силами («царю в мале тогда сущу») пришел в район города Белева («седе во граде Белеве, убежав от иного царя»). Он поставил там городок и решил в нем зимовать («от хврастиа себе исплеть, и снегом посыпа и водою поли, и смерзеся крепко»)[11].

Белев находился в верховьях Оки среди других княжеств, состоявших в вассальных отношениях с Литвой. Однако белевские князья стремились сохранить и свои старинные связи с Москвой, рассчитывая найти в ней поддержку и против набегов ордынских царей, и против усиливавшегося нажима литовских великих князей[12]. Ситуация в районе Белева была небезразлична Василию II еще и в силу важности для Москвы этого района как в стратегическом отношении (Белев прикрывал русские границы на юге), так и в экономическом (Ока была важнейшей для нее торговой артерией). Поэтому, узнав о намерении Улу-Мухаммеда обосноваться в районе Белева, Василий Васильевич поспешил сорвать эти его планы. Отправляя войска в поход против сильно потрепанного в схватках с Сеид-Ахмедом Улу-Мухаммеда, Василий II учитывал также прямые интересы белевских княжат (а возможно, и их просьбу). Во главе войск поставлены были князья Дмитрий Юрьевич Шемяка и Дмитрий Юрьевич Крас-

ный. С ними великий князь послал и «прочих князеи множество, с ними же многочислении полки»[13].

Братья-разбойники, как утверждала великокняжеская летопись, не преминули по дороге заняться грабежом («все пограбиша у своего же православного христьянства, и мучаху людеи из добытка, и животину бьюще, назад себе отсылаху, а ни с чим же не разоидяхуся, все грабяху и неподобная и скверная деяху»)[14].

Немногочисленные татарские полки сначала под Белевом были разбиты и отброшены в город. Однако закрепить этот успех русским войскам не удалось. Ворвавшиеся в Белев воеводы Петр Кузьминский и Семен Волынец погибли. Наутро татары, «убоявся князеи Русьскых, и нача ся давати им в всю волю их, и в закладе дети своя давати, и что где взяли, и не в великого князя отчине, полону, то все отдавали, и по тот день не чинити им пакости»[15]. Переговоры вели «зять царев» Елбердей и князья Усеин Сараев и Сеунь-Хозя, а с русской стороны – В.И. Собакин и А.Ф. Голтяев[16]. Воеводы отвергли предложения Улу-Мухаммеда. Полагаясь на численное превосходство своих войск («видевъше своих многое множество, а сих худое недостаточьство»), они решили окончательно добить ордынцев.

5 декабря 1437 г. началось новое сражение. Однако его конец был совсем не таким, на который рассчитывали воеводы. Летописец с горечью писал: «...малое и худое оно безбожных воиньство одолеша тмочислены полком нашим, неправедне ходящим, преже своих губящем»[17]. Старожилы рассказывали, что в разгроме русских войск повинен был мценский воевода Григорий Протасьев. Глубоко вдвинутый в Степь верховский город Мценск (на реке Зуше) терпел большие неприятности от ордынцев. Поэтому дурной мир с ними был для горожан предпочтительнее хорошей войны. Эти настроения сказались и на событиях под Мценском в 1437 г.[18] Протасьев якобы «сотвори крамолу, хотяше бо лестию промеж их мир сотворити». Русские воеводы склонились было к его доводам, а тем временем он предался на сторону врага и послал своего человека к Улу-Мухаммеду, подбивая его выступить против русских. Воспользовавшись мглой, татары наутро незаметно вышли из острога и ударили по русским полкам[19]. Позднее (в

1439 г.) за измену Василий II у Григория Протасьева «очи вымал»[20].

С отходом Улу-Мухаммеда из-под Белева после сражения 5 декабря 1437 г. обычно связывается основание им Казанского ханства[21]. Эта точка зрения опирается на комплекс источников, и прежде всего на рассказ Казанского летописца[22]. Этот источник наполнен баснословными сведениями и нуждается в тщательной проверке другими материалами. В татарских летописях (позднего происхождения) первым казанским ханом называется Алим-Бек («Либей» рассказа Воскресенской летописи под 1445 г.), вслед за ним идет Улу-Мухаммед[23]. В Устюжской летописи под 1445 г. говорится, что Василий II был сведен «в Казань»[24], а не в Курмыш, как сообщают остальные летописи[25]. Впрочем, и в других местах Устюжской летописи Казань упоминается там, где ее нет в остальных летописцах[26]. Несмотря на неясность сведений, версия о том, что после декабря 1437 г. Улу-Мухаммед стал казанским царем, наиболее правдоподобна.

Положение Москвы осложнилось после назначения в Константинополе нового митрополита – Исидора, одного из наиболее умных и решительных сторонников церковной унии между католической и православной церковью.

В годы борьбы Василия II с галицкими князьями русская церковь твердо придерживалась старинного правила – «всякая власть от Бога». Поэтому митрополит Фотий отстаивал единодержавие московского великого князя. Однако 1 июля 1431 г., т.е. в начале междукняжеской «замятни», он умер. Русь надолго осталась без его преемника. Почти полтора десятилетия руководство русской церкви не принимало сколько-нибудь заметного участия в борьбе князей за великое княжение.

Исторически сложилось так, что на землях, входивших в сферу влияния галицких князей, не было самостоятельных епархий. Это ослабляло позиции Юрия Дмитриевича и его старших сыновей. На Руси тогда существовало восемь епархий. Две из них – Новгородское архиепископство и епископство Тверское – держались вполне самостоятельно. Формально они подчинялись власти московского митрополита, но по существу были от него независимыми. На церковные соборы, созывавшиеся в Москве, они предпочитали не

являться, ограничиваясь присылкой «повольных грамот», в которых заранее соглашались с принимаемыми решениями. В какой-то мере отношение новгородской и тверской церкви к московской копировало отношение Твери и Новгорода к великокняжеской власти.

Наиболее влиятельным из остальных епископов был ростовский владыка Ефрем (на епархии с 1427 г.). Ему были подведомственны кроме Ростова Ярославль, Белоозеро, а также Устюг и Галич. Ефрем был решительным противником галицких князей. Именно его «пограбил» Василий Косой в 1435 г.[27] Ефрем первым подписывал все соборные грамоты и послания.

Коломна считалась «уделом» московского князя, а коломенский епископ был вернейшим соратником митрополита и великого князя[28]. Возможно, в его ведении находился и удельный Можайск[29]. Рязанский епископ Иона уже с 30-х годов XV в. был для Василия II наиболее приемлемым кандидатом в митрополиты. Это соответствовало и отношениям Москвы с Рязанью. В Рязанскую епархию входил и Муром[30]. Суздальский епископ Авраамий был доверенным лицом Василия II (позднее именно его великий князь послал сопровождать Исидора в Италию на церковный собор).

В Пермь посылались наиболее воинствующие защитники православия, способные добиться искоренения «поганьства». Пермские епископы, конечно, принадлежали к числу противников галицких князей, подданные которых заражены были языческой «прелестью». Наконец, епископ Сарский, связанный с Задоньем и Ордой, находился также в полной зависимости от Рязани и Москвы. Пока реальной власти у галицких князей не было, церковь относилась к ним резко враждебно.

В 1432/33 г. в Константинополе на Русь поставили новым митрополитом смоленского епископа Герасима. Осенью 1433 г. он вернулся оттуда в Смоленск, а в Москву не поехал, «зане князи руския воюются и секутся о княжении великом на Руской земли»[31]. Е.Е. Голубинский и А.Я. Шпаков считали, что Герасим поставлен был только киевским (литовским) митрополитом, а не «всея Руси»[32]. С этим согласиться нельзя. Новгородские и псковские летописи единодушно говорят, что Герасим был митрополитом «Руской земле»[33].

В Москве в ту пору спешно «нарекли» в митрополиты рязанского епископа Иону[34]. По Е.Е. Голубинско-

му, это произошло уже после выезда Василия II из Орды (29 июня 1432 г.), за некоторое время до его свадьбы (8 февраля 1433 г.) или какое-то время спустя[35].

Иона происходил из семьи небогатого солигаличского землевладельца Федора Одноуша. Двенадцати лет он постригся в монахи и жил на Симонове в бытность там Варфоломея, Ивана Золотого и Игнатия Иконника. Это было примерно во второй половине 20-х – начале 30-х годов XV в.[36] Строитель Варфоломей (упоминающийся в 1436 г.) известен как ревнитель строгих нравов. Назначен он был на должность самим Василием I[37].

Однако константинопольский патриарх не утвердил Иону в митрополичьем звании, ибо еще до его прибытия в Константинополь назначил в митрополиты Герасима. После приезда в Великое княжество Литовское осенью 1433 г. Герасим стал главой общерусской церкви. 11 апреля 1434 г. к нему на поставление в архиепископы отправился из Новгорода Евфимий II (вернулся в Новгород 11 мая)[38]. В начале 30-х годов Герасим поддерживал претензии на великокняжеский престол Свидригайла. Папа Евгений IV в послании от 20 октября 1434 г. писал о готовности Свидригайла и Герасима принять церковную унию[39]. Однако вскоре, в конце апреля 1435 г., митрополит был схвачен по обвинению в организации заговора против великого князя. У него обнаружили «переветные грамоты». Митрополит готовил передачу Смоленска врагу Свидригайла Сигизмунду, но в последний момент заговор был открыт смоленским наместником. 26 июля Герасима сожгли в Смоленске[40]. Митрополичий престол стал опять вакантным.

В конце 1435 – начале 1436 г. в Константинополь на поставление в митрополиты снова отправился Иона. Его сопровождал великокняжеский боярин Полуект Морс[41]. Но и на этот раз Ионе не повезло. До его приезда туда, очевидно в середине 1436 г., митрополитом в Москву патриархия утвердила грека Исидора, видного церковного деятеля, широко образованного человека, проявлявшего несомненный интерес к античной литературе. Будучи по образованию и убеждениям гуманистом, Исидор любил стихи Гомера, трагедии Софокла и речи Цицерона[42]. 2 апреля 1437 г. Исидор прибыл в Москву[43].

Назначение Исидора имело особое значение. Положение Византийской империи в это время было плачевным. Власть императора распространялась только на Константинополь с небольшой округой. Стремясь добиться от европейских держав помощи в борьбе с турками, византийские императоры вступили в переговоры с римским папой о соединении церквей (унии), чтобы положить конец церковно-политическому разъединению Востока и Запада и такой ценой спасти остатки мировой державы. В сближении с Западом заинтересована была и часть византийской интеллигенции, затронутая гуманистическими веяниями. Их противники, составлявшие православную партию, опирались на византийское монашество. Но им сочувствовало и большинство населения Империи, ненавидевшее латинян.

Трудное время переживала тогда и римская курия. Надеясь положить предел властолюбивым тенденциям папской власти, высшие церковные иерархи собирали соборы (именовавшие себя вселенскими), на которых провозглашали реформы, имевшие целью ограничить папский произвол. Так, в 1431 – 1449 гг. заседал Базельский собор, находившийся в конфронтации с папой Евгением IV (1431–1448 гг.). В такой обстановке Евгений IV охотно откликнулся на предложение византийского императора Иоанна о соединении церквей, рассчитывая, что осуществление церковной унии укрепит папский престиж.

Назначение Исидора в Москву имело своей основной целью обеспечить принятие предполагавшейся унии влиятельной в православном мире русской церковью. В то время между Константинополем и Москвой сохранялись дружественные отношения. Еще в 1411 г. княжна Анна (дочь Василия I) была выдана замуж за греческого царевича Иоанна Мануиловича (будущего императора)[44].

В Москве Исидор был принят с подобающим новому митрополиту почетом[45]. Свидетельством вполне лояльных отношений, установившихся между великим князем и митрополитом в первые месяцы после его прибытия в Москву, является докончание Василия II с великим князем тверским Борисом Александровичем, составленное «по благословению» митрополита Исидора[46].

При встрече с Василием II Исидор передал ему послания византийского императора и престарелого патриарха Иосифа II (1416 – 1439 гг.), в которых

содержалась просьба послать его на собор «утвержения ради православныя веры»[47]. Василий II решил не только отпустить Исидора на собор, но и послать вместе с ним представительную делегацию, в которую входили суздальский епископ Авраамий и человек сто сопровождавших их лиц[48].

7 июля 1437 г. в Москву прибыл новгородский архиепископ Евфимий, а 8 сентября Исидор отбыл на собор. Евфимий сопровождал его до Новгорода. 14 сентября (на Воздвиженье) Исидор прибыл в Тверь, где был торжественно встречен великим князем Борисом и епископом Ильей. Тверской князь отправил вместе с ним на собор своего боярина Фому[49]. 9 октября не менее пышная встреча устроена была Исидору в Новгороде[50]. Только 6 декабря митрополит добрался до Пскова, где пробыл семь недель[51]. В Пскове Исидор, стремясь упрочить власть Московской митрополии, в пику Евфимию поставил своего наместника, который должен был исправлять там владычный суд и собирать «вси пошълины владычни»[52]. Практически это означало изъятие Пскова из-под юрисдикции новгородского архиепископа и передачу его под непосредственное управление московского митрополита.

Путешествие в Италию затянулось почти на год[53]. В Риге Исидор задержался на целых восемь недель. Только 5 мая 1438 г. он морем выехал в Любек. Позднее (к концу XV в.) этот путь станет обычным для русских дипломатов, отправлявшихся в Италию. Через немецкие земли Исидор добрался наконец 18 августа в Феррару.

В Ферраре открылись заседания собора, который должен был положить конец разъединению христианских церквей Запада и Востока. Прения по догматическим вопросам были длительными. Римский папа Евгений IV пытался всеми средствами склонить греков к принятию унии, чему особенно сопротивлялся Марк Эфесский. С 26 февраля 1439 г. заседания собора происходили не в Ферраре, а во Флоренции. Присутствовавший на них император Иоанн Палеолог к догматическим спорам относился равнодушно, его волновало прежде всего получение реальной помощи от Запада для борьбы с турками. В итоге греки уступили по всем пунктам. Они приняли католический догмат об исхождении святого духа, признали папу главой церкви и т. п.[54]

Деятельное участие в заключении унии принимал Исидор[55]. 5 июля 1439 г. уния была подписана, а на следующий день торжественно провозглашена в кафедральном соборе Флоренции. Подписал унию не только Исидор, но и суздальский епископ Авраамий. Позднее Симеон Суздалец писал, что Авраамий-де не хотел подписывать акт Флорентийской унии, но Исидор посадил его «в темницу и седе неделю полну; и тому подписавшуся не хотением, но нужею»[56]. Можно сомневаться в правдивости этого объяснения, данного одним из тех, кто входил в ближайшее окружение суздальского епископа.

Тем временем на Руси происходили события, имевшие большое значение для хода дальнейшего противоборства Москвы и Галича. В первую очередь речь идет об усилении татарской опасности. Именно она, как думал Л.В. Черепнин, побудила Василия II «искать союза с Тверью»[57]. После Белевского погрома 1437 г. великий князь московский совместно с двумя Дмитриями Юрьевичами заключил докончание с великим князем тверским Борисом Александровичем. Договор предусматривал взаимную помощь на случай, если «поидет царь ратию или рать татарьская». Борис Александрович настоял на включении в договор особого пункта, гарантирующего его права на Тверь и Кашин: «Имут нас сваживати татарове, а имут вам давати... великое княжение, Тверь и Кашин», то Василий II и его союзники на это не должны соглашаться. В свою очередь Василий Васильевич добился от Бориса Александровича разрыва его сепаратного докончания с Сигизмундом («сложити, без перевода») на том основании, что князь Борис с Василием II – «один человек» и договариваться с Литвой они должны совместно[58].

Окрыленный успехом «белевщины», Улу-Мухаммед 3 июля 1439 г. «безвестно» появился «с многими силами» под стенами Москвы[59]. Не успев подготовить надежную оборону столицы, Василий II покинул ее, направившись за Волгу. Руководство обороной Москвы было возложено на Юрия Патрикеевича, который, очевидно, был тогда московским наместником.

Простояв под Москвой 10 дней, Улу-Мухаммед покинул ее окрестности, захватив большой полон. На обратном пути он «досталь Коломны пожегл и людеи множество плени, а иных изсекл»[60]. Во время этого по-

хода Улу-Мухаммед дошел и до границ с Тверью («до самого рубежа Тверскаго»)[61].

После отхода Улу-Мухаммеда Василий II «совокупися с братьею в Переславли», посадил в Москве вместо себя временно князя Дмитрия Красного, а «сам поживе в Переславли и в Ростове до зимы, бе бо посады (в Москве. – *Л.З.*) пождьжены от татар, и люди посечены, и смрад велик от них»[62]. Во время набега Улу-Мухаммеда Дмитрий Шемяка к Москве своей подмоги не послал[63].

К началу 40-х годов XV в. произошли изменения в составе княжат «гнезда Калиты». Осенью 1437 г. у Василия II родился наследник престола Юрий Большой[64], но зимой 1440 г. он уже умер[65]. 22 января 1440 г. у великого князя родился сын Иван (будущий Иван III)[66] и ровно через год (22 января 1441 г.) – Юрий[67]. 22 сентября 1440 г. после длительной болезни умер князь Дмитрий Юрьевич Красный[68].

Постепенно усиливался контроль великокняжеской власти над деятельностью удельной администрации. 24 июня 1440 г. на докончаниях Василия II с Дмитрием Шемякой и Дмитрием Красным была сделана приписка о «сместном» суде. Отныне в спорных случаях дела подлежали решению третейского судьи. Если судья великого князя и судья удельного не придут к одному решению, истец называет трех кандидатов в судьи: двух великокняжеских бояр и одного удельнокняжеского, а ответчик из их числа выбирает третейского. Если судью изберут, дело передается великому князю. Если же ответчик будет упорствовать при избрании судьи и в его присутствии, он признается проигравшим процесс со всеми вытекающими отсюда последствиями[69].

20 марта 1440 г. в результате заговора князей Чарторыйских был убит литовский великий князь Сигизмунд[70]. На престол в Литве вступил Казимир Ягайлович (29 июня), ставший после смерти своего брата Владислава и польским королем (1445 г.). В Киеве утвердился князь Александр (Олелько) Владимирович, связанный родственными узами с Василием II[71]. Участники заговора 1440 г. один за другим стали выезжать на Русь. Здесь, в частности, оказался и князь Александр Васильевич Чарторыйский, получивший от Василия II около 1441/42 г. беспокой-

ный Суздаль[72]. В Новгороде ненадолго появился еще до смерти Сигизмунда князь Юрий Семенович (Лугвеньевич). После гибели великого князя литовского он отправился в Литву. Здесь Казимир его пожаловал Мстиславлем и Кричевым. Но, по словам новгородского летописца, князь Юрий «възгордився» и захватил Смоленск, Витебск и Полоцк[73]. Речь шла о том, что восставшие «черные люди» Смоленска 30 марта 1440 г. пригласили к себе Юрия Семеновича на княжение. Первая попытка войск Казимира IV взять Смоленск в конце этого года была безуспешной. Только вторичный поход, на этот раз самого великого князя литовского, привел к капитуляции города и бегству князя Юрия в Москву[74].

Сохранилось загадочное упоминание о записи, согласно которой можайский князь Иван Андреевич передал Смоленск Василию II[75]. Во всяком случае Василий Васильевич Смоленск не приобрел. Как получил права на Смоленск Иван Андреевич, остается неизвестным. Эта номинальная передача Смоленска московскому великому князю могла состояться уже после подавления смоленского восстания, к 1441 г.[76]

Верные своей традиции устанавливать мирные отношения с победившим великим князем литовским, новгородцы и псковичи поспешили урегулировать свои отношения с Казимиром IV. 30 декабря 1440 г. с ним заключили докончание псковичи[77], а незадолго до этого и новгородцы[78]. Новгородская грамота, как установил Л.В. Черепнин, почти дословно воспроизводит текст договора со Свидригайлом 1431 г.[79] И в договоре с Псковом, и в договоре с Новгородом 1440 г. основное внимание уделено свободе торговли между жителями Великого княжества Литовского и новгородцами и псковичами.

Литовско-новгородское сближение вызвало резкую реакцию в Москве. Зимой 1440/41 г. Василий II совершил карательный поход в Новгородскую землю. В нем приняли участие и его союзники. Сначала великий князь остановился «со всеми силами» в Торжке, где ожидал подхода подкреплений. В соответствии с докончанием ему на подмогу послана была «сила тверскаа» во главе с воеводами Александром Романовичем и Карпом Федоровичем[80]. Три дня под Порховом стояли псковичи, которые, «пособляя» великому князю, «повоеваша Новгородскую волость от литовского рубежа и

до немецкого, а поперек 50 верст» (в «долготу» на 300 верст)[81]. Войска Василия II захватили город Демон и «повоева волостеи новгородчкых много». В свою очередь и «воеводы новгородчкыя с заволочаны по князя великого земли повоеваша много противу того, что князь воевал новгородчкыя волости»[82]. Вскоре, однако, новгородскому архиепископу Евфимию II удалось заключить мир с Василием Васильевичем и его союзниками (в частности, и с Псковом). Новгородцы обязались уплатить большой «окуп» (8000 руб.)[83].

Несмотря на заключение мирного договора с Новгородом, положение Василия II оставалось тревожным. С Литвой отношения не установились. «Прорусская» партия в великом княжестве принадлежала к числу противников Казимира IV.

Тем временем Исидор, отбыв из Флоренции 6 сентября 1439 г., по пути в Москву в Венеции вел длительные беседы с императором Иоанном и греками. Отсюда от него бежали Симеон Суздалец и тверской боярин Фома (9 декабря), поняв, что им с сомнительным митрополитом не по пути – ведь на Руси им придется давать отчет о своих флорентийских грехах, а суд и расправа над ними могут быть очень короткими[84].

Исидор добрался до столицы Венгрии – Будина только 5 марта 1440 г. Здесь он написал пастырское послание, предназначенное для Польши, Литвы, Ливонии и Руси. В нем содержалось извещение о происшедшем соединении церквей. Потом Исидор посетил Краков и выехал оттуда в Литву, прибыв в Вильно 13 или 14 августа[85]. Всего в Литве и Киеве он пробыл около 11 месяцев. В Москву митрополит не торопился, стремясь подготовить почву для закрепления успешно (по его мнению) проведенной пастырской миссии. В столицу Московского княжества Исидор приехал 19 марта 1441 г.[86]

Попытки Исидора ввести унию в Польше и в Литве не увенчались успехом[87]. По Новгородской летописи, Исидор в Литве «повеле в лячкых божницах рускым попом свою службу служити, а в рускых церквах капланом»[88]. Но церковь этих государств не признавала Евгения IV за истинного папу и подчинялась Феликсу V, избранному Базельским собором. Поэтому все начинания Евгения IV в Польше и в Литве отвер-

гались. Только в Киеве и Смоленске Исидор встретил терпимое отношение к унии[89].

Свое прибытие в Москву Исидор попытался обставить как можно торжественнее. Во время шествия в Успенский собор перед митрополитом несли большой латинский крест[90]. Направившись сразу же по приезде в кафедральный собор, Исидор в нем совершил молебствие за великого князя и все православное христианство. Но во время литургии он первым помянул папу Евгения IV, а не патриарха. Это повергло присутствующих в состояние растерянности. Затем Исидор зачитал буллу Евгения IV о соединении церквей, адресованную Василию II[91].

Позднейшая Никоновская летопись сообщает, что «о сем Исидоре митрополите вси умлъчяша, князи и боаре и инии мнози, еще же паче и епископы русьскиа вси умлъчаша, и въздремаша, и уснуша». Один лишь Василий II «посрами» Исидора. Только после этого «вси епископи Русьстии, иже быша в то время тогда на Москве, възбудишася... и начяша глаголати святыми Писании и звати Исидора еретиком»[92]. Перед нами позднейшее стремление представить великого князя главой церкви за счет умаления как светских, так и духовных властей.

Как же обстояло дело в действительности? Известия об отступничестве Исидора стали поступать в Москву за несколько месяцев до его приезда на Русь. Во всяком случае суздальский епископ Авраамий прибыл в Москву 19 сентября 1440 г.[93] В окружении великого князя Авраамий вызвал к себе настороженное отношение – ведь как-никак, а унию-то он подписал. Ренегату нужно было доказать свое правоверие, чтобы заслужить прощение. Поэтому почва для выступления против Исидора была уже подготовлена, и только сомнительная надежда, что митрополит по приезде на Русь «одумается», заставляла ждать его возвращения в столицу. Когда же Исидор объявил с амвона кафедрального собора о соединении православной церкви с католической, Авраамий и митрополичий дьяк Карло, тоже ездивший в Италию, выступили с обличением митрополита[94]. На четвертый день после приезда Исидор был взят «за приставы» и заточен в Чудовом монастыре[95].

Спешно созвали церковный собор. На нем присутствовали епископы – суздальский Авраамий, ростовский

Ефрем, рязанский Иона, коломенский Варлаам, сарайский Иов и пермский Герасим. Они осудили «латыньство» Исидора[96].

Еще в то время, когда Исидор сидел в Чудовом монастыре, Василий II написал послание новому константинопольскому патриарху Митрофану (Иосиф умер во Флоренции 10 июня 1439 г.)[97]. Оно содержало просьбу разрешить поставить митрополита самим русским епископам в связи с тем, что Исидор оказался еретиком. Деликатность вопроса состояла в том, что сам Митрофан принадлежал к числу сторонников унии. Скорее всего послание не было отправлено. Никаких следов реакции на него в Константинополе нет[98].

В заточении Исидор провел все лето 1441 г. и 15 сентября бежал со своими учениками, иноком Григорием и Афанасием, в Тверь[99]. Позднейшие московские летописи сообщают, что Василий II «никакоже посла по нем възвратити его, ни въсхоте удержати его»[100]. В Твери князь Борис Александрович «его прият и за приставы его посади», но потом «отпусти» его на средокрестной неделе Великого поста 1442 г.[101] Отсюда Исидор направился в Литву, а затем в Рим[102].

Изгнание митрополита, поставленного в Византии, и неприятие унии в Москве имели два последствия. В церковных кругах складывалось убеждение, что греки «испроказились», погубили православную веру из-за своего сребролюбия и что истинной опорой правоверия стал московский великий князь Василий Васильевич.

В Повести о Флорентийском соборе Симеон Суздалец указывал: «Тамо начало злу бывшу греческим царем Иваном и греки-сребролюбцы, и митрополиты, зде же на Москве утвердися православием Русская земля хрстолюбивым великим князем Васильем Васильевичем». Слагая панегирик великому князю, Симеон писал: «Радуйся, православныи великии князь Василей Васильевич! Всеми венцы украсився православныя веры греческия... царю греческому отступившу кир Иоанну от света благочестия, и омрачися тмою латиньския ереси, а отечество твоего княжения просветися светом благочестия...»[103] В «Слове избранно на латыню» подчеркивалось, что «богопросвещанная земля Руская веселится о державе... благовернаго великаго князя Василья Васильевича, царя всея Руси»[104]. Так закладывались основы представления о Руси как о наслед-

нице православной Византии и о московском великом князе как о новом царе Константине.

Московские власти (как церковные, так и светские) не стремились к разрыву отношений с патриархом. Время должно было показать, как будут складываться отношения Москвы с Константинополем. Поэтому Василий II в послании Митрофану ставил вопрос только о преемнике Исидора, а не вообще о назначении митрополитов впредь собором русского духовенства. Да и сама просьба мотивировалась отступничеством Исидора и такими причинами частного порядка, как отдаленность Москвы от Константинополя, незнание русского языка греками, набеги «агарян», неустроения в соседних странах, «понеже и преже сего, за нужу, поставление в Руси митрополита бывало»[105].

Достигнув успеха в решении церковной проблемы и подчинив Новгород своему влиянию, Василий II снова попытался привести к покорности Дмитрия Шемяку. Осенью 1441 г. великий князь «роскынул мир» («взъверже нелюбие») с ним и пошел войной на Углич[106]. О причинах, вызвавших этот поход, летописи не сообщают[107]. Возможно, только поводом, а не причиной похода послужило поведение Шемяки, когда он в 1439 г. не послал своих полков для отпора Улу-Мухаммеду. Быть может, Василий II расценил этот случай как нарушение Шемякой договорных обязательств и решил покарать «ослушника». Очевидно, поход великого князя был для Шемяки неожиданностью. Василию II чуть не удалось захватить его на Угличе. Князя Дмитрия о грозящей ему опасности предупредил дьяк Кулудар Ирежский[108]. За эту дерзость Иван Кулудар был лишен дьяческого звания и наказан кнутом. Василий II велел его «кнутьем бити, по станом водя»[109].

Дмитрий Шемяка бежал в Бежецкий Верх, где «много волостем пакости учини». После смерти младшего брата Дмитрия Красного (1440 г.) Шемяка считал Бежецкий Верх своей вотчиной, несмотря на то что ее захватил Василий II. Отсюда Шемяка направил своих послов в Новгород с просьбой принять его к себе на княжение («что бы есте мене приняле на своеи воле»). Новгородцы ответили уклончиво: «Хошь, княже, и ты к нам поеди; а не въсхошь, ино как тобе любо»[110].

Скорее всего князь Дмитрий в Новгород так и не приехал. Но у него появился новый союзник, с кото-

рым он продолжил борьбу против Василия II. Им стал можайский князь Иван Андреевич. Уже в 1442 г. Дмитрий Юрьевич и Иван Андреевич находились в «одиначестве... на Угличи». Однако Василию II удалось переманить князя Ивана на свою сторону. Ценой этого была уступка можайскому князю Суздаля, отобранного у князя А.В. Чарторыйского за переход на сторону Дмитрия Шемяки. Это не остановило князя Дмитрия. Он вместе с князем Александром Чарторыйским выступил в поход против Василия Васильевича. Вероятно, их путь шел из Углича по Волге на Дмитров. Под Троицким монастырем их примирил с великим князем троицкий игумен Зиновий, доброхот Василия II[111].

По докончанию Василия II с князем Дмитрием Юрьевичем, составленному до 31 августа 1442 г., Шемяка признавал переход владений Василия Косого (Дмитрова, Звенигорода и Вятки) к Василию II, но сохранял за собой Галич, Рузу и Вышгород, а также удел князя Константина Дмитриевича (Углич и Ржеву). Договор содержал обязательство Дмитрия Юрьевича впредь ходить в походы совместно с великим князем («...где всяду сам на конь», – писал Василий II) или присылать своих воевод по его распоряжению. Запрещались Шемяке самостоятельные сношения с Ордой. В договор вошла и клаузула о совместном суде[112]. В докончании упоминалось еще, что, будучи «в целовании» (т.е. в период мирных отношений) с Василием II, Дмитрий Шемяка «недодал... в выходы серебра и в ординскые проторы». Эти «проторы» и деньги в «ордынский выход» он должен был вернуть великому князю. Говорилось в докончании и о посылке Василием II «киличеев» к Кичи-Мухаммеду и Сеид-Ахмеду. Василий Васильевич пытался наладить связи с противниками Улу-Мухаммеда в «Поле».

Но татары продолжали свои опустошительные набеги на Русь. В 1441/42 г. они приходили на рязанские украины и «много зла сотвориша»[113]. Осенью 1443 г. пожар пожег все «Поле», а тут еще наступила «лютая зима». «Снези велици и ветри, и вихри силни» тяжело отразились на татарских кочевьях. Зимой царевич Мустафа пошел ратью на Рязань и «повоева власти и села Рязанскиа и много зла Рязани учинил». После этого он «с полоном многим» отошел и «ста на Поле». Отсюда Мустафа послал своих людей в Рязань продавать рязанцам пленников. Рязанцы их выкупили. Тогда

Мустафа снова пришел в Рязань, но на этот раз «на миру, хотя зимовати в Резани: бе бо ему супротивно на Поли» из-за сильных морозов («нужи ради великиа»)[114].

Когда о приходе татар и желании их зимовать в Рязанской земле узнал Василий II, то он послал против них свой «двор» во главе с воеводами князем В.И. Оболенским и А.Ф. Голтяевым[115]. В Никоновской летописи добавлено, что великий князь послал также «мордву на ртах» (лыжах)[116].

Прослышав о движении великокняжеской рати, рязанцы предусмотрительно постарались поскорее избавиться от непрошеного гостя, который в это время находился в самом Переславле-Рязанском. Бой произошел на реке Листани, ниже Рязани, южнее Ольгова монастыря. «Татари же отнюдь охудеша и померзоша, и безконни быша, и от великаго мраза и студени великиа и ветра и вихра луки их и стрелы ни во что же быша; снези бо бяху велици зело». На них напали с одной стороны мордва, пришедшая на «ртах» с сулицами, рогатинами и саблями, а с другой – «казаки рязаньскиа» (первое упоминание в летописях о казаках). В сражении приняли участие воеводы Василия II и «пешаа рать многа... с ослопы, и с топоры, и с рогатинами». Бой был ожесточенный – «татарове же никакоже давахуся в руки (в плен. – *А.З.*), но резашася крепко». В конце концов победили объединенные русские полки и мордва. Много татар погибло, и среди них царевич Мустафа, князь Ахмут-мурза и князь Азбердей Мишерованов[117]. Убит был и русский полководец коломенский наместник Василий (по Никоновской летописи – Илья) Иванович Лыков. Во время этого сражения «мужьствова» и Федор Васильевич Басенок, впервые тогда появившийся на страницах летописи[118].

В 1442/43 г. на Беспуте (приток Оки восточнее Серпухова) стоял «царь Махмет» – Кичи-Мухаммед. Против него «со всею братьею» ходил Василий II «да воротился, а он поиде прочь»[119].

Вообще 1442 – 1443 годы были тяжелыми для Руси. В Пскове свирепствовал великий мор до Дмитриева дня 1443 г.[120] Рожь в 1442 г. вздорожала в Ростове[121]. В 1442 г. меженина была и в Твери, «зима была студена, а сено дорого»[122]. В Можайске князь Иван Андреевич сжег «хлебника-мужика», которого обвиняли в

людоедстве. Впрочем, этот жестокий князь «безлепъ» сжег и жену своего боярина Андрея Дмитриевича (отца будущего фаворита Ивана III Григория Мамона)[123].

В 1443 г. в канцелярии Василия II с участием книжников из церковной среды составлена была новая редакция послания великого князя о ереси Исидора и осуждении его церковным собором. Адресовалось оно на этот раз императору, а не патриарху (патриарх Митрофан умер 1 августа 1443 г.)[124]. «Великий князь Московский и всея Руси» повторял рассказ о том, как после смерти митрополита Фотия он принудил епископа Иону отправиться к патриарху «с грамотами», чтобы его «поставили на митрополию». Однако вместо него на Русь прислали Исидора, который впал в «латынство» и был осужден собранными великим князем епископами, «елицы обретошася в тое время близ нас», а также архимандритами и игуменами. Василий II просил императора разрешить собрать в Русской земле епископов, с тем чтобы они избрали митрополитом на Русь «человека добра, мужа духовна, верою православна». По Софийской II летописи, Василий Васильевич направил это послание императору в Константинополь, но, получив известие, что тот отбыл в Рим и «ста в Латыньскую веру», вернул своих послов назад. Сообщение об императоре не соответствовало действительности, но послание, очевидно, не было отправлено.

На северо-западе Руси в начале 40-х годов продолжались столкновения новгородцев и псковичей с их соседями. В 1443 г. в Псков приехал новый наместник Василия II – уже знакомый нам князь Александр Васильевич Чарторыйский. 25 августа он принес присягу «ко князю великому Василию Васильевичю и ко всему Пскову»[125]. Такого крестоцелования Псков еще не знал. Впервые князь-наместник присягал не только на имя Пскова, но и на имя великого князя[126].

В сентябре 1443 г. псковичи заключили 10-летний мир с Ливонским орденом, но конфликты их с другими соседями не прекращались. В 1444 г. дерзкий рейд из Выборга на Нарову совершили шведы, несмотря на существовавший у них мир с псковичами. Шведы захватили небольшой полон, за который Пскову пришлось заплатить «окуп»[127]. В том же году псковские представители приезжали в Новгород, чтобы установить с ним мирные отношения. Однако, узнав, что там начал-

ся падеж скота («кони много падут»), а военные действия новгородцев с ливонцами закончились («не идоша за Нарову»), псковичи «отъехаша без миру»[128].

Обострились отношения у Новгорода и с Ливонией. 14 сентября 1443 г. в Новгород приехал литовский князь Иван Владимирович (сын Владимира Ольгердовича Бельского). Он получил пригороды князя Юрия Лугвеньевича, который покинул Новгород. Князь Юрий поехал было к немцам, но те, занятые подготовкой к войне с Новгородом, «ему пути не даша». Тогда он отъехал в Москву[129]. Осенью 1443 г. Ливонский орден предполагал вторгнуться в новгородские пределы и овладеть городом-крепостью Ям. Г. Козак правомерно связывал решение ливонцев выступить против Новгорода с их борьбой против усиливавшегося влияния Литвы на Новгород. В письме великому магистру от 28 декабря 1444 г. Казимир IV указывал, что великий магистр начал войну с новгородцами, узнав о посылке Казимиром IV своего наместника в Новгород[130]. Н.А. Казакова причину войны видит односторонне – в стремлении Ливонского ордена усилить свои внешне- и внутриполитические позиции[131].

Осенью 1443 г. ливонцы пожгли посад у Яма[132]. В ответ зимой 1443/44 г. новгородцы во главе с литовским князем Иваном Владимировичем совершили рейд под Нарву (Ругодив) и в район Чудского озера. Одновременно «корела» ходила на «мурман». Пятидневная осада Яма самим орденским магистром результатов не дала. Город умело защищал союзник Дмитрия Шемяки князь Василий Юрьевич Шуйский, вынужденный покинуть свое суздальское княжение[133].

Военные действия в этих районах продолжались и весной 1444 г., но без каких-либо результатов[134]. В ноябре при посредничестве Литвы новгородцы заключили на два года перемирие с ливонцами. В конце 1445 г. обнаружились противоречия между сторонами при определении границ в районе Нарвы. Но в конце концов перемирие было продлено до 24 июня 1447 г.[135] 8 сентября 1444 г. мир с Ригой на 10 лет заключил и Псков[136].

Осенью 1444 г. в Новгород снова приехал князь Юрий Лугвеньевич. Новгородцы на этот раз «даша ему коръмление, по волости хлеб, а пригородов не даша». Раздраженный этим князь уехал в Литву.

1445 год в Новгороде выдался особенно тяжелым.

Голод, начавшийся еще в 1436 г., достиг своего апогея. «Толко слышати плачь и рыданье по улицам и по торгу; и мнозе от глада падающе умираху, дети пред родители своими, отци и матери пред детьми своими; и много разидошася: инии в Литву, а инии в Латиньство, инеи же бесермеиом и жидом ис хлеба даяхуся гостем»[137]. Население к тому же страдало от произвола судебных чиновников («ябстников»), неправого суда и от частых поборов («боры частыя»). В 1446 г. в Новгороде происходили волнения из-за порчи монеты[138]. В 1445 г. новгородцы попытались «ратью заволочькою» в 3000 человек пойти на Югру за данью, но были разбиты: погибло 80 человек «добрых людеи, детей боярьских, удалых людеи»[139].

В том же году мурманская «свея» ходила за Волок на Двину в район Неноксы и взяла в плен многих людей.

Особенно большой ущерб новгородцам принесли походы тверичан. Осенью 1443 г. «из Тферьского много повоеваша земле и сел новгородчкых, Бежичкыи Верх и Заборовье и Новоторскыи волости вси». Бедой новгородцев хотел воспользоваться Казимир IV. Он предложил им: «...возмите моих наместников на Городище, а яз вас хочю боронити; а с князем есмь с московьскым миру не взял вас деля». Но новгородцы на это не пошли[140].

Со времени соглашения 1436 г. между Василием II и Дмитрием Шемякой прошло уже десять лет, а отношения между князьями, несмотря на конфликт 1441 – 1442 гг., продолжали регулироваться достигнутым компромиссом. Чрезвычайные события нарушили равновесие сил.

Пиррова победа

За видимостью добрососедских отношении между «старейшим братом» Василием II и «молодшим» – Дмитрием Шемякой скрывалась непримиримая вражда, которая ждала только случая, чтобы выплеснуться наружу. Рано или поздно князья-соперники должны были попытаться решить спор о власти в открытом противоборстве.

Что же случилось после 1436 г., когда московского великого князя и галицкого князя, судя по докончанию между ними, связывало, казалось бы, единство интересов? Дело в том, что князей объединяла не общность интересов, а братство по оружию – борьба с одним и тем же противником – Василием Косым. После устранения Косого с политической арены этого противника уже не было. Пользуясь правами «брата старейшего», Василий Васильевич завладел наследием старшего брата Дмитрия Шемяки – городами Звенигородом и Дмитровом, входившими в удел Василия Косого, что вынужден был сквозь зубы признать «законным» и сам Дмитрий Шемяка в докончании 1436 г.

После смерти младшего брата Шемяки, Дмитрия Красного (1440 г.), значительную часть его удела (Бежецкий Верх) также прихватил великий князь. Все эти действия Василия II Дмитрий Шемяка мог расценить как чистый грабеж, нарушение «братских» отношений, а в конечном счете и завещания Дмитрия Донского о составе удела его отца, князя Юрия Дмитриевича. Василий II медленно, но неуклонно стремился

ограничить и суверенитет галицкого князя. В 1440 г. великий князь сократил судебные привилегии Дмитрия Шемяки.

Однако сил для решительного сопротивления великому князю, а тем более для победы над ним Дмитрию Шемяке не хватало, что и показали события 1441 – 1442 гг. Но и у Василия II не было в достатке возможностей покончить с очагом недовольства в Галиче, тем более что в это же время другие важные дела занимали великого князя. То произошел досадный казус с Флорентийской унией и строптивым митрополитом-умником Исидором (1439 – 1441 гг.), то страну снова посетили стихийные бедствия (1442 – 1443 гг.). В ту пору вовсе, наверное, перестали вести счет бесконечным набегам ордынцев. Иными словами, прочных тылов, необходимых для многотрудной борьбы с Дмитрием Шемякой, у Василия II пока на востоке и юге не было.

Обосновавшись в Казани, Улу-Мухаммед начал свои набеги на русские земли уже с 1439 г. Особенно они участились к середине 40-х годов[1]. В 1444 г. Улу-Мухаммед «нача помышляти к Новугороду к Нижнему». В чем состояло его «помышление», несмотря на скупость летописных сведений об этом, легко можно догадаться. Богатый волжский город по замыслу Улу-Мухаммеда должен был стать для Казани дойной коровой (вроде как Новгород Великий для его соседей). Этого ни в коем случае не хотел допустить Василий II, сам зарившийся на нижегородские прибытки. Ответом на действия Улу-Мухаммеда стало распоряжение великого князя «осады крепити»[2]. Это не остановило татарского царя. Он теперь не ограничился кратковременным набегом.

Зимой 1444 г. Улу-Мухаммед не только вошел в «старый» Нижний Новгород, но и взял Муром, затем «седе в Муроме»[3]. Тем временем другие отряды татар воевали Лух[4]. Это уже представляло серьезную опасность для Москвы, тем более что суздальско-нижегородские княжата издавна склонны были искать контактов с ордынскими царями. Поэтому Василий II решил отбросить ордынского властелина за пределы Московского великого княжества. Не теряя времени, он выступил из Москвы и Крещение (6 января 1445 г.) провел уже во Владимире. Поход задуман был внушительным. Вместе с великим князем против его недруга

отправились все князья «гнезда Калиты», в их числе Дмитрий Шемяка, Иван и Михаил Андреевичи и Василий Ярославич. Великий князь шел в поход «со всеми князи своими, и боляры, и воеводами, и со всеми людьми»[5].

Узнав о движении столь многочисленного воинства, Улу-Мухаммед предпочел уклониться от встречи с ним и «бегом» возвратился в Нижний Новгород («Старый»). С Крещения в Нижнем Новгороде «Меньшом» в ссаде («затворишася») сидели воеводы князь Федор Долголдов и Юрий (Юшка) Драница[6].

«Переднии полци» (воеводы), отправленные Василием II, побили татар и под Муромом, и «в Гороховце, и во инех местех». На этом кампания окончилась. Успокоенный легкой победой на востоке, Василий II поспешил вернуться через Суздаль и Владимир в Москву (26 марта)[7].

Во время похода против Улу-Мухаммеда драматические события разыгрались на западе. Еще зимой 1444/45 г. Василий II послал двух татарских царевичей (сыновей Улу-Мухаммеда), перешедших к нему на службу, воевать литовские земли. Трудно сказать, чем вызвана была эта акция. Во всяком случае царевичи направлены были на Вязьму и Брянск и дошли до Смоленска. Земель они разорили («потратиша») предостаточно, но и только[8].

В ответ на этот набег Казимир IV двинул свои рати против русских городов западного порубежья, и прежде всего против Можайска – ключевого города на пути к Москве. Это произошло, когда Василий II находился еще во Владимире[9]. Возможно, начало похода литовцев приурочено было к выступлению Василия II против Улу-Мухаммеда. Во главе литовского войска поставлены были ковенский староста Волимунт Судивой, виленский воевода маршалк Радзивилл Осикович, смоленский наместник Николай Немиров, полоцкий наместник Андрей Сакович и др.[10]

В Литву, конечно, поступали сообщения о том, что князья Иван и Михаил Андреевичи и Василий Ярославич, боронившие русские рубежи на западе, в то время находились со своими войсками в походе великого князя на восток и что западная граница Северо-Восточной Руси была практически беззащитна. По новгородским сведениям, литовская рать «5 городов взя, и плени земли много и повоева, и христьяньству по-

гибель велика бысть»[11]. Данные московских летописей уточняют эти сведения. Оказывается, против 7000 литовцев русские смогли выставить едва только 100 можаичей, 100 вереитинов и 60 серпуховичей и боровичан. Воеводой у воинов князя Василия Ярославича был некто Жичев. Сопротивлялись они упорно. Так, под Козельском литовцы стояли целую неделю. Но на реке Суходрови, притоке Угры, им удалось нанести поражение малочисленным войскам русских[12], хотя литовцы и потеряли убитыми 200 человек[13].

Среди погибших русских воевод был суздальский князь Андрей Васильевич Лугвица, служивший князю Ивану Андреевичу Можайскому[14]. Возглавлявший войска князя Михаила Андреевича Иван Федорович Судок Монастырев попал в плен. Затем он вернулся на Русь, служил Ивану Андреевичу и позднее вместе с ним бежал в Литву[15].

Вместе со своим литовским союзником выступил в поход великий князь тверской Борис Александрович. У него были свои счеты с новгородцами. Зимой 1444/45 г. он захватил 50 новгородских волостей (разграбил новоторжские и бежецкие волости). Взят был и город Торжок[16].

Удары судьбы в тот злополучный 1445 г. следовали один за другим. Весной в Москве получено было известие о том, что Улу-Мухаммед отпустил в поход на Русь своих сыновей Мамутяка и Якуба[17]. Одновременно Улу-Мухаммед и Мамутяк «послали в Черкасы по люди». К ним пришли 2000 казаков, которые взяли и разграбили Лух «без слова царева»[18].

Очевидно, Василий II не придал большого значения полученным известиям – опыт зимнего похода его успокоил, да и ордынского царя с царевичами поблизости не было. Во всяком случае с выступлением великий князь не спешил. Проведя Петров пост в столице (с 29 мая), он направился в Юрьев, где отпраздновал Юрьев день (29 июня). Уже здесь тучи начали сгущаться. В Юрьев прибыли воеводы Федор Долголдов и Юрий Драница – им пришлось оставить Новгород Нижний («Меньшой»). Они «град нощию зжегше и сами ночию избежавше, понеже бо изнемогоша з голоду великаго»[19].

По пути в Юрьев Василий II 17 июля 1445 г. заключил докончание с Иваном и Михаилом Андреевичами[20]. В нем князья подтвердили, что счи-

тают себя «молодшими» братьями Василия II. Тот в свою очередь признал незыблемость владений, полученных ими в наследие от их отца. Договор подтверждал пожалование князя Ивана Козельском и Лисином, но о Верее и Ярославце (вотчине Михаила) молчал. Пожалование князю Ивану, конечно, влекло за собой обязанность защищать западные границы Московского великого княжества, которые подверглись недавно опустошительному набегу (пострадали тогда и окрестности Козельска).

Поход был организован плохо. Князья Иван и Михаил Андреевичи и Василий Ярославич пришли «с малыми людьми» – очевидно, им пришлось оставить силы на западных рубежах страны, ибо набег литовцев мог повториться. Дмитрий Шемяка не явился вовсе[21].

6 июля 1445 г. русские войска вышли к реке Каменке и остановились у Спасо-Евфимьева монастыря, в непосредственной близости от Суздаля[22]. Насчитывало это войско «яко не с тысячю» человек. Шедший на соединение с Василием II татарский царевич Бердедат (наверное, с западных рубежей страны) в ночь перед решающей битвой достиг только Юрьева Польского. «Всполох» поднялся в тот же день. Войска «вскладаше на себя доспехи своя и, знамена подняв, выступиша в поле». Тревога, впрочем, оказалась ложной. Воеводы с великим князем вернулись «в станы своя», и Василий II «ужинал у себя со всею братиею и з боляры и пиша долго ночи».

Ранним утром 7 июля, когда великий князь хотел еще с перепою «опочинути», пришла весть, что татары переходят реку Нерль[23]. Надев на себя доспехи, Василий II приказал выступать. Бой происходил на левой стороне от Спасо-Евфимьева монастыря, «в Поле». Сначала победа клонилась в пользу русских. Татары отступали («побегоша»), в погоню за ними бросились русские воины, но среди них оказались и такие, что «начаша избитых татар грабити». Неожиданно татары остановились и сами напали на русских. В новой битве они одержали полную победу. Много русских погибло, в плен попали сам Василий II, князь Михаил Андреевич и множество других князей, бояр и детей боярских. Раненые князья Иван Андреевич и Василий Ярославич бежали («в мале дружине утекоша»)[24]. Василий Васильевич, по словам московского летописца, сражался мужественно («на великом

князе многи раны быша по главе и по рукам, а тело все бито вельми, понеже бо сам добре мужественне бился»). Из татарского войска, насчитывавшего 3500 человек, в сражении погибло 500 воинов.

Преследуя отступавших, татары «многих избиша и изграбиша, а села пожгоша, люди изсекоша, а иных в плен поведоша»[25]. Пробыв в Суздале три дня, татарские царевичи двинулись в глубь страны и, перейдя Клязьму, стали против Владимира. Штурмовать город они не решились – предпочли отправиться оттуда через Муром в Нижний Новгород.

Воскресенская летопись сообщает, что осенью 1445 г. сын Улу-Мухаммеда Мамутяк, взяв Казань, убил князя Либея (Алим-Бека)[26]. Никоновская летопись добавляет к этому: «И оттоле нача царство быти Казаньское»[27]. По Государеву родословцу, также «Момотякъ... первый царь на Казани»[28]. Эти данные положил в основу своего представления о возникновении Казанского ханства в 1445 г. В. В. Вельяминов-Зернов[29]. Все они позднего происхождения (не ранее XVI в.) и противоречат другим источникам, говорящим, что первым казанским царем был Улу-Мухаммед. Единственно, что, возможно, произошло в 1445 г. (судя по Казанской истории), это то, что после Суздальской битвы 1445 г. Мамутяк отправился в Казань, где и убил своего отца.

После получения известия о пленении Василия II власть в Москве перешла к Дмитрию Юрьевичу Шемяке. Он стал на Руси старшим в роде Калиты и до тех пор, пока Василий Васильевич находился в плену, обладал великокняжеским престолом согласно традиционным представлениям о порядке наследования.

Через неделю после Суздальского побоища в обстановке растерянности и страха в Москве вспыхнул пожар. Город «выгоре весь». Не осталось ни одного деревянного здания, да и каменные церкви и стены во многих местах развалились. Сгорело до 2000 человек: ведь в стенах Москвы скопилось «в осаду» множество населения[30].

Великие княгини Софья Витовтовна и Мария Ярославна «з детми и з бояры своими» поспешили выехать из Москвы в Ростов. Это вызвало волнение в столице («гражане в велице тузе и волнении (в другом списке – «пленении») бяху»). Горожане, «совокупившеся, начаша врата градная преже делати, а хотящих из

града бежати начаша имати, и бити, и ковати, и тако уставися волнение, но вси обще начаша град крепити, а себе пристрои домовнои готовити»[31]. Очевидно, из Ростова Софья Витовтовна пыталась бежать в Тверь, но ее вернул с реки Дубны в Москву Дмитрий Шемяка, решивший, вероятно, организовать оборону столицы[32].

«Медвежье ушко» решил приобрести себе и великий князь тверской Борис Александрович, отважный в смутные времена. 22 августа 1445 г. он снова послал своих воевод в уже опустошенные им же новоторжские волости. Во время этой экспедиции князь Борис в Торжке «останок людеи разгна и пограби, а иныя погуби, а иныя на окуп подая». В Тверь свезено было «40 павосков» (суден с мелкой осадкой) с награбленным добром[33]. Тверичи на протяжении двух лет разграбили в Торжке, Бежецком Верхе и Заборовье 80 волостей[34].

После возвращения царевичей с полоном в Нижний Новгород 23 августа Улу-Мухаммед направился оттуда в Курмыш, прихватив с собой Василия II, князя Михаила Андреевича и других русских полоняников[35]. К Дмитрию Шемяке, к которому перешла власть в Москве, он направил своего посла Бегича, с тем чтобы выяснить, какой позиции по отношению к Орде будет придерживаться новый великий князь. Надеясь получить ярлык на великое княжение, Дмитрий Юрьевич принял Бегича с подобающей честью («рад быв и многу честь подасть ему, желаше бо великого княжениа»). К ордынскому царю вместе с Бегичем Шемяка отправил своего дьяка Федора Дубенского «со всем лихом на великого князя (Василия II. – *А.З.*)... чтобы великому князю не выити на великое княжение»[36].

Не получая долгое время известия от Бегича, Улу-Мухаммед решил, что он убит Шемякой, и 1 октября отпустил Василия II и других полоняников из Курмыша на Русь, предполагая, очевидно, использовать их как реальную силу в борьбе с князем Дмитрием Юрьевичем[37]. Если до этого власть Шемяки в Москве имела какое-то обоснование традиционным порядком наследования, то теперь она становилась незаконной и с точки зрения традиции: не было санкции ордынского царя.

Об условиях, на которых был отпущен из плена Василий II, ходили разные слухи. По новгородским

сведениям, ордынцы взяли на Василии Васильевиче «окупа» целых 200 000 руб., «а иное Бог весть да они» [38]. Псковичи говорили, что Василий II только посулил татарам 25 000 руб. (а следовательно, мог и ничего им не дать), хотя и отмечали, что он привел с собой 500 татар [39]. В Твери летописец записал, что с Василием II пришли «татарове дани имати великиа, с собе окуп давати татаром» [40]. Московские летописцы 70-х годов XV в. тактично умалчивали о размерах выкупа и татарах, писали только, что великий князь отпущен был ордынцами с обещанием дать им «окуп» «сколько может» [41]. Обещание скреплено было крестным целованием, но выполнил ли его великий князь – неизвестно.

Итак, Василий II с эскортом татар двигался в Москву. А тем временем к нему навстречу приближались Федор Дубенский и Бегич. Их посольство плыло по реке Оке [42]. Через два дня после отъезда из Курмыша Василий II отправил в Москву с вестью о своем освобождении Андрея Плещеева. Дойдя до села Ивана Киселева (между Нижним Новгородом и Муромом), Плещеев встретил Плишку Образцова с конями Бегича и дьяка Федора и сообщил им, что великий князь отпущен на Русь. Тогда дьяк Федор и Бегич вернулись в Муром, где Бегича схватил князь В.И. Оболенский [43]. Такова московская версия событий.

По Ермолинской летописи, дело происходило несколько иначе. Когда Василий II подходил уже к Мурому, он получил сообщение, «яко идеть Бигичь ко царю о всеи управе Шемяке на великое княженье, а ночевати ему, перевезся Оку». Великий князь повелел «изымати» Бегича. Муромские наместники к «Бигичю выслаша меду много, он же напився и усну». Тогда посланцы великого князя «поимаше его и отведоша его во град, а после утопиша его» [44].

Узнав о случившемся, Дмитрий Шемяка бежал в Углич. Василий II в то время прибыл в Муром, откуда направился во Владимир. «И бысть радость велика всем градом Русским», – с умилением пишет позднейший московский летописец [45]. Конечно, русские люди испытывали радость – как-никак великий князь возвращался из плена, но настроение, вероятно, было все-таки тревожное: Василия II сопровождал внушительный татарский эскорт.

Торжественная встреча великого князя состоялась в Переславле, куда для этой цели прибыли великие княгини Софья Витовтовна, Мария Ярославна, сыновья Василия Васильевича Иван и Юрий, а также великокняжеский двор. На Дмитриев день (26 октября) Василий II прибыл в Москву [46]. Здесь он остановился в доме своей матери на Ваганькове, а затем у старейшего боярина князя Юрия Патрикеевича в Кремле (после сильного пожара город не успели еще отстроить).

Вкусивший сладость верховной власти, князь Дмитрий Юрьевич не собирался примириться с новым порядком вещей. Шемяка понимал, что обстановка недовольства военным поражением (пленением великого князя и протатарской политикой Василия II) сейчас благоприятствовала его властолюбивым замыслам. Поэтому он взял на себя инициативу создания блока тех сил, которые склонялись к мысли о необходимости устранения Василия II с великокняжеского престола. Прежде всего он сообщил своему старому, хотя и неверному союзнику можайскому князю Ивану Андреевичу, что отпуск Василия II ордынцами был обусловлен их планами завладеть всей Северо-Восточной Русью, за исключением, может быть, Твери, в которой они собирались посадить на княжение Василия Васильевича [47].

Так ли это было на самом деле, мы, наверное, никогда не узнаем, но подобные планы ордынцев или Василия II кажутся все же маловероятными. Версия, распространявшаяся Дмитрием Шемякой, могла быть кроме всего прочего представлена и как нарушение докончания 1437–1439 гг., которое обязывало Василия II не соглашаться на предложение татар получить Тверь и Кашин в великое княжение. Одним из участников этого докончания с тверским великим князем был Дмитрий Шемяка [48]. Ну а раз Василий II объявлялся нарушителем докончания, то и присяга на верность ему как бы дезавуировалась.

По другой версии, Дмитрий Шемяка «почя крамолу воздвизати и всеми людми мясти; глаголюще, яко князь велики всю землю свою царю процеловал и нас, свою братью». Князь Дмитрий при этом собирался «поимати великого князя, а царю не дати денег, на чем князь велики целовал» [49].

Кроме князя Ивана Андреевича Можайского на сторону Дмитрия Шемяки перешли многие из московских

гостей, бояр, старцев Троицкого монастыря [50]. На сторону противников великого князя решительно стали влиятельные бояре «Константиновичи» – Добрынские, когда-то верные сторонники Василия II, связанные, правда, с князем Иваном Андреевичем [51]. С ними «коромолил с Москвы Иван Старков» [52]. Широкая оппозиция Василию II питалась в первую очередь тревогой за судьбы страны, ибо великий князь «навел» на Русь татар, и, чем это могло кончиться, никто не знал.

Центрами складывавшегося заговора стали удельные столицы – Руза, куда перебрался с Углича Дмитрий Шемяка, и Можайск. Князь Дмитрий послал грамоту в Тверь к великому князю Борису Александровичу. Она была сходна с тем сообщением, которое от него получил князь Иван Андреевич. Великий князь тверской «убоявся и бысть единомысленник с ними». По версии тверского панегириста Бориса Александровича инока Фомы, зимой 1445/46 г. Дмитрий Шемяка отправил своего посла к тверскому князю со словами: «...и сталося, брате, в нашеи земли, но что же брат нашь князь великии Василеи целовал тотаром, но что ж твою отчину, великое княжение Тферьское, да и наши отчины хощет предати тотаром, но и мы ж, то одумав, со своею братиею и со всею землею, но великого же князя Василия поимали, и того ради и тобе възвещаем, но да и ты бы еси нам способствовал по христианстве, но и еще же и по своеи отчине». В ответ на это Борис Александрович послал к Шемяке своего воеводу князя Андрея Дмитриевича Дорогобужского «известно спытать о великом князе Василии». После этого тверской великий князь «въсхоте стати по своем брате по великом князе Василии» [53].

Думается, что рассказ Фомы заведомо искажает факты. По его версии получается, что Борис Александрович послал Андрея Дмитриевича к Шемяке уже после «поимания» Василия II. Однако известно, что великий князь тверской вступил в союз с галицким князем до этого эпизода. Скорее всего князь Андрей послан был до открытого выступления князей против Василия II. Великий князь тверской побаивался и за свой престол, и вообще татарской экспансии на Русь. В результате посылки князя Андрея оформился триумвират князей – тверского (Борис Александрович), галицкого (Дмитрий Шемяка) и можайского (Иван Андреевич) [54]. Единомышленники ждали только

удобного случая, чтобы выступить против великого князя.

В начале февраля 1446 г. Василий II со своими детьми и ближайшим окружением отправился на богомолье в Троицкий монастырь. Он «ничто же иного чая, но токмо накормити тамо сущую братию» [55]. Великий князь покинул столицу «с малыми зело людьми» [56]. Об этом сразу же сообщили Дмитрию Шемяке и Ивану Андреевичу Можайскому, которые тогда находились в Рузе и только ждали «подобна времени, како бы изгонити великого князя» [57]. Ночью 12 февраля они, подойдя «изгоном» к Москве, взяли столицу. И «не бяше бо противящагося им, и никому, ведящу сего, токмо единомысленикомъ их, иже град отвориша им», – с горечью добавлял московский летописец. Войдя в столицу, Дмитрий Шемяка и Иван Андреевич поспешили захватить («изнимааша») великих княгинь Софью Витовтовну и Марию Ярославну. Не забыли они и пополнить свою казну за счет грабежа: «...казны великого князя и матери его розграбиша, и иных многих, и горожан». Той же ночью Дмитрий Юрьевич отпустил Ивана Андреевича в Троицкий монастырь «изгоном со многими людьми своими и сь его», чтобы схватить Василия Васильевича.

На следующий день (в Неделю о блудном сыне) к Василию II прибежал («пригонил») некий Бунко с сообщением, что на него «идут... ратию» Дмитрий Шемяка и Иван Андреевич. Великий князь якобы не поверил этому известию, так как незадолго до того сам Бунко отъехал от него к Дмитрию Шемяке и, следовательно, не внушал ему доверия. По словам московского летописца, Василий II был, кроме того, убежден в незыблемости договорных отношений («яз с своею братьею в крестном целовании») [58]. Но на всякий случай он все же выставил «сторожу» на горе у Радонежа. Об этом донесли приближавшемуся к Троицкому монастырю Ивану Андреевичу. Узнав об этом, князь Иван, воспользовавшись беспечностью выставленного дозора, захватил его целиком, так что никто не смог сообщить Василию Васильевичу о подходе к Троицкому монастырю отряда во главе с князем Иваном.

Непосредственным нападением на Василия II, находившегося тогда в самом монастыре [59], руководил Никита Константинович Добрынский. Боярин ворвался в храм и, схватив Василия II, объявил, что он «пойман

еси великим князем Дмитрием Юрьевичем». Дети Василия Васильевича смогли, однако, бежать в село Боярово (близ Юрьева Польского), принадлежавшее князю Ивану Ряполовскому. Вместе с ними бежали В.М. Шея Морозов, Ю.Ф. Кутузов и другие представители московской знати, сохранившие верность Василию II [60]. Отсюда все они с братьями Иваном, Дмитрием и Семеном Ивановичами Ряполовскими («со всеми людьми своими») поспешили в Муром, где «затворишася со многими людьми» [61]. Муром лежал на пути в Орду, да к тому же там наместничал князь В.И. Оболенский, также принадлежавший к сподвижникам Василия Васильевича.

Князь Иван Андреевич еще перед «поиманием» Василия Васильевича якобы говорил ему: «...аще ти восхощем лиха, буди то над нами лихо». Он пытался объяснить отстранение великого князя от власти интересами народа и необходимостью облегчить уплату «окупа» («христьянства деля и твоего окупа»; «видевши бо се татарове, пришедши с тобою, облегчат окуп, что ти царю давати») [62].

В ночь с 13 на 14 февраля Василия II привезли в Москву и, посадив в дом Шемяки, ослепили [63]. Позднее это ослепление и дало основание для его прозвища – Темный [64]. Затем Василия Васильевича сослали на Углич, а его мать Софью Витовтовну – на Чухлому [65]. По новгородским сведениям, Василию Васильевичу вменялось в вину то, что он привел на Русь татар: «Чему еси татар привел на Рускую землю, и городы дал еси им, и волости подавал еси в кормление? А татар любишь и речь их паче меры, а крестьян томишь паче меры без милости, а злато и сребро и имение дасшь татаром» [66]. В этой тираде интересны два момента: упрек в тяжести повинностей, возложенных на народ, и в раздаче татарам городов и волостей в кормление. В последнем случае речь, должно быть, шла о татарских царевичах. Припомнили обвинители и ослепление Василием своего двоюродного брата Василия Косого, поэтому и наказание бывшего великого князя соответствовало библейскому «око за око».

Триумвиры одержали полную победу. Но, как показало ближайшее будущее, победа была пирровой.

Узнав о происшедшем, князья Василий Ярославич и Семен Иванович Оболенский бежали в Литву, «а прочии дети боярские биша челом служити князю

Дмитрею». Они были приведены к крестному целованию [67].

Один упрямец, Федор Басенок, не захотел присягать новой власти. Тогда его как смутьяна, естественно, заковали «в железа». Но и в заточении он остался верен себе. Подговорив сторожа («пристава»), Басенок с ним вместе бежал, а в пути к нему пристало много людей «от двора великого князя» – настолько он сумел завоевать уважение, а может быть, и более сильные чувства в великокняжеском окружении. Возможно, он сумел зажечь этих людей своим энтузиазмом («многих людей подговорил с собой»). Басенок полагал, что ему удастся взять с ходу («изгоном») Коломну – старинную цитадель московских князей. Вероятно, как и в 1436 г., там наместником был Иван Федорович Старков, в начале 1446 г. переметнувшийся на сторону Дмитрия Шемяки. Как бы то ни было, но Коломну взять Басенку не удалось. С досады он пограбил ее, пожег посады и окрестности и затем направился со своими сторонниками в Литву [68].

В Великое княжество Литовское бежал также серпуховской князь Василий Ярославич. Ему Казимир IV дал «в вотчину» города Брянск, Гомель, Стародуб и Мстиславль. Брянск Василий Ярославич переуступил князю С.И. Оболенскому и Ф.В. Басенку [69]. На литовском порубежье находились татарские царевичи Бердедат Кудудатович, Касым и Якуб Мухаммедовичи, сохранявшие верность Василию II [70].

Несмотря на успех проведенной акции, положение Дмитрия Шемяки оставалось сложным. Он даже ведь не решился послать свои войска, чтобы схватить детей Василия II, а был вынужден прибегнуть к помощи владыки Ионы. Летописец пишет: «...вси людие негодаваху о княжении его». Ослепление великого князя – факт беспрецедентный в русской истории (если не считать случая с князем Васильком).

Князь Дмитрий пытался укрепить свои позиции за счет заключения союза с Новгородом и послал туда своих «поклоньщиков». В свою очередь новгородцы направили к нему своих послов – посадников Федора Яковлевича и Василия Степановича [71], которые заключили договор с новым великим князем. Дмитрий Шемяка «целова крест на всих старинах». Многомудрый князь Борис Александрович поступил иначе. Он задержал у

себя новгородских послов на целых четыре месяца (держал их «на опасе») и после этого отпустил, так и не заключив договора [72].

Позиция тверского великого князя после ослепления Василия II некоторое время была неопределенной. Он присматривался к складывающейся ситуации, избегая делать опрометчивые шаги.

28 апреля 1446 г. великий князь Дмитрий Шемяка и князь Иван Андреевич заключили между собой докончание [73]. Текст его не сохранился, но можно думать, что оно санкционировало передачу Бежецкого Верха князю Ивану [74].

Расстройство финансовой системы в стране (понижение веса и порча монет, известные по дошедшему до нас материалу и по сообщению Новгородской летописи [75]) заставило Дмитрия Шемяку провести денежную реформу. Князь Дмитрий дважды понижал вес монеты: в первом случае – до 0,54–0,50 г (по галицкой норме), во втором – до 0,39–0,40 г [76]. На монетах Дмитрия Юрьевича изображался всадник с копьем и буквами «Д.о.», что значило «Дмитрий-осподарь». Помещал на монетах он и надпись: «Осподарь всея земли Русской», твердо заявляя свое стремление к утверждению единодержавия на Руси [77]. Выразительно было и второе изображение на монетах князя Дмитрия – князь на троне. Позднее опыт чеканки монет и их символика были использованы Василием II.

Падение веса мелкой монеты больно ударило по интересам простого народа, ибо сократило покупательную способность и без того скудных накоплений монеты и привело к росту цен.

Победа Дмитрия Шемяки над Василием II вызвала явное неудовольствие у ордынских покровителей Василия Васильевича в Казани. Ответ их не заставил себя долго ждать. 17 апреля 1446 г. («на Велик день») казанские татары, простояв три дня под Устюгом, предприняли попытку взять его штурмом. Они «приступили к городу, несучи на головах насад». Насады (лодьи) должны были защитить татар от града камней, выстрелов, стрел и копий, которые сыпались на них с крепостной стены. Хотя казанцы и подожгли городские укрепления, город им не удалось захватить. Они отошли от Устюга, получив с него «откуп, копейщину, за 11 000 денег и всякою рухлядью», т.е. мехами. В Устюг меха поступали из северных земель и отсюда

шли на рынки в Новгород, по Волге и в Центр. Не удалось татарам взять и полон. Затем казанцы, миновав Галич, «приходили... на Кичменгу» и вверх по Югу через волок направились на Ветлугу, приток Волги. Возвращаясь в Казань, они плыли на плотах, «да в полоех тонули». Из отборного отряда (в набеге на Углич принимал участие «царев двор» численностью 700 человек) в Казань вернулось всего 40 человек [78].

В борьбе за укрепление своего авторитета великий князь Дмитрий Юрьевич решил использовать церковь. Так, 14 марта 1446 г. он выдал жалованную грамоту нижегородскому Благовещенскому монастырю [79]. Как великий князь он подписал подтверждение грамоты Василия II 1443 г. на земли Троицкого монастыря в Переславле [80]. Вероятно, к тому же 1446 г. относятся и его грамота на троицкие владения в Дмитрове (10 мая) [81], подтверждение троицкой грамоты на владения у Соли Переславской [82] и выдача грамоты Чудову монастырю на владения в Переславле [83]. Троицкие старцы, выдав головою Василия II, оказали новому великому князю столь важную услугу, что, право же, грешно было бы их не отблагодарить.

В Москве в 1446 г. (после бегства Исидора) митрополита не было. Возможно, делами митрополии ведал рязанский епископ Иона, уже дважды предлагавшийся Василием II в качестве митрополита. Князь Дмитрий Юрьевич призвал Иону к себе и сообщил о готовности обеспечить возведение его на митрополичий престол [84]. Однако со своей стороны тот должен был помочь новому великому князю в сущем «пустяке». Ему поручалось съездить в Муром, принадлежавший к Рязанской епархии, и вывезти оттуда детей Василия II. Иона должен был сообщить великокняжеским боярам в Муроме о готовности князя Дмитрия отпустить Василия Васильевича и даже выделить ему удел. Соблазн был слишком велик, и Иона принял предложение Шемяки. Вместе с коломенским епископом Варлаамом [85] он поехал в Муром, где князья Ряполовские и бояре Василия II отпустили его детей с Ионой, взяв с владыки крестное целование в том, что они будут неприкосновенны. Бояре опасались, что в случае их отказа Дмитрий Шемяка может совершить поход на Муром и взять детей силой.

6 мая 1446 г. Иона доставил детей Василия Ва-

сильевича в Переславль, где тогда находился Дмитрий Юрьевич. На третий день после их приезда в нарушение взятых на себя обязательств князь Дмитрий отправил детей к отцу в заточение на Углич [86]. Сопровождал их все тот же Иона [87]. После успешного выполнения Ионой миссии Дмитрий Шемяка «повеле ему итти к Москве и сести на дворе митрополиче» [88]. Согласно великокняжескому своду 70-х годов XV в., Иона потом говорил Шемяке: «...неправду еси учинил, а меня еси ввел в грех и в сором... нынче яз во всеи лжи» [89].

Тем временем среди сторонников свергнутого великого князя составился заговор, имевший целью освободить Василия II. В него входили князья Ряполовские, князь И.В. Стрига Оболенский, Иван Ощера с братом Бобром, Юшка Драница, Семен Филимонов (Морозов) с детьми, М.Я. Русалка Морозов, И.Д. Руно «и иные многие дети боярьские двора великого князя». Они договорились собраться всем под Угличем на Петров день [90].

В назначенный срок под Углич явился Семен Филимонов. О предполагавшемся выступлении князей Ряполовских стало известно Дмитрию Шемяке, и те вместо Углича пошли за Волгу к Белоозеру, во владения союзного Василию II князя Михаила Андреевича. За ними вдогонку Шемяка послал «многие полки» во главе с воеводами Василием Вепревым и Федором Михайловичем Шонуром Козельским. Воеводы должны были соединиться у устья Шексны (у «Всех Святых»). Но Федор Михайлович прибыть к месту встречи не поспел, и Ряполовским удалось разбить войска одного Василия Вепрева у устья Мологи, восточнее устья Шексны. Узнав, что Ф.М. Шонур Козельский «перевезеся на усть Шексны со всеми полки своими», князья Ряполовские двинулись против него. «Видев их», Федор Михайлович бежал снова за Волгу, а Ряполовские направились в Литву. Верные своей политике невмешательства в междукняжеские распри, новгородцы пропустили их через свою территорию, хотя находились в договорных отношениях с Дмитрием Шемякой.

Ничего не зная о происшедшем, Семен Филимонов «со всеми своими» пошел к Москве. Только И.Д. Руно покинул его, направившись вслед за Ряполовскими в Литву.

В Литве Ряполовские и их сторонники (И.В. Стрига

Оболенский и «многие дети боярские») пришли в Мстиславль и стали побуждать князя Василия Ярославича выступить на Русь, чтобы «выняти великого князя» из заточения [91].

Поскольку среди княжат и московского боярства возникло движение, имевшее целью вернуть на великокняжеский престол Василия II, Дмитрий Шемяка решил принять соответствующие контрмеры [92]. Он созвал «епископы и архимандриты со всее земьлии и честныя игумены и прозвитеры», т.е. нечто вроде церковного собора. На нем присутствовали и великокняжеские бояре. Среди участников этого совещания был и Макарий Желтоводский. Согласно промосковской версии, у всех у них Дмитрий Шемяка стал «прощениа просити и каятися». На это Макарий заявил Шемяке, что иерархи готовы его простить, если только он получит прощение у Василия II [93].

Непрочность положения заставила Дмитрия Шемяку принять предложение иерархов и вступить в переговоры с Василием II. Вместе с членами церковного собора он отправился в Углич [94]. Здесь состоялась церемония примирения. Василий II, «во всем вину сам на ся возлагая», «пред своею старейшею братьею» и пред всем «христьянством» повинился в «преступлении в крестном целовании... его же изгубих и еще изгубити хотел есми до конца» [95]. Василий Васильевич заявил даже, что за все свои беззакония он достоин был смертной казни, но только по милосердию Дмитрия Шемяки ему дарована была жизнь. Покаяние Василия II великий князь Дмитрий принял благосклонно. «Укрепив» соглашение со своим двоюродным братом «крестным целованием и проклятыми грамотами», Дмитрий Юрьевич 15 сентября 1446 г. выпустил Василия II из «нятства» и пожаловал ему в удел Вологду [96].

Из летописного рассказа не следует, что покаяние было взаимным. Даже враждебный Шемяке московский летописец ничего не говорит о его «смирении». Раскаивался в содеянном, очевидно, только ослепленный и свергнутый с великокняжеского престола князь. По случаю примирения двоюродных братьев был устроен пир.

Но и на этот раз примирение оказалось кратковременным. Вологда (как Коломна в 1433 г.) стала центром притяжения сил, поддерживавших Василия II [97]. Сюда, в частности, приезжал от тверского великого

князя Бориса кашинский наместник князь Федор Юрьевич Шуйский. Он передал Василию Васильевичу приглашение Бориса Александровича выехать в Тверь [98]. Вскоре Василий II отправился в Кириллов монастырь. Путь его лежал, конечно, в Тверь (по Шексне на Волгу). В Кириллове Василий II, очевидно, рассчитывал выяснить позицию белозерского князя Михаила Андреевича в предстоящем столкновении с Шемякой. К сожалению, прямых известий о князе Михаиле и его отношении к событиям 1446 г. у нас нет. Но вот игумен Кириллова монастыря Трифон недвусмысленно поддержал планы Василия II. Благословив его на борьбу с Шемякой, Трифон взял на себя грех нарушения Василием Васильевичем крестного целования. «Еже еси целовал неволею», – объяснял этот свой шаг кирилловский игумен [99]. Позднее (в 1448 г.) в благодарность за поддержку в минуту жизни трудную Василий II назначил Трифона архимандритом придворного Новоспасского монастыря. Трифон стал одним из доверенней ших лиц Василия Васильевича (он, в частности, подписал духовную великого князя).

Из Кирилло-Белозерского монастыря Василий II направился в Тверь. Существует несколько версий о прибытии Василия Васильевича к тверскому великому князю Борису. Согласно одной из них, Василий II, двинувшись к тверскому рубежу, обратился к Борису Александровичу со следующими словами: «Аще еси ко мне изменил и крестное целование забыл, и с Шемякою еси думал, и с своим шурином на меня и рать еси посылал на Москву, то все ныне забуду, а ныне буди со мною един человек, и прииму тя в любовь и во одиначество; аще ли сего не восхощешы, то имам воевати отчину твою и грады твоя имати». Князь Борис «учини по воли князя великого, повеле ему к себе во Тферь итти» [100].

Версия эта неправдоподобна: находясь в тяжелейшем положении, Василий II не мог угрожать войной великому князю тверскому. Договоренность о приезде Василия II в Тверь была достигнута еще в Вологде [101]. Ведь там князь Ф.Ю. Шуйский передал Василию II приглашение князя Бориса выехать в его (князя Бориса) «отчину». В Твери было широковещательно объявлено: «...хощем быти заедин Борис Василеи, а Василеи и Борис» [102]. Возможно, в рассказе инока Фомы есть и преувеличения, но это заявление

соответствовало букве и духу докончания Москвы с Тверью 1437–1439 гг. [103]

Уже на пути в Тверь к Василию II «люди многи прибыли» [104]. Бегство в Тверь московских служилых людей из великокняжеского двора продолжалось и позднее. Здесь стала собираться «вся сила московская с все страны» [105]. В Твери состоялось обручение малолетнего сына Василия II Ивана с дочерью князя Бориса Марьей [106]. На торжествах по этому случаю присутствовал цвет тверской и московской знати. По словам инока Фомы, даже московских «князеи и бояр» было «множество». Тверской великий князь на этот раз окончательно сделал ставку на гонимого московского князя, предпочитая иметь дело со своим слабым, как он считал, ставленником, чем с энергичным и самостоятельным Дмитрием Шемякой. В Твери князья договорились о совместной борьбе с галицким князем [107].

Помощь тверского князя была не бескорыстной. Очевидно, уже в Твери московский князь отказался в пользу тверского князя от Ржевы. Правда, Ржеву надо было еще завоевать – она подчинялась Дмитрию Шемяке и не собиралась добровольно переходить под тверскую власть.

Когда сторонники Василия II двинулись из Литвы на Русь, то в Ельне они встретили татарские отряды. Между ними завязалась перестрелка. После того как татары узнали, что князья идут «искать» Василия II, которого к этому времени Шемяка уже отпустил на Вологду, недоразумение уладилось. Выяснилось также, что татары пришли «из Черкас». Их возглавляли царевичи Касым и Якуб. Татары говорили с сочувствием о Василии II: «...братья над ним израду учинили, и они пришли искати великого князя за прежнее его добро и за его хлеб, много бо добра его до нас было» [108].

Находившиеся в Мстиславле князь Василий Ярославич, трое Ряполовских, Иван Стрига Оболенский, а также пребывавшие в Брянске князь Семен Оболенский и Федор Басенок с детьми боярскими «многими» решили освободить Василия II из заточения на Угличе. Но подоспела весть, что великого князя уже отпустили и дали Вологду. В Мстиславль эту весть привез Данила Башмак, в Брянск – некий киевлянин Полтинка. Сторонники Василия II двинулись на Русь, объединившись

в Пацыне. Сюда приехал Дмитрий Андреев с сообщением, что великий князь пошел к Белоозеру, а оттуда в Тверь. Тогда они двинулись в том же направлении.

Стремясь не допустить объединения рати Василия Ярославича с Василием II, Дмитрий Шемяка и Иван Андреевич направились к Твери. Несмотря на то что собрано было большое войско (со всего Московского княжества), на Тверь наступать князья Дмитрий и Иван не решились. Обосновавшись в Волоколамске, они провели там весь Филиппов пост (с 15 ноября по 25 декабря 1446 г.) [109]. Основной же базой противников Василия Васильевича было левобережье Волги с Галичем, Костромой и Вологдой [110]. Около ноября 1446 г. новгородский летописец писал, что новгородцы «не въступишася ни по одином», т.е. не участвовали в противоборстве Василия II и Дмитрия Шемяки. Он с горечью заметил, что князья тогда «землю Русскую остаток истратиша, межи собою бранячися» [111].

Узнав о приходе Дмитрия Шемяки на Волок, Борис Александрович направил туда своего посла Александра Садыка. На этот раз Дмитрию Шемяке был передан ультиматум: если он в недельный срок не уйдет из Волоколамска в свою отчину, то великий князь тверской грозил выступить против него совместно с Василием II [112]. Тем временем служилые люди, собранные Дмитрием Шемякой и Иваном Андреевичем («вси людие»), начали бежать в Тверь. В конце концов с князьями Дмитрием и Иваном остались только галичане и можаичи [113].

Тем временем отряд Василия II и тверская рать во главе с М.Б. Плещеевым и Львом Измайловым, воспользовавшись отсутствием в Москве крупных вооруженных сил, совершили глубокий рейд в тыл противника. На Рождество (25 декабря 1446 г.), когда из столицы выехала вдова князя Василия Владимировича Ульяна и по этому случаю ворота, ведущие в город, были открыты, Плещеев и Измайлов со своими отрядами вошли в Москву. В плен был взят наместник можайского князя Ивана Андреевича Василий Чешиха, а наместнику Дмитрия Шемяки Федору Галицкому удалось бежать. Жители столицы приведены были к присяге на имя Василия II. На случай возможного нападения противника город начали спешно укреплять [114].

Одновременно с посылкой «изгонной рати» Плещеева

и Измайлова воеводы Василия II решили нанести удар по врагу своими основными силами. Вместе с Борисом Александровичем Василий Васильевич двинулся из Твери по направлению к Волоколамску, где находились в бездействии Дмитрий Шемяка и Иван Можайский. Получив известия о падении Москвы, о выступлении объединенной московско-тверской рати из Твери и войск Василия Ярославича из Литвы, они под угрозой полного окружения поспешно бежали.

Борис Александрович, дойдя с Василием II до городка Редена, узнал о бегстве Шемяки «в далная части земли». Тогда он отпустил с великим князем московским своих воевод Бориса и Семена Захарьичей со «множеством» воинов, а сам («той же зимы») «восхоте поити ко граду Ржеве». Ржевичи, однако, «не восхотеша отворити» ворот своего города тверским воеводам Дмитрию Федоровичу и Григорию Никитичу. «Град тои аще ли мал, но тверд, и велми приправы градскые на нем велми много», – отметил инок Фома. Борис Александрович послал в Ржеву своего боярина Константина Константиновича с предложением о сдаче. Но и на этот раз ржевичи не капитулировали. Тогда князю Борису пришлось направить подкрепление с воеводами Даниилом Григорьевичем и Карпом Федоровичем. Ржевичи зажгли посады и перешли к обороне. Сражение под Ржевой затянулось [115].

Покидая Волоколамск, Дмитрий Шемяка, очевидно, отправил часть своих войск («москвичеи») во главе с Колычевым против зубцовского князя Ивана Юрьевича, племянника князя Бориса. Возможно, одной из задач этой посылки была помощь ржевичам. Но Колычев был разгромлен соединенным войском Ивана Юрьевича и Бориса Александровича. «Москвичей» гнали «до Сижешкы и еже есть ошуюю Ржевы» [116]. 500 человек сдались в плен. Много было убитых и раненых.

Из-под Волоколамска Дмитрий Шемяка направился в Галич. Путь его пролегал по рекам Ламе, Шоше, Волге, Костроме и Вексе (через Углич, Ярославль и Кострому). Затем Шемяка поехал на Чухлому. Отсюда, взяв с собой великую княгиню Софью, он перебрался в Каргополь [117]. На каком этапе его странствований князь Иван Андреевич предпочел покинуть своего союзника, неизвестно. В то же самое время Василий II с московской и тверской «силой» двинулся по пути Шемяки на Углич, отпустив свою княгиню Марью в Мос-

кву. С пушками из Твери под Углич послан был прославленный пушкарь Микула Кречетников [118]. Сюда прибыл также князь Василий Ярославич с великокняжескими боярами и «со всеми людми, что было в Литве».

В преддверии решительной борьбы с Дмитрием Шемякой (где-то в самом начале 1447 г.) Василий II заключил новый договор с серпуховским князем. Василий Ярославич жаловался Дмитровом в обмен на «недоданные» ему когда-то земли, а по существу в благодарность за поддержку в борьбе за великокняжеский престол [119]. Но Дмитров еще не приносил счастья никому из тех, кто получал его из великокняжеских рук. Так было и на этот раз. Правда, развязка событий наступит позднее, а пока Василий Ярославич только целовал крест в верности великому князю и (впервые в докончаниях Василия II) его детям Ивану, Юрию и Андрею. Отныне серпуховской князь должен был «имети братьею старейшею» не только самого великого князя, но и его сыновей. С родовым принципом наследования великокняжеского престола отныне было покончено. События 1445–1446 гг. (пленение и ослепление Василия Васильевича) заставили великого князя позаботиться о судьбе своего престола на случай всяких неожиданностей с ним самим [120].

Борьба с Дмитрием Шемякой вступала в свой апогей, и предсказать ее исход накануне битвы за Углич было трудно. Поэтому Василий II еще предусматривал возможность замирения с галицким князем – подобные случаи бывали, однако теперь уже с позиции силы. Великий князь соглашался на мир только в том случае, если князь Дмитрий подчинится его воле как князь «молодший» и впредь будет владеть своим уделом не столько в силу наследственного права, сколько по милости (пожалованию) великого князя за его покорность [121].

Стремясь изолировать Дмитрия Шемяку от его союзников, Василий II заключает, вероятно тогда же, докончание с бывшим его сподвижником можайским князем Иваном Андреевичем. Текст договора до нас не дошел [122]. Но, судя по соглашениям великого князя с тем же Иваном Андреевичем от сентября 1447 г. и с серпуховским князем Василием Ярославичем начала того же года, Василию II за отказ Ивана Андреевича от союза с князем Дмитрием пришлось поступиться

можайскому князю Бежецким Верхом, Лисином и половиной Заозерья.

Тем временем началась осада Углича. Она продолжалась неделю. После сильного артиллерийского обстрела город капитулировал [123]. Во время сражения под Угличем погиб отважный литвин Юшка Драница («храбрый человек»), прославившийся своими подвигами еще в 1445 г. [124] Дмитрий Шемяка и Иван Андреевич бежали в Галич [125].

Одержав важную победу, Василий II из-под Углича направился по Волге к Ярославлю. Очевидно, по обычаю, воины плыли в «насадах», а кони шли берегом. В Ярославле состоялась встреча великого князя со служилыми царевичами Касымом и Якубом. Отсюда же великий князь послал боярина Василия Федоровича Кутузова к Дмитрию Шемяке с настоятельной просьбой, скорее требованием, отпустить великую княгиню Софью Витовтовну. 17 февраля 1447 г. («в пяток сырный») Василий Васильевич вошел с триумфом в Москву [126].

По совету своих бояр Дмитрий Шемяка решил отпустить из Каргополя Софью Витовтовну [127]. Ее сопровождать отправлены были боярин Шемяки М.Ф. Сабуров и дети боярские. Воспользовавшись случаем, те перешли на службу к Василию II. Встреча матери с сыном состоялась в Троицком монастыре, откуда они направились в Переславль [128].

Осада Ржевы тверскими войсками затягивалась. Ржевичи сопротивлялись в течение трех недель, несмотря на ожесточенный пушечный обстрел города. По словам инока Фомы, горожане в свою очередь «биаху овии пушками, а инии пращами, а друзии камение метаху, а овии стрелами, яко ж дождем пущаху». Но тверские пушки оказались сильнее – «толь бо грозно, но яко ж от великого того грому многым человеком падати». В конце концов под город пришел сам князь Борис Александрович, и в Великое заговенье (весной 1447 г.) Ржева сдалась на милость победителя [129].

Сразу же после взятия Ржевы к Борису Александровичу, находившемуся тогда в Опоках, прибыл литовский посол «именем Давъкши и принесе ему дары велиции от злата» [130]. Но... бойся данайцев, дары приносящих. Пройдет немного времени, и Казимир IV попытается иначе заговорить с тверским великим князем.

Падение Галича

Капитуляция Углича привела к очередной передышке, во время которой обе враждующие стороны пытались накопить силы для нового раунда борьбы за власть в Северо-Восточной Руси. Основные их усилия были направлены на консолидацию сил, которые могли бы противостоять противнику. При этом перед Василием II и Дмитрием Шемякой стояли, естественно, разные задачи. Московский великий князь стремился к полному подчинению (если не к ликвидации) своего противника, а Дмитрий Шемяка пытался сохранить свои позиции, не рассчитывая (во всяком случае в обозримом будущем) добиться великого княжения.

Победоносная канонада тверских и московских пушек под Угличем оказала свое действие на тех княжат, которые приглядывались, примеривались, выбирая себе позицию в ходе развернувшихся в 1445–1446 гг. событий.

Летом и осенью 1447 г. Василию II удалось заключить ряд докончаний, имевших целью создать коалицию князей, направленную против Дмитрия Шемяки. 19 июня 1447 г. договор был заключен с князем Михаилом Андреевичем [1]. В нем князь Михаил жалуется половиной Заозерья («отчины заозерьских князеи половина») и сотней деревень из другой половины. Правда, часть из них должна быть отписана на великого князя «против» переданной Михаилу Андреевичу половины Кубены. По сентябрьскому докончанию 1447 г. с князем Иваном

Андреевичем вторая половина Заозерья отошла к нему [2].

Заозерье (за Белоозером) и Кубена (к северу и востоку от Кубенского озера) были частью Ярославского княжества, «занозой», отделявшей великокняжескую Вологду от Новгорода. Старейший князь в Ярославле Александр Федорович Брюхатый твердо придерживался ориентации на Василия II. Но во время войны великого князя московского с Василием Косым в 1435 г. он попал в плен к вятчанам и был препровожден на Вятку [3]. Где он находился в 1447 г., неизвестно. Его дядя Дмитрий Васильевич (младший брат его отца) княжил в Заозерье. В том же 1435 г., идя с Вологды, он напал на Василия Косого, но был им разбит [4]. На дочери князя Дмитрия Васильевича был женат Дмитрий Шемяка [5]. Словом, Заозерье было беспокойным краем, и Василий II предпочел его отдать своим союзникам, чем оставить в «уделе» у союзного Шемяке князя Дмитрия. Когда же сын князя Дмитрия Андрей взял у своего дальнего родича князя Ивана Дея в приданое Кубену, то великий князь (до лета 1447 г.) отобрал и ее [6].

20 июля 1447 г. Василий II вместе с союзными ему Иваном и Михаилом Андреевичами и Василием Ярославичем заключает договор с рязанским великим князем Иваном Федоровичем [7]. В нем рязанский князь признает себя «молодшим братом» по отношению к великому князю и обязывается отныне «не приставать» к Литве и ходить ратью на «недруга» Василия Васильевича. В целом же договор повторял старые докончания с Рязанью, в том числе докончание от 25 ноября 1402 г. Василия I с Федором Ольговичем и договор 1434 г. Юрия Дмитриевича с Иваном Федоровичем [8].

Менее удачными были дипломатические усилия Дмитрия Юрьевича Шемяки. Но все же и ему удалось добиться некоторых успехов. Прежде всего он не терял надежды снова привлечь на свою сторону князя Ивана Андреевича. Очевидно, Шемяке удалось на время оторвать князя Ивана от союза с Василием II. Как писали в декабре 1447 г. русские иерархи, Дмитрий Юрьевич «посылал ко князю Ивану Андреевичю посла своего Михайла Сатина, а все одиначяся с ним» на Василия II. Дмитрий Юрьевич хотел, чтобы можайский князь выступил посредником между ним и великим князем. Князь Иван должен был предъявить Василию II нечто

вроде ультиматума: «...толко пожалуеш ты, князь великий, князя Дмитрия Юрьевича, ино то еси и мене, князя Ивана, пожаловал; а толко не пожалуеши князя Дмитрия, ино то еси и мене, князя Ивана, не пожаловал». С этим предложением безуспешно ездил к Василию II посол князя Ивана Елизар Васильевич Гусев [9].

Летом 1447 г. Дмитрий Шемяка и Иван Андреевич делают попытку договориться с Василием II. Для этой цели они заключают перемирие с союзниками великого князя Михаилом Андреевичем и Василием Ярославичем и договариваются, что эти князья выступят посредниками в их переговорах с московским великим князем [10].

Перемирие с белозерским и серпуховским князьями было заключено около 12 июня 1447 г. («уговев Петрова говенья неделю»). Оно предусматривало прекращение военных действий галицкого и можайского князей с великим князем. Во время перемирия они обязались ни на Василия II, ни на его союзников (Михаила Андреевича и Василия Ярославича) «и на царевичев, и на князей на ордыньских, и на их татар не ити, и не изгонити их» и не чинить «никоторые пакости» вотчине великого князя. Князь Дмитрий и князь Иван обязывались «любовь и докончанье взяти по старине» с Борисом Александровичем, так как он с Василием II был «один человек». Со своей стороны князья Василий Ярославич и Михаил Андреевич обещали ходатайствовать перед Василием II, с тем чтобы он заключил также мирное докончание с Дмитрием Юрьевичем и Иваном Андреевичем. Для достижения этой цели Дмитрий Шемяка соглашался «отступиться» от Углича, Ржевы (уже им потерянной) и «Бежитцкие волости», а Иван Андреевич отказывался от Козельска, Алексина и Лисина [11].

Летом 1447 г. князь Дмитрий Юрьевич заключает еще одно докончание с Василием II [12]. Текст договора не сохранился, но о некоторых его положениях можно судить по их изложению в декабрьском послании иерархов 1447 г. Докончание Шемяки с Василием II напоминало аналогичное докончание, которое несколько позже (в сентябре) снова заключил с Василием II князь Иван Андреевич [13]. Можайский князь, равно как и ранее галицкий, признавал Василия II «старейшим братом», обязывался «не канчивати ни с кем, ни

сылатися» без ведома великого князя (в том числе «Орды не знати»). Со своей стороны Василий II гарантировал галицкому и можайскому князьям владение их уделами и обязывался жить «по душевной грамоте деда нашего великого князя Дмитрея Ивановича», что в общем-то было программой галицких князей.

Особое место в планах Дмитрия Шемяки занимала идея создания союзного с ним Нижегородско-Суздальского княжества. Нижний Новгород приковывал к себе мысли еще его отца, князя Юрия. К 1447 г. за преобладание в этом краю боролись между собой две ветви потомков великого князя суздальско-нижегородского Дмитрия Константиновича, известные позднее под фамилиями Шуйских и Горбатых. Первая, старшая ветвь представлена была двумя братьями – Василием и Федором Юрьевичами. Согнанные Василием II со своих престолов, они стали князьями-«изгоями». Старший из них, князь Василий, еще в 1443 г. боронил Новгород от соседей, а в 1446 г. наместничал в Кашине [14]. Под благосклонным покровительством Василия II находились некоторые князья из второй ветви. В общем-то и судьба детей Василия Горбатого (Александра Глазатого, Ивана Горбатого, Романа, Андрея Лугвицы, Бориса и Василия Гребенки) была сходной. Князь Александр позднее (в 1452 г.) выдаст свою дочь замуж за князя Бориса Тверского, а Василий II возьмет его «в докончанье» [15]. Андрей Лугвица, служивший князю Ивану Андреевичу, погиб в 1445 г., тогда же, когда и его брат Борис, служивший в 1430 г. на Волоке, а в 1435 г. по поручению Василия II в Пскове [16]. Василий Гребенка с 1448 г. княжил в Пскове, но покинул его в 1455 г. и в 1456 г. возглавлял в Новгороде войска, сражавшиеся с Василием II [17].

В первой половине 1447 г. Дмитрий Шемяка, отобрав Суздаль у изменившего ему князя Ивана Андреевича, санкционирует восстановление Нижегородско-Суздальского княжества во главе с Василием и Федором Юрьевичами [18]. Князья должны были получить в свое распоряжение и Вятку [19]. Дмитрий Шемяка, как ранее его отец и старший брат, пытался поднять вятчан на борьбу с Василием II. В 1447 г. он «на лихо» великого князя посылал к ним своих посланцев [20]. Но на этот раз у него ничего не получилось. Вятчане не откликнулись на призыв галицкого князя, памятуя

своекорыстное отношение к ним Юрия Дмитриевича и Василия Косого.

Договор Дмитрия Шемяки с суздальскими князьями Василием и Федором Юрьевичами не содержал признания за ними полной независимости, но в делах, касавшихся непосредственно земель их княжества, они сохраняли суверенные права [21]. Используя терминологию докончаний своего отца, Дмитрий Юрьевич обязывался держать князя Василия своим «сыном», а князя Федора – «братаничем». Сын Шемяки Иван рассматривался в докончании «братом ровным» князю Василию и «старейшим братом» князю Федору.

Эксперимент Дмитрия Шемяки оказался нежизнеспособным. Князь Василий вскоре умер [22], а князь Федор дал «запись» в своей «вине» Василию II [23]. Суздальско-Нижегородское княжество прекратило свое существование. Правда, князь Иван Андреевич вскоре восстановил свои отношения с князем Дмитрием. Неудачи чередовались с успехами.

Дмитрий Шемяка серьезно рассчитывал и на поддержку новгородцев. По словам иерархов (декабрь 1447 г.), он не только не сложил крестного целования к Новгороду, но «еще посылал еси к Великому Новогороду и посла своего, а зоучи себе князем великим да просил еси у них собе помочи, а вводя то слово, что татарове изневолили нашу отчину Москву, и вы ми дайте на них помочь». Иерархи возражали на это: «...татарове во християньстве живут, а то ся чинит все твоего же деля с твоим братом старейшим с великим князем неуправленья, и те слезы християнские вси на тобе же» [24].

Положение новгородцев было трудным. Зимой 1446/47 г. псковичи прислали к ним своих послов и «мир взяша по старине и крест целоваша» [25]. Назревало продолжение войны с Ливонским орденом и союзными с ним Швецией и Пруссией [26], и псковичи заинтересованы были в союзе с Новгородом.

Сразу же после победы под Угличем и взятия Борисом Александровичем Ржевы новгородцы поспешили послать своих послов в Тверь для заключения мирного договора. При этом они «поруб тферскои весь отдаша, а что воеводы тферскиа, ходив, повоевали землю их и что иное у них поимали, и тому всему погреб» [27]. В тексте докончания, предложенном новгородцами, говорилось, что Борис Александрович «дал рубежь земли и

воде промежи своего великого княженья Тфери и Кашина, и промежи Новгорочкои отцине, и Новоторжскои земли и воде, и Бежичкои по великого князя грамоте Ивана Даниловичя». Предусматривалась, как бывало обычно в подобных случаях, посылка тверского боярина на рубеж для разбора спорных дел. Тверскому князю, княгине и боярам запрещалось покупать новгородскую и новоторжскую земли. Устанавливался порядок суда тверичей и кашинцев с новгородцами и новоторжцами. Гостям обещался «путь чист», т.е. свобода поездок для совершения торговых операций [28].

Для организации обороны от ливонцев в июне 1447 г. из Пскова в Новгород был приглашен князь А.В. Чарторыйский, имевший уже опыт борьбы с Орденом [29].

Осада ливонцами Ямы, продолжавшаяся 13 дней, успеха не имела [30]. Решительное сражение с орденскими войсками произошло 3 июля 1447 г. на реке Нарове. Новгородские войска, возглавленные князем А.В. Чарторыйским, одержали полную победу [31]. Орден вынужден был уже 27 февраля 1448 г. заключить с новгородцами перемирие на пять лет [32], а 25 июля – и 25-летний мир. В последнем случае Новгород выступал совместно с Псковом [33]. Словом, в 1447 и 1448 гг. Новгороду было не до Шемяки.

Победы великокняжеских войск в 1446–1447 гг. привели к изменению характера отношений в треугольнике Василий II – Дмитрий Шемяка – Мамутяк. Казанский царь понял, какой опасностью для него стал московский великий князь, получивший престол из татарских рук. Верный традиционной ордынской политике, Мамутяк решил теперь поддерживать Дмитрия Шемяку, т.е. слабейшего, и тем самым не допускать дальнейшего усиления власти Москвы.

После ряда неудач князь Дмитрий Шемяка пришел к мысли о необходимости расширить фронт своих союзников. Видоизменив свою старую, антиордынскую программу, он охотно откликнулся на предложение Мамутяка о союзе против Василия II. Еще в 1445 г. Дмитрий Юрьевич не послал своих войск против ордынских царевичей (в первую очередь против Мамутяка), и поэтому уже в то время царь склонялся к тому, чтобы именно ему передать ярлык на великое княжение. Досадное стечение обстоятельств не позволило этим планам осуществиться. Теперь же

Мамутяк решил попытаться снова вернуться к планам 1445 г.

Наряду с Мамутяком наследниками былого величия Большой Орды во второй половине 40-х годов XV в. были Сеид-Ахмед, кочевавший преимущественно в Подолии и упорно враждовавший с Казимиром IV, Кичи-Мухаммед, господствовавший в «Поле», и ставленник литовского великого князя Хаджи-Гирей [34].

В непростой обстановке, сложившейся в «Поле», Дмитрий Шемяка, пытаясь упрочить свои позиции в Среднем Поволжье, сделал ставку на Мамутяка.

По словам русских иерархов (декабрь 1447 г.), Дмитрий Шемяка посылал в Казань своего посланца настраивать царевича Мамутяка «на все лихо» против Василия II. В ответ на это, писали иерархи Шемяке, «посол его к тобе пришел, у собе его и ныне держиш». Вслед за тем Мамутяк «поймал да сковал и ныне держит» киличея Василия II «у себе, в железех скованого». Василий II посылал к Шемяке сначала своего боярина, потом своих детей боярских, с тем чтобы галицкий князь отпустил к нему посла Мамутяка. Но Шемяка этого не сделал и даже не позволил послу Мамутяка встретиться с великокняжеским боярином и детьми боярскими. Не отдал князь Дмитрий «все лутшее» из награбленного добра великого князя, и в частности ничего не вернул из казны Марии Голтяевой. Не вернул Шемяка и захваченных ярлыков, дефтерей и докончальных грамот [35]. Дмитрий Юрьевич решительно отказывался платить дань Сеид-Ахмеду: «От царя Седи-Яхмата пришли к брату твоему старейшему великому князю его послы, и он к тобе посылал просити, что ся тобе имает дати с своей отчины в те в татарские просторы; и ты не дал ничего, а не зоучи царя Седи-Яхмата царем».

Были далеко идущие планы не только у Дмитрия Шемяки, но и у князя Ивана Андреевича. Он начинал все более отчетливо понимать, что без опоры на Литву победить Василия II не удастся. Поэтому в конце 1447 – начале 1448 г. у него возник план овладеть престолом Москвы, используя поддержку Казимира IV. В феврале 1448 г. князь Ф.Л. Воротынский составил от своего имени и от имени князя Ивана Андреевича (его зятя) докончальные грамоты с Казимиром IV. Можайский князь обещал Казимиру IV Ржеву и Медынь и «не вступатися» в Козельск. А «коли его господарь

мой, король, посадить на великом княженьи на Московском», то он согласен быть ему вассалом [36].

Закончив подготовку к выступлению против Дмитрия Шемяки, Василий II решает предпринять последний демарш, используя для этой цели авторитет церкви. 29 декабря 1447 г. высшие иерархи русской церкви (включая рязанского епископа Иону), явно по прямому указанию Василия II и его окружения, составляют послание Дмитрию Шемяке. В нем они перечисляют «вины» и «неисправления» мятежного князя, в первую очередь нарушение галицким князем последнего докончания с Василием Васильевичем. Прежде всего, пишут они, обращаясь к Шемяке, «ты на него (Василия II. – *А.З.*) добываяся, а христианьство православное до конца губя, съсылаешся с иноверци, с поганьством и с иными со многими землями, а хотя его и самого конечне погубити и его детки, и все православное христианьство раздрушити». Иерархи утверждают, что Дмитрий Шемяка пытается «подбить» на выступление против великого князя соседей: «...всюды во християнство, так и в бесерменство, к Новугороду к Великому посылаешь, ко князю Ивану Андреевичю посылаешь, к вятчаном посылаешь».

Касаясь деликатного вопроса о татарах на Руси, иерархи от имени великого князя обещали, что, как только Шемяка «управится... во всем чисто по крестному целованию», Василий II тотчас «татар из земли вон отошлет».

После заключения договора с великим князем, по словам иерархов, бояре и дети боярские галицкого князя «били челом» служить Василию II. Шемяка же их «пограбил, села их и домы их еси у них поотъимал, и животы, и състаткы все, и животину еси у них поимал». В довершение всего князь Дмитрий к своему тиуну Ватазину грамоты на Москву посылал, велев ему «отзывати от своего брата старейшего... людей, а... звати людей к собе». Грамоты у Ватазина были перехвачены («выиманы у твоего тиуна у Ватазина»). В конце послания иерархи призывали Шемяку подчиниться воле великого князя и покаяться. Они-де били челом перед великим князем, и Василий II готов «жаловати... по старине» Шемяку, если тот «о всем... управливатися срок, по Крещеньи две недели». Срок дан был сжатый. Если же Шемяка не выполнит предъ-

явленное ему требование, то иерархи угрожали галицкому князю отлучением от церкви: «...ино то не мы тобе учиним, но сам на себе наложиш тягость церковную духовную»[37].

Пока иерархи писали послание Шемяке, события приняли иной поворот. Мамутяк в Филиппово заговенье (15 ноября – 25 декабря) 1447 г. выступил воевать Владимир и Муром и иные города. Но Василий II послал против него войска, и набег татарского царевича окончился ничем[38].

Той же зимой Василий II выслал войска на Галич. Войска дошли до Костромы. Начались переговоры между сторонами. Снова повторилось старое. Дмитрий Юрьевич «начат мира просити и крест на том целовати и грамоты проклятые на себя дал, что по та места не хотети ему никоего лиха великому князю и его детем, и всему великому княжению, и отчине его». Был заключен мир, и Василий II 21 марта 1448 г. двинулся из Костромы на Москву, куда и прибыл между 31 марта и 6 апреля (в Фомину неделю)[39].

1448 год был для Руси тяжелым, моровым[40]. Поэтому больше никаких военных акций ни Василий II, ни Дмитрий Шемяка не предпринимали. Только некий Ярославко, воевода князя Ивана Бельского (вассала Казимира IV), дерзким набегом и «советом ржевским» захватил Ржеву[41]. Назревало столкновение Великого княжества Литовского и Твери.

Успех похода Василия II на Дмитрия Шемяку заставил князя Ивана Андреевича резко изменить свои планы. Вскоре после возвращения Василия Васильевича в Москву он при посредничестве тверского великого князя Бориса, а также брата Михаила и князя Василия Ярославича заключил с ним новый договор, признав его «старейшим братом» (летом 1448 г.)[42].

Весной того же года в Москве побывал литовский посол смоленский наместник Семен Едиголдов (Гедиголдович). Возможно, он вел там предварительные мирные переговоры, которые в следующем году привели к заключению литовско-русского мирного договора[43]. В 1448 г. умер давно уже сошедший с исторической сцены Василий Косой[44].

Самым значительным событием этого года было торжественное поставление в митрополиты рязанского епископа Ионы 15 декабря. Более 15 лет упорно шел Иона к высшей церковной власти. На его пути были

взлеты и падения, но триумф был обеспечен беспрекословной поддержкой всех начинаний великого князя, и прежде всего его борьбы с Дмитрием Шемякой с 1447 г. Избрание Ионы имело в первую очередь значение даже не для него самого, а для дальнейших судеб русской церкви. Фактически оно означало установление ее независимости от православных властей на Востоке. Отныне избрание митрополитов стало делом русского священного собора, а не прерогативой константинопольского патриарха.

Одновременно с Ионой повышение в чине получил и ростовский епископ Ефрем (первая после Ионы фигура в составе священного собора). Он стал архиепископом. Ефрем, ведавший церковью в Ростове, Ярославле, на Белоозере, сыграл видную роль в борьбе все с теми же галицкими князьями, удел которых находился в его ведении. Кроме Ефрема на соборе, избравшем Иону, присутствовали суздальский епископ Авраам, оказавший существенную услугу церкви в связи с Флорентийской унией, пермский епископ Питирим, истреблявший «поганьство» в районах, склонявшихся к Шемяке, и коломенский епископ Варлаам. Новгородский архиепископ и тверской епископ на избрании Ионы не присутствовали, но прислали грамоты, в которых заранее соглашались с решением, которое вынесет священный собор[45].

Вероятно, вскоре после избрания Иона направил послание (скорее всего в Новгород), в котором продолжал разоблачать Шемяку[46]. Иона писал: «Ведаете, сынове, что, как ся стало от князя Дмитриа Юрьевича, коликое лиха и запустениа земли нашеи починилося и крови христианьской пролилося множество». Митрополит писал, что князь Дмитрий, «в познание пришед, да своему брату старейшему великому князю добил челом и животворящий крест целовал... и не одинова, да и грамоту на себе сам написал своею волею такову, что ему было по то место лиха никакова не думати, ни починати... на великого князя» под угрозой отлучения от церкви. Иона призывал своих адресатов бить челом «о жалованьи» великому князю. В противном случае «вся кровь християнская на вас от Бога взыщется» и не будет благословения от митрополита.

Г. Алеф предположил, что одновременно с избранием Ионы митрополитом Василий II объявил своего

старшего сына, Ивана, великим князем с целью укрепить его династическое положение[47]. Действительно, в грамоте русских епископов от 13 декабря 1459 г. упоминается, что Иона был избран на митрополичий престол собором, созванным по инициативе Василия II и его сына великого князя Ивана («и сын его князь великый Иван»)[48]. Если это свидетельство может быть интерпретировано по-разному (в частности, Ивану Васильевичу могли «задним числом» приписать великокняжеский титул), то другой факт бесспорен: княжич Иван назван великим князем в договоре Василия II с суздальским князем Иваном Васильевичем[49].

Это докончание составлено было между 15 декабря 1448 и 22 июня 1449 г. Оно имело целью укрепить позиции Василия Васильевича, ибо суздальский князь обязывался «не приставати» к Дмитрию Юрьевичу или какому-либо еще «недругу» великого князя. Пункт этот важен был хотя бы потому, что дальние родичи Ивана Васильевича, князья Шуйские, поддерживали Дмитрия Шемяку. Да и «меньшая братия» князя Ивана – князья Александр и Василий проявили «шатость». Докончание предусматривало, что если они «добьют челом» великому князю, то он их пожалует «их вотчиною, их жеребьи, по старине». Самого же князя Ивана Васильевича Василий II пожаловал Городцом-на-Волге и теми землями в Суздале, которыми владел его отец. Сам Суздаль, а заодно и Нижний Новгород становились владениями Василия II. Великий князь пытался противопоставить князей Горбатых (младшую ветвь суздальских княжат) князьям Шуйским (старшей ветви). На докончании отразились и сложные отношения суздальских князей с Ордой. Иван Васильевич обязывался вернуть все старые ярлыки на Суздаль и Нижний «и на все Новугородское княжение» и «не имати» новых ярлыков. Если же ордынский царь такие ярлыки пришлет, то их следовало передать Василию II.

Стремясь укрепиться в районах, на которые мог посягнуть Дмитрий Шемяка, Василий II 4 марта 1448 г. выдал жалованную грамоту вологодскому Глушицкому монастырю[50].

Весной 1449 г. (после пожара 25 апреля) в Твери распространился слух, что в поход на Тверскую землю выступает Казимир IV. Якобы и Дмитрий Шемяка, находившийся в Новгороде, собирался напасть на тверскую

«украину»[51]. Однако Шемяка тогда, очевидно, находился в Галиче.

На «Велик день» (13 апреля 1449 г.) Шемяка подошел «со многою силою» к Костроме[52]. Но поход оказался безрезультатным. В городе находилась «застава» великого князя – его двор, который возглавляли наиболее энергичные военачальники Василия II – князь И.В. Стрига Оболенский и Ф.В. Басенок. Узнав о движении войск князя Дмитрия, выступил в поход и сам Василий II. Его военной акции придано было значение карательной экспедиции общерусского масштаба. С собой великий князь взял и «братию свою» (очевидно, князей Василия Ярославича и Михаила Андреевича), и татарских царевичей «со всеми силами», а также митрополита и епископов – ведь поход был «на клятвопреступника»[53].

Войска подошли к Волге. Отсюда Василий II отпустил на Шемяку свою «братию» и татарских царевичей, а сам стал в селе Рудине на Ярославщине. Дмитрий Шемяка перешел Волгу вместе с князем Иваном Андреевичем и «с многими силами». Но до открытого столкновения («кровопролития») дело не дошло. Враждующие стороны замирились. В который раз Василию II удалось ценой подкупа разбить коалицию своих противников. Для этой цели он использовал князя Михаила Андреевича, который послан был к своему брату Ивану и «отведе» его от Дмитрия Шемяки. Миссию князю Михаилу осуществить было не столь уж сложно, ибо сам князь Иван «не крепко стояше по Шемяке»[54]. В конечном счете Иван Андреевич «добил челом» Василию II и получил за свой «перелет» солидное дополнение к своему уделу – Бежецкий Верх. Дмитрий Шемяка, оставшись без союзника, предпочел не вступать в открытое столкновение с Василием II и, «взяв перемирие» с ним, вернулся в Галич[55]. Докончание Василия II с ним не сохранилось.

Передышка оказалась кратковременной. Дмитрий Шемяка оставался по-прежнему смертельным врагом великого князя. По договору от 31 августа 1449 г. с Василием II Казимир IV обещал «не прыимати» недруга великого князя Дмитрия Шемяку. Договор предусматривал возможность перехода на литовскую службу великого князя рязанского Ивана Федоровича[56]. Содержалось в нем и обязательство Василия II не помогать злейшему врагу Казимира IV Михаилу Сигизмундо-

вичу: «А мне, брате, твоего недруга, князя Михайлушка, не прыимати. А быти ми, брате, с тобою на него заодин».

Примерно в августе 1449 г., т.е. тогда же, когда Казимир IV заключил договор с Василием II, великий князь литовский составил мирное докончание и с великим князем тверским[57]. Предполагавшаяся литовская военная экспедиция против Твери не состоялась, так как Борис Александрович привлек к союзу против Казимира IV можайского князя Ивана Андреевича. По докончанию Казимир IV признал права князя Бориса на Ржеву. Осенью того же года великий князь тверской отправил в Ржеву своих наместников[58].

Договор Василия II с Казимиром IV включает несколько пунктов, специально затрагивающих новгородско-литовско-московские отношения. Все они проникнуты стремлением московского правительства не допустить вмешательства Литвы в дела, касающиеся Новгорода и Пскова.

Казимир IV дал обязательство «не вступатися» в Великий Новгород и Псков, а также в новгородские и псковские места. Реально это означало отказ Великого княжества Литовского от претензий на политическое господство в Пскове и Новгороде. Этот отказ сохранял силу даже в том случае, если сами новгородцы и псковичи будут «се... давати» Казимиру IV (тот все равно не должен был принимать их под свое покровительство). Если в чем-либо новгородцы или псковичи «зъгрубять» Казимиру IV, то великий князь литовский мог разбирать дело, лишь «обослав» с Василием II. Московский великий князь опасался, что Казимир IV вознамерится посягнуть на Новгород или Псков, ссылаясь на «грубость» новгородцев и псковичей. Поэтому решение конфликтных случаев должно было проходить под контролем московского государя.

Договор обязывал Казимира IV не вступать в новгородские и псковские «в земли и в воды» и тем самым предусматривал недопустимость в дальнейшем каких-либо территориальных претензий литовского великого князя к новгородцам и псковичам. Согласно договору, Казимир IV признал, что земли, некогда принадлежавшие Федору Блудову, Александру Борисовичу Хлепенскому и князю Роману Фоминскому, отныне принадлежат Василию II[59].

В договор внесен был пункт, предусматривавший

заключение с Ливонским орденом особых соглашений о мире («с немцы... держати вечныи мир») в отличие от соглашений с Новгородом и Псковом («опрышнии мир»). Василий II боялся «единачества» новгородцев и псковичей с литовцами даже в рамках единого мирного договора с Орденом (подобные договора Новгород и Псков часто заключали совместно). В 1448 г. кончилась война новгородцев с Орденом. Предвидя возможность повторения военных столкновений, Василий II настаивал на неучастии в них Казимира IV («межы ими не въступатисе»). Наконец, если новгородцы и псковичи «зъгрубять» Василию II, то Казимир IV не должен был «за них... въступатисе». Этот пункт должен был развеять надежду новгородцев и псковичей на поддержку Казимира IV в случае возникновения у них конфликта с Москвой. Он же лишал литовского великого князя еще одного повода для установления своего контроля над Новгородом или Псковом. Самому Казимиру IV удалось добиться малого: Василий II обещал не вступаться в новгородские волости и оброки, которые издавна «тянули» к Литве.

В 1449 г. «скорые татарове Седи Ахметевы» дошли до Пахры, но были разбиты царевичем Касымом, выступившим из Звенигорода, и «розсунашася по земле».

В Звенигороде Касым оказался не случайно. После победы над Василием Косым (1436 г.) этот когда-то стольный город Юрия Дмитриевича и его старшего сына перешел к Василию II. Однако Дмитрий Шемяка считал, что Звенигород по наследству должен [illegible] стать его вотчиной. Только в 1447 г. он [illegible]ся от этой мысли и готов был признать переход [illegible]рода к великому князю[60]. Но еще до этого, в конце 1446 г., татарские царевичи (в их числе и Касым) на московской службе размещались где-то на литовско-русском порубежье[61]. Возможно, что именно там они были и поселены первоначально (около 1445 г.), чтобы обеспечить подчинение этого края, связанного [illegible] галицкими князьями, великокняжеской власти.

Новая военная экспедиция против Дмитрия Шемяки готовилась долго и началась только осенью 1449 г. Тогда Василий II послал князя Василия Ярославича «изгонной ратью» на Галич. Узнав об этом, князь Дмитрий выехал из города с женой и боярами и отправился в Новгород. Приехав на Вишеру, он послал Ивана Яковлевича к новгородскому архиепископу Евфимию

с просьбой принять к себе его жену Софью и сына Ивана. Владыка согласился это сделать, и княгиня Софья с сыном въехала осенью («в осенине») в Юрьев монастырь. Сам же Дмитрий Юрьевич, так и не побывав в Новгороде, «пошед Галицю»[63].

На краю плащаницы, представляющей собой вклад жены Дмитрия Шемяки в Юрьев монастырь, помещена надпись: «В лето 6957 индикта 7, как был великии князь Дмитрии Юриевичь в Великом Новегороде и повелением великаго князя наряжен бысть сии воздух в храм святаго великомученика Георгия того же лета месяца августа в 23 день благоверною и его великою княгинею Софьею и при с[ы]ну благоверном князя Иване...»[64] Следовательно, к 23 августа 1450 г. (дата в стиле новгородской летописной традиции) Дмитрий Шемяка находился уже в Новгороде[65].

С напряженной идеологической борьбой в конце 40-х годов XV в. между Василием II и Дмитрием Шемякой связано возникновение трех литературных произведений – Летописной повести о Куликовской битве, Слова о Дмитрии Донском и Пространной редакции Повести о нашествии Тохтамыша. Как доказала М.А. Салмина, Летописная повесть сложилась на основе рассказа Троицкой летописи (свода 1409 г.) и содержалась в первоначальном виде в своде 1448 г., представленном Софийской I и Новгородской IV летописями[66]. В этом же своде находился и первоначальный текст Слова о Дмитрии[67].

А.А. Шахматов обосновал новгородское происхождение свода [illegible] г., хотя отмечал и общерусский его характер [illegible] М.Д. Приселкову, свод 1448 г. был митрополичьим, конец которого заменен в Новгородской IV летописи новгородскими записями[69]. Я.С. Лурье считает свод общерусским. Нам представляется все же, что прав А.А. Шахматов. Общерусский характер свода 1448 г. объясняется скорее всего тем, что его составитель принадлежал к кругам, близким к Дмитрию Шемяке, претендовавшему (во всяком случае с середины 1445 г.) на обладание великим княжением на Руси[70]. Не случайно под 1434 г. в Софийской I летописи младшей редакции великим князем называется как Юрий Дмитриевич, так и Василий Васильевич[71]. «Компромиссность» в отношении к Василию II и галицким князьям, которую подметил Я.С.Лурье в своде 1448 г., характерна и

для новгородской политики этой поры. Возможно, именно с кругами, в которых возник свод 1448 г., следует связывать и появление цикла произведений, относящихся к Дмитрию Донскому. Ведь великий князь Дмитрий Иванович был знаменем для князя Юрия и его сыновей.

М.А. Салмина считает, что Летописная повесть о Мамаевом побоище сложилась в среде, близкой к Василию II: ее составитель как бы сопоставлял этого великого князя с Дмитрием Донским, а рязанского князя Олега, пособника татар, – с Дмитрием Шемякой[72]. Но даже благожелательные к московскому князю современники вряд ли могли обнаружить в Василии Васильевиче, наведшем на Русь татар, черты его славного деда, а вот сторонники Дмитрия Шемяки, который все время упрекал московского князя за пособничество татарам, вполне могли сопоставить Василия II с Олегом Рязанским[73].

То же самое можно сказать и о Слове, посвященном Дмитрию Донскому. Как установила М.А. Салмина, одним из источников этого произведения было завещание Дмитрия Донского[74]. Но ведь именно князь Юрий Дмитриевич опирался на это завещание в споре о великом княжении в Орде в 1431 – 1432 гг., тогда как И.Д. Всеволожский, представлявший интересы Василия II, ссылался на волю хана и завещательное распоряжение отца Василия Васильевича. Для М.А. Салминой существенное значение имеют слова «яже стол отца его, и деда, и прадеда» (Слово о Дмитрии Донском), перекликающиеся с летописной фразой о том, что Василий II искал в Орде великого княжения «по отечьству и дедьству»[75]. Но эта ссылка в 1431 – 1432 гг. имела лишь второстепенное значение. А вот Дмитрий Шемяка искал престол, опираясь на права отца (Юрия) и деда (Дмитрия Донского). Поэтому текст, приведенный М.А. Салминой, не может быть однозначно интерпретирован[76]. Панегирик же боярам, вложенный в уста Дмитрия Донского, мог означать реверанс в сторону новгородского боярства или, скажем, бояр, поддерживающих Шемяку, а не апологию боярства вообще.

М.А. Салмина также доказала, что в тексте свода 1448 г. (списки Софийской I и Новгородской IV летописей) находилась Пространная редакция Повести о нашествии Тохтамыша. Она убедительно связала ее

появление с событиями 40-х годов XV в.[77] Повесть рассказывает о том, «елико сдеяша татарс напасти и убытка Руси»[78]. Говорит она о героической защите Москвы народом от татар (параллель между рассказами о событиях 1382 и 1445 гг. убедительно проводил Л.В. Черепнин[79]). «Споспешником» татар Повесть называет Олега Рязанского, указавшего татарам, «како пленити землю Рускую». Более рельефно показаны в Повести изменнические деяния суздальских князей.

При объяснении этой суммы фактов М.А. Салмина исходит из мысли о том, что автор Пространной редакции Повести ассоциировал Олега Рязанского с Дмитрием Шемякой. Она обращает внимание на то, что с Шемякой заключили докончание в 1445 г. суздальские князья Василий и Федор Юрьевичи. На наш взгляд, дополняя Повесть о нашествии Тохтамыша, составитель свода 1448 г. имел в виду нашествие ордынцев на Москву летом 1445 г. Но тогда против татар выступил именно Дмитрий Шемяка (параллель с Дмитрием Донским тут явная). Он, в частности, воспрепятствовал побегу княгини Софьи Витовтовны из Москвы, а навел татар на Русь, как считали современники, находившийся в то время в плену Василий II (параллель с Олегом Рязанским также напрашивалась).

Не так однозначен и вопрос о суздальских князьях. Часть из них поддерживала не Дмитрия Шемяку, а Василия II. Так, князь Александр Иванович Брюхатый (старший дядя князей Василия и Федора Юрьевичей Шуйских) женат был на сестре Василия Васильевича. С князем Иваном Васильевичем около 1449 г. Василий II заключил союзное докончание[80]. Словом, и выпады против суздальских князей могут связывать Пространную редакцию Повести с кругами, близкими к Шемяке.

Поход Василия II начался где-то в самом конце 1449 – начале 1450 г. Получив известие, что Дмитрий Шемяка пошел к Вологде, великий князь направился не в Галич, как предполагалось раньше, а в северные костромские волости Иледам и Обнора, с тем чтобы оттуда двинуться навстречу своему врагу в Вологду. Когда Василий II дошел до церкви Св. Николы на Обноре, то ему сообщили, что князь Дмитрий повернул к Галичу. Тогда Василий II двинулся вдоль реки Обноры вниз, затем вдоль реки Костромы вверх и остановился у Железного Борока в Иоанно-Предтеченском (Железноборковском) монастыре, неподалеку от устья Вёксы.

Здесь он прослышал, что Дмитрий Юрьевич не только уже в Галиче, но и собрал большое войско: около него людей много, «а город крепит и пушки готовит, и рать пешая у него, а сам перед городом стоит со всею силою». Василий II назначил князя В.И. Оболенского главным воеводой и отправил его под Галич «со всею силою своею». С ним он отпустил и «прочих князей и воевод многое множество, потом же и царевичев отпустил и всех князеи с ними»[81].

Двигаясь вдоль замерзшей реки Вёксы, войска князя В.И. Оболенского 27 января 1450 г. подошли к Галичу. Князь Дмитрий расположился со всеми силами на горе под городом. Воеводы подошли к горе со стороны озера и начали взбираться на нее из оврагов. Из города стали стрелять из пушек, тюфяков и самострелов, но «не убиша никого же». В рукопашном сражении победили великокняжеские полки. Они «многих избиша, а лутчих всех руками яша, а сам князь едва убежа, а пешую рать мало не всю избиша, а город затворился».

После того как получено было известие о победе, Василий II из Борока пошел к Галичу. Теперь можно было и ему выступить в качестве победителя. Узнав о его приходе, горожане «предашася ему. Он же град омирив и наместники своя посади по всеи отчине тои». Великокняжеские наместники посажены были в Галиче и Угличе[82]. На Масленой неделе (9 – 15 февраля) великий князь вернулся в Москву[83]. Шемяка же бежал в Новгород[84].

Гибель Дмитрия Шемяки

После падения Галича судьба Дмитрия Шемяки была предрешена. Борьбу с Москвой предстояло начинать сызнова, а людские ресурсы мятежного Севера были основательно потрепаны. Да и энтузиазм борцов с московским единодержавием шел на убыль. Апатия, как следствие усталости от братоубийственной борьбы, очевидно, захватывала все большие круги населения. Не случайно именно на упреке в братоубийственных распрях играли церковные иерархи в своих агитационных посланиях, направленных против Шемяки.

В новой обстановке у князя Дмитрия было два варианта продолжения борьбы: первый – поднять против Москвы Новгород, второй – попытаться сплотить вокруг своего знамени те земли, которые еще оставались не покоренными Москвой, т.е. Двину, Устюг и Вятку. Дмитрий Шемяка мог надеяться, что ему удастся убедить дальновидного архиепископа Евфимия и боярское руководство Новгородской республики в том, что если они не откликнутся на его призыв и не положат предела победоносному шествию московского деспотизма, то скорый конец новгородских вольностей неизбежен.

Возможно, подобные мысли приходили на ум князю Дмитрию, когда он бежал из-под Галича в Новгород, где он появился 2 апреля 1450 г. Дмитрий Юрьевич «челова крест к Великому Новугороду, а Великый Новъгород челова крест к великому князю Дмитрию

заедино». Новгородцы, следовательно, и на этот раз признали Дмитрия Шемяку великим князем. Впрочем, не отказались они считать великим князем и Василия II. На этом, собственно говоря, альянс их с Шемякой и кончился. Новгород не оказал «великому князю Дмитрию» действенной помощи. В то же самое время великий князь тверской Борис Александрович «съединачилъся» с Василием II «на Дмитрия князя»[1]. Вот это было опасно, ибо князь Борис в подобных случаях словом не ограничивался, а посылал свою «силу» и пушки. Дмитрию Шемяке не удалось преодолеть близорукую уверенность новгородского боярства в незыблемости их порядка, существующего испокон веку. Расчет на «все обойдется» усыплял бдительность тех, кто дорого заплатит за свою инертность при сыне Василия II Иване III.

В Новгороде Шемяка пробыл недолго. Он отправился на Двину, по которой спустился вниз, и 29 июня без боя вошел в Устюг[2]. Это, пожалуй, был его последний успех в затянувшейся борьбе с Василием II. Дмитрий Шемяка тогда «земли не воивал, а людеи добрых привел к целованию». Но на этот раз единодушие устюжан не было всеобщим. Нашлись среди них «добрые люди» (хотя их было не так уже много), которые отказались присягнуть новому князю и сохранили верность Василию II. Они понимали, что дело Шемяки обречено. Но пока князь Дмитрий был господином положения. Поэтому он решил устрашением добиться покорности колеблющихся и скрытых недругов. Ой как заблуждался Шемяка (как и многие его наследники позднее), веривший в действенную силу устрашающих мер! Открытых супротивников ждала казнь: их побросали в Сухону, «вяжучи камение великое на шею им»[3].

Готовясь к походу на Устюг, Дмитрий Шемяка призвал вятчан, а сам пошел из Новгорода на «насадех». В свою очередь устюжане призвали пермичей (вычегжан и вымичей), но «сами супротив Шемяки щита не держали», т.е. не оборонялись от него. Среди устюжан, как мы знаем, произошел раскол, но большинство их против князя не сражалось. Вычегодско-Вымская земля в административном отношении была подчинена Устюгу, и поэтому обращение устюжан к вымичам и вычегжанам было совершенно естественным. Конечно, между властями Устюга и пермяками (коми) отношения были натянутыми: и налоги-то собирали устюжане, и судебные

власти находились в Устюге. К этому добавлялись и национально-религиозные распри. Во время расправы на Устюге с противниками Дмитрия Шемяки казнены были пермские сотники Емельян Лузский (Луга – правый приток Юга), Миня Жугулев и др.

После захвата Устюга Дмитрий Шемяка призвал вогуличей и вятчан «грабити» великокняжеские волости. Речь шла, наверное, о Вычегодско-Вымской земле. «Наущением Шемяки» вятчане приходили «на Сысолу, на Вычегду, на Вымь, погосты пожгли, храмы святеи грабили». Подошли они и к центру Вычегодско-Вымской земли – Усть-Выму, но взять его так и не смогли и вернулись на Вятку[4]. Шемяка же пошел на Вятку и, «воивав» ее, вернулся на Устюг, где жил «2 годы неполны», т.е. примерно до начала 1452 г.[5] Очевидно, жил он там не постоянно, а лишь наездом. О походе на Вымскую землю сообщает митрополит Иона в своем послании (около 1452 г.) на Вятку. Вятчане «с отлученным от Божья церкве с князем Дмитрием с Шемякою приходили... многожды на великого князя вотчину, на Устюг, на Вологду, на Галич, а через крестное целованье, целовав животворящий крест у князя у Дмитрия у Ивановича у Ряполовского, у Глеба у Семенова трижды крест целовав, у Олександра у Мякинина двожды крест целовав, на великого князя добро». Этого мало. «Ныне ново, сими часы, воевали есте великого князя вотчину, Сысолу, и Вым, и Вычегду». Они людей «безчислено пожигали», «иных в воду помстали», «иным очи выжигали, а иных младенцов, на кол сажая, умертвляли» и грабили церкви. Митрополит настаивал, чтобы вятчане прекратили злодеяния и «челом добили» великому князю[6].

Правительство Василия II использовало противоречия между устюжанами и коми. Чтобы закрепиться на подступах к Устюгу, в 1451 г. оно отправило «на Пермскую землю наместника от роду верейских князей Ермолая да за ним, Ермолаем, да за сыном ево Василием правити пермской землей Вычегоцкою, а старшево сына тово Ермолая, Михаила Ермолича... на Великая Пермь на Чердыню. А ведати им волости Вычегоцкие по грамоте наказной по уставной»[7]. Вопрос о происхождении пермских князей неясен. Существует мнение, что они вышли из местной (коми) знати[8]. По В.Н. Давыдову, речь должна идти о «представителях» верейских князей[9]. Но у верейского князя Михаила

Андреевича никаких родичей Ермолая и «Ермоличей» не было. В.Н. Давыдов считает, что великий князь вряд ли бы назначил наместником в этот отдаленный район представителя местной знати. Ну почему же? Если местная знать была противником врага Василия II Дмитрия Шемяки, то подобное назначение совершенно естественно.

Сохранились глухие известия, что около 1450 – 1451 гг. Дмитрия Шемяку отлучают от церкви и составляют по этому случаю «проклятую грамоту». О том, что подобную «проклятую грамоту» подписал пермский епископ Питирим в 1447 г., сообщает Вымский летописец[10]. Дата этой записи ошибочна, да и сам факт вызывает сомнения. В послании новгородскому архиепископу Евфимию митрополит Иона даже в сентябре 1452 г. писал, что Шемяка «сам себе от христианства отлучил»[11]. Об отлучении его церковным собором митрополит не говорит[12].

О последних годах жизни Дмитрия Шемяки известно мало. Он проиграл битву за великое княжение и Москву. Эфемерны были его попытки создать особое царство на севере страны с центром в Устюге. Опасались гнева и карательных действий со стороны Василия II и новгородские покровители князя Дмитрия. До поры до времени они мирились с самовластными действиями Дмитрия Юрьевича, сохраняя видимость нейтральности в споре Москвы с Устюгом. В лучшем для Шемяки случае они прикрывались традиционным служением «великому князю» (по мнению Новгорода, в это время было два великих князя – Дмитрий Шемяка и Василий Васильевич). На долю князя Дмитрия оставались лишь тщетные попытки воскресить прошлое. Но страна устала от междукняжеских распрей и жаждала покоя.

Тем временем Василий II, накапливая силы, ждал лишь подходящего момента, чтобы расправиться со своим злейшим врагом. После победы над Дмитрием Шемякой в 1450 г. московский великий князь, очевидно, в том же году заключил новый договор с союзным ему серпуховским князем Василием Ярославичем. Чувствуя свою силу, Василий II принуждает серпуховского князя отказаться от пожалованного ему ранее Дмитрова. Василий Ярославич лишь сохранил пожалованный ему Суходол (как награду в борьбе с общим врагом), некогда входивший в состав удельных земель Юрия Дмитриевича и его наследников[13].

1 июля 1450 г. Василий II заключил новый договор и с белозерским князем Михаилом Андреевичем[14]. Он содержал подтверждение прав послушного князя Михаила на Белоозеро и Верею и пожалование ему Вышгорода, входившего ранее в состав Шемякина «царства». Это пожалование выглядело наградой за верность в борьбе с князем Дмитрием.

Положение Вышгорода в то время было незавидным, поэтому он освобождался от уплаты «ордынского выхода» на пять лет (с остальной вотчины князя Михаила Андреевича снималась лишь половина «выхода», и то всего на три года). Впрочем, даже такая льгота не обеспечила покой и порядок в Вышгороде, сохранявшем, наверно, преданность галицким князьям. Намек на это можно усмотреть в событиях, происшедших там около 1451 г. Тогда митрополит Иона обратился к князю Михаилу с жалобой на вышгородских попов и мирян. Оказывается, они убили митрополичьего десятильника конюшего Юрия, который поехал было по «жалованью» Ионы «по десятине», т.е. для сбора податей. Избили они и сопровождавших десятильника митрополичьих дворян («дворян моих перебили, а били, сказывают, насмерть»). Утверждение власти князя Михаила, очевидно, сопровождалось новыми поборами, ложившимися на плечи жителей Вышгорода, что привело к взрыву их недовольства. Митрополит Иона настаивал, чтобы князь Михаил Андреевич впредь не допускал подобных эксцессов и «от тых своих горожан оборонил». Митрополит угрожал, что в противном случае он примет свои меры[15].

Грозовые тучи, шедшие с востока, отчетливо видели новгородцы. Москва рано или поздно должна была положить конец их заигрыванию с Шемякой. Поэтому руководство Новгорода пыталось укрепить свое положение на западе. 1 марта 1450 г. новгородское посольство во главе с посадником Дмитрием Васильевичем заключило перемирие с ганзейскими городами сроком на семь лет (с Ливонией предварительное соглашение заключено было тем же Дмитрием Васильевичем еще в 1448 г.). Русско-ганзейский договор гарантировал купцам обеих сторон свободный проезд для торговли, а также «исправу» (справедливый суд) по спорным делам[16].

До поры до времени Василий II не имел возможности расправиться ни с устюжским правителем, ни с его

новгородскими покровителями. Причиной тому было тревожное положение на южных и восточных границах Московского великого княжества. В 1450 г., когда великий князь находился в Коломне, к нему пришло известие, что на Русь «с Поля» движется некий Малым Бердей с татарскими князьями и «многими татары». Против них послан был К.А. Беззубцев «с коломничи». Они нагнали ордынцев на реке Битюге (приток Донца) «в Поле» и разбили их («побиша татар много»). Убит был некий Ромодан Зиновьев[17].

В 1451 г. в Москву приезжал князь Семен Олелькович из Литвы, как глухо сказано в летописях, к своему дяде Василию II[18]. Возможно, его приезд связан был с судьбой старого врага Казимира IV Михаила Сигизмундовича[19]. 26 января 1451 г. Казимир IV передал в управление Ионе Киевскую митрополию[20]. Вскоре Ионе представился случай отблагодарить литовского великого князя за доверие, а Василию II доказать действенность русско-литовского договора 1449 г. В Хронике Быховца приводится следующий эпизод. «Михайлушко» (Михаил Сигизмундович), находясь в Брянске, «собрал там немалое войско и с помощью Москвы пошел и захватил город Киев. И князь великий Казимир, собрав силы свои литовские, спешно послал своего дядьку Ивана Гаштольда», который «города Киев и Брянск возвратил Великому княжеству». «Михайлушко, услышав, что идет войско литовское... побежал из тех городов в Москву. И когда был он в одном монастыре и слушал обедню, игумен, который не любил его, дал ему в причастии лютую отраву ядовитую. Он это причастие быстро принял и проглотил и здесь же пал и подох»[21]. Польский хронист середины XV в. Ян Длугош отметил, что «Михайлушко» отравлен был ядом, данным ему, «как утверждают, великим князем московским»[22]. Смерть Михаила Сигизмундовича исследователи относят к 1451 г. Опыт расправы с ним пригодился вскоре, когда Василию II представилась возможность покончить со своим недругом Дмитрием Шемякой[23].

В 40-е годы XV в. фактическим хозяином «Поля» (Дешт-и-Кипчака) был Сеид-Ахмед. Он совершал набеги на земли не только Руси, но и Великого княжества Литовского. В 1449 г. Сеид-Ахмед помогал Михаилу Сигизмундовичу взять Киев[24]. Сеид-Ахмеду Казимир IV противопоставил своего ставленника Хаджи-Гирея,

который с его помощью в 1449 г. захватил Крым и положил начало Крымскому ханству[25].

В 1451 г. на Русь пришел из Орды Сеид-Ахмеда царевич Мазовша, а с ним князь Едигер. Узнав, что Мазовша («Сиди-Ахметов сын»[26]) идет на Русь «изгоном», Василий II выступил спешно ему навстречу к Коломне, не успев собраться с силами. Когда он был уже у Брашевы, то получил весть, что татары находятся «близ берега» (Оки). Тогда великий князь предпочел за благо вернуться к Москве – опыт с Суздальской баталией запомнился ему на всю жизнь. Но одновременно Василий II отпустил на татар с коломенским наместником князем И.А. Звенигородским всех воинов («что с ним людеи было»), для того чтобы воспрепятствовать татарам в быстрой переправе через Оку. Проведя Петров день (29 июня) в Москве и «град осадив», оставя в нем великую княгиню Софью, сына Юрия, «множество бояр и детеи боярских», а с ними митрополита Иону, архиепископа Ефрема и «многое множество народа града Москвы», Василий II покинул столицу со старшим сыном, Иваном. Великую княгиню Марию с младшими детьми он отправил в далекий Углич. Проведя ночь в селе Озерецком[27], великий князь оттуда пошел на Вологду[28].

Когда татары пришли к Оке, то не нашли там рати, которую ожидали встретить. Решив, что войска противника готовят им ловушку, но не найдя никого, они перешли Оку и устремились к Москве. 2 июля татары подошли к столице и начали поджигать ее посады. Из-за сильной засухи пожар быстро распространился по всему городу – «от дыма не бе лзе и прозрети», отметил летописец. Осаждающие пошли на приступ и пытались пробиться через городские ворота и те места, «где несть крепости каменыя» (Кремль, сооруженный еще Дмитрием Донским, порядком обветшал). Завязался ожесточенный бой с москвичами, вышедшими из города навстречу противнику, ибо «от великиа тесноты огненыя и дыма» в нем было трудно оставаться. К вечеру татары отступили. Этим воспользовались горожане и «начаша пристрои градной готовити» (пушки, пищали, самострелы, а также щиты, луки и стрелы). Предстояла, как они полагали, еще упорная борьба с сильным и многочисленным противником.

На следующее утро, как только взошло солнце, жители Москвы, к своему изумлению, никого из осаж-

дающих перед стенами города не обнаружили. Оказывается, ночью татары бежали, «пометаша от меди и железа и прочего многово товару, а огнь угасше». Оставили татары и взятый ими ранее полон. Поспешное бегство татар объяснялось тем, что ночью они заслышали в городе шум и решили, что туда пришел великий князь «со многими силами». Поэтому они предпочли поспешно отойти от Москвы. В городе это известие встречено было с радостью. Об этом сразу же послано было сообщение сыну великого князя Ивану, который поутру уже переезжал Волгу у устья Дубны. Очевидно, он спешил укрыться в Твери (как в подобном же случае пыталась в 1445 г. сделать его бабка Софья). Вскоре в Москву вернулся и Василий II[29].

Ордынцы же на следующий год (1452) совершили еще один большой поход. На этот раз их нападению, по известию поздней Густынской летописи, подверглось Подолье[30].

В 1451 г. попытался было активизировать свои действия и Дмитрий Шемяка. Еще 21 марта он покинул Городище, направившись «за Волок»[31]. Свою жену и сына Дмитрий Юрьевич оставил в Новгороде. На Двине он в течение нескольких месяцев готовился к новым военным действиям против Василия II. В конце года великий князь получил известие, что Шемяка движется к Устюгу. Нужно было незамедлительно действовать. Поэтому, проведя Рождество (25 декабря) в Москве, великий князь в знаменательный для него Васильев день (1 января) выступил из столицы в поход. Крещение (6 января) он провел в Троицком монастыре, а оттуда направился в Ярославль. Из Ярославля против Дмитрия Юрьевича отпущен был с войсками сын великого князя Иван. Он должен был покарать кокшаров – жителей плодородной устюжской волости по реке Кокшенге (приток Устьи, впадающей в Вагу)[32].

Стратегическая цель планировавшейся военной экспедиции состояла в том, чтобы отрезать мятежный Устюг от его возможного союзника Новгорода. Лишая Устюг экономической базы, Василий II стремился его обескровить и ускорить капитуляцию. Кокшенгский край населен был «инородцами», и привкус крестового похода против «поганых» чувствовался в экспедиции княжича Ивана. Двенадцатилетний наследник престола действовал под присмотром великокняжеских воевод. Василий Васильевич, лишенный из-за своей слепоты

возможности активно участвовать в военных действиях, решил с малых лет привлекать княжича Ивана к бранным подвигам.

Сам же Василий II двинулся к Костроме, обходя Устюг с юга. Придя на Кострому, он в дополнение к уже посланным войскам направил к княжичу Ивану царевича Якуба с его татарами. Еще ранее на Устюг двинулись князь С.И. Оболенский и великокняжеский двор («иных многих, двор свои»).

Находившийся под Устюгом князь Дмитрий Юрьевич, узнав, что Василий II вошел уже в Галич, а великокняжеские воеводы приближаются к Устюгу, понял, что ему грозит реальная опасность окружения. Тогда он сжег посады Устюга, оставил в городе своего наместника Ивана Киселева[33] и поспешил на Двину. Здесь князь Дмитрий «застави двинян... полити (палить? – *А.З.*) пониже города Орлеца». Орлец находился неподалеку от устья Двины, южнее Холмогор. В погоню за Шемякой отправились великокняжеские воеводы «с силою, Югом мимо Устюг», не задержавшись ни на один день под городом[34].

Тем временем Иван Васильевич и татарский царевич Якуб на Кокшенге расправлялись с кокшарами – «градкы их поимаша, а землю всю попленишa и в полон поведоша». По Устюжской летописи, путь их пролегал с Андреевых селищ и Галишны на реку Городишну, приток Сухоны, далее на Сухону, Селенгу и, наконец, на Кокшенгу (ее верховья близки к Сухоне). Здесь Иван Васильевич «город Кокшенскои взял, а кокшаров секл множество»[35]. Великокняжеская рать дошла до устья Ваги и Осинова Поля и вернулась «со многим пленом и великою корыстью»[36].

1452 год был наполнен важными событиями. Василий II попытался после успешного похода на Дмитрия Шемяку урегулировать вопрос с Константинополем. Там после смерти императора-униата Иоанна VIII (31 октября 1448 г.) на престоле находился его брат Константин XI, склонный к православию. Патриархом после смерти Митрофана (1 августа 1443 г.) в то время был униат Григорий Мамма (с 7 июля 1446 г.). Однако в августе 1451 г. он бежал в Рим. Воспользовавшись отсутствием патриарха в Константинополе, Василий II в июле 1452 г. пишет послание Константину XI Палеологу, в котором сообщает об избрании митрополита Ионы и пытается объяснить,

почему это избрание произошло без патриаршего благословения[37].

Дмитрий Шемяка после падения Устюга несколько месяцев находился где-то на Двине[38]. Тем временем новгородцы весной («в Великое говение») 1452 г. совершили во главе с князем А.В. Чарторыйским поход на можайского князя Ивана Андреевича, перешедшего еще в 1449 г. на сторону великого князя. Никогда не отличавшийся особой отвагой, князь Иван, как только ему стало известно о начале похода, бежал. Новгородцы же «много волостей великого князя восваша и пожгоша и полону много приведоша»[39]. Великокняжеские волости здесь упомянуты не случайно. За переход на свою сторону Василий II пожаловал князя Ивана в 1449 г. Бежецким Верхом[40]. Теперь же, считая «Бежичи» своей волостью, подлежащей совместному управлению с великим князем (а великим князем для новгородцев тогда был не только Василий II, но и Дмитрий Шемяка), новгородцы совершили карательную экспедицию против князя Ивана Андреевича, находившегося в «Бежичах», по их мнению, незаконно.

В то время князь Александр Чарторыйский целиком и полностью поддерживал Дмитрия Шемяку. В 1452 г. он даже женился на его дочери. Это случилось как раз тогда, когда князь Дмитрий пребывал «за Волоком»[41]. Здесь, в далеком Заволочье, у князя Дмитрия было много хлопот. По сообщению Вымской летописи, в 1452 г. он «поимал» пермского епископа Питирима, отправившегося было в Москву, и бросил его в темницу на Устюге[42]. Рассказ этот или может быть датирован более ранним временем, или упоминание в нем об Устюге не точно. Сам факт примечателен. Владыка, по словам летописца, не испугался мучений и не взял обратно «проклятое слово», т.е. отлучение Шемяки от церкви, к чему якобы принуждал его князь Дмитрий.

Когда точно Дмитрий Шемяка прибыл из Заволочья в Новгород, остается неизвестным. Но уже 10 сентября 1452 г. он совершил набег на Кашин[43]. Возможно, Шемяка собирался пробиться в Ржеву, которую считал своей вотчиной, хотя в ней уже с 1449 г. сидели наместники тверского великого князя Бориса. К тому же Кашин издавна был центром антитверской оппозиции, и Шемяка мог рассчитывать на поддержку его жителей.

И на этот раз планы князя Дмитрия оказались ми-

ражом. Жить воспоминаниями о прошлом было нельзя. По словам инока Фомы, Дмитрий Шемяка «прииде бо не яко есть обычаи есть князем или воеводам мужествовати яве, но яко есть хищник таино прииде». Но ведь нападения «изгоном» тогда были делом обычным. Так, «изгоном» войсками Василия II и князя Бориса Александровича взята была Москва. Прямо по пословице: «Что дозволено Юпитеру, не дозволено быку»!

В совещании, состоявшемся в Ржеве, когда там стало известно о набеге Дмитрия Шемяки, кроме наместников и бояр приняли участие также «тысящникы земьские». Принято было решение бороться с князем Дмитрием, а не капитулировать. Собравшиеся, оказывается, возмущались тем, что Дмитрий Юрьевич «единово крещениа христианства с нами, а дела тотарьская творит». Который раз с больной головы перекладывали на здоровую, обвиняя в татарщине Шемяку, хотя навел-то татар на Русь его московский двоюродный братец.

С помощью воевод князя Бориса кашинцам удалось отбить набег князя Дмитрия. Шемяка сначала попытался задержаться в местечке Киясове, но, увидев, что его войско растаяло (500 человек «отступиша от него»), бежал, и «никто ж его не весть, где бе». В погоню за Шемякой отправились воеводы князя Бориса князья Андрей и Михаил Дмитриевичи, но они «не нашедше его, но понеже крыяшесь в пустых и непроходимых местех»[44].

Зимой 1452/53 г. после долгих странствий Дмитрий Шемяка вернулся в Новгород (по новгородским сведениям, «из Заволочья») и расположился на Городище как обычный служилый князь. Это – максимум, на что в изменившейся обстановке скрепя сердце пошли новгородцы, продолжавшие (если верить летописи) числить его в великих князьях («приеха князь великый Дмитрей Юрьевич и стал на Городище»)[45].

В житии Михаила Клопского, составленном в 1478 или 1479 г., рассказывается о том, как Дмитрий Шемяка приходил к старцу Михаилу с сетованиями на свою горькую судьбу. «Михайлушко, – говорил князь Дмитрий, – бегаю своей вотчины, и збили мя с великого княжения», просил старца молить бога, «чтобы досягнути» ему «своей вътчины, великого княжения». На это Михаил ответил: «...досягнеши трилакотнаго гроба». Тем не менее Шемяка отправился добывать

великого княжения, но «не бысть божия пособия князю». Опять он прибежал в Новгород и при встрече с Михаилом сказал: «...хочю во Ржову ехати Костянтинову на свою вотчину». Старец молвил на это (дело было, возможно, незадолго до осеннего похода 1452 г. на Кашин): «Не исполниши желания своего». И действительно, князь «въборзе преставися»[46].

Сохранилось два послания, направленные в это время в Новгород митрополитом Ионой и касавшиеся непосредственно Дмитрия Шемяки. В одном из них Иона писал новгородскому архиепископу Евфимию, что уже неоднократно посылал ему своих послов с грамотами и речами. Новгородцы и князь Дмитрий должны были по «опасным грамотам» прислать своих послов, последний «с чистым покаянием», «без лукавьства». Новгород и Псков посылали уже своих послов, «но прислали ни с чем», да и князь Дмитрий «прислал своего боярина Ивана Новосилцева... ни с чем». Он к тому же «грамоты посылает тайно, а с великою высостию: о своем преступленьи и о своей вине ни единого слова пригодного не приказал». Василий II милостиво пожаловал Новгород, «полон их к ним велел отпущати, и без окупа». А князю Дмитрию следует «бити челом, с покаянием, от чиста сердца». Митрополит надеялся также, что для продолжения переговоров из Новгорода приедут новые послы[47]. Точно датировать это послание не удается.

Во втором послании (скорее всего от 29 сентября 1452 г.) митрополит Иона писал новгородскому архиепископу Евфимию, что до него дошли его «речи». В них Евфимий писал: «...будтось яз посылаю к тобе и пишу о князи Дмитреи Юрьевичи, а называя его сыном». Но посмотри в ту посланную мной грамоту, ведь в ней «не велю с ним ни пити, ни ести? Занеже сам себе от христианства отлучил... (пропуск в рукописи. – *Л.З.*) своему брату старейшому великому князю Василию Васильевичю, а еще он же, своею волею, какую великую церковную тягость на себе положил и неблагословение всего великого Божиа священьства, да и грамоту на себе написал, что ему потом брату своему старейшому великому князю и всему христьанству лиха никакого не хотети, ни починати; да то все изменил». Евфимию якобы известно «нашими грамоты, что после тое своее грамоты князь Дмитрей колика есть лиха починил, и крови христианскиа про-

лилося, и запустениа от него». Разве после этого можно называть его «духовным сыном»?

Евфимий писал митрополиту, что прежде князья приезжали в Новгород «и честь им въздавали по силе», а митрополиты таких грамот, как Иона «с тягостию», не присылали. Но ведь тогда и князья такого лиха не чинили, как Шемяка, возражал ему Иона. Князь Дмитрий ведь «княгиню свою, и дети, и весь свой кош оставя у вас в Великом Новегороде, да, от вас ходя в великое княжение, христианство губил». Митрополит писал, чтобы Евфимий с посадником, тысяцким и Великим Новгородом послали «с челобитьем и со всею управою» к Василию II, и обещал за них печаловаться[48].

Тем временем жизнь при великокняжеских дворах брала свое. Одни владыки отходили в царство теней. Кто-то женился. Нарождалось новое поколение князей, которые еще не скоро станут активно вмешиваться в ход большой игры за власть. Словом, лихорадка военных тревог подходила на этот раз к концу.

В канун Троицы 1452 г. (4 июня) наследник московского престола Иван Васильевич женился на дочери тверского великого князя Марии[49]. Он достиг уже того возраста (целых 12 лет было тогда княжичу), когда союз с Тверью Москва могла закрепить «браком надежды». К тому же княжич Иван только что вернулся после победоносного похода на кокшаров. Венчал молодых новоспасский архимандрит Трифон, старый друг Василия II. Тот самый Трифон, который в годину жизни трудную, в 1446 г., в Кириллове монастыре освободил Василия Васильевича от «крестного целования» Шемяке[50]. Да и сам отец Марии был еще молодцом. Зимой 1452 г. Борис Александрович вторично вступил в брак. На этот раз его супругой стала дочь суздальского князя Александра Васильевича Глазатого, который после некоторых колебаний вслед за своим братом Иваном Горбатым впрягся в московскую колесницу[51].

Пример чадолюбия показывал и Василий II: 8 августа 1452 г. у него родился очередной сын – Андрей Меньшой[52]. Омрачила великокняжескую семью только смерть престарелой матери великого князя Софьи Витовтовны (5 июля 1453 г.)[53].

23 июля 1453 г. в Москву из Новгорода пришла весть, что там «умре напрасно» князь Дмитрий Юрье-

вич Шемяка[54]. Так весьма деликатно в великокняжеских московских летописях последующего времени (70-х годов XV в.) сообщается о смерти злейшего врага Василия II. Правда, здесь же вскользь отмечается, что сообщивший эту новость некий подьячий Василий с весьма выразительным прозвищем – Беда сразу же получил за это дьяческое звание. В независимых летописях говорится лапидарно – «умре со отравы»[55].

Но шила в мешке не утаишь, и другие современники добавляли подробности отравления князя Дмитрия. Говорили, что «даша ему лютаго зелия»[56]. Отраву якобы из Москвы привез доверенный дьяк Василия II Степан Бородатый – тот самый просвещенный книгочей, который и летописцы хорошо знал, и дело выполнял исправно. Степан передал отраву то ли новгородскому боярину Ивану Котову[57], то ли посаднику Исааку Борецкому[58]. Боярин разыскал повара, служившего Шемяке, с подходящим для предназначавшейся ему миссии прозвищем – Поганка. Тот поднес князю отраву «в куряти». После 12-дневной болезни 17 июля Дмитрий Шемяка скончался[59]. Причастность к его гибели новгородского боярства, стремившегося урегулировать свои отношения с Василием II, весьма вероятна. Князь в ореоле побед мог еще представлять интерес для Новгорода, но князь, терпящий поражение за поражением, только вызывал досаду и раздражение, а заодно и желание поскорее избавиться от него.

Расправа с Дмитрием Шемякой вызвала недовольство в разных кругах русского общества. Уж очень выбрано средство позорное. Одно дело – победа на поле боя, другое – отрава втихомолку. Все сразу повернулось другой стороной, чем это было до смерти князя Дмитрия. Из князя-«изгоя», неудачника, полуразбойника он превратился в князя-мученика, в князя-героя, которого его враги не смогли победить в честном противоборстве. Правда, и тут церковная хула могла сделать многое, но далеко не все.

Когда подьячий Василий Беда получил в Москве за сообщенную новость о смерти князя Дмитрия звание дьяка, то «прорекоша ему людие мнози, яко ненадолго будеть времени его, и по мале сбыстся ему»[60].

Позднее с негодованием писал о расправе с угличскими князьями, в том числе с Дмитрием Шемякой, князь Андрей Михайлович Курбский, находившийся в отдаленном свойстве с Дмитрием Юрьевичем[61].

Циничная линия поведения митрополита Ионы во всей истории с Дмитрием Шемякой (да и не только в этой истории) вызывала негодование у многих церковных деятелей (таких, как новгородский архиепископ Евфимий) и даже у светских. «Неверие» к Ионе имел (согласно Степенной книге XVI в.) и великокняжеский боярин В.Ф. Кутузов. Он не хотел даже приходить к митрополиту за получением благословения («благословения от него приняти не требовавше»)[62]. Можно себе представить, какие эмоции вызывал митрополит, предавший Шемяке детей великого князя, у человека, спасшего мать великого князя от этого недруга Василия II. Но особенно резко осуждал Иону и убийство Шемяки один из виднейших церковных деятелей середины XV в. – игумен Боровского монастыря Пафнутий[63].

Пафнутий родился в 1394 г. в семье небогатого боровского вотчинника. Дед его был крещеным татарским баскаком. Двадцати лет Пафнутий постригся в Высоком монастыре в Боровске. Здесь он поступает в «ученичество» к старцу Никите, ученику Сергия Радонежского (Троицкий монастырь входил в состав владений серпуховско-боровских князей). По воле князя Семена Владимировича Пафнутий ставится игуменом Высокого монастыря[64]. В Высоком монастыре он пробыл 20 лет и в апреле 1444 г. покинул его, основав неподалеку, в Суходоле, во владениях князя Дмитрия Шемяки, новый монастырь[65]. Это вызвало неудовольствие нового боровского князя – Василия Ярославича. Он даже послал некоего татарина, «еже запалити основание обители отца», т.е. Пафнутия[66]. После разгрома Василием II Дмитрия Шемяки Суходол был снова передан Василию Ярославичу, а с ним под покровительство боровского князя перешел и Пафнутьев монастырь. Впрочем, уже в 1456 г. князь Василий Ярославич попал в заточение, а его удел вошел в состав великокняжеских владений.

Судя по житию Пафнутия, боровский игумен пользовался большим уважением в великокняжеской семье, что не мешало ему оставаться почитателем своего старого патрона – Дмитрия Шемяки. Ходили слухи, что Пафнутий даже самого Иону «не велел звати митрополитом», поскольку тот запретил поминовение умершего князя Дмитрия. Сам же боровский игумен не подчинился этому распоряжению главы русской церкви. Тогда Иона заточил Пафнутия в темницу в Москве. Однако

авторитет боровского игумена был настолько велик, что митрополит вынужден был «смириться» с этим упрямцем и не только отпустить его из темницы, но и «повиниться» перед ним. Шемяку же Пафнутий продолжал поминать по-прежнему[67].

Позднее панегиристы Ионы «переписали» историю. Автор Похвального слова Ионе (1546/47 г.) изображал дело так, что Пафнутий находился в заточении «довольно, дондеже съвръшенно покаяние с смирением положи»[68].

Вскоре после гибели Дмитрия Шемяки в Боровский монастырь явился постригшийся в монахи его убийца. Узнав об этом, Пафнутий изобличил его перед всей братьею и отказался принять в своей обители[69].

Со смертью Дмитрия Шемяки его ореол не померк в районах, где он действовал. Культ галицких князей сохранялся в Галицкой земле даже в XVII в. Составитель позднего жития Паисия Галицкого писал, что он не знает, «каковыя ради вины» приключилась вообще распря между Василием II и Дмитрием Шемякой. Летописец солигаличского Воскресенского монастыря поместил сведение о смерти Дмитрия Шемяки «с пиететом, причем он назван великим князем»[70].

Прозвище Шемяка было распространено в районах, связанных с влиянием галицких князей. Возможно, еще князь Александр Андреевич Шаховской получил его в силу семейных связей с Шемякой (в конце XV в. он служил князю Андрею Васильевичу Большому)[71]. В 1538 г. упоминается Иван Шемяка Долгово Сабуров (Сабуровы – костромичи). Шемяка Истомин Огорелков (1562 г.), очевидно, происходил из семьи вологодских Огорелковых. Дворовые люди с именем Шемяка фигурируют в XVI в. в новгородских писцовых книгах[72]. На Двине упоминается в 1550 г. владелец соляной варницы Василий Шемяка[73]. Крестьянин Шемяка Сысуев упоминается в 1579 г. на Суздальщине[74], а Шемяка Васильев сын Смолин – в 1608 г. в Вологде[75].

В позднейшей промосковской церковной литературе намечается отчетливая тенденция изобразить Дмитрия Шемяку неким извергом. Так, в житии Григория Пельшемского рассказывается, что в 1430 г. Шемяка подошел к Вологде «в зимнее время с силою многою и около града Вологды села воеваша, а християнство губяще, а градским людем, во граде седящим в осаде, и не смеяху с князем бранитися. Православное христи-

янство мнози побиени быша воинством князя того немилостиваго, ово гладом умерша, а инии мразом изомроша, и мнози безвестно погибоша и разыдошася...». Григорий якобы увещевал Шемяку «отвратиться» от злых дел. Князь разъярился, приказал сбросить его с помоста, но тот чудом остался жив[76]. Хронология рассказа сбивчива. Речь могла идти о каких-то воспоминаниях о походе Василия Косого под Вологду в 1435 г. или Дмитрия Шемяки в 1449/50 г. Согласно житию, Григорий крестил детей князя Юрия Дмитриевича, что делает, по И.У. Будовницу, рассказ о событиях на Вологде весьма сомнительным[77].

Еще Н.М. Карамзин связывал с Дмитрием Шемякой сатирическую «Повесть о Шемякином суде», обличающую судебные порядки Русского государства[78]. Карамзин при этом ссылался на показания Хронографа (нам неизвестного), говоря, что «от сего убо времени в Велицей Русии на всякого судью и восхитника во укоризнах прозвася *Шемякин суд*»[79]. Последним, кто считал, что в повести «сохранилось воспоминание о тяжелых для населения порядках, установившихся при Шемяке (взяточничество, вымогательство, притеснения судьями населения)», был Л.В. Черепнин[80]. Вместе с тем И.П. Лапицкий убедительно доказал, что «Повесть о Шемякином суде» – памятник, сложившийся не ранее второй половины XVII в.[81]

Обратимся к тексту повести. В ней рассказывается о тяжбе между богатым и бедным братьями. Она произошла в связи со следующими обстоятельствами. Богач дал своему бедному брату лошадь и сани, чтобы тот привез из леса дрова, но пожалел дать ему хомут. Бедняк привязал дровни за хвост лошади и так ударил ее кнутом, что хвост оторвался. Тогда богач «пошел на него бить челом в город к Шемяке-судье» и требовать возвращения лошади с хвостом.

Остановившись по пути у некоего попа, богач поведал ему о происшедшем. Затем они сели ужинать, не позвав бедняка. Тот стал разглядывать, что едят поп и богатый брат, но неожиданно свалился с полатей и задавил попова сына. После этого поп тоже поехал в город с жалобой на бедняка.

Проезжая по мосту, бедняк решил броситься в реку, понимая, что все равно «будет ему погибель от брата и от попа». Но, бросившись, бедняк задавил насмерть старика, которого вез его сын-горожанин в

баню мыться. Сын старца также отправился в суд с жалобой на бедняка.

Решив, что без «посула» с судьей дела иметь нельзя, бедняк положил за пазуху завернутый в платок камень и многозначительно показывал его судье при разбирательстве каждого иска.

Что же присудил Шемяка по всем трем искам? Думая, что бедняк «ему мзду посулил», судья решил следующее. Поскольку бедняк оторвал у лошади хвост, то ее не следует у него отбирать до тех пор, пока хвост не отрастет. Коли он задавил попова сына, надо отдать ему и попадью, чтобы он добыл с ней нового ребенка. Затем судья решил, что сын старика должен «сверзнуться» с моста на бедняка.

После суда богач предпочел отдать своему бедному брату 5 рублей, чем дожидаться, когда у лошади отрастет хвост. Поп не пожелал расстаться с попадьей и откупился 10 рублями. Дал бедняку мзду и третий истец. Слуге, которого прислал судья за «посулом», бедняк показал простой камень и сказал: если бы судья «не по мне стал судить, убил бы его тем камнем». Судья воздал хвалу Богу, что «по нем» судил, иначе этот камень полетел бы в его голову.

Повесть вводит нас в накаленную обстановку жизни России второй половины XVII в. Она обличала неправедное («по мзде») судопроизводство, но с благодушным юмором рисовала образ самого судьи – Шемяки, решавшего дела в пользу бедняка, а не в пользу богатея и попа. Очевидно, повесть сохранила какие-то далекие отзвуки благожелательного отношения к князю Дмитрию, распространенные в демократической среде.

Князь Дмитрий Юрьевич Шемяка обладал качествами незаурядного правителя. Беда его состояла в том, что он во многом обгонял свое время, которое никогда не прощает тем, кто пытается заглянуть в будущее. Продолжая дело Дмитрия Донского и своего отца, Дмитрий Юрьевич сделал все, что было в его силах, чтобы объединить русские земли и нанести решительный удар ордынским царям. Но и для того, и для другого время еще не приспело. Эти цели могли быть достигнуты лишь постепенно, а не вдруг, по мановению волшебной палочки. Время волевого правителя-самодержца также было еще впереди. Нужно было создать когорту верных сподвижников, которая бы обеспечила медленное движение к заветной цели, а

Дмитрию Шемяке не терпелось. Он мог зажечь своим энтузиазмом на недолгий срок даже таких осторожных правителей, каким был Борис Александрович Тверской, таких честолюбцев, как Иван Андреевич Можайский. Но на этом дело кончалось.

Шемяка привык все делать сам, решать судьбы княжеств и земель самостоятельно. При нем не заметно каких-либо видных деятелей из среды боярства. Они предпочитали иметь дело с бесцветным Василием II, который давал простор их инициативе. Шемяка только после 1446 г. понял, что надежной опорой в борьбе с Василием II мог стать лишь Север с его особыми традициями, с его вольной промысловой жизнью, широкими связями с Новгородом и Западом. Но время было упущено, а доверие к Шемяке все уменьшалось. В его войсках не заметно уже вятчан, которые составляли ударную силу в полках его отца и старшего брата. Вятчане на своем опыте убедились, что галицкие князья только использовали их в своих корыстных целях, не платя по векселю ничего.

Постепенно все движение, возглавленное Дмитрием Шемякой, перерождалось в обыкновенный средневековый разбой. И те, кто когда-то с надеждой смотрел на князя Дмитрия, в ужасе отшатывались от его грабительских походов последних лет.

История ничего не прощает неудачникам. Поэтому она нарисовала портрет Шемяки с помощью его злейших врагов, исходя из результатов его деятельности последних лет, забыв, что опыт борьбы галицкого князя за единство Руси, против татарского ига позднее был широко использован именно теми, кто не жалел сил для очернения Шемяки.

Мятеж не может кончиться удачей,—
В противном случае его зовут иначе[87]

Концы и начала

Гибель Дмитрия Шемяки не означала еще конца борьбы Василия II за победу единодержавия на Руси. Устранен был только последний реальный претендент на великокняжеский престол, но не сама возможность появления новых искателей великого княжения из числа князей «гнезда Калиты». Ведь даже сын Дмитрия Шемяки находился еще в Новгороде. А можайский князь Иван Андреевич давно вынашивал честолюбивые планы овладеть великокняжеским престолом с помощью Литвы. Не было еще завершено объединение земель вокруг Москвы. Поэтому последние годы правления Василия II были заполнены стремлением привести к покорности тех княжат, которые, по его мысли, могли представить для него опасность.

Помыслы великого князя были также прикованы к уже присоединенным землям, которые следовало прочнее объединить с московскими, утвердив в них великокняжескую власть. Наконец, для страны жизненно необходимым было обезопасить ее от вторжения казанцев и ордынцев с востока и юга. Все эти задачи нельзя было осуществить без строительства нового государственного аппарата (армии, управления, суда, финансов). Конец старой эпохи должен был сочетаться с началом новой.

1454 год начался в Москве получением известия о смерти ростовского архиепископа Ефрема (29 марта)[1]. Его место занял архимандрит Чудова монастыря в

Кремле Феодосий Бывальцев. 23 июня он прибыл в Ростов[2]. Ефрем, как мы помним, принадлежал к числу виднейших сподвижников митрополита Ионы. Не менее преданным митрополиту и великому князю был Феодосий. Его назначение архиепископом отражало общую линию подбора кадров представителей высшей церковной иерархии, которую настойчиво проводили светские и духовные власти в Москве. Членами епископата становились, как правило, архимандриты придворных монастырей или лица, персонально связанные с митрополитом, т.е. те, которые уже успели доказать свою преданность в борьбе с врагами великокняжеской власти.

Тем временем тучи сгущались над князем-«перелетом» Иваном Андреевичем Можайским. 15 февраля 1454 г. в митрополичий дом сделал земельный вклад Петр Константинович Добрынский, один из ближайших к этому князю лиц, переметнувшийся на его сторону еще в феврале 1446 г.[3] Это было предвестием опалы. Примерно тогда же «за приставы» под надзор введеного дьяка Алексея был взят в Москве его брат Никита, тот самый, что схватил Василия II в Троицком монастыре перед его ослеплением. Однако «Алексей великому князю изменил, сговоря с Никитою, да побежали ко князю Ивану Андреевичу в Можайск»[4]. Петр Константинович был боярином можайского князя уже в первой половине 1447 г.[5] Владения Н.К. Добрынского в Бежецком Верхе были конфискованы и переданы верным сподвижникам Василия II князю С.И. Оболенскому и Ф.М.Челядне[6].

«В Великое говенье» Новгород покинул, чувствуя приближение расправы, сын Дмитрия Шемяки Иван[7]. 9 апреля он прибыл в Псков. Здесь его встречали все «мужи» псковские «со кресты», «прияша его с великою честию». Однако прошло всего три недели, как князь Иван Дмитриевич подобру-поздорову решил уехать в Литву. При отъезде (1 мая) он получил «дару» от жителей Пскова всего только 20 руб.[8]

Последний час существования Можайского княжества пробил летом 1454 г. Василий II выступил в поход против можайского князя «за его неисправление», как деликатно записали московские летописцы. Великий князь не просто мстил можайскому князю за свои прошлые обиды и карал за недавно совершенные им проступки. Для него ликвидация Можайского княжества

была необходимостью, обеспечивавшей невозможность повторения их в будущем. Контакты князя Ивана Андреевича с Литвой казались Василию II особенно опасными.

Можайск был взят войсками Василия II, но князь Иван Андреевич с женой, с сыновьями Андреем и Семеном и боярами, в том числе с Н.К. Добрынским и его семейством, бежали в Великое княжество Литовское. По словам московского летописца, великий князь, взяв город, «умилосердився на вся сущая во граде том, пожаловал их и, наместники своя посадив», вернулся в Москву[9]. Можно себе представить, как «пожаловал» можаичей князь Василий Васильевич. А вот в Литве князья-беглецы встретили радушный (конечно, небескорыстный) прием. Из чернигово-северских земель на границе с Московским великим княжеством было создано два больших княжества: Новгород-Северское (в него входили также Чернигов и Гомель), которым пожалован был князь Иван Андреевич, и Стародубское (туда входили также Рыльск и, возможно, Путивль), которым был пожалован Иван Дмитриевич Шемякин[10].

Возникновение на порубежье очагов возможных осложнений беспокоило московское правительство. Вскоре после побега князя Ивана Андреевича митрополит Иона направил смоленскому епископу Мисаилу грамоту, в которой настоятельно просил Мисаила «озаботиться», чтобы князь Иван какого-либо «зла» не учинил Василию II. В послании объяснялась и причина гнева великого князя на Ивана Андреевича. Можайский князь представлялся нарушителем взятых по докончанию обязательств. В частности, он не прислал свои войска на помощь московским вооруженным силам, когда приходил сын Сеид-Ахмеда «с многими людми»[11].

После ликвидации Можайского удела произведен был дележ его территории. По докончанию с Василием Ярославичем, составленному вскоре после лета 1454 г., основная часть можайских земель переходила к великому князю. Серпуховской князь приобрел Бежецкий Верх и Звенигород, которые еще недавно князь Иван Андреевич получил из наследия галицких князей[12]. Князь Василий Ярославич за себя и своего сына Ивана обязывался иметь «братом старейшим» не только Василия II, но и всех его детей (как в докончании около 1450 г.). Текст докончания в основном повторял

предшествующий договор между московским и серпуховским князьями.

Очевидно, в то же самое время Василий II со своими детьми Иваном и Юрием заключил докончание и с тверским великим князем Борисом Александровичем[13]. Если князь Борис подписывал договор от своего имени и от имени «братьи молодшей» (Дмитрия Юрьевича Холмского и Ивана Юрьевича Зубцовского), то московский великий князь уже никого из «братьи» (ни Василия Ярославича, ни Михаила Андреевича) к подписанию договора не допустил. Договор подтверждал союзнические отношения между Москвой и Тверью «по старине». Князь Борис обещал «к собе... не приимати» тех, кто «отступил» от Василия II, т.е. князя Ивана Андреевича Можайского и Ивана Дмитриевича Шемякина, а также (предусмотрительно) того, «которои... иныи брат згрубит». Формулировка весьма неопределенная. «Грубостью» великий князь московский мог назвать любой проступок или даже подозрение в деянии.

Опасность со стороны беглецов в Литву была реальной, ведь в 1446 г. именно Великое княжество Литовское было тем центром, в котором собирались русские сторонники Василия II, начавшие оттуда борьбу за восстановление Василия Васильевича на великокняжеском престоле. Кто мог дать гарантию, что в 1454–1456 гг. там же не образуется группа энергичных сторонников того же Ивана Андреевича или Ивана Дмитриевича Шемякина и не затеет войну против Василия II?

После завершения объединения основных земель Северо-Восточной Руси вокруг Москвы в середине 50-х годов XV в. началась большая работа по строительству государственного аппарата на основах, отличавшихся от тех, на которых построено было княжество предшественников Василия II. Отрывочные данные источников позволяют представить основные контуры реформ. Перестраивалась территориально-административная структура государства. На смену уничтоженным уделам создавались новые, но уже не на родовой («гнездо Калиты»), а на семейной основе: все они принадлежали детям Василия II (за исключением разве что старого удела князя Михаила Андреевича).

По наблюдениям В.Д. Назарова, около конца 1454 – начала 1455 г. создан был удел князя Юрия Василь-

евича, основным ядром которого стал Дмитров[14]. Возможно, был выделен удел и князю Андрею Большому[15]. Этот опыт Василий II использовал позднее, при наделении уделами своих детей по завещанию 1461/62 г. Основная же территория Московского княжества оставалась подведомственной великому князю. При этом главное состояло в том, что на смену удельному пестрополью приходила уездная система, проверенная жизнью первоначально на «уезженной» (освоенной во время поездок княжеских администраторов) территории Московского княжества. Этот переход отражал основной итог событий второй четверти XV в.

Термин «уезд» впервые появляется в источниках, когда они говорят о московских землях[16]. Позднее уезды упоминаются для обозначения соседних земель, издавна связанных с Москвой, – Переславского (1425 – 1427 гг.)[17] и Коломенского (1441 г.)[18] уездов. В середине века число уездов значительно увеличивается за счет новоприсоединенных земель. Становятся известными Ростовский (1453 г.)[19], Угличский (1455 – 1462 гг.)[20] и Костромской (1457 г.)[21] уезды. В 1460/61 г. упоминается Суздальский[22], а в 1462/63 г. – Владимирский уезд[23].

Власть в уездах концентрировалась в руках наместников, как правило, бояр великого князя, поддерживавших его в годы борьбы с галицкими князьями. Так, очевидно, московским наместником был сначала И.Д. Всеволожский, а после него князь Юрий Патрикеевич. В 1433 г. ростовским наместником был П.К. Добрынский[24], в 1436 г. устюжским – князь Глеб Иванович Оболенский[25]. В 1445 г., очевидно, муромским наместником был его брат Василий[26]. Известно несколько коломенских наместников: в 1436 г. – И.Ф. Старков[27], в 1443 г. – В.И. Лыков[28], в 1450 г., возможно, К.А. Беззубцев, в 1451 г. –князь И.А. Звенигородский[29]. В Суздале некоторое время наместничал крупнейший военачальник Ф.В. Басенок[30].

Наместничья власть распространялась по мере присоединения уделов к Москве и на удельные земли. Наместники поставлены были в Галиче, Угличе, Можайске и других городах.

Права и привилегии наместников еще в предшествующий период регулировались уставными наместническими грамотами, нормы которых восходили к Русской

Правде. Но после Двинской уставной грамоты 1397 г. и до Белозерской грамоты 1488 г. подобных документов до нас не дошло. В годы войн и княжеских распрей не право, а сила определяла поведение наместников[31]. Обеспечивался наместнический аппарат «кормами». Их состав перечисляется в грамотах по Галичу (1455–1462 гг.) и Радонежу (около 1457 г.)[32]. Близкие к древнерусским поборы были традиционными. Их нормы вошли позднее в установления Белозерской грамоты 1488 г.[33] Предусматривались два «корма» (на Рождество и на Петров день) в виде натуральных поборов (мясом, хлебом, сеном), которые могли переводиться на деньги. «Корм» дополнялся судебными пошлинами (шедшими в великокняжескую казну) и «посулами» (взятками).

Перестройка центрального правительственного аппарата отставала от создания местной администрации. Главой Московского великого княжества был Василий II. Пределы его власти определялись общим состоянием объединительного процесса, но ее правовые устои регулировались «стариной». Сам Василий II не отличался инициативностью, решительностью и волей.

До совершеннолетия великого князя (1433 г.) власть в стране принадлежала митрополиту Фотию (1431 г.), великой княгине Софье, а также боярину И.Д. Всеволожскому. После ослепления (1446 г.) Василий II вряд ли мог принимать непосредственное участие в осуществлении даже важнейших мероприятий. Участие его в походах имело больше символическое, чем реальное, значение. Судопроизводством он не занимался. Позднейшие летописцы и публицисты подчеркивают особую роль Василия II в осуждении Исидора и в избрании митрополитом Ионы. Однако перед нами явное стремление клерикальных сочинителей опереться на авторитет великокняжеской власти, а не точная передача событий. Как все происходило на самом деле, сказать трудно. Скорее всего в данном случае великий князь был проводником общей линии русских иерархов.

Действенная власть в годы правления Василия II принадлежала боярским советникам великого князя. Состав введеных бояр был тогда невелик. Так, духовную Василия I в 1423 г. подписало всего шестеро бояр: князь Юрий Патрикеевич, Иван Дмитриевич (Все-

воложский), Михаил Андреевич, Иван Федорович, Михаил Федорович, Федор Иванович[34]. Завещание Василия II 1461/62 г. удостоверило пятеро бояр: князь Иван Юрьевич (Патрикеев), Иван Иванович (Кошкин), Василий Иванович, Федор Васильевич (Басенок), Федор Михайлович (Челядня)[35]. Исключая князей Патрикеевых, находившихся в родстве с великими князьями и возглавлявших Думу, все это были представители старомосковских боярских родов.

Роль бояр в великокняжеской администрации в годы правления Василия II резко возросла. Их решительной поддержке обязан был Василий II своему возвращению на великокняжеский престол (1446 г.). Составитель похвального Слова Дмитрию Донскому (написанного, согласно М.А. Салминой, в конце 40-х годов XV в.) вложил в уста этого князя следующие слова: «...бояре свои любите и честь им достоину воздаите противу служениа их, без воля их ничто же створите... и отчину свою с вами (боярами. – *А.З.*) соблюдох... под вами городы держах и власти великиа... Вы же не нарекостеся у меня бояре, но князи земли моеи»[36]. Эти слова характеризуют положение боярства не столько при Дмитрии Донском, сколько во второй четверти XV в.

Круг обязанностей, лежавших на боярских советниках великого князя, отличался разнообразием. Введеные бояре скрепляли своей подписью великокняжеские грамоты. Правда, такие подписи мы находим только до окончательного утверждения Василия II в Москве (начало 1447 г.). Эти бояре должны были отправлять судопроизводство.

За изучаемый период сохранилось всего восемь правых грамот и судных списков[37]. О четырех судных делах есть упоминания[38]. Все это земельные дела. Пять из сохранившихся грамот относятся к внутривладельческим распрям. В трех случаях судили удельные князья: Дмитрий Юрьевич, Василий Ярославич и Михаил Андреевич, в одном случае – Дмитрий Давыдович Морозов, боярин удельного князя Андрея Васильевича. В двух случаях грамоты выдавались «по слову» Василия Васильевича (самим Василием II не выдано ни одной грамоты). Судьями в делах, подведомственных великокняжескому суду, были князь Иван Юрьевич Патрикеев, Михаил Федорович Сабуров (два случая), Федор Васильевич Басенок (два случая), Григорий Васильевич

Морозов и Иван Харламов. Из 12 актов только четыре или три относились к периоду до 1448 г. (два из них судились в уделах). Судопроизводство начало налаживаться только тогда, когда борьба Василия II с Дмитрием Шемякой близилась к концу.

Бояре возглавляли Государев двор как военно-административную корпорацию. Они выполняли отдельные поручения общегосударственного значения (вели дипломатические переговоры с соседними странами и удельными князьями)[39]. Постепенно у них складывался круг функций, который станет традиционным в более позднее время.

Четкого разграничения между дворцовым и общегосударственным управлением еще не было. Корни дворцовой системы уходят в расчлененность личных владений великого князя (его «примыслов», «купль» и т.п.) и земель великого княжения, которым он владел как бы временно (по ярлыку ордынского царя). В актовых источниках времени Василия II мы не встретили термина «дворецкий», но, по семейным преданиям Сорокоумовых, при нем эту должность исполнял боярин Григорий Васильевич Криворот. Он «был дворетцкой на Москве по свою смерть без перемены»[40]. В 1442/43 г. его «застрелили (ранили. – *А.З.*) в челюсть»[41], поэтому он уже не мог участвовать в военных походах и стал дворецким. Старые, хворые и увечные обычно использовались в административном аппарате из-за непригодности к военной службе (Углич, например, «держал» у Шемяки Р.А. Безногий Остеев)[42].

Брат Г.В. Криворота Иван (Полуект) Море был «постельничей по свою смерть, с судом з боярским и в думе у великого князя з бояры был»[43]. В 1434 – 1436 гг. ему поручено было сопровождать рязанского епископа Иону на поставление в митрополиты в Константинополь[44].

Руководство дворцового аппарата, как можно видеть по приведенным примерам, происходило из среды старомосковского боярства, преданного великокняжеским интересам. На дворцовые должности назначались обычно пожизненно представители одной семьи. Обеспечивались дворцовые чины (путные бояре), как и наместники, кормлениями, которые в дворцовом ведомстве собирались с определенных территорий – путей (ср. татарское «даруги», т.е. дороги). Известен, например, «Чашнич путь» во Владимирщине[45]. Велико-

княжескими селами и слугами (челядью) ведали дворские.

Уже в середине 40-х годов XV в. началась перестройка Государева двора. Он разделился на Дворец, оставшийся хозяйственно-административной организацией, которая обеспечивала нужды великого князя, и Двор – военно-административную корпорацию, ставшую ядром вооруженных сил Московского великого княжества. Двор возглавляли князья Оболенские, Ф.В. Басенок и другие видные военачальники. Именно Двор стал организатором побед Василия II и кузницей кадров для администрации Русского государства.

Наряду с боярами и детьми боярскими (дворянами) к исполнению государственных поручений стали привлекаться и потомки правителей когда-то самостоятельных княжеств (суздальские, ростовские, ярославские и прочие князья). При этом стародубские и оболенские князья, тесно связанные с Двором, порывая связи со своими старинными владениями, начали входить в Боярскую думу. Суздальские и ростовские князья посылались князьями-служебниками в пока еще независимые города (Новгород и Псков).

Тогда еще не была приметной активная деятельность княжеской канцелярии (дьяков, казначеев и прочих «слуг»). Княжеские администраторы этого ранга происходили из числа холопов, выходцев из духовной среды и торгового люда. Казначеев среди холопов называет княгиня Евпраксия в завещании 1433 – 1437 гг.[46] Василий II около 1461–1462 гг. отпускает на свободу своих казначеев и дьяков[47]. Около 1455 – 1462 гг. казначеем назван Остафий Аракчеев[48]. Судя по подписи, он был и дьяком. Происходил Аракчеев из татар (его татарская тамга так и расшифровывается: Уракчиев). Личный аппарат великого князя был еще патриархальным, связанным с вотчинным управлением. Впрочем, к концу правления Василия II среди дьяков появляются уже видные деятели. Из десяти поименно известных дьяков великого князя Василия Васильевича пять известны с 1455 г. Степан Бородатый прославился и своим умением читать летописи, и мастерским ведением дипломатических переговоров (с Литвой в 1448 г.), и тем, что в 1453 г. выполнил более чем деликатное поручение великого князя, касающееся Дмитрия Шемяки. Алексей Полуектов отличался самостоятельностью суждений.

Он, в частности, «из старины печаловался», чтобы отчина ярославских князей «не за ними была»[49].

В середине 50-х годов XV в., как установил Л.В. Черепнин, происходила перестройка иммунитета[50]. Вместо грамот на отдельные владения с определенными привилегиями начинают все более часто выдаваться пожалования на комплексы владений с разнообразным набором привилегий. Особое внимание уделялось при этом районам, в которых было сильно влияние Дмитрия Шемяки (Галич, Углич, Бежецкий Верх) или других удельных князей (Радонеж). Получение податных льгот должно было содействовать умиротворению этих земель. В благодарность за активную поддержку великокняжеской власти щедрые льготы получает и митрополия. С целью содействовать восстановлению хозяйства владений, разоренных междоусобной борьбой и татарскими набегами, правительство гарантирует длительные льготы (освобождение от уплаты дани и других налогов) бежавшим «старожильцам», которые возвращались на пепелища, или людям, призванным вотчинниками «из иных княжений». Впрочем, этих «иных княжений» становилось все меньше, и льготы выходцам из них практически не реализовались. Больше действовал не пряник, а кнут: запрет перехода серебряников во все дни, кроме Юрьева, запрет принимать великокняжеских крестьян, возврат ушедших тяглецов и т.п.

Иной характер носила политика в отношении судебного иммунитета. Общая тенденция его развития сводилась к сокращению судебных привилегий землевладельцев. Все чаще дела о разбое, убийстве, грабеже с поличным изымались из их ведения и передавались наместничьему аппарату. Получившая военную закалку администрация Василия II стремилась обеспечить в стране надежный порядок.

В круг судебных реформ входит и издание так называемой Записи о душегубстве[51]. В ней подтверждена была существовавшая издавна подсудность дел о душегубстве во владениях удельных князей, «тянувших к Москве», большому московскому наместнику. Речь шла о владениях князя Василия Ярославича (Серпухове, Суходоле, Звенигороде), а также о «дмитровских волостях». Единственное исключение составляла Руза, не входившая в середине 50-х годов XV в. в чей-либо удел. Отсутствие в Записи Дмитрова объяснялось тем, что этот город

подсуден был тогда сыну Василия II Юрию, т.е. практически великому князю.

В самой столице создавались судебные округа, к которым «тянули» подмосковные села. Дела о татьбе с поличным (как по жалованным грамотам) изымались из компетенции сместного суда и передавались суду московского наместника. Регламентировались размер и распределение судебных пошлин и «посулов» (взяток) между различными судебными чиновниками.

Принципиально нового в Записи о душегубстве мы не видим, но она возобновляла порядок, нарушенный в годы междукняжеской смуты.

Разорение страны, вызванное междукняжескими сварами и татарскими набегами, привело к упадку монетного дела. Возможно, даже монетный двор в столице перестал существовать, а чеканка денег перешла в руки отдельных денежников. Выпуск общегосударственной монеты на великокняжеском дворе нужно было начинать сначала. В середине века проведена была новая монетная реформа и возобновлена общегосударственная чеканка. За основу приняты были монеты, выпускавшиеся еще Дмитрием Шемякой. Их вес несколько повысился (около 0,39 г). После присвоения наследнику престола княжичу Ивану Васильевичу титула великого князя на монетах начали помещать надпись: «Осподари всея Руси», имея в виду как Василия II, так и его старшего сына[52].

В 1455 г. Русь переживала очередное бедствие. Еще в начале этого года Сеид-Ахмед с ордынцами появился в Великом княжестве Литовском[53]. Затем настала очередь и русских земель.

О нападении на Русь сохранилось три летописные версии. Согласно одной из них, в 1455 (6963) г. «приходили татарове Седи-Ахметевы к Оке-реке и перевезошася Оку ниже Коломны». Против них был послан князь Иван Юрьевич «с многими вои». Во время столкновения «одолеша христьяне татар». Правда, тогда убит был князь Семен Бабич Друцкий («не на суиме, но притчею некоею»)[54].

По второй версии поход татар тоже датируется 1455 г. В согласии с первой версией в Ермолинской летописи говорится, что на Русь напали «татарове от Сиди-Ахметевы орды, и перелез Оку-реку, и грабили, полон и имали». Далее сообщается, что против них послан был не князь Иван Юрьевич, а Иван Васильевич

Ощера с «коломничи», но он «не поспе на них ударити». Тогда «пришед сы иные страны» Ф.В. Басенок «с великого князя двором, татар бил и полон отнял». Тогда же убит был князь Семен Бабич (Друцкий)[55].

Третья версия (Софийская II и Львовская летописи) – компиляция первых двух, но проникнута определенной тенденцией. Здесь глухо говорится под 1455 г. о приходе на Русь татар и посылке против них князя Ивана Юрьевича. Но под 1454 г. сообщается, что Солтан, Седи-Ахметов царевич, перешел Оку, пограбил земли и отошел, а коломенский воевода И.В. Ощера «да их пустил, а не смел на них ударитися»[56]. Услышав это, Василий II отпустил «со множеством вой» своих детей, Ивана и Юрия, да и сам пошел против «окаянных». Видя это, татары «возвратишася вспять», а Федор Басенок со двором великого князя «татар бил, а полон отъимал». Тогда-то и убили князя Семена Бабича. А.Н. Насонов связывает появление этого рассказа с разоблачением И.В. Ощеры во время похода татар 1480 г.[57] Во всяком случае, в Софийской II летописи слиты два источника, один из которых восходит к Московскому своду конца XV в.

К середине 50-х годов XV в. относится возникновение Касимовского ханства (царства). В.В. Вельяминов-Зернов датирует это событие примерно 1452 г., считая, что до этого татарские царевичи находились на русской службе без земельного обеспечения[58]. М.Г. Сафаргалиев связывает создание царства с «выходами» с Городца, которые упомянуты в докончании 1445 г. «Выходы», по его мнению, установлены именно этим договором, а само Касимовское царство «обязано своим возникновением не инициативе великого князя Московского для борьбы с Казанским ханством, а именно инициативе казанских ханов, использовавших благоприятно сложившуюся для них конъюнктуру»[59]. В этих размышлениях есть ряд слабых звеньев. Само докончание, о котором идет речь, датируется в настоящее время не 1445 г., а 15 декабря 1448 – 22 июля 1449 г. В нем говорится: «А з Городца, с твоее вотчины, чем тя есмь пожаловал, имати ми у тобе во царев выход по описи по людем»[60]. Речь, следовательно, идет об обычном «выходе», который должен был платиться городецким князем. Никаких следов пребывания царевичей в Городце нет. Поэтому

отпадает основание и говорить о том, что «выход» с Городца шел в пользу Касыма; к тому же Городец (Касимов) находился не на Волге, а в Мещерской земле.

В докончании Ивана III с рязанским великим князем Иваном Васильевичем от 9 июня 1483 г. традиция установления особых отношений с городецкими татарами возводится к временам Василия II. Рязанский великий князь обязывался платить то, что «шло царевичю Касыму... при великом князи Иване Федоровиче... и что царевичевым князем шло, и их казначеем и дарагам». Размер поступлений царевичам определялся записями, которые составил («кончал») Василий Васильевич «за Василия Ивановича Рязанского»[61].

Итак, Касимовское царство существовало уже при Василии II и во всяком случае до смерти рязанского великого князя Ивана Федоровича (1457 г.). Но можно попытаться и уточнить дату его возникновения. Еще в 1449 г. Касым, который был основателем ханства, находился в Звенигороде. Около 1454–1455 гг. Звенигород передан был князю Василию Ярославичу[62]. Очевидно, вскоре после этого Касым получил Городец, когда и создано было Касимовское ханство. Оно должно было стать щитом в обороне Руси как от Казани, так и от Орды Кучук-Мухаммеда.

В 1455 г. вогуличами, напавшими на Великую Пермь, был убит епископ Питирим[63]. Причиной его гибели была миссионерская деятельность, от которой несладко приходилось «инородцам».

В начале 1456 г. Москву посетил доброхот митрополита Ионы смоленский епископ Мисаил «со многими местичи смоленскими». Он бил челом, чтобы Василий II вернул им драгоценную смоленскую реликвию – икону Пречистой Богородицы, которую «пленом взял Юрга». Речь, возможно, шла о князе Юрии Семеновиче (Лугвеньевиче), который бежал из Смоленска после восстания 1440 г.[64] Икону не только возвратили, но и устроили ей торжественные проводы 18 января 1456 г. На них присутствовали все великокняжеское семейство, князья, бояре, воины, «бе бо тогда и многое множество воинства на Москве», да и «весь народ славнаго града Москвы»[65]. Очевидно, с Мисаилом велись переговоры не только об иконе, но и о русских смутьянах (Иване Шемякине и Иване Можайском), обосновавшихся в Литве.

Отправка иконы в Смоленск имела и антиновгородский привкус: князь Юрий препроводил икону в Новгород, а вот теперь Москва возвращает ее Смоленску. Празднество 18 января в этой связи было как нельзя кстати. Василий II уже давно решил покончить с новгородским своеволием, и в столицу собраны были войска, которые уже на следующий день после празднества выступили в поход.

Новгород представлял опасность для Москвы не только как ее основной соперник в экономической сфере. Последние годы он так или иначе стоял за спиной Дмитрия Шемяки. Да и в 1456 г. там находились его жена, дочь и зять князь А.В. Чарторыйский. Возглавлял войска новгородцев В.В. Шуйский Гребенка, а Шуйские, как известно, еще в 1447 г. поддерживали Шемяку. Наконец, могли рассчитывать новгородцы и на помощь Казимира IV, и на русских эмигрантов в Литве.

Словом, у Василия II было достаточно оснований, чтобы начать военную акцию «за неисправление ноугородец». Московские летописи рассказывают о ней так. Выступив из Москвы 19 января 1456 г., великий князь остановился на Волоке, где к нему присоединились «братиа его» (очевидно, Михаил Андреевич и Василий Ярославич) и все воеводы «со множеством воинства». Сюда прибыли также новгородцы с челобитьем, в котором они просили, чтобы великий князь «на Новгород не шол и гнев свои отложил»[66]. Но это не возымело действия. Поход продолжался.

Вступив в Новгородскую землю, Василий II отправил под Русу князя И.В. Стригу и Ф.В. Басенка. Рейд был для жителей Русы полной неожиданностью – они не успели ни покинуть город, ни спрятать свои «товары». Поэтому воеводы «многое множество богатества взяша» и отправили своих людей со скарбом впереди себя. А тут к ним пришла весть, что навстречу движется 5-тысячная рать новгородцев. У воевод же осталось всего человек 200. У них не было и лошадей, занятых доставкой награбленного скарба. Отступать воеводам не хотелось. Разгневанный великий князь мог им поставить в упрек и то, что они отпустили «воев», и то, что они позарились на «корысть». Решено было дать новгородцам бой. Чтобы лишить новгородскую конницу ее преимуществ, москвичи стали стрелять не в людей, а в лошадей. Обезумевшие от

боли кони начали «метатися» под всадниками, которые падали на землю. Сказалось отсутствие у новгородцев военного опыта. Не выдержав боя, они бежали. В плен попал посадник Михаил Туча. Москвичи же «вси здрави» вернулись к великому князю.

После того как весть о поражении достигла Новгорода, там созвано было вече. На нем принято было решение послать к Василию II архиепископа Евфимия для заключения мира[67].

Новгородская версия событий, дошедшая до нас в летописи Авраамки, более обстоятельна и правдоподобна. Зимой Василий II прислал «грамоту възметную» («на Черкизове недили, в вторник») и пошел в Новгородскую землю «с всею своею силою», причем «поднял царевица Момотяка с татарьскою силою». Под Русу великий князь отправил «изгонную рать» численностью 5000 человек во главе с Семеном Карамышевым и Федором Басенком. В нее входили и татары. В понедельник на Сырной неделе (9 февраля) Руса была взята[68]. При взятии Русы москвичи «много зла учиниша, сребра, и злата, и порт, и всякого товара много пограбиша, а рушан почаша имати, и бити, и животов у них сочити (искать. – *А.З.*)». Узнав об этом в тот же день, на Масленой неделе новгородские войска во главе с князем Василием Васильевичем Шуйским («Низовъскым») выступили против москвичей («не в мнози силе»)[69].

Позднее вышел из Новгорода и князь Александр Васильевич Чарторыйский со своим двором, но он задержался на Липне. Не дождавшись его помощи, В.В. Шуйский во вторник пошел с новгородцами и со «своим двором» с Озвада (на устье Ловати) к Русе. Бой у церкви Св. Ильи выиграли новгородцы (убито было 50 человек). Москвичи бежали в Русу, за ними устремились новгородцы. Вот тогда-то и подошла другая московская рать с татарами. Москвичи начали стрелять по коням новгородцев, что и вызвало у них панику. Во время перестрелки был ранен отважно сражавшийся тысяцкий Василий Казимир.

Пограбив Русу, татары пошли к Демону. Новгородцы же послали за помощью к псковичам[70].

Василий II в это время находился под Демоном, а затем перешел в Яжелбицы (в 150 верстах от Новгорода), отпустив свою рать к Молвотицам. За этот город два дня шел ожесточенный бой, но в конце концов он пал. Взят был москвичами и городок Стерж. Приближа-

лась развязка. Новгородцы понимали, что, пока семья Дмитрия Шемяки находится под их покровительством, ни о каком мире с ними Василий II вести переговоры не будет.

7 февраля 1456 г., «убояся князя великого», из Новгорода бежала вдова князя Дмитрия Софья. Прошло несколько дней, и 13 февраля («в пяток на Федоровой неделе») неожиданно умерла дочь Шемяки Мария. Уж очень эта смерть была для новгородцев своевременной, чтобы считать, что они не имели к ней никакого касательства. Словом, путь к переговорам с Василием II был открыт, и через два дня после кончины Марии (15 февраля) архиепископ Евфимий отправился с посольством к великому князю.

Мир в Яжелбицах был заключен спустя несколько дней. Новгородцам кроме всего прочего пришлось заплатить 8500 руб. «окупа»[71]. Выполнив свою миротворческую миссию, Евфимий 25 февраля вернулся в Новгород. Тогда же отправился в Москву Василий II, послав 28 февраля «на Городище» как князя-наместника своего сына Юрия. Князь А.В. Чарторыйский после смерти жены и заключения Новгородом мира с Москвой выехал в Псков[72]. Юрий Васильевич пробыл в Новгороде всего две недели. Его приезд туда имел в основном символическое значение, знаменуя подчинение Новгорода воле великого князя.

Яжелбицкий мирный договор[73] носил компромиссный характер. Новгород еще сохранял (хотя бы номинально) положение государства, находящегося только под патронатом Москвы. Особой докончальной грамотой новгородцам удалось подтвердить «старину», восходящую к договору 1435 г.[74] (возможно, через докончание 1440 г.[75]). Но эта грамота имела скорее декларативное, чем действенное, значение. Так, в ней новгородскими волостями по-прежнему считались Волок, «Бежичи», Вологда, хотя ими уже распоряжался великий князь. «Перед нами, – писал Л.В. Черепнин, – устойчивый, закоченевший в течение двух столетий договорный формуляр, уже не отвечавший исторической действительности середины XV в. и не отражавший реального соотношения политических сил»[76].

Более действенной была вторая Яжелбицкая грамота с московскими условиями мира, которые вынуждены были принять новгородцы. Основное ее содержание посвящено обстоятельствам, порожденным военными

действиями (отпуску пленных и пр.). Но гораздо важнее были обязательство новгородцев отныне заверять их грамоты великокняжеской печатью и запрет составлять вечевые документы («а вечным грамотам не быти»). Тем самым московская власть брала под свой контроль всю законодательную и текущую административную деятельность в Великом Новгороде, а в самом городе устанавливался тот режим «совместного управления» великим князем (его князьями-наместниками) и новгородской администрацией, который ранее существовал только в отдельных волостях Новгорода.

Существенное значение для Москвы имело и взятое Новгородом обязательство не принимать к себе ни можайского князя Ивана Андреевича, ни Ивана Дмитриевича Шемякина, ни его мать Софью[77]. В Москву вернулись спустя почти полстолетия (в 1500 г.) только Семен Иванович Можайский и внук Дмитрия Шемяки Василий Иванович Шемячич, перейдя из Литвы на положение служилых князей на Руси[78]. Новгородцы обещали также вообще не «приимати» к себе никакого «лиходея» великих князей, откуда бы он ни прибежал – из «Московского княжения», из Литвы или из «Немец». Но весь строй новгородской жизни оставался прежним.

Половинчатость Яжелбицкого договора объяснялась тем, что в распоряжении Василия II не было достаточно сил, чтобы окончательно сломить сопротивление Новгорода. Позиция Пскова свидетельствовала о том, что даже в лагере союзников великого князя еще не было единства. Нужно было укрепить положение внутри великого княжества и в лагере союзников.

Весной 1456 г. умер рязанский великий князь Иван Федорович, давнишний союзник Москвы, сын дочери Дмитрия Донского. Незадолго до этого скончалась и его жена. Перед смертью князь Иван, по словам московских летописцев, «княжение же свое Рязанское и сына своего князя Василья приказал» Василию II. Воспользовавшись этим, великий князь взял восьмилетнего рязанского княжича и его сестру в Москву, а в Рязань и в другие рязанские города послал своих наместников[79]. Рязанский вопрос до поры до времени был решен.

10 июля 1456 г. Василий II «поимал» в Москве серпуховского князя Василия Ярославича и отправил его в заточение на Углич. На этот раз великий князь предпочел провести эту важную акцию в столице.

Поход в удел мог привести, как показал неприятный казус с князем Иваном Андреевичем, к бегству серпуховского шурина за рубеж. Но вот сыну Василия Ярославича от первой жены Ивану и второй супруге князя все же удалось бежать в Литву (очевидно, из удела)[80]. Позднее Иван Васильевич писал, что Василий II «ял моего отца... на крестном целованьи (нарушив крестное целование. – *А.З.*) безвинно, а мене выгонил из моее отчины и дедины»[81]. С укором вспоминал поимание «ярославичей» и князь А.М. Курбский[82].

Как и белозерский князь Михаил Андреевич, серпуховской князь Василий Ярославич входил в ближайшее окружение Василия II. Все они были связаны между собой родственными узами. «Поимание» князя Василия было настолько неожиданным, что летописец не нашел даже слов для его объяснения, ограничившись лишь скупым изложением самого факта. О причинах происшедшего можно только строить более или менее правдоподобные предположения.

Между князем Михаилом и князем Василием была существенная разница уже в том, что первый был лицом совершенно безынициативным, чего нельзя было сказать о последнем. Князь Василий не лишен был военных способностей (в 1449 и 1451 гг. ему поручались самостоятельные военные экспедиции против Дмитрия Шемяки). Он обладал опытом организаторской деятельности. В 1446 г. Василий Ярославич стал в Литве центром притяжения сил сопротивления Дмитрию Шемяке и сделал много для организации победы Василия II. Однако через 10 лет после этого попал в заточение.

В условиях борьбы за власть в 1446 г. великий князь охотно использовал достоинства князя Василия Ярославича, а вот позднее они стали казаться ему весьма опасными. Удел князя Василия находился на юго-западных рубежах Московского великого княжества. В середине 50-х годов XV в. в Литве образовалась группа князей-эмигрантов и их бояр, готовая выступить против Москвы. В таких условиях побег в Великое княжество Литовское князя Василия Ярославича мог привести к повторению событий 1446 г. С той только разницей, что на этот раз движение могло быть направлено против Василия Васильевича, а не в его поддержку. Таков мог быть ход мысли у

Василия II, когда он из-за превентивных соображений решил «поймать» князя Василия.

Не внушало доверия и родство Василия Ярославича с рязанскими князьями (женой его дяди Ивана была сестра великого князя Ивана Федоровича)[83].

1457 год в Северо-Восточной Руси прошел без каких-либо примечательных событий. Ничего особенно существенного летописцы не сообщают читателям. Разве что 29 сентября сгорел весь Муром, а 22 октября – Москва (выгорела треть столицы)[84]. 10 марта 1458 г. умер новгородский архиепископ Евфимий. Его смерть была тяжелой потерей для Новгорода. В смутные 30–50-е годы, направляя церковно-политическую жизнь Господина Великого Новгорода, он сумел добиться многого, и прежде всего сохранения основ новгородской самостоятельности. Упрочение (пусть временное) республиканского строя в Новгороде было в условиях надвигавшегося на Русь единодержавия анахронизмом, результатом своекорыстной политической линии, настойчиво проводившейся Евфимием и новгородским боярством. И все же годы, когда архиепископский престол занимал Евфимий, для Новгорода были отмечены подъемом во всех областях его жизни. Об этом говорит уже «Евфимьевское возрождение», давшее шедевры архитектуры и живописи, овеянные тоской по ушедшему в далекое прошлое величию Новгорода, успешно противостоявшего в XII в. натиску великих князей Северо-Восточной Руси. Пусть в этом было что-то от «пира во время чумы», но плоды, взращенные Евфимием, позднее войдут в сокровищницу общерусской культуры. И кто знает, не навеяно ли было обращение к древнерусской традиции в Москве конца XV в. в какой-то мере опытом Новгорода середины того же столетия?

Мертвые уходят в вечность, но живые остаются. Уже через девять дней после смерти Евфимия новгородцы 19 марта 1458 г. избирают его преемника – Иону[85]. В том же году они совершают опрометчивый шаг, посылая посадника Ивана Лукинича к Казимиру IV с просьбой дать им князя-служебника на новгородские пригороды[86]. Великий князь литовский охотно откликнулся на это приглашение, и в ноябре 1458 г. в Новгород прибыл «королевич» с его послом полоцким наместником Андреем Саковичем. Прибывшему князю Юрию Семеновичу даны были новгородские пригороды

(Руса, Ладога, Орешек, Ям и половина Копорья) в кормление[87]. Это в Москве, конечно, должно было восприниматься если не как нарушение буквы Яжелбицкого договора, то во всяком случае как шаг, противоречащий его духу. Новгородцы считали докончание 1456 г. подтверждением их «старины» (в частности, и права приглашать князей-служебников). Великий князь рассматривал его как свидетельство наступления новой эры, знаменующейся подчинением Новгорода великокняжеской воле.

Повод для разъяснения своей позиции у Новгорода нашелся. В Москву отправился на поставление в архиепископы Иона. С Ионой в столице побывало представительное новгородское посольство во главе с посадником Федором Яковлевичем и тысяцким Василием Казимиром[88]. Переговоры завершились успешно. 1 февраля Иона поставлен был на архиепископство, и его «с честию» отпустили восвояси. 6 марта он прибыл в Новгород. В августе того же года князь Юрий Семенович «восхоте поехати в свою землю». Новгородцы его отпустили, «честь ему въздаша добре и одариша его»[89]. Был ли этот отпуск продиктован требованием Москвы или какими-либо соображениями самого князя Юрия, сказать трудно.

Правительство Василия II принимало меры с целью подорвать могущество Новгорода. Важнейшей из них было приведение к покорности Вятки, потенциального новгородского союзника.

Весной 1458 г. на Вятку была направлена рать во главе с испытанным воеводой, решительным сторонником Василия Темного князем Семеном Ивановичем Ряполовским. Ряполовские давно уже были связаны с Вяткой. Так, в послании митрополита Ионы около 1452 г. вспоминалось, что вятчане целовали крест у князя Д.И. Ряполовского[90]. На этот раз поход был неудачным. Согласно приглаженной московской версии, рать вернулась, «ничто же успев»[91]. В Ермолинской летописи рассказывается, что посланы были в поход князья Ряполовские и Григорий Михайлович Перхушков. Они даже не дошли до Вятки, ибо вятчанам «норовил... Перхушков, и то дал Бог, что сами поздорову пришли». На следующий год, допытавшись, что Перхушков «вятчаном норовил», Василий II велел «его изымати, и вести в Муром, и посадити в железа»[92].

В 1459 г. на Вятку отправляется в новый поход молодой воевода князь Иван Юрьевич Патрикеев. На этот раз экспедиция была подготовлена лучше. С князем Иваном Василий II отпустил «двор... свои весь». Патрикееву удалось взять вятские городки Орлов и Котельнич, но под Хлыновом, главным городом Вятской земли, он задержался, «бьяся на всяк день». «Видяще себе побеждаемы всегда», вятчане в конечном счете капитулировали (били челом Василию II «на всеи его воли»)[93]. По московской версии, вместе с князем И.Ю. Патрикеевым на Вятку посылались также Иван Иванович Кошкин и князь Д.И. Ряполовский «со многою силою»[94].

Как и в случае с Новгородом, подчинение Вятки было временным. Окончательное присоединение ее к Москве относится уже ко времени Ивана III.

В том же 1459 г. на Русь, «похваляся» победить русских, напали татары Орды Сеид-Ахмеда. Навстречу им «к берегу» отправились войска во главе с наследником престола княжичем Иваном (по словам летописца, «со многими силами»). Переправы ордынцев за Оку не допустили, «отбися от них, они же побегоша». В честь этой победы митрополит соорудил к алтарю Успенского собора каменный придел Похвалы Богородицы[95].

На следующий год Василий II попытался урегулировать свои отношения с Новгородом и Псковом. 20 января 1460 г. он прибыл в Новгород «о всех управах». Московские летописцы подчеркивают, что великий князь ходил в Новгород «с миром», хотя новгородские осторожно записали, что новгородцы тогда «на стороже жили»[96]. Василия Васильевича сопровождали сыновья Юрий и Андрей Большой. Наследник остался, видимо, в Москве на случай всевозможных неожиданностей (все-таки новгородцы были крамольниками, что бы они ни говорили).

Сразу же после прибытия великого князя в Новгород псковичи поспешили туда направить своих послов с небольшим (50 руб.) даром. Они жаловались на обиды ливонских немцев и просили оставить им для обороны Псковской земли в качестве князя-служебника А.В. Чарторыйского. Василий II обещал «боронить» Псков «от поганых», но князя Александра соглашался оставить им только в том случае, если тот «поцелует животворящий крест» в верности ему и его детям

(«что ему зла на мене и на моих детеи не мыслити»). Василий Васильевич не забыл союза Чарторыйского с Шемякой. На предложение великого князя Александр Васильевич ответил решительным отказом, заявив: «Не слуга-де яз великому князю и не буди целование ваше на мне и мое на вас; коли не учнуть псковичи соколом вороны имать, ино тогда-де и мене, Черторизкаго, воспомянете». Попрощавшись с псковичами, князь со своим двором (300 воинов «кованой рати», не считая кошевых) 10 февраля 1460 г. отъехал в Литву.

Вслед за отъездом Чарторыйского Василий II послал в Псков своего сына Юрия. Он прибыл туда 24 февраля и был торжественно встречен псковичами. Князю Юрию при этом вручили Довмонтов меч – символ власти над Псковом. 23 марта состоялась церемония поставления Юрия на псковское княжение. Юрий Васильевич целовал крест «по всеи пъсковъскои пошлине (старине. – *А.З.*)». В Пскове он принял посольство от ливонцев и заключил с Орденом перемирие. 18 марта Юрий Васильевич с подарками покинул Псков. Наместником там оставлен был князь И.В. Стрига Оболенский[97].

Поездка в Новгород прошла благополучно. Василий II всячески изъявлял свою любовь к городу, низким поклоном кланялся новгородским святыням[98]. Уезжая, он «поклонивъся у всех седми соборов, а Новугороду, отчине своей, мужемъ волным такоже поклонивъся»[99]. Очевидно, тогда же договорились и об уплате «черного бора».

Во время поездки произошел эпизод, показавший, что за внешней умиротворенностью кипели страсти. Ф.В. Басенок (один из полководцев, взявших и ограбивших в 1456 г. Русу), напившись у новгородского посадника, отправился ночью на Городище (где остановился, очевидно, Василий II со своей свитой). По пути на него напали «шилники» (плуты), убили его слугу, а сам Федор Васильевич «едва утече на Городище с товарыщи». Услышав «голку» (переполох), новгородцы «возмятошася и приидоша всем Новым городом на великого князя к Городищу: чаяли, что князя великого сын пришел ратью на них, и едва утолишася». До кровопролития дело не дошло[100]. Новгородцы были перепуганы суматохой и боялись, что она вызвана была подходом к Новгороду новых московских сил во

главе с наследником престола Иваном. Однако все окончилось благополучно.

В позднейшей версии Софийской II и Львовской летописей в духе изобличения «изменников-новгородцев» рассказывается, что они «удариша в вечье и събрашася к святей Софеи; свечашася все великого князя убити и сь его детьми». Это их намерение якобы предотвратил архиепископ Иона, сказав: «...большую язву Новугороду доспеете: сын бо его большей князь Иван се послышит ваше злотворение, а се часа того, рать испросивши у царя, и поидет на вы, и вывоюеть землю вашу всю»[101]. Нам представляется этот рассказ досужим вымыслом. Да и вряд ли бы Василий II, узнав о заговоре против своей особы (дело-то происходило на вече), так благолепно расстался с новгородцами и не предпринял против них карательных санкций.

Во время поездки в Новгород произошло «чудесное воскресение» постельничего Григория Тумгана у гробницы Варлаама Хутынского. В связи с этим событием по возвращении великого князя в Москву построен был храм Иоанна Предтечи у Боровицких ворот с приделом Варлаама Хутынского[102].

20 февраля 1460 г. Василий II покинул Новгород[103]. Во исполнение договоренности зимой 1461 г. (в феврале – марте) новгородцы собрали с жителей всей Новгородской земли «черный бор» великому князю[104].

И все же Новгород не давал покоя Василию II. 7 января 1462 г. он послал туда боярина Ф.М. Челядню, Ф.А. Белеутова и специалиста по новгородским делам дьяка Степана Бородатого. О чем велись там переговоры, не известно. 22 января они покинули Новгород[105]. Накануне смерти (март того же года) Василий II гневался на новгородцев за то, что они не прислали в Москву для переговоров архиепископа Иону[106].

Походы войной и «миром» 1456–1460 гг. на Новгород были предвестниками окончательного падения новгородской вольности. Попытки новгородского боярства сохранить независимость от Москвы, тесные связи с врагами московского великого князя, в первую очередь с Дмитрием Шемякой и его окружением, контакты с Великим княжеством Литовским, где обосновалось ядро княжеской эмиграции, – все это диктовало, по

мнению правительства Василия II, необходимость скорейшего решения новгородской проблемы. Прошло немного времени, и в 1471–1478 гг. Новгород окончательно был включен в состав Московского великого княжества.

В августе 1460 г. (в Успеньев пост) ордынцы совершили новое нападение на рязанские украины. На этот раз царь Ахмат Кичиахматович из Большой Орды пришел под Переяславль-Рязанский («на Ряськое поле»), а мурзы Тенсуфуй и Темир появились под Рязанью[107]. Царь Ахмат стоял под городом шесть дней, но, «ничтоже успев граду тому», вынужден был отойти. Горожане сражались отважно и «много у него татар побили». Войска наследника престола Ивана Васильевича заняли оборону «на берегу» (Оки). В своей неудаче Ахмат винил мурзу Казат-Улана, который был инициатором этого похода. Ведь он привел царя на Рязань, «не чающе от Руси ничего съпротивления»[108]. С Ахматом еще придется столкнуться Ивану III в 1480 г., во время «стояния на Угре».

На следующий год Василий II «заратил... со царем Казанским». В чем была причина этого московско-казанского конфликта, летописи не сообщают. Известно только, что великий князь выступил было в поход и дошел до Владимира. Но сюда пришли казанцы и «взяша мир» с ним[109]. Развязывать казанский узел будет также Иван III в 80-е годы XV в.

В начале 1461 г. сошли со сцены еще два видных деятеля, сыгравших значительную роль в организации победы Василия II. Круг старых сподвижников великого князя сужался. 10 февраля умер тверской великий князь Борис Александрович. На престол вступил его сын Михаил[110]. 31 марта скончался митрополит Иона[111]. На его место 3 мая поставлен был ростовский архиепископ Феодосий Бывальцев[112]. На избрании присутствовали суздальский епископ Филипп, рязанский Ефросин, коломенский Геронтий, сарский Вассиан. Пермского епископа не было (после смерти Питирима кафедра оставалась вакантной). Новгородский архиепископ Иона и тверской епископ, как обычно, ограничились присылкой грамот, в которых заранее соглашались с результатами предстоящего избрания («кого восхощет господь Бог... и господин наш князь великии Василеи, и братиа наша епископи

Рустии, и иже с ними освященыи собор, то и нам митрополит»)[113].

Зимой 1461/62 г. в Москву прибыл из Литвы Владимир Давыдов, сын боярский серпуховских князей. Он привез с собой копию с договора, который заключили между собой можайский князь Иван Андреевич и сын опального серпуховского князя Василия Ярославича Иван[114].

Князья-эмигранты, рассчитывая на возможность победы над Василием II, заключили между собой соглашение об условиях союза между ними. Князья обязывались совместно бороться за их отчины («заодин доставати... своеи отчины и дедины»). Они обещали не заключать сепаратного мира с Василием II. Иван Андреевич обязывался не вступаться в вотчину Василия Ярославича (Бежецкий Верх, Суходол), что ему дал Василий II, а также пожаловать Ивану Васильевичу Дмитров и Суздаль. В случае смерти Василия Ярославича его вотчина должна была перейти сыну, т.е. князю Ивану. Князь Иван Васильевич признавал Ивана Андреевича «братом старейшим». Если в походе князья «достанут» городов, волостей и казны, треть из них должна была поступить Ивану Васильевичу. Если в намеченный срок Иван Андреевич не выступит в совместный поход князей, то договор считается нарушенным и Иван Васильевич слагает с себя крестное целование.

Весной 1462 г. (на «Федоровой неделе», т.е. 1–7 марта) Василий II получил известие, что «дети болярьские и иные дворяне» Василия Ярославича «хитростью коею хотеша» освободить («выняти») серпуховского князя с Углича «ис поиманиа». Подобный заговор был несколько лет тому назад, но тогда хотели освободить из «поимания» на Угличе Василия II, а во главе заговора стоял Василий Ярославич. Он окончился успехом. Теперь времена переменились. Василий II все хорошо помнил, но на этот раз он хотел, чтобы все знали – прошлое не повторится. Во главе заговора находились Владимир Давыдов, а также Парфен Бреин и Лука Евсевьев. Их и «иных многих» великий князь велел «казнити, бити и мучити, и конми волочити по всему граду и по всем торгом, а последи повеле им главы отсещи». Казни произвели на москвичей тяжелое впечатление и сами по себе, и потому, что они произведены были в Великий пост: «Множество

же народа, видяще сиа, от боляр, и от купець великих, и от священников, и от простых людеи, во мнозе быша ужасе и удивлении, и жалостно зрение, яко всех убо очеса бяху слез исполнени, яко николиже таковая не слышаша, ниже видеша... в русских князех бываемо, понеже бо и недостоино... кровь проливати во святыи Великии пост»[115].

Так страшными казнями завершилось время княжения Василия II. Они были предвестниками того, что принесет с собой образование единого государства тем, кто не хотел мириться с этим фактом или вызывал чем-либо другим неудовольствие державного правителя.

Возможно, отдавая распоряжение о казнях, Василий II был уже болен. Во всяком случае, 27 марта он скончался от «сухотной болезни»[116].

Смерть есть смерть. И вот один из летописцев записал: «Бысть тогда в граде Москве и рыдание велико зело, плакахужеся князи и вельможи, старии и унии, богатии и убозии»[117].

Незадолго до смерти Василий II составил завещание, в котором содержались распоряжения о судьбах государства[118].

Великим княжением, как бесспорно принадлежащим ему самому и его наследнику, Василий Васильевич благословил старшего сына, Ивана. Ему были завещаны также треть в Москве, Владимир, Переславль, Кострома, Галич с Солью Галичской, Устюг, Вятская земля, Суздаль, Нижний Новгород, Муром, Великая Соль, Юрьев Польский, Боровск, Суходол, Калуга с Алексином. В списке этих городов четко прослеживаются итоги борьбы за единовластие в Северо-Восточной Руси 20–50-х годов XV в. Великий князь отныне становился господином не только земель, «по старине» принадлежавших его семье, владельцем «примыслов», добытых в упорной борьбе его отцом, но и самого великого княжения с городами, относившимися к «короне». Ему переходили столицы бывших уделов Юрия Дмитриевича и Дмитрия Шемяки, удельная столица Василия Ярославича, часть земель Ивана Андреевича, а также Нижегородско-Суздальское княжество.

Второй сын Василия II, Юрий, получал, как и старший брат, треть в Москве (Василия Ярославича), но уже не единолично, а в совместное владение («по половинам») с братом Андреем Большим, а также «год»

в столице, принадлежавший когда-то князю Константину Дмитриевичу. Столицей удела князя Юрия Васильевича становился Дмитров, когда-то принадлежавший князю Петру Дмитриевичу, а затем бывший объектом борьбы великого князя с его братом Юрием Дмитриевичем и его детьми. Владениями князя Юрия Васильевича становились бывшая столица князя Ивана Андреевича (Можайск) и примерно половина земель князя Василия Ярославича (Серпухов и Хотунь).

Князь Андрей Большой Васильевич кроме трети в Москве (по «половинам» с братом Юрием) получал Углич с Устюжной (когда-то владения князя Петра Дмитриевича), Бежецкий Верх и Звенигород, т.е. в основном земли, входившие в удел князя Юрия Дмитриевича и его сыновей (но без Галича и Вятки).

Борис Васильевич кроме «года» в Москве (князя Ивана Андреевича) становился владельцем Волока, Ржевы и Рузы. Волок продолжал номинально числиться совместной новгородско-московской волостью. Руза некогда была владением князя Юрия Дмитриевича с сыновьями, а за Ржеву шла упорная борьба с Тверью, Литвой и Дмитрием Шемякой.

Младшего из сыновей, Андрея Меньшого, Василий II наделял «годом» в Москве, ранее принадлежавшим князю Петру Дмитриевичу, а также Вологдой с Кубеной и Заозерьем. Вологда, как и Волок, номинально считалась новгородско-московской волостью, а Заозерье «поимано» было Василием II у союзных Дмитрию Шемяке заозерских (ярославских) князей.

Наконец, жена великого князя Мария Ярославна по традиции «до живота» становилась владетельницей Ростова (там сохраняли часть прав и ростовские князья), а также Романова (ее «примысел», добытый у ярославских князей).

Отражая решительную победу Василия II над его политическими противниками, распределение земель по завещанию великого князя наглядно свидетельствует об усилении процесса утверждения единовластия на Руси. В завещании закладываются прочные основы, которые должны обеспечить решительное преобладание великого князя над его удельными братьями. Дмитрий Донской в своем завещании 1389 г. каждого из своих четырех сыновей «благословил» одним городом, да в виде компенсации за территорию «короны» (великого княжения), переходившую фактически наследнику, три

сына Дмитрия получали «примыслы» – «купли» Ивана Калиты[119].

В 1461/62 г. картина была совершенно иной. Единства рода «гнезда Калиты» уже не существовало. Василий II утверждал всевластие своего старшего сына. Он получал (не считая трети Москвы) 16 городов, тогда как остальные его братья всего 12[120]. Ивану III доставались наиболее крупные города. Территориальная структура новых уделов резко отличалась от прежней. Они создавались за счет земель, входивших в старые уделы, но не в виде прямого наследования удельных земель, а как владения великого князя. Столицы прежних уделов теперь преимущественно входили в состав великокняжеских земель, а состав территорий новых уделов формировался из владений, некогда принадлежавших разным родичам Василия II.

Назначение Казимира IV («брата» великого князя) опекуном детей Василия Васильевича свидетельствовало о нормализации русско-литовских отношений в 1461/62 г. Напоминало оно и подобное же распоряжение Василия I, сделавшего опекуном своего тестя Витовта. Однако существенного значения эти распоряжения не имели.

Итак, великий князь умер. Подведен был, казалось, итог под длительной борьбой за единодержавие на Руси. Противники и союзники или «в бозе почили» (Юрий Дмитриевич), или были уничтожены (Василий Косой и Дмитрий Шемяка), или находились в заточении (Василий Ярославич), или бежали за рубеж (Иван Андреевич Можайский, Иван Дмитриевич Шемякин, Иван Васильевич Серпуховской). Из всего «гнезда Калиты» остался доживать дни в своем уделе только тишайший Михаил Андреевич. И вот... все вроде бы началось сызнова – умирая, Василий II оставлял после себя целую систему новых уделов. Но на смену «гнезду Калиты» пришла семья Василия Васильевича. Степень зависимости новых удельных князей от великого, несмотря на силу традиции, была уже большей.

Сам Василий Васильевич был личностью маловыразительной. В вооруженных столкновениях со своими противниками в первые десятилетия он терпел поражение за поражением. Только после февраля 1446 г., когда Василия II ослепили, его полководцы сами смогли справиться с врагами московского великого князя.

Может быть, именно в том, что Василий Васильевич не выделялся какими-либо талантами, и скрывается разгадка его успеха. Вернее будет сказать – успеха тех, кто стоял за его спиной. Княжата, бояре, полководцы предпочитали иметь дело с ним, а не с мятущимся и, наверно, деспотичным Дмитрием Шемякой, хотя тот был, безусловно, более яркой личностью. Укрепившая свои позиции знать поплатится за своеволие при Василии II позднее – в годы правления его сына.

То, что было сделано за время правления Василия II, было только началом. Концы этого падают на время правления Ивана III. Процесс растянулся еще на 20 с лишком лет.

Сначала молодой великий князь ограничился заключением системы междукняжеских договоров. Подписано было докончание с новым тверским великим князем Михаилом Борисовичем (27 марта 1462 – 13 сентября 1464 г.). Тверской князь «по старине» признавался «братом» московского и обязывался не посягать на великое княжение Ивана III[121]. Примерно в то же время по другому договору Иван Васильевич санкционировал князю Михаилу Андреевичу владение Белоозером, Вереей и Вышгородом[122], полученным белозерским князем по докончанию, составленному в 1450 г. Князь Михаил Андреевич признавался в духе предшествовавшего княжения Василия II «братом молодшим» Ивана III. Он считался теперь «молодшим братом» и его братьев Юрия и Андрея Большого, но «старейшим» всей остальной братии великого князя. Отобран был у князя Михаила Ярославец, который завещал в свое время ему его отец. Позднее (по докончанию 11 ноября 1464 – 12 сентября 1472 г.) у князя Михаила отобран был и Вышгород[123]. Князь теперь считался «братом молодшим» как самого Ивана III и его брата Юрия, так и всех остальных его братьев[124].

В 1464 г. из Москвы в Рязань отправлен был подросший князь Василий Иванович. Предварительно его женили (в январе) на сестре Ивана III. Тем самым Рязань прочно вошла в орбиту московского влияния[125].

По наблюдениям Л.В. Черепнина, Ярославское княжество было окончательно присоединено к Москве не в 1463 г., как считалось раньше[126], а лишь после смерти князя Александра Федоровича, в 1471 г.; до

этого там оставался режим своеобразного двоевластия – князя и московского наместника[127]. 12 сентября 1472 г. умер брат Ивана III Юрий Васильевич, и его удел унаследовал великий князь[128].

Ростовские князья, Владимир Андреевич с братьею, в 1474 г. продали свою половину Ростова Ивану III, а тот передал ее своей матери «до живота»[129].

Но главными событиями первого периода правления Ивана III были присоединение к Москве Великого Новгорода в 1471–1478 гг. и падение ордынского ига в 1480 г.

Итак, к концу 70-х годов XV в. из числа самостоятельных княжеств, существовавших во второй четверти XV в., оставались только Тверь, Рязань, а также Белозерско-Верейское княжество да Псковская республика и Вятская земля.

В 80-е годы завершение ликвидации самостоятельности этих княжеств продолжалось. После смерти Андрея Меньшого Васильевича (1481 г.) его вологодский удел перешел к великому князю[130]. Когда умер Василий Иванович Рязанский, его сын Иван поспешил 9 июня 1483 г. признать себя «молодшим братом» не только Ивана III, но и его сына и братьев[131].

После стояния на Угре (1480 г.) Иван III пожаловал Михаила Андреевича Ярославцем, но составил с ним и его сыном Василием докончание (4 апреля 1482 г.), согласно которому после смерти князя Михаила Белоозеро должно было перейти к великому князю[132]. В 1483 г. в Литву бежал сын Михаила Андреевича Василий, владевший к тому времени Вереей. По докончанию с Михаилом Андреевичем от 12 декабря 1483 г. князь Михаил сохранял за собой Верею, но только до смерти[133]. По завещанию князя Михаила Андреевича (лето 1485 г.) весь его удел (Белоозеро, Ярославец и Верея) должен был после смерти князя перейти к Ивану III[134]. В 1486 г. князь Михаил умер.

В 1485 г. к Москве была присоединена Тверь, в 1487 г. взята Казань и установлен над ней протекторат, а в 1489 г. произошло «останочное» взятие Вятки.

Практически к 1485 г. объединение земель Северо-Восточной Руси вокруг Москвы приближалось к концу. Видимость независимости сохраняли только покорные

Москве Рязань и Псков. Падение остатков их самостоятельности было предрешено.

Строительство единого Русского государства отразилось на изменении титулатуры великого князя. Еще в 1425 г. великий князь был «владимирским», которому подчинялся и Новгород («будет князь великии Владимерьскыи, Новугороду Великому и всеа Русии»)[135]. В докончании от 31 августа 1449 г. с Казимиром IV появляется уже более пространный титул: «московъскии, и новгородскии, и ростовъскии, и пермъскии, и иных»[136]. Но княжеств, присоединенных к Москве, становилось все больше и больше, и титул не успевал их поглощать. После падения ордынского ига упоминание о Великом княжестве Владимирском становилось как бы одиозным, ибо напоминало о тех временах, когда ярлык на Великое княжество Владимирское выдавался в Орде. В 1485 г. присоединено было Великое княжество Тверское. Накануне этого под влиянием титула московских митрополитов и московский великий князь начинает называться «великим князем всея Руси». Это было итогом объединения Руси и программой на будущее.

Витязь выбирает путь

Задумчивая фигура витязя на распутье, который не знает, какую судьбу себе избрать, удивительно точно передает состояние Руси накануне «великой замятни» второй четверти XV в. Это уже потом панегиристы разных родов внушили читателям, что все было ясно и предопределено. «Москве самим Богом было предназначено стать «третьим Римом»», – говорили одни. «Москва стала основой собирания Руси в силу целого ряда объективных, благоприятных для нее причин», – поучающе разъясняли другие.

О первых – что и говорить! Хочешь верь, хочешь нет. А вот о вторых – стоит. При ближайшем рассмотрении все их доводы оказываются презумпциями, частично заимствованными из общих исторических теорий, выработанных на совсем ином (как правило, западноевропейском) материале. Главная из них заключается в том, что создание прочного политического объединения земель должно было произойти вследствие определенных экономических предпосылок – например в результате роста торговых связей. Указывалось еще на благоприятное географическое положение Москвы[1], и, наконец, отмечалась роль московских князей в общенациональной борьбе с татарами. Эти два объяснения не соответствуют действительности. Никаких «удобных» путей[2] в районе Москвы не существовало. Маленькая речушка Москва была всего-навсего внучкой-золушкой мощной Волги. Поэтому города по Волге

(Галич, Ярославль, Кострома, Нижний) имели гораздо более удобное географическое (и торговое) положение.

М.К. Любавский писал, что древнейшее Московское княжество сложилось на территории, обладавшей «сравнительно скудными природными ресурсами. Здесь относительно мало было хлебородной земли – преимущественно на правой стороне р. Москвы; не было таких больших промысловых статей, какие были в других княжествах, – соляных источников, рыбных рек и озер, бортных угодий и т.д.». Транзитная торговля (о роли которой писал В.О. Ключевский) едва ли могла захватить широкие массы местного населения, тем более что начала и концы путей, по которым она велась, не находились в руках московских князей[3]. Москва, писал П.П. Смирнов, «как торговый пункт не обладала преимуществами в сравнении с такими городами, как Нижний Новгород или Тверь»[4].

Не был Московский край и средоточием каких-либо промыслов.

Важнейшими центрами солеваренной промышленности были Соль Галичская, Вологда, Нерехта; меньше – Переславль, Ростов, Северная Двина и Руса[5].

Крупнейшим центром соледобычи в это время была Соль Галичская. Там находились варницы посадских солеваров, московских и галицких бояр (в их числе фаворита («любовника») галицкого князя Юрия Дмитриевича Семена Федоровича Морозова)[6]. В 30–40-е годы XV в. Троицкий монастырь владел там тремя варницами, а Симонов – двумя[7].

Начало солепромышленной деятельности крупных монастырей падает на первую половину XV в., когда и начался подъем солеварения вообще[8]. В 30-х годах помимо Подола добывали соль и в других местах Соли Галичской. Существовало там уже три колодезя – Верхний, Великий и Средний[9].

Значительным центром соледобычи была Нерехта с ее Большой и Малой Солью на реке Солонице (левом притоке Волги), впадающей в Волгу неподалеку от устья Шексны. Среди владельцев варниц были бояре З.И. Кошкин[10], Р.А. Остеев, митрополия[11], Троицкий монастырь (три варницы)[12].

В Соли Переславской у Троицы было уже в 20-х годах XV в. четыре варницы[13]. Великому князю (до 1481 г.) шло с варницы по рублю и по 10 пудов соли

с вари[14]. О Соли у Городца упоминается только в завещании князя Владимира Андреевича (около 1408 г.)[15]. Варницей в Ростове у озера Неро владел Симонов монастырь[16]. Солевары, которые работали на великого князя, занимались и продажей соли[17]. Варили соль и в Стародубе, у князя Константина Федоровича в вотчине[18].

Основным районом развития бортничества были Среднее Поволжье, районы Оки, Мурома, Рязани[19]. Бортники упоминаются в грамоте около 1432–1445 гг.[20] Мед входил в состав оброка.

Ну а Москва? В районах, прилегающих непосредственно к ней, не было никаких богатств – ни ископаемых, ни соляных колодезей, ни дремучих лесов. «В результате хищнического истребления лесов, – писал С.Б. Веселовский, – строевой лес в Подмосковье, главным образом сосна и ель, уже в первой половине XVI в. стал редкостью»[21]. Уже в 70-х годах XV в. появляются заповедные грамоты, запрещающие самовольную порубку леса[22].

Дорогостоящий пушной зверь был выбит. Только на юго-востоке Подмосковья сохранилась менее ценная белка[23]. В первой четверти XV в. в последний раз в Подмосковье упоминаются бобры (на реке Воре)[24]. Поэтому зоркий наблюдатель начала XVI в. Сигизмунд Герберштейн писал, что «в Московской области нет... зверей (за исключением, однако, зайцев)»[25].

Наиболее значительные места ловли рыбы располагались по крупным рекам, особенно по Волге, Шексне, Мологе, Двине, а также на озерах – Белоозере, Переславском, Ростовском, Галицком и др.

Разве только бортные угодья получили распространение и в Московском крае. Но мед, собиравшийся здесь, шел не на вывоз, а на изготовление напитков. Пили на Москве всегда много. В 1433 г. москвичи умудрились пропить великое княжение[26], а в 1445 г. – и самого великого князя, попавшего с перепою в татарский полон[27].

Воевать без вооружения нельзя. Меч, кольчуга, щит, шелом, копье и сабля – это прежде всего железо. В Северо-Восточной Руси было три более или менее значительных места, богатых запасами болотной руды. Это – Серпухов, Белоозеро и Устюжна Железопольская[28]. Спасибо, что белозерский князь Михаил Андреевич и серпуховской князь Василий Ярославич

принадлежали к числу союзников Василия II, а то бы великому князю пришлось совсем туго. Ведь запасов железной руды в пределах самого Московского княжества не было.

П.П. Смирнов полагал, что основу подъема экономики в Московском княжестве составлял переход к трехполью при употреблении сохи-косули. Начало вытеснения подсечной системы земледелия паровой (с трехпольным оборотом) он относил к первой половине XIV в. «Лемех, или соха-косуля, да навоз на крестьянском поле» сделали, по его мнению, Калиту «самым богатым князем в Русской земле»[29]. Однако никакой сохи-косули в изучаемое время не было. С рубежа XIII–XIV вв. основным орудием на Руси становится двузубая соха с полицей и без нее[30].

О широком распространении трехполья даже к середине XV в. говорить не приходится. «Ярь», свидетельствующую о наличии трехполья, встречаем в актах Бежецкого (1392–1427 гг.)[31], Дмитровского (1428–1432 гг.)[32], Переславского[33] уездов, в каких-то актах из числа московских, коломенских, костромских, вологодских, владимирских и юрьевских (около 1449–1452 гг.)[34], суздальских (до марта 1459 г.)[35] и московских (до июля 1460 г.)[36]. Возможно, третье поле было в деревне Галицкого уезда около 1425–1430 гг.[37] Из приведенных отрывочных сведений нельзя сделать вывода о преимущественном развитии трехполья в Московском княжестве. Основной формой земледелия продолжала оставаться подсека.

Происходила расчистка новых земель, следы которой обнаруживаются в Московском уезде[38], Дмитрове[39], Переславле[40], Бежецком Верхе[41], Ростове[42], Угличе[43], Соли Галичской[44], Вологде[45], Рузе[46].

Образную картину состояния земледелия на Руси нарисовал Матвей Меховский. Жители «пашут, и бороздят землю деревом без применения железа, и боронят, таща лошадьми по посеву древесные ветви. Из-за сильных и долгих морозов там редко вызревают нивы, и поэтому, сжав и скосив урожай, они в избах досушивают его, выдерживают до зрелости и молотят»[47].

С.Б. Веселовский тонко подметил, что все эти Минины, Бутурлины и прочие дети боярские «не вели в своих владениях никакого земледельческого хозяйства: вся их деятельность выражалась в эксплуатации

природных богатств самыми примитивными способами – в бортном пчеловодстве, ловле рыбы и охоте на зверя и птицу»[48].

Историки охотно говорят о Москве как этнографическом центре Великороссии или как центре сложения русской народности[49]. Но этногенетический процесс вряд ли плодотворно локализовать в одном городе с округой. Он происходил на всей территории Северо-Восточной Руси, и роль в этом процессе, скажем, Твери, Галича, Новгорода была равно значительной.

Москва не была и тем единственным райским уголком для тех, кто желал скрыться от ордынских набегов, приводивших к запустению целых районов страны (таких, как Рязань). Место было небезопасное: татары не раз подходили к Москве, Владимиру, Коломне и запросто «перелезали» через Оку. Гораздо спокойнее чувствовали себя жители более западных (Тверь) или северных (Новгород) земель.

Не стала Москва и средоточием сил национального сопротивления татарам, несмотря на гром Куликовской победы. И.Д. Всеволожский, выклянчивая в Орде ярлык на великое княжение Василию II, которого он собирался сделать своим зятем, доказывал, что его подопечный обязан своей властью только воле ордынского царя и распоряжению своего отца, Василия I. Князь же Юрий искал великого княжения «духовною отца своего»[50]. Этим отцом был Дмитрий Донской, с именем которого связывали победу над татарами. Борьба за наследие Дмитрия Донского, которую вели галицкие князья, была вместе с тем борьбой против татарских поработителей. Образ Георгия Победоносца особенно почитался на Севере Руси – в Новгороде, на Двине и в Вятке[51]. Ему посвящались церкви. Воспевался он в духовных стихах[52]. Этот культ как бы связывал воедино образ победителя змия (под которым разумели татар) и образ блистательного князя Юрия Дмитриевича, основателя могущества галицких князей, истинного наследника Дмитрия Донского. Знамя борьбы с татарскими насильниками прочно держал в своих руках и его сын князь Дмитрий Юрьевич Шемяка.

А вот Василий II стал после суздальского позора 1445 г. верным вассалом Улу-Мухаммеда, навел татар на Русь и платил ордынскому царю и наемникам-татарам колоссальные «выходы» и поборы. Василий II не только сделал татарские отряды составной частью

русского войска, но и допустил создание мощного Казанского царства на государственных рубежах (около 1445 г.). Несколькими годами позже он передал Городец (на Волге) Касыму и создал вассальное Касимовское царство, не только беспокоившее ордынцев, но и стоившее дорого для подданных самого великого князя.

Верные своей политике («разделяй и властвуй»), татары поддержали Василия II тогда, когда поняли, какую опасность для них представляет Дмитрий Шемяка. Они всегда готовы были поддержать слабейшего против сильнейшего. Впрочем, такой же политики придерживались Тверь и Новгород, думавшие только о своекорыстных интересах. Панегирист великого князя тверского Фома писал: Борис, «власть приимше тферскаго чиноначальства, гордыя с власти сверже, а смиренныя на престоле с собою посади»[53]. Вот и посадил на московский престол мудрейший князь Борис слепого и гонимого Василия Темного. Прошло 40 лет, и смышленый сынок Василия Васильевича изгнал из Твери ее правителя – сына князя Бориса, брата своей собственной супруги.

Кончилось время тверского ренессанса. «Москва, отнявшая у Твери политическую самостоятельность, – писал А.А. Шахматов, – уничтожила и те слабые ростки духовной жизни, которые при благоприятных условиях отразили бы здоровый рост и естественное развитие оригинальной письменности, складывавшейся на берегах реки Тьмаки»[54].

Тверь и Новгород в период смуты второй четверти XV в., блюдя собственные интересы, твердо придерживались позиции Понтия Пилата. В борьбе за Москву различных политических сил «новогородци не въступишася ни по одином». При этом новгородский летописец с горечью заметил, что русские князья «землю Русскую остаток истратиша, межи собою бранячися»[55]. Отмечая, что новопоставленный митрополит Герасим не поехал «на Москву» осенью 1443 г., псковский летописец объяснял это тем, что «князи руския воюются и секутся о княжении великом на Руской земли»[56]. Но никто не властен над своей судьбой. Не прошло и полутора лет, как того же Герасима за измену сожгли на костре в Смоленске.

Позиция Новгорода, Твери и даже Пскова давала им возможность до поры до времени избегать тягот, ко-

торые несли другие русские земли. Расплата за это наступит позднее. А тем временем московская удавка медленно, но неотвратимо сжимала шеи этих страусов. Когда говорят пушки, музы умолкают. В годы смуты московские музы скорбно молчали. Предвозрожденческий взлет конца XIV – начала XV в., запечатленный в творениях Андрея Рублева и Феофана Грека, Пахомия Логофета и Епифания Премудрого, сменился холодным безмолвием. За Андреем Рублевым последует Дионисий только в конце XV в., когда снова воспрянет и московская культура. Да и каменное строительство в Москве почти прекратилось. Только столетие спустя после постройки белокаменных кремлевских стен Дмитрием Донским Иван III начал возводить новый Кремль. «Столетняя бедность города, – писал И.Е. Забелин, – явственнее всего выразилась в незначительности и малом количестве каменных построек»[57].

А пока при дворе тверского князя курили фимиам этому покровителю искусств, «наследнику царя Константина». И из Твери отправился в свое трудное хождение за три моря, в диковинную страну Индию любознательный купец Афанасий Никитин. Именно он, а не кто-либо из осевших при московском дворе купцов-сурожан додумался до гуманнейшей из мыслей, что «правую веру Бог ведаеть, а праваа вера Бога единого знати, имя его призывати». С тоской и надеждой Никитин писал на причудливом языке восточных базаров, зашифровывая тем самым написанное: «А Русскую землю Бог да сохранит!.. На этом свете нет страны, подобной ей. Но почему князья земли Русской не живут друг с другом как братья! Пусть устроится Русская земля, а то мало в ней справедливости»[58].

Даже «соколы» и «кречеты» и те были тогда не московскими, а белозерскими, ибо «Задонщина» неведомыми путями («неуготованными дорогами») из Рязани залетела в далекое Белоозеро, а не в царственную Москву. Это уже потом, при сыне Василия Темного Иване III, в Москву свезены были умельцы-ремесленники, вольнодумцы-«еретики» и архитектоны со всей земли Русской (как полоняники-ремесленники заполонили Сарай). Именно они-то и создавали шедевры русской культуры в конце XV в. Победитель торжествовал: супостаты были уничтожены, а их достояние – естественный трофей победителя.

Время произвола и насилия, «время замятное»[59], или «булгачное»[60], губило и те ростки нового права, которые создавались в покоях умудренных жизненным опытом митрополитов Киприана и Фотия и в избах великокняжеских администраторов. То, что после Двинской уставной наместничьей грамоты 1397 г. в Москве создали Белозерскую только в 1488 г., объяснятся не превратностями судьбы, скрывшей от нас опыты подобного рода на протяжении XV в., а суровым временем, не склонным поступаться своими страстями во имя каких-либо сдерживающих начал. Лишь в Пскове и Новгороде, где не слышно было треска копий и звона сабельных ударов, появляются опыты кодификации русского права, шедшие на смену Правде Русской.

Успех в ходе борьбы за великое княжение между Василием II и Юрием Дмитриевичем и его сыновьями на первом этапе (1425–1446 гг.) склонялся то в одну, то в другую сторону и скорее был благосклонен к галицким князьям. Но над ними довлело что-то роковое, предопределенное. Вот в 1434 г. в распахнутые ворота Москвы триумфально въезжает князь Юрий. Казалось, наступил конец кратковременной «замятне». Так нет же! Прошло всего несколько месяцев, и Юрий Дмитриевич неожиданно умирает. Власть переходит к его старшему сыну, Василию Косому. Но не проходит и месяца, как он бежит из Москвы, и именно родные братья наносят ему первый удар. В 1436 г. он терпит окончательное поражение, и устанавливается длительное замирение между его братом Дмитрием Шемякой и вернувшимся в Москву Василием II. Оно нарушается лишь на короткий срок, в 1441–1442 гг. Затем в 1445 г. в ордынский полон попадает Василий II, и великим князем наконец становится Дмитрий Шемяка. Ордынский царь склоняется к тому, чтобы выдать именно ему ярлык на великое княжение. Однако его посол Бегич так медленно возвращался в Орду, что там подумали, что он убит Шемякой, и отпустили как своего ставленника Василия II.

Последний раз фортуна улыбнулась князю Дмитрию Юрьевичу в начале 1446 г. Народ с возмущением осуждает великого князя, наведшего на Русь татар. Дмитрию Шемяке удается вместе с Борисом Александровичем Тверским и Иваном Андреевичем Можайским составить триумвират князей, захватить Москву и ослепить Василия Васильевича. Но кульминация успехов князя

Дмитрия Шемяки оказывается его пирровой победой. Тот же народ в ужасе отворачивается от совершенного злодеяния, а «глас народа – глас божий». Начинается второй этап «замятни», приведший князя Дмитрия к гибели.

На первом этапе борьба шла прежде всего за обладание Волгой и приволжскими районами. Ключом к Волге был Нижний Новгород, куда в 1425 и 1430 гг. бежал князь Юрий. Суздальско-нижегородские князья в 30–40-х годах раскололись: старшая их ветвь поддерживала Василия II (князь Александр Иванович Брюхатый был женат на его сестре), а младшая стала на сторону Дмитрия Шемяки. Но закрепиться в Нижнем галицким князьям не удалось. Одной из причин неудачи было усилившееся в этом районе к середине 40-х годов ордынское влияние. Улу-Мухаммед косо смотрел на князя Юрия как наследника Дмитрия Донского.

В 30-е годы XV в. борьба шла как бы за промежуточную полосу между землями, на которые опирался Василий II, и землями, входившими в сферу влияния Юрия Дмитриевича и его сыновей. Так, решающие битвы между князьями происходили в 1435 г. на реке Куси (на востоке Костромского края) и на реке Могзе (на севере Ростовской земли). В 1435 г. войска враждующих сторон сошлись в битве на Которосли (на Ярославщине) и под Вологдой. Наконец, в 1436 г. после сражения под Вологдой Василий Косой был разбит в Скорятине (Ростовская земля). В этих районах соотношение сил было примерно равным. Так, на Ярославщине старшие князья (Иван Васильевич, Роман Иванович, а также Александр Федорович) поддерживали Василия II, а младшая ветвь – Дмитрия Шемяку (на сестре Федора Дмитриевича Заозерского он женился в 1436 г.). Кострома склонна была поддержать любого из князей, только бы он выступил против Москвы.

Общую картину расстановки сил в конце 1446 г., когда Дмитрий Шемяка и Иван Можайский уже бежали из-под Волоколамска, нарисовал новгородский летописец: по его словам, эти князья выехали «за Волгу, в Галич, и на Кострому, и на Вологду, и стоаху противу себе о реце о Волге»[61]. Второй этап смуты ознаменован борьбой за эти заволжские районы и падением опорных центров Шемякина «царства». В начале 1447 г. пал Углич. В 1450 г. войска Василия II нанесли решающее поражение Дмитрию Шемяке под Гали-

чем, а в конце 1451 г. взяли Устюг. Народ устал от братоубийственных войн. Он жаждал мира и покоя. Любой ценой.

Если посмотреть на Русь не с «подмосковной» колокольни, а как бы с общероссийского спутника, то картина соотношения сил будет следующей. Многочисленные государственные образования представляли три тенденции, или силы, поступательного развития. Первая из них – Новгород и Тверь, которые богатели на транзитной торговле с Западом и Востоком. Как в торговле, так и в политике они балансировали между другими странами и землями.

Вторую силу составляли Север и отчасти Поволжье, точнее, Галич, Вятка, Углич и Устюг. Север во многом еще смотрел в далекое прошлое, грезил о золотых временах безвластия. В варварстве северян был один из источников их силы. Север и Поволжье этнически были не чисто русскими землями, а многонародными, имперскими. Кто знает, кого там жило больше – русских или пермяков, удмуртов или мари, чувашей или мордвы. Их язычество еще было достаточно сильно и враждебно казенному православию. Северу была присуща ценность, которой не знала Москва, – любовь к свободе. И разве кто-нибудь способен кинуть в северян камень за эту пленительную страсть?

Галичане в «сермягах» («в овчих шерьстех») [62] составляли основную силу князя Юрия. В 1450 г. почти вся галицкая «пешая рать» («мало не всю») была избита в сражении под стенами Галича – первой столицы Шемякина «царства» [63]. А уже летом того же года рать Шемяки, в «насадех» пришедшая с Двины, была с воодушевлением принята на Устюге.

Вятчане, эти полуразбойники, полуохотники, добытчики пушнины, которой торговали новгородцы с заморскими купцами, были душой побед галицких князей и на Куси в 1433 г., и в Ростовской земле в 1434 г. и успехов Василия Косого в 1435 г., а их воеводы разделили с Косым печальную участь в 1436 г., казненные по указу московских властей.

В борьбе Василия II с галицкими князьями, во всяком случае на первом этапе, т.е. до конца 1446 г., горожане Северо-Восточной Руси поддерживали князя Юрия и его детей. Это можно сказать о посадских людях не только северных городов, которые находились в сфере влияния Галича, но и Москвы, во

всяком случае о ее гостях и суконниках[64]. Нет ни одного сведения, которое говорило бы в это время о благожелательном отношении горожан (посадских людей) к Василию II[65]. Тому были вполне зримые причины. Галицкие князья кровно были заинтересованы в торговле со странами Запада и Востока, в решительной борьбе с ордынцами, грабившими русские посады и торговые караваны, налагавшими тяжелые «выходы», которые платили все те же посадские люди. В то же время военно-служилая рать Москвы также была не прочь поживиться за счет городских богатеев.

Москва была коварным магнитом для жаждавших славы и величия галицких князей. Им не под силу оказалось справиться с вековыми традициями и идеалами, в дурмане которых они проводили свою юность. Великий их дед – князь Дмитрий Иванович оставался для них все время образцом для подражания. Завещанная им цель – объединение всего «гнезда Калиты» вокруг знамени борьбы с иноземным ворогом с Востока – была священной для его потомков, а Москва – тем средоточием надежд, которым надлежало сбыться.

Но как много воды утекло со дня Куликовской битвы! Корни могущества Юрия Дмитриевича и его клана уходили в совсем иную питательную среду, чем та, что взрастила их великого предка. Уже с конца 80-х годов XIV в. Юрий, Константин, Андрей и Петр Дмитриевичи и их родичи срослись с землями, резко отличавшимися по строю их жизни от московской. Звенигород и Можайск, Углич и Галич, Устюг и Вятка к середине 20-х годов XV в. сделали большой скачок в будущее. А виднейший из лидеров этого клана князей, Юрий, по-прежнему был обуреваем навязчивой идеей «в Москву, в Москву!», хотя каждый раз при столкновении с реальной действительностью понимал ее утопичность. И все равно князь Юрий готов был поступиться всем тем, чего ему удалось достичь за десятилетия упорного труда на благо создания царства надежды, и теми, кто его строил. С необычной легкостью он, а потом и его старшие сыновья, бросает все ради Москвы. Но представления о власти и дела самовластных деспотов удельных княжеств, опиравшихся на аморфную массу солеваров, гостей, вольных крестьян, ушкуйников, оттолкнули от себя московскую знать, привыкшую к собственному самовластию при дворе безвольного правителя. Что лучше: тирания удельного самовласт-

ца или тысячи маленьких своеволий княжат, бояр и детей боярских из московского двора, за которым в далеком тумане вырисовывалась кровавая фигура Грозного-убийцы?! Кто знает!

Оторвавшись от местной среды, галицкие князья в московском служилом люде, «боярстве» встретили только чувство злобы. Неуютно было князю Юрию, Василию Косому и Дмитрию Шемяке в стольной Москве, с которой ничего не могли сделать галицкие пушки (их было так мало!). Массовое бегство ко двору Василия II в первые годы его правления и особенно к ослепленному главе удела на Вологде показало необходимость новых решений. Их уже осторожно нащупывал князь Юрий, «добровольно» покидавший Москву ради Галича. И только Дмитрий Шемяка довел до конца намеченное. Оставив Москву, он приступил к созданию самостоятельного государства на севере, в которое входили Устюг, Галич, Вятка. Может быть, в планы Шемяки входило и соединение с Великим Новгородом, причем более прочное, чем хотелось бы новгородцам. Но время было упущено. Его московский противник сумел уже создать боеспособное и послушное воинство, воеводы которого нанесли решительный удар по своему лютому ворогу.

Князь Дмитрий Юрьевич Шемяка был самым блистательным сыном той мрачной эпохи. Необыкновенная энергия, страстность в борьбе с противниками. Широкие государственные замыслы. Умение увлечь за собой трусливых и ненадежных союзников из числа княжат или новгородских бояр и отчетливое сознание, что только на Севере, в среде вольных атаманов Вятки, солеваров Галича, охотников и промысловиков, мог он рассчитывать на бескомпромиссную борьбу как с татарами, так и с московским деспотизмом. Так что же, «виват Шемяка!»? Увы, нет. Князь Дмитрий смотрел дальше, чем то полагалось по неписаным законам истории. А история никогда и ничего не прощает тем, кто пытается приподнять завесу, скрывающую тайны будущего. Гибель Шемяки была предопределена. В российских условиях он не мог не стать тираном, авантюристом. Вокруг него не заметно ни одного талантливого сподвижника – он везде решал все за всех сам. А вот вокруг этого ничтожества, темного Василия, можно найти много ярких государственных мужей и военачальников. Они вершили делами Москвы, не

подозревая, что, как только она победит, их роль подойдет к последнему акту. Конец их был предрешен. Но все-таки хоть час, да мой...

Третья сила – хлебородный Центр с его холопьей покорностью властям и благочестивостью бессловесной паствы... Его средоточию – Москве суждено было одержать победу в борьбе за единство Руси. Ключ к пониманию этого лежит в особенностях колонизационного процесса и в создании военно-служилого войска (Двора).

Уже к концу XIV в. основные территории Московского княжества (в пределах Москвы, Коломны, Дмитрова и Можайска), насколько позволял тогдашний уровень сельскохозяйственной техники, были освоены. Земли Подмосковья расхватали сподвижники Калиты, в их числе бежавшие под его покровительство выходцы из других земель. В силу крайней косности устоев жизни местной знати новые лица с величайшим трудом пробивались в состав великокняжеского боярства. Окружение великого князя росло за счет потомков все тех же бояр, которые служили его предкам в XIV в. [66] Земель вокруг Москвы не хватало. Ненасытные бояре и дети боярские, обнищавшие князья-«изгои» и пролезавшие в щели ветхого великокняжеского Дворца дьяки ждали своего времени, будучи готовы на все, с тем чтобы получить землицу, а еще лучше – варницу за участие в походах великого князя против его недругов.

Начало колонизации новых районов связано с основанием Троицкого монастыря в конце XIV в. и таких его филиалов, как Симонов и Кириллов. Под монашеской рясой скрывались нередко родичи все тех же бояр и детей боярских, не имевшие других возможностей для применения своих сил, кроме освоения еще не вырубленных лесных массивов.

Характерной чертой московского боярства была столь тесная корпоративная связь, что каждый находился в свойстве с каждым, а наиболее знатные – Патрикеевы, Протасьевичи, Всеволожские – могли похвастать и родством с великокняжеским домом.

Основой военного могущества Москвы стал Государев двор с его тремя составными частями: служилыми князьями, боярами и детьми боярскими. Роль Двора резко выросла после возвращения Василия II из ордынского полона осенью 1445 г. В Переславле его

встречали «вси князи, и бояре его, и дети боярские, и множество двора его ото всех градов»[67]. Суть перестройки старого Двора, как военно-хозяйственной организации, в ходе событий 1446 г. сводилась к выделению из него Дворца – хозяйственно-административной организации и формированию нового Двора – военно-административной корпорации служилых людей. «Оставя грады и домы»[68], служилые князья, бояре и дети боярские создали ядро войска, для которого война стала делом всей жизни.

Новый Двор фактически возглавил талантливый полководец Федор Васильевич Басенок, происходивший скорее всего из неименитой служилой среды. Все упоминания о Дворе в 1446, 1449, 1452, 1455 гг. связаны с Ф.В. Басенком, организатором решающих побед сторонников Василия II над князем Дмитрием Шемякой и его союзниками под Новгородом в 1456 г. Ермолинская летопись с восторгом пишет о нем как об «удалом воеводе»[69]. «Мужьствовал» он еще в 1443 г.[70] Время Шемякиной смуты было раздольем для «удалых воевод». «Удалый» Григорий Горсткин, новгородский боярин на великокняжеской службе, погиб в 1450 г. под Галичем[71]. «Храбрый человек» Юшка Драница сложил свою голову в битве за Углич в 1447 г.[72] Много «удалых людей» – новгородцев и заволочан было побито югрой[73].

Города тогда брались «изгоном», а «многие люди от двора» охотно приставали к мужественным военачальникам[74]. Тогда возможно было совершить, казалось бы, невероятное – «выкрасть» из ордынского полона великого князя[75] или с отрядом в 90–100 человек захватить столицу великого княжества[76]. В один и тот же год боярин или гость мог выступить против великого князя как ставленника ордынцев и сделаться его надежным союзником, когда он оказывался беспомощным слепцом.

Ослепляли не только князей. Гибли наиболее талантливые полководцы и государственные деятели. Ослеплен был виднейший боярин Иван Дмитриевич Всеволожский, вывезший Василию II ярлык из Орды на великое княжение и испытавший на себе силу лжи и зависти со стороны «смиренных» бояр. Позже ослеплен был и Федор Васильевич Басенок. Побеждала монолитная масса служилых людей, каждый из которых был копией другого.

А между тем Москва пустела. Разорялись города, уводились в полон жители. Бурный рост городов в уделах, на западных и северных окраинах происходил в обстановке упадка жизни городов Центра. Владимир, Переславль, Ростов, Суздаль постепенно превращаются в обычные провинциальные центры, забитые дворами княжат, бояр и детей боярских с их военной и ремесленной челядью, наполненные храмами и монастырскими подворьями. Нечем было дышать в них свободному умельцу-ремесленнику. По мере роста земледелия города в Центре аграризируются.

В упадок приходили и старинные города, центры бывших княжений. В XV в. перестали быть городами Оболенск и Стародуб Ряполовский. Еще бы! Князья Стародубские и Ряполовские стали профессионалами – военачальниками и администраторами. Они подолгу не бывали в своих родных краях. Все их помыслы и заботы связаны были с Двором великого князя и его службой, приносившей им и славу, и деньги, и новые земли. Тем временем их старинные владения пустели.

Пути, приведшие Москву к победе, не только вырубались мечом. Они были куда более замысловатыми. Наряду с уезженными дорогами, реками и речушками к ней вели и лесные тропочки. Топор крестьянина и монаха в непроходимых чащобах вместе с деревянной сохой создавал хлеб насущный, достигал того, чего не могло достичь оружие воина. Детище Сергия Радонежского и митрополита Алексея – общежительный Троицкий монастырь выходил за городские стены в неведомые земли и становился мощной организацией, которая должна была существовать уже не столько «ругой» (денежным вспомоществованием властей) и подачками вкладчиков, сколько плодами труда иноков. Забота о мирской жизни начинала занимать в их делах и днях не меньшее место, чем молитвенное безмолвие в храмах и лесных скитах.

Опираясь на благосклонное внимание властей, монахи созидали очаги благополучия в этой грешной жизни, не забывая о благодарности своим высоким покровителям. Защищенные частоколами заборов и стенами каменных соборов, княжескими иммунитетами и благоговением перед святостью, монастыри становились магнитом для обездоленных и обиженных судьбой, мечтавших о царстве божьем на земле или хотя бы о забвении постигших их горестей.

Галицкие князья с их разнородным воинством, когда они не занимали великокняжеского престола, были злейшими врагами московских монастырей. В солеварах и других мытарях они видели своих соперников по торговле, в черносошных крестьянах – ненужных насельников необходимых им земель, в «инородцах» – «поганых», из которых надо было выбить их языческий дух.

Провозгласив богоугодным делом труд хлебороба («в поте лица своего»), пастырь благословлял на ратный подвиг и воина. Убийство и грабеж освящались его молитвой, если речь шла об истреблении «поганых» (как вятчане или удмурты на Кокшенге) или «клятвопреступленников» – «братьев» в Угличе, Галиче, Устюге.

Только «всем миром» можно было устоять и победить в тяжелой борьбе с многочисленными и благополучно существующими противниками. Поэтому московские князья стремились действовать не в одиночку, а в содружестве со своими ближними и дальними родичами. Все они происходили из «гнезда Калиты». Так, по словам автора «Задонщины», называл русских князей, участников Куликовской битвы, Дмитрий Донской («Братьеца моя милая, русские князи, гнездо есмя были едино князя великаго Ивана Данильевича» [77]). В клане Калиты были все «братьями», но брат брату рознь. Глава клана – великий князь считался «старейшим братом», остальные – «молодшими». «Молодшие братья» скорее напоминали вассалов, чем родичей, хотя традиция («старина») диктовала особые нормы отношений с ними великих князей, которых те преступить до поры до времени не могли. Позиции в уделах у большинства «братьев» не были прочными. Их дворы состояли из отпрысков московской знати времен Ивана Даниловича: старший из бояр служил старшему из князей «гнезда Калиты», его брат – следующему по старшинству из князей этого рода. Люди и земли делились по одному принципу.

Боярам из московских родов доставались наиболее щедрые пожалования земель в уделах и должностей при дворах. Это вызывало негодование местных владельцев, готовых поддержать Москву, с тем чтобы с помощью великокняжеской власти положить конец засилью «иноземельцев». Не была надежной опорой удельного князя и сама придворная знать, родичи которой в

случае каких-либо передряг могли помочь ей найти местечко под солнцем, т.е. в самой столице.

Акции против галичан задумывались и проводились как общее дело потомков Калиты, всех «братьев» – «старейшего» и «молодших». Позднее оказалось, что «молодшие», когда надобность в них пропадала, подвергались уничтожению. Их место занимали новые дети и внуки московских государей. Традиция и реальная обстановка не позволяли великим князьям отказаться от «содружества» родичей как условия единения Руси. Но все уже становился их круг.

Решительным противником «супостата» Шемяки стала высшая церковная иерархия. О митрополите Ионе и говорить-то много не стоит. Он думал о спасении своей грешной жизни не меньше, наверно, чем о вечном блаженстве. Причины тому были. Ведь Иона – типичный самозванец, утвердившийся на митрополичьем престоле лишь с помощью великого князя, без санкции разгневанного непослушанием константинопольского патриарха. Последнему хлопот хватало. Судьба благоприятствовала Ионе: и споры в Царьграде относительно унии, и приближающийся конец Византийской империи не позволили патриарху предпринять каких-либо санкций против Москвы. Но вот великий князь был не за морем, а рядом. Грехи же свои Иона сознавал отлично. Ведь именно он, нарушив крестное целование, выдал Шемяке детей Василия II за обещание поставить его на митрополию. В смутном 1446 г. Иона в припадке откровенности говорил князю Дмитрию Юрьевичу (как-никак, но тогда он был великим князем): «Меня еси ввел в грех и в сором... нынче яз во всеи лжи» [78].

Василий Темный не прощал куда меньшей «шатости», чем прямая измена Ионы в 1446 г. Дамоклов меч повис над нареченным на митрополию рязанским епископом. Не только право на духовную власть, но и право на жизнь ему надо было еще заслужить. У всех в памяти была судьба митрополита киевского и всея Руси Герасима, которого Свидригайло сжег в Смоленске за попытку завести какие-то сношения с его противниками. И Иона стал служить верой и правдой Василию II. Сильные мира сего любят сторонников с сомнительной репутацией: те всегда стараются быть преданными власти.

Церковь была сильнейшим орудием Москвы. Вся

иерархия была промосковской. Кроме новгородского архиепископа и тверского епископа, старавшихся держаться независимо, все остальные иерархи были послушны великокняжеской власти. Коломенский епископ Варлаам не только стал правой рукой столичного владыки, но и держал в своем подчинении можайскую паству. Пермский епископ Питирим был особенно воинствующим. Он «огнем и мечом» крестил «инородцев» Севера, за что и был убит вогулами. Ростовский архиепископ Ефрем находился всецело под влиянием Москвы. Власть его распространялась также на белозерские, ярославские земли и владения Шемяки (в частности, на Устюг и Углич[79]). Суздальский епископ Авраамий долго и усердно старался доказать свое правоверие, ведь он подписал «антихристову грамоту» – Флорентийскую унию. Что же говорить о крутицком спископе – пастыре без паствы? Таково было руководство церквью.

Галицких князей иерархи поддерживали только тогда, когда в их руках была реальная власть, ведь «всякая власть от Бога». Как только их положение пошатнулось, иерархи сразу же единодушно выступили против них. Если не говорить о «перелетах» типа Добрынских, Старкова и им подобных, которых всегда хватает в стане победителей, Галичу в московском Центре сочувствовали только торговые люди. Военнослужилая масса была самым решительным и грозным противником галицких князей.

Итак, люди из прошлого, заглянувшие в будущее, были раздавлены людьми, жившими в настоящем. Романтиков победили трезвые реалисты. Победа далеко не всегда бывает за процветающими и богатеющими. В годы Шемякиной смуты победили несчастные, задавленные нуждой мужики и хищные грабители из Государева двора. Спаянные единством своекорыстных целей, эти княжата, бояре и дети боярские мало чем отличались и от своих восточных соседей («скифы... мы, с раскосыми и жадными очами»), и от воинственных литовцев, поработивших богатые города Украины и Белоруссии. Словно свора голодных псов с крепкими зубами, они терзали цветущие земли Руси. Разве что стоны по убитым заглушались скорбными звуками поминального звона колоколов.

Свои богатства они создавали путем захвата, полона, продажи своих же соотечественников в холоп-

ство на восточных рынках[80]. Их окружала свита, состоявшая из холопов, а трудом их «людей» возделывались небольшие участки пашни, которые бояре и дети боярские получали от своих высоких покровителей[81]. Да и сами господа не многим отличались от своих холопов, когда речь шла о вкусной косточке или куске пирога с барского стола[82].

В.И. Бушуев писал, что в первой половине XV в. суздальско-нижегородские князья, несмотря на плодородие земель своего княжества, сравнительно мало интересовались земледелием. Главным их занятием, по его мнению, была работорговля. Из-за нее и велась борьба между суздальскими Борисовичами, «тянувшими» к Москве, и нижегородскими Дмитриевичами, опиравшимися на ордынских ханов. «В работорговле нижегородские князья имели огромное преимущество перед суздальскими: у них были неограниченные запасы живого товара в лице многочисленных инородцев... И сбывать этот живой товар восточным купцам они могли легче и быстрее у себя же в Новгороде». В Суздальском княжестве «инородцев» не было. Отсюда и происходила непрерывная борьба Дмитриевичей и Борисовичей за Нижний[83]. Несмотря на несомненные преувеличения, зерно истины в размышлениях В.И. Бушуева есть.

Только сильная и воинственная власть могла обеспечить своим служилым людям и землю, необходимую для того, чтобы с нее получать хлеб насущный, и челядь, которая должна была ее обрабатывать и пополнять кадры военных и административных слуг, и деньги, которые можно было тратить на заморские вина и ткани и отечественное вооружение. Но землю надо было захватить у соседа, деньги отнять у него же, а в холопа в виде благодарности можно было обратить того же простака.

Н.Е. Носов высказал плодотворную мысль о том, что в конце XV – первой половине XVI в. в России происходила борьба двух тенденций развития страны. Стоял вопрос, по какому пути пойдет Русь: по предбуржуазному, который развивался на Севере с его соледобывающей промышленностью, или по крепостническому? Север противостоял Центру и был в конечном счете им подмят под себя. Предвестником этого противостояния и была борьба Москвы с Галичем, Вяткой и Устюгом в годы смуты. Крепостнической, крестьянской и монашествующей Москве противостояла северная

вольница промысловых людей (солеваров, охотников, рыболовов) и свободных крестьян. Гибель свободы Галича повлекла за собой падение Твери и Новгорода, а затем и кровавое зарево опричнины [84].

Итак, слепой, немудрящий правитель вернул свой престол. Его противники повергнуты были во прах. Единство земель вокруг Москвы было восстановлено. Но какой ценой? «Гнездо Калиты» было ликвидировано. Только свояк великого князя Михаил Андреевич сохранил удел на Белоозере. Остальные или умерли (князь Юрий Дмитриевич и Василий Косой), или погибли (Дмитрий Шемяка), или были в «нятстве» (Василий Ярославич), или оказались за рубежом (Иван Андреевич, Иван Дмитриевич Шемячич и сын Василия Ярославича Иван). На смену «гнезду Калиты» пришла семья великого князя, а там был уже лишь шаг и до одного самодержца типа Ивана IV Васильевича. Появилось и столь редкое в предшествующее время средство борьбы с непослушниками – массовые казни. Они стали заключительным аккордом правления Василия II. Московские казни дворян, пытавшихся освободить серпуховского князя, были устрашающими. А в народе (единодушно бояре, купцы и простолюдины) в ужасе говорили: «...недостойно бяше православному великому осподарю, по всеи подсолнечнои сущю, и такими казньми казнити, и кровь проливати во святыи Великии пост» [85]. Не то еще увидят их потомки через сто с небольшим лет.

Получили сполна и те, кто по селам и весям молился о здравии великого «осподаря» и своим трудом возделывал нивы, чтобы напитать его служилых людей. В середине XV в., когда еще не отзвучали громы последних битв за единодержавие, в далеком Белоозере князь Михаил выдает Кириллову монастырю грамоту, в которой предписывает крестьянам-должникам выходить от своего землевладельца только за неделю до и неделю после Юрьего дня осеннего [86]. Пройдет еще время, и ярмо крепостного права будет достойной наградой за «безумное молчание» послушного народа.

И снова малиновый звон колоколов. На этот раз в отстроенном Кремле конца XV в., с его новыми мощными стенами и изысканными соборами. Вот уже появились и льстецы, возводящие власть самодержца к Августу-кесарю, а то и к самому Вседержителю. Вот уже и наследники Орды лишены «выходов» – их собирают

теперь в свою казну великие князья. Набеги воинственных соседей постепенно прекращаются. Страна вроде бы благоденствует. Каждый при своем деле. Мужик пашет. Купец торгует. Барин воюет и управляет. Появились иноземные гости и послы, дивящиеся, откуда взялась такая мощная держава. И плата ведь, которую весь народ (и господа, и слуги) заплатил за царство благоденствия, невелика – всего только утеряна свобода («один только росчерк пера»). Да помилуйте, нужна ли она вообще? И была ли она когда-нибудь на Святой Руси? Может быть, и не было, но градус несвободы повысился.

Только много лет спустя «в стране рабов, стране господ» начнут убеждаться, что не хлебом единым жив человек, и оценят прошлый путь иначе, чем то делали раньше.

Послесловие

Предлагаемая читателю книга – последний труд Александра Александровича Зимина (1920–1980), выдающегося советского исследователя русского средневековья[1]. При жизни Зимин по печальной российской традиции не был избалован официальным признанием. Во всяком случае семь написанных им монографий остались неизданными. За 10 лет, прошедших после кончины ученого, издательство «Мысль» выпустило в свет две его работы – «Возрожденную Россию» под названием «Россия на рубеже XV–XVI столетий» (М., 1982) и «В канун грозных потрясений» (М., 1986), озаглавленную автором «Путь к власти», а издательство «Наука» – монографию «Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в.» (М., 1988). Но еще минимум три завершенные Зиминым научные монографии – исследования о Русской Правде, о «Слове о полку Игореве», о русских исторических песнях – и две мемуарные книги пока не опубликованы и хранятся в его личном архиве.

Две первые книги, как и ранее опубликованные тоже издательством «Мысль» «Реформы Ивана Грозного» (М., 1960), «Опричнина Ивана Грозного» (М., 1964) и «Россия на пороге Нового времени» (М., 1972), входят в задуманный А.А. Зиминым 6-томный цикл исследований по истории России XV–XVI вв. В этом ряду предлагаемая вниманию читателей книга является первой по хронологии событий и последней по времени написания автором. Выход ее в свет делает всю серию законченной.

Есть у публикуемой монографии и более существенные особенности. Ее идею лучше всего выражает сохраненное авторское название – «Витязь на распутье». Это первое в отечественной литературе исследование трагических событий второй четверти XV в., когда вся Русь стала ареной кровопролитной борьбы за власть между враждующими кланами правящей династии. В книге

наиболее ярко выразились темперамент ученого, его ищущий и взыскующий правды ум и оригинальные размышления над закономерностями объединительного процесса в России.

«Витязь на распутье» был начат автором в 1979 г. и писался стремительно, с большим увлечением и истовостью. Александр Александрович работал над текстом книги буквально до последнего дня жизни, не раз читал вслух друзьям и ученикам отдельные ее части, подыскивая наиболее точные выражения и характеристики. С выхода в свет первой из книг задуманной и почти полностью осуществленной серии до написания «Витязя...» прошло 20 лет, и, как отмечал сам автор, за это время его общие исторические представления претерпели глубокую эволюцию, которую он считал завершенной в «Витязе...».

Начало творческой деятельности А.А. Зимина пришлось на время господства созданных в эпоху сталинского засилья схем исторического развития России [2]. Первая из книг цикла – «Реформы Ивана Грозного» – носит на себе следы их влияния, но уже вторая, посвященная опричнине, знаменует разрыв со стандартными для периода культа личности концепциями [3]. Чтобы понять сущность эволюции взглядов Зимина-историка, следует иметь в виду одну замечательную особенность его личности: с годами он становился не консервативнее, как бывает часто с учеными, а радикальнее, свободнее от традиционных воззрений. С возрастом к нему приходили бóльшая раскованность, независимость мысли.

Переломной для творчества А.А. Зимина стала работа над книгой о «Слове о полку Игореве», «изданной» в 1964 г. тиражом 101 экземпляр «для служебного пользования». Он не первый и не единственный усомнился в том, что «Слово...» написано в XII в. Но прочие не решались ни обнародовать свои сомнения, ни потратить годы напряженного труда на серьезное исследование, сулившее лишь тернии без лавров. Зимин же продолжал исследование со всей страстью, на которую был способен, и много лет спустя после закрытого обсуждения первого варианта книги, несмотря на то что мысль о передатировке «Слова...», «еретическая» в начале 60-х годов, ставила под удар его будущее. В конце 1978 г. Зимин писал, что для него «история со «Словом...» была важна... потому, что разоблачила миф о «чистой науке» древников в нашем Отечестве... Стало ясно, что, так сказать, «чисто научные» вопросы теснейшим образом переплетаются с нравственными» [4].

Работа над этой «злосчастной книгой», как окрестил ее сам Александр Александрович, потребовала от него немалого мужества. Но именно преодоление страха перед идеологическими проработками дало ему силу уйти в своих последующих трудах от привычных стереотипов, а в последние годы писать одну книгу за другой, не задумываясь над тем, насколько «проходимо» выливающееся из-под пера. «Витязь на распутье» по необычности выводов может быть сопоставлен только с трудом о «Слове...», который уже в течение четверти века является источником методики для официального «слововедения», стыдливо умалчивающего о

том, что послужило ему импульсом. Но если монография о «Слове...» недоступна широким кругам исследователей, то участь «Витязя...» более благоприятна – он выходит к читателю.

В книге нет историографического очерка, поэтому следует напомнить некоторые важные этапы в изучении истории становления единой русской государственности.

Вплоть до начала XX в. основным стержнем русского исторического процесса считалась борьба между монархами – строителями сильного государства и противостоявшими им силами. Такими силами, по мнению виднейшего историка XIX в. С.М. Соловьева, были носители «родовых начал» – бояре, а в более поздние века – казачество. Не сомневаясь в необходимости и благотворности для народа державного могущества государства, Соловьев и его последователи задавались скорее другим вопросом: почему центром государства, «собирательницей Руси», оказалась Москва? Объяснения предлагались разные: удобное расположение Москвы на водных торговых путях, ее удаленность от Золотой Орды и татарских набегов и т.п.

Лишь в начале XX в. историков стали занимать еще более важные вопросы: почему Московское государство сложилось именно в XV в. и в какой степени политическое объединение русских земель находит параллель в создании других централизованных государств в тот же период? На сходство ряда институтов удельной Руси и феодального общества на Западе обратил внимание один из наиболее оригинальных исследователей истории древней Руси – Н.П. Павлов-Сильванский. Он полагал, что к XVI в. на Руси, как и на Западе, на смену «политическому феодализму» пришла сословная, а затем и абсолютная монархия. Пытался сопоставить процесс образования Московского государства со складыванием национальных государств на Западе и М.Н. Покровский, но его попытка объявить русское самодержавие воплощением «торгового капитализма» явно не подтверждалась фактами. Воззрения М.Н. По- кровского были резко осуждены по повелению Сталина, но объяснение образования Руси, основанное на аналогиях с западноевропейской историей, сохранилось. При этом использовался незаконченный набросок статьи Ф. Энгельса, озаглавленный при издании «О разложении феодализма и возникновении национальных государств»[5], хотя Ф. Энгельс, объясняя создание западных государств в XV–XVI вв. укреплением торговых связей между отдельными землями и союзом королевской власти с городским населением, вовсе не утверждал, что аналогичные процессы происходили и в России.

С начала 50-х годов, когда А.А. Зимин обратился к этой теме, традиционные построения стали вызывать все большие сомнения. Найти признаки складывания единого рынка на Руси в XV в. оказалось тем более трудным, что сколько-нибудь значительный материал источников (Писцовые книги) дошел до нас лишь с конца XV в. Поэтому причину образования единого государства легче было искать (как это уже делалось прежде) во внешнеполитических факторах (опасность нападения Золотой Орды и других

соседей). Предложенное С.Ф. Платоновым и популярное в науке объяснение опричнины борьбой Ивана Грозного с боярами-княжатами оказалось также неубедительным: политика Избранной рады, которой противопоставлял свою политику Грозный, не отражала стремлений бояр: земли, взятые Грозным в опричнину, вовсе не были землями княжат.

Но обнаружившиеся слабые стороны господствовавшей в историографии общей концепции истории образования Московского государства и ее отдельных звеньев не привели к пересмотру этой концепции и новым объяснениям процессов, происходивших на Руси в XV–XVI вв. «Прогрессивность» самодержавного государства по-прежнему утверждалась и утверждается не только как историческая закономерность, но и как некая положительность, абсолютное благо для страны. Москва оказывается извечно «прогрессивнее» Твери или Новгорода, Василий II – «прогрессивнее» своих соперников – галицких князей, Иван Грозный – «прогрессивнее» всех тех, кого он карал и уничтожал. Высказывая такое мнение, историки постоянно опираются на летописную традицию, сложившуюся в XVI в., когда самодержавие уже победило и предки Ивана IV стали предметом обязательного прославления. А между тем после А.А. Шахматова уже невозможно игнорировать бесспорную пристрастность летописцев, особенно великокняжеских и царских. Более того, Л.В. Черепнин показал, что и дошедшие до нас актовые сборники представляют собой коллекции актов, собранных в московских канцеляриях далеко не полностью и достаточно тенденциозно.

Обращаясь к истории Московской Руси, А.А. Зимин пересматривал традиционные историографические воззрения сперва осторожно, затем все более и более решительно. Так, в монографии «Опричнина Ивана Грозного» он вслед за С.Б. Веселовским показал неубедительность утвердившегося с начала XX в. взгляда на опричнину как на реформу, направленную против бояр-княжат: опричный террор был направлен не столько против потомков удельных князей, сколько против последнего удельного князя – двоюродного брата царя Владимира Старицкого, против подчиненного, но все еще внушавшего страх Новгорода и церкви, сохранявшей некоторые политические права.

Еще радикальнее и по методике, и по выводам пересматриваются историографические традиции в «Витязе на распутье». Эта работа написана А.А. Зиминым на базе фронтального и комплексного пересмотра всех сохранившихся от того далекого времени видов источников – летописей, актов, монет, несущих непосредственную или завуалированную информацию о политической жизни русского общества второй четверти XV в. Такой подход к источникам выделяет книгу А.А.Зимина среди обзоров этих же событий в сочинениях его многочисленных предшественников.

Общая концепция истории феодальной войны XV в. оригинальна и хорошо обоснована автором. Традиционное представление об исконной «прогрессивности» борьбы Василия II с соперниками – галицкими князьями не находит подтверждения в источниках.

Отец Ивана III не был борцом и против феодальной раздробленности, и за освобождение от ордынского ига. Напротив, в столкновениях с Юрием Дмитриевичем, а затем и с Дмитрием Шемякой Василий Васильевич не раз опирался на помощь хана, сперва правившего Ордой, а затем обосновавшегося на Средней Волге, и даже содействовал образованию там вассального Касимовского царства. Подобных проордынских тенденций у соперников Василия II не обнаруживается. Юрий Дмитриевич был выдающимся полководцем, заходившим «далече» в «татарские земли». В споре из-за великокняжеского престола он ссылался на завещание своего отца, Дмитрия Донского, а не на «царево жалование», как его противник.

Нет никаких данных и о поддержке Василия II горожанами – во время решительного столкновения в 1446 г. торговые люди поддержали Дмитрия Шемяку. На торгово-ремесленные посады, главным образом Севера России, на мужиков-солеваров, по выражению Зимина, в значительной степени опирался клан Юрия Дмитриевича и Дмитрия Шемяки. Именно на Севере – в Галиче, Вятке, Устюге развивалась соледобывающая промышленность, существовало свободное крестьянство и намечались пути предбуржуазного развития России. Василий II опирался на военно-служилых землевладельцев центральных областей Московского княжества – областей, очень мало связанных с торговлей и не имевших почти никаких естественных богатств. Победа центральных земель над Севером предвещала победу крепостнических отношений. Василию II противостояла не удельная фронда, а претенденты на власть над всей страной, боровшиеся за наследие Дмитрия Донского и дававшие ему свое истолкование.

Таковы основные выводы, к которым пришел А.А. Зимин в предлагаемой читателю книге. Концепция Зимина противостоит проникшей в историографию из официального летописания династически-легитимной точке зрения, рассматривающей трагические события второй четверти XV в. с позиции победителя в феодальной войне.

Несомненно, концепция А.А. Зимина не раз еще будет предметом обсуждений и споров. Действительно ли Юрий Дмитриевич, а затем Дмитрий Шемяка были истинными наследниками Дмитрия Донского, поднявшими «знамя борьбы с татарскими насильниками»? Когда и как окончательно сложилось в русской общественной мысли представление о Дмитрии Донском как воплощении идеи национального освобождения и объединения? Вопрос этот связан с более широкой проблемой предпосылок образования единого Русского государства.

А.А. Зимин показал, что географическое положение Москвы не может считаться причиной политического объединения русских земель. Но почему все-таки это объединение совершилось, и именно в XV в., когда, в конце средних веков, складывались и многие другие централизованные государства? Зимин отмечал, что господствовавшее прежде в советской историографии представление о «росте торговых связей» как главной предпосылке объеди-

нения основывается на презумпциях, заимствованных из истории Западной Европы. Но если объединение Руси не было следствием развития городов и союза с ними московского великого князя, то каковы же были его подлинные причины?

Обычная ссылка при решении этого вопроса на необходимость защиты от внешней опасности едва ли может считаться исчерпывающим объяснением объединения. Ведь угрожавшая Руси до XV в. внешняя опасность была не меньшей, чем в этом веке; почему же объединение не произошло раньше? Любая попытка объяснить, почему «Витязь» избрал на распутье именно данный путь, требует сравнения этого пути с путем других стран, иначе говоря, сравнительно-исторического исследования.

История создания Русского централизованного государства была иной, чем история складывания национальных государств в Западной Европе. Не находит ли она параллелей в истории восточных стран – например в истории Османской империи? Противопоставляя русское самодержавие европейскому абсолютизму, Г.В. Плеханов характеризовал Московское государство как «монархию восточного типа» [6]. Эта мысль оказала, по-видимому, определенное влияние на западную историографию. Так, создатель теории «восточного деспотизма» К. Виттфогель связывал образование восточных монархий, к которым он причислял и Московское государство, с необходимостью воздействовать на природу в широких масштабах, в частности с ирригацией и мелиорацией [7]. Но объяснение это не может претендовать на универсальность и во всяком случае малоприменимо к русской истории.

В советской же историографии по-прежнему доминируют те же представления о становлении единой русской государственности, что и в 50-е годы: в дымке патриотического романтизма средневековая Русь незаметно сливается с европейскими странами. Поэтому проблема «Витязя на распутье», одна из самых важных проблем отечественной истории, еще долго будет занимать историков, прежде чем будет окончательно решена. И вехой на пути ее разрешения будет книга А.А. Зимина с характерным для его творческого метода органическим сочетанием анализа и синтеза, стремлением не только исследовать проблему, но и дать читателю связное повествование о событиях и людях той бурной и сложной эпохи. Наши источники дают очень мало материала для психологических характеристик, но Зимин всегда настойчиво стремился преодолеть этот недостаток. Пожалуй, в «Витязе...» это ему удалось, как нигде.

Следует еще сказать о языке книги. Работам А.А. Зимина, особенно 70-х годов, свойствен эмоциональный стиль изложения, сочетающийся с восходящим к летописной манере спокойным тоном. Полностью лишенный фальшивого наукообразия, шаблонного «научного» жаргона, язык «Витязя...» чист и прозрачен, не ставит преграды между книгой и читателем. Труд А.А. Зимина обращен к пытливому читателю, собеседнику и оппоненту, с надеждой, что и он может мыслить так же нестандартно, как и автор.

Поразительно то, что книга, написанная 10 лет назад, не

устарела и в начале 90-х годов. Опережающе верна интуиция ученого, его голос созвучен с настроениями нашего общества, осознавшего, что история не существует без людей, что социальное знание неаксиоматично, и требующего от исторической науки рассказа яркого и правдивого, не спрямляющего историческую действительность в угоду тем или иным формулам. Свою книгу А.А. Зимин характеризовал во введении к ней как «звено в цепи усилий многих поколений отечественных и зарубежных ученых, не жалевших сил в исследовании российской истории», и выражал «сыновнюю благодарность» своим предшественникам. Цепь продолжена, и последующие историки с такой же «сыновней благодарностью» вспоминают и будут вспоминать одного из самых неутомимых и даровитых тружеников на этом поприще – Александра Александровича Зимина.

При подготовке рукописи к изданию, естественно, не учитывалась вышедшая после смерти автора литература. Единственное отступление – перевод на последние издания ссылок на Сигизмунда Герберштейна и Афанасия Никитина. Кроме того, переведены ссылки на Устюжский летописный свод, вошедший в 37-й том Полного собрания русских летописей, и разграничены ссылки на Софийскую I летопись (Бальзеровский список) и Софийскую I летопись по списку Царского, помещенные в 5-м томе Полного собрания русских летописей параллельно. Были устранены отдельные фактические неточности и проверен научно-справочный аппарат.

Рукопись подготовлена к изданию В.Г. Зиминой и Я.С. Лурье при участии В.Б. Кобрина и А.Л. Хорошкевич. Указатель составлен К.В. Барановым.

Авторский текст рукописи хранится в личном архиве А.А. Зимина.

В.Б. Кобрин, Я.С. Лурье, А.Л. Хорошкевич

Подготовители книги считают своим долгом с глубокой благодарностью отметить поистине подвижническую деятельность Владимира Борисовича Кобрина (1930 – 1990) по публикации творческого наследия своего Учителя – А.А. Зимина.

Примечания, источники и литература

Читателю (с. 3–6)

[1] Находится в печати на ротапринте Института истории СССР АН СССР. – *Примеч. ред.*

[2] Предлагаемая читателю книга и открывает серию, и завершает публикацию работ всего цикла, которые вышли в свет под другими названиями: «Россия на рубеже XV – XVI столетий». М., 1982; «Россия на пороге нового времени». М., 1972; «Реформы Ивана Грозного». М., 1960; «Опричнина Ивана Грозного». М., 1964; «В канун грозных потрясений». М., 1986. – *Примеч. ред.*

Завещание Дмитрия Донского (с.7–30)

[1] По сентябрьскому стилю – 6933 г. (см.: ПСРЛ. Т.23. СПб., 1910. С. 146; Т. 24. Пг., 1921. С. 182; Т. 25. М.; Л., 1949. С. 246; Т. 26. М.; Л., 1959. С. 183; ПЛ. С. 35). По мартовскому стилю – 6932 г. (см.: НПЛ. С. 415).

[2] ДДГ. № 12. С. 34, 35.

[3] У Семена Гордого к моменту смерти было два сына – Даниил и Михаил. О рождении последнего сведения есть, но неизвестно, когда он умер (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. М., 1965. Стб. 57, 59; ср.: *Кучкин В.А.* «Свой дядя» завещания Симеона Гордого // История СССР. 1988. № 4. С. 157). – *Примеч. ред.*

[4] ДДГ. № 20. С. 56.

[5] ДДГ. № 21. С. 58. Попытка И.Б. Грекова датировать вторую грамоту 1424 г. основана на неверной датировке жалованной грамоты князя Даниила Борисовича Нижегородского (АФЗХ. Ч. I. № 233. С. 204–205), которая была выдана не в 1424 г., а в 1442 г. (АСЭИ. Т. III. № 294. С. 321; ср.: *Греков И.Б.* К вопросу о датировке так называемой второй духовной грамоты московского князя Василия I // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963. С. 141–145).

[6] ДДГ. № 22. С. 61.

[7] ПСРЛ. Т. 25. С. 244. О дате составления второго завещания Василия I и ее связи с отношениями великого князя с Константином см.: *Зимин А.А.* О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV – XV вв. // Проблемы источниковедения. Сб. VI. М., 1958. С. 292–293.

[8] ДДГ. № 12. С. 34–35.

[9] ДДГ. № 20. С. 57. Уже к 1419–1420 гг. Тошна считается владением детей Владимира Андреевича Серпуховского (ДДГ. № 21. С. 58).

[10] Барбаро и Контарини о России. Л., 1971. С. 227, 228. Об изобилии хлеба и мяса и об отсутствии фруктов в Московском крае писал также Барбаро, известие которого использовал Контарини (Там же. С. 158).

[11] АФЗХ. Ч. I. № 30. С, 49.

[12] Там же. № 29. С. 48–49; № 41. С. 56.

[13] АСЭИ. Т. II. № 353. С. 348.

[14] Там же. № 342. С. 339–340.
[15] Подробнее см.: *Веселовский.* С. 60, 231, 255–256.
[16] ДДГ. № 1. С. 7, 9.
[17] См.: Барбаро и Контарини о России. С. 225.
[18] ДДГ. № 22. С. 60.
[19] *Герберштейн.* С. 134.
[20] ДДГ. № 22. С. 61.
[21] См.: *Будовниц.* С. 155–156.
[22] АСЭИ. Т.I. № 130. С. 100; № 131. С. 101; № 136. С. 105.
[23] Там же. № 202. С.144.
[24] АФЗХ. Ч. I. № 263. С. 236.
[25] Инока Фомы слово похвальное... С. 47.
[26] См.: *Герберштейн.* С. 134.
[27] АСЭИ. Т. II. № 496. С. 544.
[28] См.: Очерки русской культуры XIII–XV вв. Ч. 1. М., 1969. С. 442.
[29] ДДГ. № 57. С. 176.
[30] См.: *Каштанов.* № 14. С. 366 (1454 г.).
[31] См.: *Веселовский С.Б.* Из истории древнерусского землевладения // Исторические записки. 1946. Кн. 18. С. 56–91.
[32] См.: *Будовниц.* С. 141–145.
[33] См.: *Герберштейн.* С. 153.
[34] См.: *Каштанов.* № 13. С. 365.
[35] См. там же. № 11. С. 363–364.
[36] См.: *Герберштейн.* С. 82.
[37] АСЭИ. Т. II. № 354. С. 348.
[38] Подробнее см.: *Алексеев Ю.Г.* Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV–XVI вв. Переяславский уезд. М.; Л., 1966. С. 58–67.
[39] См.: *Каштанов.* № 11. С. 363–364.
[40] АСЭИ. Т. I. № 165. С. 121; № 170. С. 124; № 179. С. 130.
[41] ДДГ. № 22. С. 60.
[42] АСЭИ. Т. I. № 220. С. 155; Т. II. № 102. С. 62; № 180. С. 114.
[43] АСЭИ. Т. I. № 220. С. 155.
[44] АСЭИ. Т. II. № 103. С. 63–64.
[45] См.: *Будовниц.* С. 139–140.
[46] ДДГ. № 22. С. 61; ср.: № 21. С. 58.
[47] См.: *Герберштейн.* С. 147, 148.
[48] Вымская летопись. С. 261.
[49] См.: *Герберштейн.* С. 162. У Герберштейна ошибка: Вычегда вместо Вишеры.
[50] РИБ. Т. 6. СПб., 1880. № 73. С. 591–592.
[51] Вымская летопись. С. 261.
[52] См.: *Герберштейн.* С. 162.
[53] АСЭИ. Т. I. № 245. С. 173.
[54] Там же. № 225. С. 160–161; № 245. С. 172; № 248. С. 177.
[55] АСЭИ. Т. II. № 351. С. 346–347.
[56] ДДГ. № 29. С. 74.
[57] См.: *Любавский М.К.* Образование основной государственной территории великорусской народности. Л., 1929. С. 10.
[58] См.: *Будовниц.* С. 67, 149–152, 200–202.
[59] Паисий просил Василия II отдать распоряжение «на-

местником своим, живущим во граде Галиче, обитель нашу снабдети от нашествия иноплеменных и от нападания хотящих разорити ю». Василий II выдал грамоту галицкому наместнику, в которой содержалось распоряжение «снабдить обитель и хранить ю» (ГБЛ. Собр. Тихонравова. № 57, л. 50 об., 51).

[60] При штурме Галича в 1450 г. войска Василия II шли из оврагов, окружавших Верхнее городище (ПСРЛ. Т. 26. С. 209).

[61] ПСРЛ. Т. 26. С. 184.

[62] ДДГ. № 12. С. 33.

[63] ДДГ. № 29. С. 73.

[64] ДДГ. № 24. С. 64, 66.

[65] См.: *Герберштейн.* С. 162.

[66] РИБ. Т. 6. № 77. Стб. 605–606.

[67] См.: *Герберштейн.* С. 128, 162.

[68] ПСРЛ. Т. 26. С. 217; Т. 6. СПб., 1853. С. 181. Герберштейн называет еще Слободской городок (см.: *Герберштейн.* С. 162), но, когда он возник, неизвестно.

[69] См.: *Герберштейн.* С. 162.

[70] РИБ. Т.6. № 73. Стб. 591.

[71] ДДГ. № 16. С. 43.

[72] О границах Дмитровского княжества в XIV в. см.: *Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X – XIV вв. М., 1979. Автореф. докт. дисс. С. 40–41.

[73] *Герберштейн.* С. 152.

[74] АСЭИ. Т. II. № 162. С. 97 (1455 г.).

[75] Там же. № 356. С. 350 (1457 г.).

[76] Там же. № 163. С. 98–99 (1455 г.).

[77] АСЭИ. Т. I. № 191. С. 136. (1447 г.); ср.: № 198. С. 142; № 289. С. 206.

[78] См.: *Будовниц.* С. 153–154.

[79] ДДГ. № 7. С. 23; ср. ниже: «...а рубеж Галичю и Дми[трову]...»

[80] ДДГ. № 61. С. 198.

[81] См.: *Герберштейн.* С. 144.

[82] О соборах см.: *Воронин Н.Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII – XV вв. Т. 2. М., 1962. С. 267–289.

[83] См.: *Будовниц.* С. 171–172.

[84] См.: *Герберштейн.* С. 140.

[85] Там же. С. 153.

[86] Водились там осетры, стерляди, судаки, лещи (АСЭИ. Т. II. № 172. С. 108).

[87] См.: *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. 1. М., 1952. С. 72–74; *Заозерская Е.И.* У истоков крупного производства в русской промышленности XVI – XVII вв. М., 1970. С. 207.

[88] См.: *Герберштейн.* С. 152.

[89] См.: *Будовниц.* С. 160–167.

[90] См.: *Копанев А.И.* История землевладения Белозерского края XV – XVI вв. М.; Л., 1951. С. 16–39.

[91] ДДГ. № 12. С. 34.

[92] Там же.

[93] ПСРЛ. Т. 26. С. 188.

[94] Редкие источники. Вып. 2. М., 1977. С. 11–12.

[95] ДДГ. № 22. С. 61.

[96] ДДГ. № 31. С. 81.

[97] АСЭИ. Т. II. № 161. С. 97; № 174. С. 110.

[98] ДДГ. № 19. С. 53; № 33. С. 84; № 47. С. 143; ср.: ПСРЛ. Т. 37. С. 82.

[99] ПСРЛ. Т. 18. СПб., 1913. С. 114.

[100] *Герберштейн.* С. 140; *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. 1. С. 56; *Заозерская Е.И.* Указ. соч. С. 211, 213, 228.

[101] ДДГ. № 17. С. 49.

[102] ДДГ. № 27. С. 70.

[103] ДДГ. № 17. С. 46.

[104] ДДГ. № 27. С. 70.

[105] ДДГ. № 17. С. 50.

[106] Там же. С. 49.

[107] *Кучкин В.А.* Земельные приобретения московских князей в Ростовском княжестве в XIV в. // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 186.

[108] АСЭИ. Т. II. № 344. С. 341 (1445–1453 гг.).

[109] АСЭИ. Т. I. № 98. С. 79.

[110] АФЗХ. Ч. I. № 2. С. 24; № 10. С. 28.

[111] См.: *Герберштейн.* С. 128.

[112] См. там же. С. 155.

[113] ДДГ. № 20. С. 56; № 21. С. 58; № 22. С. 61.

[114] АФЗХ. Ч. I. № 236. С. 206 (первая половина XV в.); АСЭИ. Т. III. № 88–90. С. 470; № 92. С. 472 и др.

[115] Чуваши и мордва жили в западной части Среднего Поволжья (в бассейнах рек Оки и Суры, а также по правому притоку Оки – Мокше).

[116] См.: *Будовниц.* С. 202–204. М. Меховский, используя сведения середины XV в., писал, что «княжество Суздальское и многие соседние с ним опустошены и разорены татарами» *(Меховский М.* Трактат о двух Сарматиях. М.; Л., 1936. С. 113). Речь в первую очередь идет о Нижегородско-Суздальском княжестве (см.: *Флоря Б.Н.* Об одном из источников «Трактата о двух Сарматиях» Матвея Меховского // Советское славяноведение. 1965. № 2. С. 55–61).

[117] См.: *Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X – XIV вв. С. 34.

[118] См. там же. С. 50.

[119] См.: *Будовниц.* С. 66.

[120] Инока Фомы слово похвальное... С. 33.

[121] В 1408 г. за пушками посылал в Тверь Едигей (ПСРЛ. Т. 23. С. 143). В 1447 г. тверская артиллерия помогла Василию II взять Углич, а тверскому великому князю Борису обеспечила капитуляцию Ржевы (см.: Инока Фомы слово похвальное... С. 46, 49).

[122] См.: *Меховский М.* Трактат о двух Сарматиях. С. 113.

[123] Барбаро и Контарини о России. С. 157; ср.: С. 225.

[124] *Герберштейн.* С. 136.

[125] АСЭИ. Т. III. № 328. С. 356; № 329. С. 357; № 354. С. 378; № 355. С. 379.

[126] Подробнее см.: *Хорошкевич А.Л.* Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV – XV вв. М., 1963.

[127] В изучаемое время упоминались города: Велье (ПЛ. Вып. 1. С. 31, 56), Вороноч (С. 36, 37, 44), Врев (С. 37), Котелно (С. 36–38), Опочка (С. 36, 45). Гдов, Изборск и Остров упоминаются и ранее, и позднее интересующего нас времени.

[128] См.: *Казакова Н.А., Лурье Я.С.* Антифеодальные ерети-

ческие движения на Руси XIV – начала XVI в. М.; Л., 1955; *Клибанов А.И.* Реформационные движения в России в XIV – первой половине XVI в. М., 1960.

[129] ДДГ. № 22. С. 60–62. В Средохрестье (7 марта) 1423 г. завещание Василия I его составитель дьяк Алексей Стромилов повез к Витовту.

Дядя или племянник (с. 31–48)

[1] Нет никаких данных считать, что приглашение прибыть в Москву, посланное князю Юрию, «было продиктовано желанием не допустить совместных политических акций галицко-звенигородского князя и «ордынского царя»» (*Греков И.Б.* К характеристике политики галицко-звенигородского князя Юрия Дмитриевича в 20-е годы XV в. // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 229).

[2] Андрея – Акинфа Ослебятева см. в митрополичьей грамоте 1383 г. (АФЗХ. Ч. I. № 1. С. 24 – Андрей) и в грамоте 1391 г. (Там же. № 201. С. 179–180 – Акинф).

[3] По Ермолинской летописи, в ночь смерти Василия I Фотий послал за князем Юрием в Звенигород, но тот, «не ида на Москву, иде к Галичу» (ПСРЛ. Т. 23. С. 146). По московским летописям – сходно: после посылки Акинфа князь Юрий, «не ходя на Москву, иде к Галичу» (ПСРЛ. Т. 26. С. 183). В позднейшей Софийской II летописи содержится неясность: Фотий якобы после смерти Василия I послал «по брата его князя Юрия; он же иде на Москву из Звенигорода, а послал по него Акинфа... Тое же весны князь Юрьи Дмитреевич иде в Галич» (ПСРЛ. Т. 6. С. 142). Получается вроде, что князь Юрий поехал в Галич после вторичного приглашения посетить столицу и что первоначально он сам хотел прибыть туда из Звенигорода.

[4] «Тое же зимы отъеха князь Юрьи в Галич во Великое говение» (ПСРЛ. Т. 17. СПб., 1907. Стб. 59).

[5] Версия Никоновской летописи о том, что сам князь Юрий «присла... с грозами» к Василию II (ПСРЛ. Т. 12. СПб., 1901. С. 2), носит явно позднейшие черты.

[6] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Пг., 1915–1925. С. 380; Т. 5. СПб., 1851. С. 247–248; Т. 26. С. 165.

[7] ПСРЛ. Т. 26. С. 166; Т. 15. СПб., 1863. Стб. 487; Т. 23. С. 137 (6907 г.).

[8] НПЛ. С. 399.

[9] Подробнее см.: *Воронин Н.Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII – XV вв. Т. 2. С. 290–306.

[10] См.: *Ильин М.А.* Искусство Московской Руси эпохи Феофана Грека и Андрея Рублева. М., 1976.

[11] Прозвище Шемяка скорее всего восходит к татаро-монгольскому *чимэху*, что означает украшать, а отсюда *чимэк* – украшение, наряд. Если не считать сомнительного упоминания о некоем Василии Шемяке, рыльском князе XIII в. («Повесть о граде Курске»), то впервые прозвище Шемяка связывается с князем Дмитрием Юрьевичем. Прозвище Красный означает красивый. Неизвестно, когда Василия Юрьевича стали называть Косым. Некоторые историки связывают появление этого прозвища с его ослеплением в 1436 г. (см., например: *Черепнин Л.В.* Объединение русских земель вокруг Москвы // История СССР. Т. II. М., 1966. С. 99). Он так именуется в Устюжской летописи уже в

1433 г. (ПСРЛ. Т. 37. М., 1982. С. 85), в Никоновской летописи (ПСРЛ. Т. 12. С. 19), в Московском летописании 70-х годов XV в. в записи о его смерти (ПСРЛ. Т. 26. С. 208).

[12] Никакой роли в политической борьбе Иван Юрьевич не играл и умер в монашестве уже в 1432 г. (ПСРЛ. Т. 24. С. 182).

[13] ПСРЛ. Т. 26. С. 183.

[14] ДДГ. № 34. С. 87.

[15] ДДГ. № 24. С. 64, 66.

[16] ПСРЛ. Т. 26. С. 183; Т. 27 (Никаноровская летопись). С. 100. Соображения о «проордынской платформе» князя Юрия в 1425 г., высказанные И.Б. Грековым (см.: *Греков И.Б.* Указ. соч. С. 228–229), основаны на ошибочном выводе о передаче Улу-Мухаммедом в 1424 г. ярлыка на великое княжение нижегородское князю Даниилу Борисовичу; Даниил Борисович выдавал жалованные грамоты на нижегородские владения не в 1424 г., а в 1442 г., как это ясно из грамоты № 294 (АСЭИ. Т. III. С. 321). Нет никаких данных считать, что в 1425 г. на стороне князя Юрия выступали «ордынские силы» (см.: *Греков И.Б.* Указ. соч. С. 229).

[17] ПСРЛ. Т. 5 (Софийская I летопись по списку Царского). С. 263; Т. 6. С. 143; Т. 27 (Сокращенные своды конца XV в.). М., 1962. С. 268, 342. В Ермолинской и Типографской летописях этого рассказа 1425 г. нет (ПСРЛ. Т. 23. С. 146; Т. 24. С. 182). По другой версии, против князя Юрия послан был Константин Дмитриевич, но его поход был безрезультатным (ПСРЛ. Т. 26. С. 183; Т. 25. С. 246; Т. 27 (Никаноровская летопись). С. 100; Т. 28 М., 1963. С. 96). Текстологически близок к рассказу Московского свода 70-х годов XV в. о посылке князя Константина рассказ Ермолинской и Софийской II летописей под 1430 (6938) г. В последней говорится: «Того же лета князь Юрьи разверже мир с великим князем Василием, оставя Галич, седе в Новегороде Нижнем, князь же велики посла на него князя Костянтина...» (ПСРЛ. Т. 6. С. 143–144). Фраза о «развержении мира» есть в своде конца XV в. (ПСРЛ. Т. 25. С. 248 (под 1531 (7039) г.); Т. 8. СПб., 1859. С. 95 (зима); Т. 18. С. 171; Т. 28. С. 98). В Ермолинской летописи помещен под 1430 (6938) г. сходный текст: «А князь Юрьи разверже мир с великым князем и, оставя Галич, седе, шед, в Нижнем Новегороде; и князь великы посла на него рать с дядею своим, князем Костянтином...» (ПСРЛ. Т. 23. С. 146–147). Скорее всего поход Константина Дмитриевича и относился к 1430, а не к 1425 г.

[18] *Черепнин.* Образование. С. 746.

[19] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 59.

[20] В 1425 г. «воеваша устижане Заволочьскую землю; и новгородци ходиша на нех ратью к Устюгу и взяша на них окуп 50 000 белке и 6 сороков соболеи» (НПЛ. С. 415). Возможно, это столкновение было отголоском «брани» Василия II с князем Юрием.

[21] Из умолчания о Костроме как городе, через который ехал Фотий в Галич, П.П. Смирнов заключил, что митрополит направился из Ярославля в Железный Борок (см.: *Смирнов П.П.* Древний Галич и его важнейшие памятники // Ученые записки МГПИ им. В.П. Потемкина. Т. IX. Вып. 1. М., 1948. С. 94), но этим путем митрополит возвращался в Москву.

[22] ПСРЛ. Т. 26. С. 183–184.

[23] Пасынково находилось за Галичским озером на реке Вексе (см.: *Смирнов П.П.* Указ. соч. С. 95).

[24] ПСРЛ. Т. 26. С. 184.

[25] По Л.В. Черепнину, «Юрий явно хотел вернуться к тем порядкам, при которых любой князь мог рассчитывать получить от хана ярлык на великое княжение» (*Черепнин.* Образование. С. 748). Такой цели князь Юрий, на наш взгляд, не ставил. Он стремился обеспечить ярлык самому себе, и только.

[26] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 488. Речь шла об эпидемии черной оспы (см.: *Васильев К.Г., Сегал А.Е.* История эпидемий в России. М., 1960. С. 38).

[27] ПЛ. Вып. 2. С. 40. 2 февраля 1426 г. митрополит Фотий пишет в Псков специальное послание о моровой язве (РИБ. Т. 6. № 53. Стб. 465–472).

[28] ПСРЛ. Т. 26. С. 184.

[29] Там же.

[30] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 488, 489; Т. 27. С. 101; Т. 6. С. 143. Очевидно, заточение князя Василия связано с его промосковской политикой. Во всяком случае на его монетах, как и на московских, изображался всадник с соколом (*Мец.* С. 25).

[31] ПСРЛ. Т. 27. С. 342.

[32] ПСРЛ. Т. 6. С. 143; Т. 26. С. 184; Т. 27 (Никаноровская летопись). С. 101.

[33] Село Бисерово в Брашове (на Коломне) принадлежало митрополии (АФЗХ. Ч. I. № 112–114. С. 104–107). Его дал митрополиту Фотию некий Бисер.

[34] АФЗХ. Ч. I. № 198. С. 178; ПСРЛ. Т. 17. Стб. 59–60.

[35] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 60. 18 октября 1427 (6935) г. умер епископ ростовский Дионисий, на его место избрали 13 апреля 1428 г. Ефрема (ПСРЛ. Т. 24. С. 182). 9 июня 1427 г. скончался белозерский игумен Кирилл (ПСРЛ. Т. 12. С. 7).

[36] ПСРЛ. Т. 6. С. 142. В Софийской I летописи младшего извода отмечается: «...опять бысть мор во всех градех Русьскых велик зело» (ПСРЛ. Т. 5. С. 263). Тогда же мор был и на Вологде, и на Белоозере (*Клосс Б.М.* Вологодско-Пермские летописцы XV в. // Летописи и хроники. 1976. М., 1976. С. 269).

[37] ПСРЛ. Т. 26. С. 185.

[38] См.: *Барбашев А.* Витовт. Последние 20 лет княжения. СПб., 1891. С. 191; *Базилевич.* С. 37.

[39] Улу-Мухаммед после разгрома его Шахрузом (сыном Тохтамыша) к концу 1424 г. бежал к Витовту. В 1425 г. он уже господствовал в западных районах «Поля» (см.: *Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды. Саранск, 1960. С. 234–235). По московским сведениям, Витовт приходил с двором Улу-Мухаммеда («у царя Махметя испроси двор его»), литовцами, поляками и наемниками – чехами и немцами (ПСРЛ. Т. 26. С. 184).

[40] О поражении под Котелно см.: ПСРЛ. Т. 27 (Никаноровская летопись). С. 101, 343 (Сокращенный свод конца XV в.).

[41] См.: *Барбашев А.* Витовт. С. 195.

[42] ПСРЛ. Т. 26. С. 185.

[43] Подробнее о псковско-литовской войне см.: ПЛ. Вып. 1. С. 35–37; Вып. 2. С. 40–41, 121–123.

[44] ПЛ. Вып. 2. С. 41–42.

[45] ПЛ. Вып. 1. С. 38; Вып. 2. С. 42, 124: *Барбашев А.* Витовт. С. [illegible].

[46] *Барбашев А.* Витовт. С. 196. Ср.: письмо от 3 июля 1427 г. (см. там же. С. 195).

[47] Там же. С. 196–197; ДДГ. № 25. С. 67–68; № 26. С. 68.

[48] ПСРЛ. Т. 12. С. 6–7.

[49] ПСРЛ. Т. 5 (Софийская I летопись). С. 263; Т. 6. С. 143; Т. 17. Стб. 60; Т. 26. С. 185 (1428 (6936) г.).

[50] См.: *Черепнин.* Архивы. Ч. 1. С. 103; *Черепнин.* Образование. С. 748. В докончании есть пункт: «А переменит Бог Орду, не иму давати татаром, и тобе имати дань и ям с своее отчины собе». И.Б. Греков считает, что этими словами Василий I «в завуалированной форме констатировал наличие политических контактов Юрия с Улу-Мухаммедом» (*Греков И.Б.* Указ. соч. С. 231). Ничего подобного в договоре нет. Приведенный пункт основан на общем положении духовной Дмитрия Донского 1389 г. (ДДГ. № 12. С. 36).

[51] ДДГ. № 24. С. 63–67. Духовная грамота Петра Дмитриевича, известная еще Описи архива Посольского приказа 1626 г., до нас не дошла (Опись. Ч. 1. С. 41).

[52] «А князей ти моих служебных с вотчиною собе в службу не приимати. А которыи имут тобе служити, и им в вотчину свою не въступатися» (ДДГ. № 24. С. 65, 67). В докончании 1433 г. сказано «вотчины лишены» (ДДГ. № 30. С. 77, 79). Ранее подобный порядок устанавливался в отношении Твери и Литвы. Ср.: договор 1427 г. (ДДГ. № 23. С. 62).

[53] Опись. Ч. 1. С. 38–39.

[54] Подробнее см.: *Черепнин.* Архивы. Ч. 1. С. 102–103. Л.В. Черепнин полагал, что в недошедшем до нас «сепаратном договоре» Василия II с князем Юрием содержалась уступка последнему Дмитрова. Нам представляется это маловероятным. По мнению Г. Алефа, в 1428 г. князь Юрий был признан великим князем, как и Василий II (*Alef G.* The political Significance of the Inscriptions on Moscovite Coinage in the Reign of the Vasili II // Speculum. 1959. Vol. XXXIV. N 1. P. 7). Данные Описи архива Посольского приказа 1626 г. могут быть интерпретированы по-разному, поэтому заключение Г. Алефа, на наш взгляд, слишком поспешно. Ведь нумизматические свидетельства могут быть истолкованы как показатель подчинения князя Юрия Василию II.

[55] Новгородский летописец объясняет поход Витовта его обидой на новгородцев за то, что «назвали мя есте изменником» (ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 432).

[56] ДДГ. № 23. С. 62–63.

[57] ДДГ. № 25, 26. С. 67–69.

[58] ПЛ. Вып. 2. С. 42; ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 432.

[59] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 489.

[60] О них см.: *Янин В.Л.* Новгородские посадники. М., 1962. С. 276. В.Л. Янин допускает предположение, что в 1428 г. оба посадничали в Порхове.

[61] ПЛ. Вып. 1. С. 38; Вып. 2. С. 42; ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 432; Т. 15. Стб. 489 («окуп» – 12 000 руб.); Т. 16. СПб., 1889. Стб. 178; Т. 23. С. 146; Т. 26. С. 185–186 («окуп» – 8500 руб. и за «полон» 2000 руб.).

[62] ПЛ. Вып. 1. С. 38; Вып. 2. С. 124; *Казакова.* С. 61.

[63] ДДГ. № 33. С. 86.

[64] Возможно, князя Юрия в городе не было, ибо пре-

следовали ордынцев после их набега полки Василия II, а не галицкие.

[65] ПСРЛ. Т. 23. С. 146; Т. 26. С. 186 («града не взяша»); Т. 27 (Сокращенный свод конца XV в.). С. 343.

[66] ПСРЛ. Т. 26. С. 186.

[67] ПСРЛ. Т. 27 (Сокращенный свод конца XV в.). С. 269; Т. 5 (Софийская I летопись по списку Царского). С. 263.

[68] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 61; *Барбашев А.* Витовт. С. 199, 260.

[69] См.: *Барбашев А.* Витовт. С. 261. По русским летописям, Витовт умер 24 октября (ПСРЛ. Т. 26. С. 186; Т. 18. Стб. 170).

[70] ПСРЛ. Т. 12. С. 9 (октябрь 1430 (6939) г.); Т. 23. С. 147 (1430 (6938) г.); Т. 26. С. 186 (6938 г.). В Московском своде конца XV в. (ПСРЛ. Т. 25. С. 248) напечатано ошибочно: «Новагорода не взят» вместо «но города не взят».

[71] См.: *Сафаргалиев М.Г.* Указ. соч. С. 235. В русских летописях под 1430/31 г. сообщалось: «Тогда же засуха велика была, земля и болота горели, мъгла же стояла 6 недель, яко и солнца не видети, и рыбы в воде мерли» (ПСРЛ. Т. 23. С. 147).

[72] ПСРЛ. Т. 12. С. 9; Т. 26. С. 186.

[73] ПСРЛ. Т. 6. С. 143–144; Т. 23. С. 146–147.

[74] ПСРЛ. Т. 12. С. 9; Т. 26. С. 187.

[75] ПСРЛ. Т. 26. С. 187. По другим данным – 1 июля (см.: *Клосс Б.М.* Указ. соч. С. 269).

[76] *Казакова.* С. 61.

[77] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 489.

[78] ГВНП. № 63. С. 105–106. Подробнее см.: *Черепнин.* Архивы. Ч. 1. С. 330–333; *Базилевич.* С. 41.

[79] Сохранилось письмо Свидригайла из Смоленска ливонскому магистру Павлу от 9 мая 1431 г. В нем приводится письмо Улу-Мухаммеда Свидригайле, в котором ордынский хан сообщал об освобождении Григория Протасьева и о том, что он зимой 1430 г. посылал под Киев 12 000 воинов. Улу-Мухаммед собирался и теперь послать в помощь литовскому великому князю своего сына Мамутяка и зятьев Елбердея и Айдара (*Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. V. СПб., 1842. Примеч. 264; *Коцебу А.* Свидригайло, великий князь литовский. СПб., 1835. С. 93–94).

[80] LECUB. Bd VIII. Riga; Moscau, 1884. N 462. S. 271.

[81] ПЛ. Вып. 2. С. 43.

[82] О перемирии 1 сентября 1431 г. Свидригайла с польским королем Ягайлом см.: *Бучинський Б.* Кілька причинків до часів вел. князя Свидригайла (1430–1433) // Записки Наукового товариства імени Шевченка. Т. LXXVI. Кн. 2. Львів, 1907. С. 117–142.

[83] *Jablonowski H.* Westrussland zwischen Wilna und Moskau. Leiden, 1961. S. 27; *Kolankowski L.* Dzieje Wielkiego Ksiestwa Litewskiego za Jagiellonów. T. 1. Warszawa, 1930. S. 187–191.

[84] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 489; Т. 32. М., 1975. С. 154.

[85] ПЛ. Вып. 1. С. 40; *Любавский М.К.* Литовско-русский сейм. М., 1901. С. 78 (по другим данным – 8 декабря).

[86] ПСРЛ. Т. 12. С. 15.

[87] ПЛ. Вып. 2. С. 126.

[88] ДДГ. № 24. С. 67.

[89] ПЛ. Вып. 1. С. 39. Один из псковских летописцев, говоря о поездке Василия II и Юрия Дмитриевича в Орду и их возвра-

щении, называет их в обоих случаях «великими князьями» (ПЛ. Вып. 2. С. 126).

[90] Некий Тегиня Шиков участвовал в походе Едигея на Москву в 1408 г. (ПСРЛ. Т. 23. С. 142).

[91] Князья Юрий и Свидригайло женаты были на дочерях смоленского князя Ивана Святославича (Редкие источники. Вып. 2. С. 26–27). В связи с этим летописец и называет их «побратимами». Имя этой жены Свидригайла, заключенной еще Витовтом в темницу, было, очевидно, Софья (*Коцебу А.* Свидригайло... С. 67, 205). По-видимому, в 1430 г. Свидригайло женился на дочери тверского князя Ивана Ивановича вторым браком (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 489). Этого не учитывает П. Нитче в своей трактовке термина «побратим» летописного рассказа 1431 г. (*Nitsche P.* Grossfürst und Thronfolger. Köln; Wien, 1972. S. 44–45).

[92] ПСРЛ. Т. 26. С. 188.

[93] По А.Е. Преснякову, речь шла о ярлыке, который еще при жизни Василий I исхлопотал для своего сына (см.: *Пресняков.* С. 387). Л.В. Черепнин считал, что И.Д. Всеволожский просто говорил о праве хана «выдать ярлык тому, кому он найдет нужным» (*Черепнин.* Архивы. Ч. 1. С. 105). Нам представляется, что хану предъявлены были какие-то документы («по твоему цареву жалованию и по твоим девтерем и ярлыком»), скорее всего ярлыки Василия I. См. также замечание и П. Нитче (*Nitsche P.* Op. cit. S. 49–50).

[94] По летописи, И.Д. Всеволожский говорил, что Василий I «великое княжение дал сыну своему великому князю Василью» (ПСРЛ. Т. 26. С. 188). Но в завещании Василия I 1423 г. об этом сказано неопределенно: «А даст Бог сыну моему великое княжение, ино и яз сына своего благословляю» (ДДГ. № 22. С. 61).

[95] ПСРЛ. Т. 26. С. 187–188.

[96] Василий II и ссылался на то, что Дмитров – выморок «дяди моего князя Петра» (ПСРЛ. Т. 24. С. 182).

[97] ДДГ. № 27. С. 70.

[98] ДДГ. № 30. С. 76.

[99] В докончании с Василием Ярославичем (осень 1432 г.) говорилось: «А давати ми, господине, тобе, великому князю, с своеи отчины по тому розводу, как наперед сего давали в выход и в ям» (ДДГ. № 27. С. 71).

[100] *Лурье.* С. 9–10.

[101] ПСРЛ. Т. 26. С. 188.

[102] ПСРЛ. Т. 5 (Софийская I летопись по списку Царского). С. 264; Т. 6. С. 148; Т. 27 (Сокращенный свод конца XV в.). С. 344. Л.В. Черепнин считал верной новгородско-псковскую версию о том, что по прибытии на Русь ни один из соперников не считался официально великим князем. Лишь через три с половиной месяца явился Мансырь, утвердивший на престоле Василия II (см.: *Черепнин.* Образование. С. 754; *Nitsche P.* Op. cit. S. 52). Но согласно Сокращенным сводам конца XV в., Софийской I летописи по списку Царского и Софийской II, Мансырь прибыл вместе с Василием II.

[103] ПЛ. Вып.1. С. 39.

[104] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 433; Т. 16. Стб. 178; НПЛ. С. 416.

[105] ПСРЛ. Т. 24. С. 182.

[106] НПЛ. С. 416.

[107] ПСРЛ. Т. 27. С. 103; Т. 26. С. 188; Т. 6. С. 148 (9 июля).

[108] ПСРЛ. Т. 18. С. 172; Т. 27 (Никаноровская летопись). С. 103 (Сокращенный свод конца XV в.).

Борьба за Москву (с. 49–68)

[1] ПСРЛ. Т. 27 (Сокращенный свод конца XV в.). С. 269. Мать отца Марии, княгиня Евпраксия, умерла только 15 сентября 1437 г. (ПСРЛ. Т. 12. С. 24). Сохранилось ее завещание (ДДГ. № 28. С. 71–73).

[2] ПСРЛ. Т. 24. С. 181. Подробнее см.: *Веселовский*. С. 335–337.

[3] По позднейшей версии этому воспротивились («не возхоте сего») как сам Василий II, так и его мать (ПСРЛ. Т. 12. С. 17).

[4] См.: *Лурье*. С. 10. Согласно версии Медоварцевского летописца, Всеволожский был ослеплен сразу после поездки в Орду. По более поздней версии Всеволожский служил Василию II «со всем предложением и истинным сердцем во Орде» (ПСРЛ. Т. 12. С. 17). После побега у И.Д. Всеволожского были конфискованы владения, в частности села Бежецкого Верха (ДДГ. № 30. С. 76).

[5] ПСРЛ. Т. 26. С. 189.

[6] ДДГ. № 27. С. 69–71.

[7] ДДГ. № 5. С. 19–21.

[8] ДДГ. № 27. С. 69–71. Позднее термин «поганин» заменен более емким понятием «иноверец» (ДДГ. № 58. С. 182).

[9] ДДГ. № 30. С. 79.

[10] Опись. Ч. 1. С. 39–40; ср.: ДДГ. № 33. С. 84. Текст этого докончания не сохранился. Судя по упоминанию об этом докончании, он составлен был в 6941 г., т.е. между 1 сентября 1432 и 31 августа 1433 г. Договор был заключен, «коли Кичи-Ахмет царь воевал Резанскую землю», т.е. после сентября 1432 г., ибо летом 1432 г. этот ордынский «царь» еще воевал владения Улу-Мухаммеда (ПСРЛ. Т. 26. С. 188). Очевидно, на Рязанскую землю он напал вскоре после этого (Описи Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. М., 1960. С. 51).

[11] АСЭИ. Т. I. № 74. С. 65–66. И.А. Голубцов склоняется к дате «1433 г.» (мартовский стиль). Это предположение противоречит сентябрьскому стилю других великокняжеских актов того времени и обстановке, сложившейся после свадьбы Василия II. В 1433 г. Бежецкий Верх был уже пожалован князю Дмитрию Юрьевичу Меньшому. Возможно, к этому времени относится и жалованная грамота церкви в селе Присеки (АСЭИ. Т. I. № 76. С. 67).

[12] ПСРЛ. Т. 23. С. 147 («имался за пояс у князя Васильа у Юрьевича у Косого»). З.И. Кошкин говорил якобы: «Тот пояс пропал у меня, коли крали казну мою» (ПСРЛ. Т. 37. С. 85).

[13] ПСРЛ. Т. 26. С. 189.

[14] См.: *Веселовский*. С. 342.

[15] ДДГ. № 12. С. 36.

[16] ДДГ. № 22. С. 61.

[17] ДДГ. № 29. С. 75.

[18] ПСРЛ. Т. 26. С. 189.

[19] ПСРЛ. Т. 23. С. 147.

[20] *Веселовский.* С. 342–343.
[21] См.: *Черепнин.* Образование. С. 756–757.
[22] ПСРЛ. Т. 26. С. 189.
[23] См.: *Веселовский.* С. 342.
[24] АСЭИ. Т. III. № 12. С. 27–29.
[25] *Тихомиров М.Н.* Средневековая Москва в XIV – XV вв. М., 1957. С. 95–96; *Он же.* Древняя Москва. М., 1947. С. 81–82.
[26] *Черепнин.* Архивы. Ч. 2. С. 353; *Черепнин.* Образование. С. 754–755.
[27] Н.Д. Мец полагала, что реформа Софьи и Всеволожского, о которой говорила Запись о душегубстве, проведена была после смерти митрополита Фотия (см.: *Мец.* С. 46). При оценке деятельности И.Д. Всеволожского она исходила из представления о нем как о противнике объединительных тенденций (в отличие от Фотия), что, на наш взгляд, неверно.
[28] См.: *Мец.* С. 46–52.
[29] ПСРЛ. Т. 26. С. 189.
[30] ПСРЛ. Т. 5. С. 265. О походе сообщается во всех списках Софийской I летописи, об участии в нем Василия и Дмитрия Юрьевичей – в Софийской I летописи по списку Царского.
[31] ПСРЛ. Т. 26. С. 189. Речь идет о Ф.А. Старко. С.Б. Веселовский колебался в отождествлении этих лиц (см.: *Веселовский.* С. 402).
[32] Позднее в докончании с Василием II (1433 г.) князь Юрий писал: «А что князь Василеи Ярославич имал мою вотчину или люди его грабили мою вотчину, а на то суд и исправа» (ДДГ. № 30. С. 77). В докончании с князем Юрием рязанский князь Иван Федорович позднее писал: «А что есми посылал свою рать с твоим братычем, со князем с Васильем, и воевали, и грабили, и полон имали» (ДДГ. № 33. С. 86).
[33] «А от москвич не бысть никоея помощи, мнози бо пьяни от них, а и с собою мед везяху, что пити еще» (ПСРЛ. Т. 26. С. 189). Великий князь «выиде противу их не во мнозе, и побився мало, и побеже к Москве», а оттуда в Тверь и на Кострому (ПСРЛ. Т. 23. С. 147). Он «не возмог бо противитися, понеже не поспел совокупитися» (ПСРЛ. Т. 6. С. 148).
[34] ПЛ. Вып. 1. С. 41.
[35] ДДГ. № 30. С. 77. С.В. Бахрушин писал, что 600 руб. Василий II «платил в Орду за своего дядю Юрья» (*Бахрушин С.В.* Княжеское хозяйство XV и первой половины XVI в. // Сборник статей, посвященных В.О. Ключевскому. М., 1909. С. 604). Этого в тексте документа нет.
[36] ПСРЛ. Т. 27 (Сокращенные своды конца XV в.). С. 270, 344.
[37] ПСРЛ. Т. 26. С. 190; Т. 27 (Сокращенные своды конца XV в.). С. 270, 344.
[38] ПСРЛ. Т. 23. С. 147. Замена «галицких князей» (Сокращенные своды конца XV в.) на «удельных князей» (Ермолинская летопись) отражает, по нашему мнению, уже время борьбы Василия II с Дмитрием Шемякой. В Софийской II летописи говорится: «...вси людие от князя Юрия побегоша к нему служити, от мала и до велика» (ПСРЛ. Т. 6. С. 148).
[39] ПСРЛ. Т. 12. С. 18; ср: Т. 27 (Сокращенный свод конца XV в.). С. 344.
[40] ПСРЛ. Т. 12. С. 18.
[41] ПСРЛ. Т. 26. С. 190; Т. 23. С. 147. По Л.В. Черепнину,

С.Ф. Морозов был «организатором заговора в пользу Василия II» (*Черепнин*. Архивы. Ч. 1. С. 111). Источники не дают оснований для подобного утверждения.

[42] ПСРЛ. Т. 23. С. 147.

[43] ПСРЛ. Т. 6. С. 148.

[44] См.: *Веселовский*. С. 512–513.

[45] ПСРЛ. Т. 23. С. 147.

[46] ПСРЛ. Т. 26. С. 190; Т. 23. С. 147 («иде в свои град в Рузу»). В 1447 г. церковные иерархи писали, что князь Юрий «с великим челобитьем великого князя Василья на великое государьство призвал, а сам с великого княжения в пяти человецех съехал» (АИ. Т. I. № 40. С. 76). В Тверском сборнике говорится, что князь Юрий «съехал с Москвы в Галичь с своими детми, с Василием, с Шемякою, с Дмитрием» (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 490). Л.В. Черепнин считал поэтому отъезд Юрия Дмитриевича «тактическим маневром, заранее продуманным галицким князем и согласованным им со своими детьми» (*Черепнин*. Образование. С. 760). Сведение Тверского сборника резко противоречит другим показаниям источников, считающих, что «дети от него (Юрия) побежали».

[47] ДДГ. № 30. С. 76; «докончалные поимали на том и крест целовали, что великому князю в его отчину не въступатися, а князю Юрью княжения не хотети, ни детеи своих приимати, ни помочи им не дати на великого князя» (ПСРЛ. Т. 23. С. 147). В великокняжеском своде середины XV в. про обязательства Василия II не говорится, а князь Юрий якобы «умирися на том, что ему детей к себе не приимати и помочи им не давати» (ПСРЛ. Т. 26. С. 190).

[48] «И умирився, князь Юрьи поиде в Галич, а князь великы князя Юрья Патрекеевича посла воеводою на Юрьевичи со всем своим двором» (ПСРЛ. Т. 23. С. 147).

[49] Л.В. Черепнин считал, что князь Юрий лишь «стремился парализовать этим бдительность великого князя, а затем начать против него организованное выступление» (*Черепнин*. Образование. С. 760–761). Вряд ли это было так, ибо позднее, в битве на Куси, князь Юрий не участвовал.

[50] Вообще-то князь Юрий был при деньгах. Один только суздальский князь Александр Иванович Брюхатый задолжал ему 500 руб. под заклад своих сел (ДДГ. № 35. С. 91).

[51] ГВНП. № 19. С. 34–36.

[52] Насилия над новгородскими купцами в Ливонии в начале 30-х годов XV в. не прекращались (см.: *Казакова*. С. 109).

[53] ГВНП. № 64. С. 106–108.

[54] ГВНП. № 67. С. 110–112.

[55] ПЛ. Вып. 2. С. 43, 44, 127.

[56] ПЛ. Вып. 1. С. 43; Вып. 2. С. 45.

[57] *Черепнин*. Архивы. Ч. 1. С. 359.

[58] ПСРЛ. Т. 26. С. 190. Л.В. Черепнин писал, что «речь идет в первую очередь об отрядах вятских бояр, стремившихся к независимости от московской великокняжеской власти». Движение против централизаторской политики московских князей «могло находить сочувственный отклик среди широких слоев населения окраин» (*Черепнин*. Образование. С. 761). Последняя формулировка, думается, более верно, чем первая, передает причину поддержки князя Юрия вятчанами.

[59] ПСРЛ. Т. 24. С. 182; Т. 26. С. 190. Река Кусь – приток

реки Немды, впадающей в Волгу севернее Юрьевца (на Волге). Кусь протекала восточнее Костромы и южнее Галича.

[60] ПСРЛ. Т. 24. С. 182.

[61] ПСРЛ. Т. 26. С. 190. По версии Ермолинской летописи Юрьевичи, узнав о движении Юрия Патрикеевича, отступили с Костромы к Куси, «а в то время приспеша к ним вятчане, и от отца прииде им помочь, и бысть им бои, и одолеша Юрьевичи» (ПСРЛ. Т. 23. С. 147–148).

[62] «Князь великы, слышав измену дяди своего князя Юрья, что детем своим помочь посылал на великого князя заставу, и поиде князь великы Галича воевати на зиме тои» (ПСРЛ. Т. 23. С. 148); «...слышев измену дяди своего князя Юрья, что на бою у детеи его были воеводы его со многими людьми» (ПСРЛ. Т. 26. С. 190). В первом случае говорится прямо о посылке помощи князем Юрием своим сыновьям, а в другом - просто о том, что с Юрьевичами были воеводы их отца.

[63] ПЛ. Вып. 1. С. 42.

[64] «Того же лета князя великого Иван Дмитриевичь поимал, и с детьми, да и очи ему вымали» (ПСРЛ. Т. 23. С. 148). Сообщение помещено перед записью о походе на Галич. В него вкралась ошибка. Следует читать: «...князь велики Ивана Дмитреевича...» В Тверской летописи (перед галицким походом) говорится: «Князь великий Василей Московский Ивана Дмитриевича поимал и велел его ослепити, а сам, собрав силу, пошел на Галич» (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 490). В Медоварцевском летописце сообщается, что еще в 1432 г. «вражиим съветом и злых человек оклеветанием... поиман бысть болярин великого князя Иван Дмитриевич, оклеветан и зрака лишен» (*Лурье*. С. 10). С.Б. Веселовский, ссылаясь на упоминание о конфискации владений Всеволожского в докончании 25 апреля – 28 сентября 1433 г. (ДДГ. № 30. С 76), относит ослепление боярина ко времени его приезда на Коломну в 1433 г. (см.: *Веселовский*. С. 513). Однако во временном отношении эти два события могли и не быть связаны.

[65] ПСРЛ. Т. 26. С. 190; Т. 15. Стб. 490 («много зла сътворил Галичю, а князь Юрый съехал на Белоозеро»); Т. 37. С. 85 («и повоева, и пожже, а город не взял, а Косои да Шемяка в городе отсиделися»). В Ермолинской летописи сказано неопределенно: «Галич повоевал и пожегл и в полон повел» (ПСРЛ. Т. 23. С. 148). В поздних московских летописях говорится о бегстве князя Юрия и взятии Галича: Юрий «беже к Белуозеру, а князь великии город Галич взя и сожже» (ПСРЛ. Т. 26. С. 190). В псковских летописях тоже упоминается о взятии Галича: «...повоева землю Галицькую и град Галич взят» (ПЛ. Вып. 1. С. 42).

[66] ПСРЛ. Т. 26. С. 190 (по Московской летописи, Василий II «возвратися на Москву»); «церкви святыя пожже и манастыри, и много людии посече, и много крови пролит... и, учинив пакости много, прииде в Переаславль» (ПЛ. Вып. 1. С. 42).

[67] ДДГ. № 31. С. 80–82.

[68] ГВНП. № 19. С. 34–36.

[69] ДДГ. № 33. С. 86.

[70] ДДГ. № 32. С. 83.

[71] Там же.

[72] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 490 («вятчане с нимъ»).

[73] ПСРЛ. Т. 26. С. 190; Т. 15. Стб. 490 (20 марта);

Т. 24. С. 182 (на реке Могзе); ПЛ. Вып. 1. С. 42 (16 марта); Т. 18. С. 174 (5 апреля); Т. 23. С. 148 (за вятчанами послал князь Юрий еще зимой, а бой произошел в Лазареву субботу). Река Могза – приток Устьи, впадающей в Которосль.

[74] ПСРЛ. Т. 23. С. 148.

[75] ПЛ. Вып. 1. С. 42 (31 марта); НПЛ. С. 417.

[76] ПСРЛ. Т. 26. С. 190.

[77] НПЛ. С. 417 («выиха весь великыи Новъгород ратью на поле на Заречьскую сторону к Жилотугу»).

[78] НПЛ. С. 415.

[79] НПЛ. С. 417.

[80] ПСРЛ. Т. 23. С. 148.

[81] ПСРЛ. Т. 26. С. 190.

[82] Там же; ПЛ. Вып. 1. С. 42 (1 апреля); НПЛ. С. 417 (1 апреля).

[83] ПСРЛ. Т. 23. С. 148. По Софийской I летописи, с князем Юрием была «сила велика и Вятьска рать», а затем «гражане же отвориша ему град Москву» (ПСРЛ. Т. 5. С. 266). В Софийской I летописи по списку Царского сказано, что «у города стоял неделю». По псковским сведениям, «московичи же град ему отвориша» (ПЛ. Вып. 1. С. 42). Московские летописи о поведении горожан умалчивают, лишь глухо говорят, что князь Юрий «город взят» (ПСРЛ. Т. 26. С. 190).

[84] ПСРЛ. Т. 23. С. 148; Т. 27. С. 345. Н.Д. Мец считала, что великая княгиня Софья сослана была в Рузу, и с ее пребыванием там связывала рузский монетный клад (см.: *Мец*. С. 54).

[85] ПСРЛ. Т. 26. С. 190. По Софийской II летописи, которая соединяет обе версии, княгини оказываются сосланными в Рузу и Звенигород (ПСРЛ. Т. 6. С. 149); по Софийской I летописи – в Звенигород; по списку Царского – в Рузу (ПСРЛ. Т. 5. С. 266).

[86] ПЛ. Вып. 1. С. 42.

[87] *Коцебу А.* Свидригайло... С. 190–191. 26 апреля Свидригайло писал, что князь Юрий уже прислал к нему своего сына «с многочисленным войском» (Там же. С. 195–196).

[88] ПСРЛ. Т. 26. С. 191; НПЛ. С. 417. По псковским сведениям, 24 апреля (ПЛ. Вып. 1. С. 42).

[89] ПСРЛ. Т. 23. С. 148. В великокняжеских сводах 70-х годов XV в. этих подробностей нет, речь идет лишь о том, что Василию II «не бысть ниоткуду помощи» (ПСРЛ. Т. 26. С. 191).

[90] Последнее упоминание о князе Константине как о живом содержится в докончании 25 апреля – 28 сентября 1433 г. (ДДГ. № 30. С. 76). В договоре от 5 июня 1434 – 5 января 1435 г. он упомянут уже как умерший (ДДГ. № 34. С. 87). Так как князь умер 9 мая (*Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т.V. Примеч. 122), то датировать его смерть следует скорее всего 1434 г.

[91] ДДГ. № 33. С. 83–87. Еще в бытность галицким князем Юрий Дмитриевич заключил какое-то докончание с великим князем рязанским Иваном Федоровичем. Текст его не сохранился (Опись. Ч. 1. С. 39).

[92] ДДГ. № 32. С. 82–83.

[93] «А не канчивати вам без мене, ни ссылатися с моим братаничем, со князем с Васильем, ни с ыным ни с кем».

[94] ДДГ. № 47. С. 142.

[95] Поэтому трудно согласиться с Л.В. Черепниным, считавшим галицких князей (и в их числе Юрия Дмитриевича) носи-

телями ярко выраженного сепаратизма (см.: *Черепнин.* Образование. С. 743–744). См. также замечания в его адрес, сделанные П. Нитче (*Nitsche P.* Grossfürst und Thronfolger. S. 55–57).

[96] См.: *Мец.* С. 54.

[97] ПСРЛ. Т. 5. С. 266 (дата смерти «5 июня» содержится в Софийской I летописи; о сыновьях говорится в Софийской I летописи по списку Царского); Т. 15. Стб. 490 (4 июля); Т. 24. С. 182 (похоронен в Петрово заговенье); Т. 37. С. 85 (6 июля, в Петрово заговенье); Т. 23. С. 148 (точной даты нет); Т. 26. С. 191 (точной даты нет).

[98] ДДГ. № 29. С. 73–75.

[99] История русского искусства. Т. II. М., 1954. С. 232–233.

Авантюра Василия Косого (с. 69–78)

[1] ПСРЛ. Т. 26. С. 191 («По сем же и сам присла к ним, поведа отчю смерть, а свое здоровие и княжение»). Юрьевичи получили первое известие о событиях в Москве еще до присылки вести от Василия Косого («прииде к ним весть, что отец их князь Юрьи преставился, а брат их стареишии, князь Василеи, седе на великом княжении на Москве»).

[2] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 490; Т. 26. С. 191.

[3] ПСРЛ. Т. 26. С. 191. Л.В. Черепнин объяснял переход младших Юрьевичей на сторону Василия II тем, что «им стало известно, что положение Василия Юрьевича в Москве было далеко не прочным» (*Черепнин.* Образование. С. 763). Нам представляется, что, наоборот, Юрьевичи, не зная реальной обстановки в Москве, опасались всевластия Василия Косого и поэтому примкнули к его противнику, ссылаясь на его «старейшинство».

[4] ПЛ. Вып. 2. С. 45.

[5] ПСРЛ. Т. 26. С. 191; Т. 23. С. 148. В Псковской летописи запись о прибытии Василия Косого в Новгород помещена после записи 22 июля (ПЛ. Вып. 2. С. 130). Загадочный князь Роман «Переяславский» в той же летописи (ПЛ. Вып. 2. С. 45) появился, возможно, в результате ошибки летописца. У князя Ивана Васильевича, занимавшего ярославский престол еще в 1425 г., старшим сыном был Роман (Редкие источники. Вып. 2. С. 102). Вероятно, именно о нем говорит Псковская летопись. Князь Роман бежал от Василия Косого, когда тот прибыл в Новгород. Роман был «пойман» и погиб после того, как у него отрубили ногу и руку.

Н.Д. Мец установила, что после князя Ивана Ярославское княжество перешло к его третьему сыну – Василию (см.: *Мец Н.Д.* Ярославские князья по нумизматическим данным //Советская археология. 60. № 3. С.134, 137). Возможно, до Василия некоторое время Ярославлем распоряжался Роман. Следующий по старшинству (второй) сын князя Ивана, Александр, в родословцах показан «бездетным», т.е. скорее всего умер он в малолетстве или постригся в монахи. После Романа, очевидно, княжил Василий, а затем уже (около 1436 г.) его двоюродный брат Александр Федорович Брюхатый.

[6] В докончании Василия II с Василием Косым (весна 1435 г.) говорилось: «А которые гости и суконики вскоромолили на тобя, великого князя, и на твою матерь, великую кнегиню, да

вышли с Москвы во Тверь в наше розмирие, а тех ми не приимати» (ДДГ. № 36. С. 104).

[7] В Вологодско-Пермской летописи о Ржеве не говорится: «...князю Дмитрею Шемяке дал Углечь державу (очевидно, описка: «державу» вместо «да Ржеву». – *А.З.*), а меншому князю, Дмитрею, Бежетцкой Верх» (ПСРЛ. Т. 26. С. 191). Но Ржева упомянута и в Московском своде конца XV в. (ПСРЛ. Т. 25. С. 252), и в Ермолинской летописи: «...придал князю Дмитрею Шемяке Углечь Поле да Ржеву, а князю Дмитрею меншему Бежецкы верх» (ПСРЛ. Т. 23. С. 148). См. тексты докончания: ДДГ. № 34. С. 87–89; Докончальная грамота великого князя Василия Васильевича с галицкими князьями //Археографический ежегодник за 1977 г. М., 1978. С. 353-356. Договор упоминается в докончании Василия II с Василием Косым весной 1435 г. (ДДГ. № 36. С. 101, 103). См. грамоту Дмитрия Шемяки (1434 – 10 февраля 1446 г.) на владения на Угличе, выданную Троицкому монастырю (АСЭИ. Т. I. № 115. С. 91–92).

[8] НПЛ. С. 417 («много пограби, едуци по Мьсте, и по Бежичкому верху, и по Заволочью»); ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 434; Т. 16. Стб. 179. Заволочье находилось между Пустой Ржевой и Великими Луками (в районе озера Паце).

[9] «А Бежецькии вы Верх держати по старине с Новымгородом» (ДДГ. № 34. С. 88).

[10] ПЛ. Вып. 2. С. 131. В Софийской I летописи говорится, что Василий Косой «поеха на Заволочье и оттоле взя мир с великым князем» (ПСРЛ. Т. 5. С. 28). Скорее всего в летописи допущена путаница, и речь идет о мире, заключенном в 1435 г.

[11] ПСРЛ. Т. 23. С. 148.

[12] ПСРЛ. Т. 26. С. 191 («у Кузмы Дамьяна на Которосли»); Т. 24. С. 183 («межи Кузминьскым и Великым селом»).

[13] ПСРЛ. Т. 5 (Софийская I летопись по списку Царского). С. 266; Т. 26. С. 191.

[14] ПСРЛ. Т. 24. С. 183. В докончании 1438–1439 гг. упоминается «полон... тверьскы и кашиньскы» (ДДГ. № 37. С. 106), попавший к Василию II, очевидно, во время военных действий с Василием Косым.

[15] ПСРЛ. Т. 24. С. 183.

[16] ПСРЛ. Т. 23. С. 148.

[17] ПСРЛ. Т. 24. С. 183. Далее в Типографской летописи говорится, что Василий Косой пошел в Заволочье. Очевидно, в ней спутаны события 1434 и 1435 гг. В Ермолинской летописи заозерский князь ошибочно назван Федором Дмитриевичем, причем говорится о пленении его матери: Косой «угони на Волочке княгиню Марью, с дочерью и с снохами, княжю Дмитрееву, а княжю Федорову матерь, а сам князь Феодор утекл» (ПСРЛ. Т. 23. С. 148). В докончании с Василием Косым (весна 1435 г.) Василий II упоминал, что Косой «поимал у моих князей и у бояр на Вологде» (ДДГ. № 36. С. 102). Позднее (около 1437–1439 гг.) великий князь тверской Борис Александрович в докончании с Василием II настаивал, чтобы «полон ти, брате, нашь тверьскы и кашиньскы отпустити без откупа. А кто купил полоняника, и он возмет цену по целованию» (ДДГ. № 37. С. 106).

[18] В докончании с Василием Косым (весна 1435 г.) Василий II писал: «А что еси поимал полон, и твои люди и вятчане, в моеи вотчине в великом княжении, и моеи братьи молодшеи вотчине, белозерьскои полона и ярославьскои, и тобе тот

полон весь отдати по целованию» (ДДГ. № 36. С. 102).

[19] «...И бысть ему весть; он же единъ перебеже межи коръ Сухону, на Дымкову сторону, а кто не поспел людеи его за нимъ, и Устюжане тех побили, а что были иманци князя великого бояре, тех всех отполонили у него» (ПСРЛ. Т. 23. С. 148–149). В докончании весной 1435 г. упоминались «инятци поиманы на бою, и устьжские, и кто где изыман» (ДДГ. № 36. С. 102).

[20] ПСРЛ. Т. 26. С. 191; ср.: ДДГ. № 36. С. 101.

[21] ПСРЛ. Т. 23. С. 149; Т. 26. С. 191; Т. 27 (Сокращенный свод конца XV в.). С. 345; Т. 37. С. 86.

[22] ПСРЛ. Т. 27 (Сокращенный свод конца XV в.). С. 345; Т. 37. С. 86. Судя по родословным данным, свадьба состоялась (Редкие источники. Вып. 2. С. 12). 13 июня 1436 г. в докончании с Василием II Дмитрий Шемяка упоминал завещание («душевную грамоту») своего тестя (ДДГ. № 35. С. 91).

[23] ПСРЛ. Т. 26. С. 191.

[24] «По-видимому, – писал Л.В. Черепнин, – в данное время Василий Юрьевич поддерживал связь со своим братом Дмитрием Шемякой» (*Черепнин.* Образование. С. 766). Если бы это было так, то вряд ли бы князь Дмитрий отправился в Москву.

[25] ПСРЛ. Т. 23. С. 149; Т. 26. С. 191–192 («двор брата его князь Дмитреев Шемякин с ним же»).

[26] ПСРЛ. Т. 26. С. 192.

[27] Сначала Иван Друцкий приехал в Псков, где пробыл до половины зимы 1435/36 г. (ПЛ. Вып. 2. С. 45; ПСРЛ. Т. 26. С. 192). Приезжал он на Русь еще в 1424 г. (ПСРЛ. Т. 26. С. 182–183).

[28] ПСРЛ. Т. 5 (Софийская I летопись по списку Царского). С. 267; Т. 23. С. 149; Т. 26. С. 192; *Насонов А.Н.* История русского летописания XI – начала XVIII в. М., 1969. С. 330–331.

[29] ПСРЛ. Т. 24. С. 183.

[30] По Ермолинской летописи, Василий Косой прислал к великому князю в качестве парламентера чернеца Русана «от Бориса и Глеба» и взял перемирие. А когда великокняжеские полки «вси разъехашася по кормы», он, двигаясь от Устюга на Вологду, пошел от села Болтина, лежавшего к северу от Волги (ПСРЛ. Т. 23. С. 149). Александр Русан известен как солевар и старец Троицкого монастыря (АСЭИ. Т. I. № 83. С. 70 (1435–1445 гг.); № 102. С. 82; № 116. С. 93; № 214. С. 149). Около 1445–1453 гг. он дал варницу в Симонов монастырь в Ростовской земле (АСЭИ. Т. II. № 344. С. 341). О нем подробнее см.: *Ивина Л.И.* Крупная вотчина Северо-Восточной Руси конца XIV – первой половины XVI в. Л., 1979. С. 66–67. Борисоглебский монастырь находился под Ростовом на реке Устьи (притоке Костромы). По А.Н. Насонову, речь должна идти о Борисоглебской пустыни на Сухоне (см.: *Насонов А.Н.* Указ. соч. С. 330).

[31] ПСРЛ. Т. 37. С. 86; Т. 4. Ч. 1. С. 435; Т. 24. С. 183; Т. 26. С. 192; НПЛ. С. 418.

[32] П.Н. Луппов, путая ярославского князя Александра Брюхатого с суздальским князем Александром, полагал, что Василий II ослепил Василия Косого за «вероломство вятчан», которые увезли ярославского князя на Вятку (см.: *Луппов П.Н.* История города Вятки. Киров, 1958. С. 60). Это – чистый домысел.

[33] ПСРЛ. Т. 23. С. 149.

[34] ПСРЛ. Т. 26. С. 192.

[35] ПСРЛ. Т. 37. С. 86.

[36] ПСРЛ. Т. 5. С. 269; Т. 26. С. 208.
[37] ДДГ. № 35. С. 89–100.
[38] ДДГ. № 42. С. 123–125; № 43. С. 125–126.

Флорентийская уния (с. 79–99)

[1] ПЛ. Вып. 2. С. 46.
[2] НПЛ. С. 417–418.
[3] НПЛ. С. 418.
[4] ПЛ. Вып. 2. С. 132. По Псковской летописи, за Свидригайла стояли «смолняны и пригороды их, и кыаны, и видбляны, и полочаны, и Немець, и местерь рызкыи со всею силою своею, а из заморья рать поиде на князя Зидимонта, а Зидимонт скопи Ляхи, Литву и Жимоиты» (ПЛ. Вып. 2. С. 131). Возможно, состав войска Свидригайла указан неточно, ибо рижский магистр занимал тогда уклончивую позицию, а одной из причин поражения Свидригайла было то, что он выступил против своего противника, не сумев обеспечить участие в борьбе своих старых союзников.
[5] *Kolankowski L.* Dzieje Wielkiego Ksiestwa Litewskiego za Jagiellonów. T. 1. 1377–1499. Warszawa, 1930. S. 206–207.
[6] ДДГ. № 37. С. 106.
[7] НПЛ. С. 419.
[8] Там же.
[9] ПСРЛ. Т. 12. С. 23.
[10] Там же. С. 25–26.
[11] ПСРЛ. Т. 6. С. 150; Т. 26. С. 192. По Никоновской летописи, Улу-Мухаммед согнан был «с Поля» Кичи-Мухаммедом (ПСРЛ. Т. 12. С. 63).
[12] См.: *Любавский М.К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого литовского статута. М., 1892. С. 49.
[13] ПСРЛ. Т. 26. С. 192. Я.С. Лурье обратил внимание на то, что в Сокращенных сводах конца XV в. и в Софийской I летописи по списку Царского о Белевском сражении говорится, что бой был «великим князем Русьскым» (ПСРЛ. Т. 5. С. 267; Т. 27. С. 272, 346; ср.: Т. 4. Ч. 1. С. 454). Связав это известие с двуименными монетами (на имя великих князей Василия и Дмитрия), он предположил, что в 1437 г. на Руси существовало некое двоевластие Василия II и Дмитрия Шемяки (см.: *Лурье Я.С.* Двуименные монеты Василия II и Шемяки и двоевластие в Москве // Средневековая Русь. М., 1976. С. 84–88). Н.Д. Мец считала, что двуименные монеты датируются временем вскоре после отпуска Шемякой Василия II на Вологду (см.: *Мец.* С. 60). Сходно их датировал и Г. Алеф (*Alef G.* The political Significance of the Inscriptions on Moscovite Coinage in the Reign of Vasili II. P. 12). Скорее всего двуименные монеты – остатки чеканки монет Дмитрием Шемякой в 1447 – начале 50-х годов XV в. Известие летописей, приведенное Я.С. Лурье, не находит параллели в Ермолинской летописи. Оно не подкрепляется и общей ситуацией конца 30-х годов XV в., когда функции великого князя исполнял скорее всего один Василий II.
[14] ПСРЛ. Т. 26. С. 192–193.
[15] ПСРЛ. Т. 23. С. 149. По другой летописной версии, татары говорили: «...царево слово к вам: даю вам сына своего Мамутека, а князи своих детеи дают в закладе на том: даст ми

Бог, буду на царстве, и доколе буду жив, дотоле ми земли Руские стеречи, а по выходы ми не посылати, ни по иное ни по что» (ПСРЛ. Т. 26. С. 193).

[16] ПСРЛ. Т. 26. С. 193. В рассказе какая-то неувязка: выше летописец говорит, что в первом сражении «зять царев» был убит. Или у царя было несколько зятьев?

[17] ПСРЛ. Т. 23. С. 149 – 150; Т. 4. Ч. I. С. 454 («множество бысть вои Рускыи, а Татар вельми мало»). На Руси старожилы помнили «белевщину» несколько десятилетий (АСЭИ. Т. I. № 282. С. 202; № 340. С. 246; Т. II. № 92. С. 56; № 411. С. 434).

[18] Еще до 16 марта 1436 г. Протасьев оставался верным Свидригайле (см.: *Коцебу А.* Свидригайло... С. 222). Согласно житию Даниила Переяславского, Григорий Протасьев «властельствовал» во Мценске, но потом «повелением же великого князя преселися оттуду в царствующий град Москву, с ним же приидоша множество людей», в том числе отец Даниила Переяславского (ПСРЛ. Т. 21. Вторая половина. СПб., 1913. С. 615). Это произошло, видимо, около 1438 г.

[19] ПСРЛ. Т. 6. С. 150; Т. 37. С. 87; Казанская история. М.; Л., 1954. С. 51 – 52.

[20] ПСРЛ. Т. 23. С. 150. В 1440 г. Ф. Блудов утопил его сына, И.Г. Протасьева, за что и был повешен в Коломне (ПСРЛ. Т. 23. С. 150).

[21] См.: *Кунцевич Г.З.* История о Казанском царстве, или Казанский летописец. СПб., 1905. С. 242 – 252; *Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды. С. 246. А.Г. Мухамадиев обратил внимание на монеты Гиас эд-Дина (1437 г.), считая, что именно он около 1436 – 1437 гг. (а не Улу-Мухаммед) стал основателем Казанского ханства (см.: *Мухамадиев А.Г.* Два клада татарских монет XV в. // Советская археология. 1966. № 2. С. 272 – 273; *Он же.* Булгаро-татарская денежно-весовая система XIII–XV вв. Автореф. канд. дисс. Казань, 1969. С. 23).

[22] См.: Казанская история. С. 53. По Казанскому летописцу, Улу-Мухаммеда с сыном Егупом зарезал Мамутяк.

[23] См.: *Сафаргалиев М.Г.* Указ. соч. С. 248.

[24] ПСРЛ. Т. 37. С. 87.

[25] ПСРЛ. Т. 26. С. 199.

[26] В июле 1445 г., согласно Устюжской летописи, Мамутяк и Якуб приходили «изгоном» на Русь «ис Казани» (ПСРЛ. Т. 37. С. 87), а по Никоновской летописи, Улу-Мухаммед отпустил Мамутяка и Якуба из «Новагорода из Нижнего из Старого, где седяше» (ПСРЛ. Т. 12. С. 64).

[27] ПСРЛ. Т. 23. С. 149.

[28] В 1446 г. коломенский епископ Варлаам вместе с рязанским епископом Ионой ездил за детьми Василия II в Муром (Инока Фомы слово похвальное... С. 40 – 41).

[29] В начале 50-х годов XV в. к можайскому князю Ивану Андреевичу посылался именно коломенский епископ (АИ. Т. I. № 56. С.104).

[30] ПСРЛ. Т. 26. С. 203 («в свою епископью, в град Муром»).

[31] ПЛ. Вып. 1. С. 41 – 42; Вып. 2. С. 44, 128 («того ради не поеха, князи великии заратишася межу собою»).

[32] См.: *Голубинский.* С. 418; *Шпаков А.Я.* Государство и церковь в их взаимных отношениях в Московском государстве от

Флорентийской унии до учреждения патриаршества. Княжение Василия Васильевича Темного. Ч. 1. Киев, 1904. С. 9 – 10.

[33] «На Рускую землю» (ПЛ. Вып. 1. С. 42); ср.: НПЛ. С. 163, 473.

[34] Как «нареченный в митрополиты», Иона написал грамоты в нижегородский Печерский монастырь о поставлении в архимандриты Павла 11 марта 1433 г. (АСЭИ. Т. III. № 304. С. 332 – 333).

[35] См.: *Голубинский.* С. 415, 419.

[36] См.: *Ивина Л.И.* Крупная вотчина Северо-Восточной Руси XIV – первой половины XVI в. Л., 1979. С. 40 – 41.

[37] Великия Минеи Четии, собранные митрополитом Макарием. Сентябрь. СПб., 1868. 9 сентября. Стб. 551 – 552.

[38] НПЛ. С. 417.

[39] См.: *Коцебу А.* Свидригайло... Прил. С. 31 – 41. См. письмо Свидригайла на Базельский конгресс от 14 июля 1433 г. (*Jablonowski H.* Westrussland zwischen Wilna und Moscau. Leiden, 1961. S. 89).

[40] ПЛ Вып. 1. С. 43; Вып. 2. С. 45, 131.

[41] АИ. Т. I. № 41. С. 84; ПСРЛ. Т. 6. С. 162. В послании Василия II 1441 г. боярин назван Василием (РИБ. Т. 6. № 62. Стб. 529).

[42] См.: *Голубинский.* С. 423; *Mercatti G.* Scritti d'Isidore, il cardinale Rutene. Roma, 1926.

[43] ПСРЛ. Т. 26. С. 192.

[44] ПСРЛ. Т. 23. С. 143 – 144. В 1417 г. Анна Васильевна скончалась.

[45] ПСРЛ. Т. 25. С. 253. Позднейшее утверждение Василия II (1441 г.) о том, что «не хотехом его прияти отьинудь» (РИБ. Т. 6. № 62. Стб. 530), не соответствует действительности.

[46] ДДГ. № 37. С. 105.

[47] *Симеон.* С. 80 (вторая редакция Повести).

[48] См. там же. С. 53 – 54. Рассуждения «Слова на латыню» и позднейших летописей о том, что Василий II сопротивлялся поездке Исидора на собор («глаголаше ему, да не поидет на съставление осмаго збора»), представляют собой типичное «переписывание истории» (см.: *Попов А.* Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI–XV вв.). М., 1875. С. 362; ПСРЛ. Т. 25. С. 253). См. также послание Василия II 1441 г. (РИБ. Т. 6. № 62. Стб. 531 – 532).

[49] По словам Симеона Суздальца, боярин Фома был послом Василия II (см.: *Симеон.* С. 53).

[50] «Почестиша его владыка, и посадникы, и бояре, и купчи, и весь великыи Новъгород» (НПЛ. С. 419; *Казакова.* С. 63).

[51] НПЛ. С. 419; ПЛ. Вып. 1. С. 44; Вып. 2. С. 46, 133.

[52] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 436; ПЛ. Вып. 1. С. 44 («отня суд и печать, и воды, и земли, и оброк владычень... и дастъ ту всю пошлину владычню своему наместнику»).

[53] О поездке Исидора на церковный собор сохранилось два памятника, написанных русскими современниками. Это – Записки неизвестного и Повесть Симеона Суздальца (последние издания: *Казакова Н.А.* Первоначальная редакция «Хождения на Флорентийский собор» // ТОДРЛ. Т. XXV. М.; Л., 1970. С. 60 – 72; Acta Slavica Consilii Florentini // Concilium Florentinum. Documenta et Scriptores. Vol. XI. Roma, 1976. P. 51–76; 79–104. Как полагал Л.В. Черепнин, первое произведение написа-

но с позиции сторонника унии, второе – ее решительного врага (См.: *Черепнин Л.В.* К вопросу о русских источниках по истории Флорентийской унии // Средние века. 1964. Кн. 25. С. 176 – 187; ср. также: *Мощинская Н.В.* Литературная история «Повести об осьмом Феррарро – Флорентийском соборе» Симеона Суздальского // Вопросы русской литературы. М., 1971. С. 43 – 60; *Она же.* Об авторе «Хождения на Флорентийский собор» в 1439 – 1441 гг. // Учен. зап. МГПИ им. В.И. Ленина. № 363. М., 1970. С. 288 – 300). Повесть сохранилась в двух редакциях. Первая (первоначальная) создана не ранее 1447 г. (см.: *Черепнин Л.В.* К вопросу... С. 179), вторая – в 50-х годах XV в. (см.: *Мощинская Н.В.* Литературная история... С. 49).

[54] См. подробнее: *Удальцова З.В.* Борьба византийских партий на Флорентийском соборе и роль Виссариона Никейского в заключении унии // Византийский временник. Т. III М.; Л., 1950. С. 106 – 132; *Сахаров А.М.* Церковь и образование Русского централизованного государства // Вопросы истории. 1966. № 1. С. 49 – 65; *Alef G.* Muscovy and the Council of Florence // Slavic Review. 1961. Vol. XX. P. 389–401; *Cherniavsky M.* The Reception of the Council of Florence in Moscow // Church History. 1955. Vol. XXIV. P. 347–359.

[55] По словам Симеона Суздальца, «ни единаго возлюби папа митрополита, яко же Исидора» (*Симеон.* С. 62), Исидор «бысть же папе велии помощник» (*Симеон.* С. 90, вторая редакция Повести).

[56] *Симеон.* С. 67 – 68.

[57] *Черепнин.* Архивы. Ч. 1. С. 124.

[58] ДДГ. № 37. С. 105 – 107.

[59] ПСРЛ. Т. 26. С. 193; Т. 4. Ч. 1. С. 454; Т. 27. С. 346 (в пятницу на память мученика Иакинфа); Т. 23. С. 150; Т. 24. С. 183 (в июне, за неделю до Петрова дня, т.е. 22 июня, а отошел Улу-Мухаммед от Москвы через неделю после Петрова дня, т.е. 6 июля).

[60] ПСРЛ. Т. 26. С. 193. До этого город Коломна горел в 1438 г. (при этом «мало осталося его»).

[61] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 491

[62] ПСРЛ. Т. 23. С. 150.

[63] АИ. Т. I. № 40. С. 76. Василий II, писали позднее иерархи русской церкви Шемяке, «колькое послов своих по тебе посылал, такоже и грамот, зовучи тобе к собе на помощь...».

[64] ПСРЛ. Т. 26. С. 192.

[65] ПСРЛ. Т. 6. С.170; Т. 12. С. 39.

[66] ПСРЛ. Т. 26. С. 194.

[67] Там же. С. 196.

[68] Там же. С. 194. В Устюжской летописи после сообщения о смерти Дмитрия Красного говорится: «...а брата его князя Дмитрея Шемяку ис поиманья выпустил ис Коломны и отпустил его на Углич» (ПСРЛ. Т. 37. С. 87). Вероятно, здесь какая-то путаница. Между 22 сентября и 5 декабря 1440 г. Дмитрий Шемяка дал в Троицкий монастырь «по душе» своего брата село Присеки Бежецкого Верха (АСЭИ. Т. I. № 164. С. 120), а 5 декабря, будучи на Угличе, выдал жалованную грамоту на это село (Там же. № 165. С. 121 – 122). Возможно, между 22 сентября 1440 и октябрем 1441 г. он же судил земельное дело, касающееся этого села (см.: *Каштанов.* № 6. С. 348 – 351). В октябре 1441 г. грамоту на Присеки давал уже Василий II, упоминая Шемяку как «брата молотшего» (АСЭИ. Т. I. № 170. С. 124). 5 апреля

1441 г. в Коломне Василий II выдал жалованную грамоту С. Писарю (АСЭИ. Т. III. № 70. С. 105).

[69] ДДГ. № 34. С. 89; № 35. С. 100. Приписка вошла в текст докончания с Дмитрием Шемякой 1442 г. (ДДГ. № 38. С. 109).

[70] ПСРЛ. Т. 32. С 156 (заговор князя Александра Чарторыйского); НПЛ. С. 420 (Сигизмунд убит Александром Чарторыйским и его братом Иваном); *Меховский М.* Трактат о двух Сарматиях. С. 104–105 (Сигизмунд убит Иваном Чарторыйским); *Stryjkowski M.* O poczatkach, wywodach, dzielnosciach, sprawach rycerskich... Warszawa, 1978. S. 420.

[71] См. грамоту от 5 февраля 1441 г. (АИ. Т. I. № 259. С. 488).

[72] ПСРЛ. Т. 23. С. 151.

[73] НПЛ. С. 420. Х. Яблоновский считал, что князь Юрий в Полоцке и Витебске не княжил (*Jablonowski H.* Op. cit. S. 108). До князя Юрия некоторое время в восставшем Смоленске находился в качестве воеводы дорогобужский князь Андрей Дмитриевич.

[74] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 436.

[75] Опись. Ч. 1. С. 40.

[76] ПСРЛ. Т. 17. С. 183–184, 287–288, 338–339. Подробнее см.: *Черепнин.* Образование. С. 772–779.

[77] ГВНП. № 335. С. 321–322.

[78] ГВНП. № 70. С. 115–116. Сохранилось и докончание Казимира IV с одоевским князем Федором Львовичем от февраля 1442 г. (ДДГ. № 39. С. 117–118).

[79] *Черепнин.* Архивы. Ч. 1. С. 330; *Базилевич.* С. 41–42.

[80] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 491.

[81] ПЛ. Вып. 1. С. 45; Вып. 2. С. 46–47, 134. «Псковици, пособляя князю великому Василью, много земле Новгородчкои повоеваша и пакости створиша не мало» (НПЛ. С. 421).

[82] НПЛ. С. 421. Во время похода Василия II двиняне ходили «ратью» под Устюг (ПСРЛ. Т. 37. С. 87).

[83] ПСРЛ. Т. 26. С. 196; Т. 4. Ч. 1. С. 454; Т. 23. С. 150 (величина «окупа» – 15 000 руб.); ПЛ. Вып. 1. С. 45. Василий II еще 22 января 1441 г., когда у него родился сын Юрий, находился в походе (ПСРЛ. Т. 26. С. 196).

[84] См.: *Симеон.* С. 68. В Новгород Симеон приехал в Великую среду и пробыл там все лето 1440 г.

[85] См.: *Шпаков А.Я.* Указ. соч. С. 99. По Псковской летописи, Исидор прибыл в Литву на Покров (1 октября) 1440 г. (ПЛ. Вып. 1. С. 45). Однако еще 5 февраля 1441 г. он находился в Киеве (АИ. Т. I. № 259. С. 488). На Покров 1440 г. Исидор заменил своего наместника в Пскове Геласия (уехал на Николин день) своим приближенным Григорием, прибывшим туда после Петрова дня зимнего (18 января) 1441 г. (ПЛ. Вып. 1. С. 45; Вып. 2. С. 46, 133).

[86] ПСРЛ. Т. 26. С. 194 («в неделю 3 поста»); ПЛ. Вып. 1. С. 45–46; Вып. 2. С. 45–46 (в Вербную неделю), 47, 134–135.

[87] Польский король Владислав признал папу Евгения IV и унию только в 1443 г. В Литве вообще положение было неопределенное. 20 марта 1440 г. был убит великий князь Сигизмунд, а вступивший на престол Казимир был занят борьбой со своим соперником Михаилом Сигизмундовичем. Новгородская летопись писала об унии: «Литва же и Русь за то не изымашася» (НПЛ.

С. 421). См. также: *Lewicki A.* Unia Florenska w Polsce // Rozprawy Akademii Umiejetnosci, Wydzial Historyezno-filozoficzny. Seria II. 1899. T. XIII. S. 205–274.

[88] НПЛ. С. 421.

[89] Смоленский князь Юрий выдал Исидору Симеона Суздальца. Он просидел «во двоих железех» всю зиму 1440/41 г. (см.: *Симеон.* С. 69).

[90] РИБ. Т. 6. № 62. Стб. 534; *Попов А.* Указ. соч. С. 376; Послание великого князя Василия Васильевича 1441 г. к проту и инокам Афонской горы о действиях митрополита Исидора и об осуждении его церковным собором // Летопись занятий Археографической комиссии. Вып. 3. СПб., 1865. Прил. С. 35.

[91] ПСРЛ. Т. 25. С. 259.

[92] ПСРЛ. Т. 12. С. 41. Принимая это сведение как реально отражающее действительный ход дел и инициативную роль в событиях великого князя, А.М. Сахаров полагал, что первоначально иерархи русской церкви выступали за унию, так как отказ от нее усиливал власть Василия II и давал ему право назначать и смещать митрополитов (см.: *Сахаров А.М.* Церковь и образование Русского централизованного государства // Вопросы истории. 1966. № 1. С. 54). Никаких данных в пользу этой умозрительной схемы нет. Русские иерархи выступили против унии сразу же после приезда Исидора в Москву.

[93] См.: *Казакова Н. А.* Первоначальная редакция «Хождения на Флорентийский собор». С. 72; *Шпаков А.Я.* Указ. соч. С. 119.

[94] ПСРЛ. Т. 23. С. 150. Митрополичий дьяк Карло писал митрополичьи акты в 1453–1458 гг. (АФЗХ. Ч. I. № 115. С. 107; № 126. С. 118; № 201. С. 180; № 307. С. 257); около 1450 г. посылался Ионой к Казимиру IV (ААЭ. Т. I. № 49. С. 37).

[95] ПСРЛ. Т. 26. С. 194 (в среду крестопоклонную); ПЛ. Вып. 1. С. 45–46; Вып. 2. С. 47, 134–135.

[96] РИБ. Т. 6. № 62. Стб. 534; Летопись занятий Археографической комиссии. Вып. 3. Прил. С. 36. В Густынской летописи утверждается даже, что Исидор «от священного собору осужден бысть на сожжение» (ПСРЛ. Т. 2. СПб., 1843. С. 356).

[97] РИБ. Т. 6. № 62. Стб. 525–536.

[98] По Е.Е. Голубинскому и А.М. Сахарову, из Константинополя на послание получен был отрицательный ответ (см.: *Голубинский.* С. 479; *Сахаров А.М.* Указ. соч. С. 55).

[99] ПСРЛ. Т. 26. С. 194; ПЛ. Вып. 1. С. 44; Вып. 2. С. 47, 135.

[100] *Попов А.* Указ. соч. С. 378; ПСРЛ. Т. 6. С. 162. Это сведение принимает Е.Е. Голубинский (см.: *Голубинский.* С. 457).

[101] ПЛ. Вып. 1. С. 46; Вып. 2. С. 47. Г.В. Попов считает, что к середине XV в. в Твери происходило «постепенное нарастание... идеализации византийского мира, мотивов, позволяющих подчеркнуть связи с ним тверских князей» (*Попов Г.В., Рындина А.В.* Живопись и прикладное искусство Твери XIV–XVI вв. М., 1979. С. 95). Он отмечает «рост грекофильских настроений в Твери на протяжении первой и особенно второй четверти XV в.» (С. 149; ср.: С. 170). Возможно, этим и объясняется позиция Твери в вопросе о Флорентийской унии. Отвергнув, как и Василий II, унию, князь Борис хотел сохранить с

Константинополем тесные связи и отпуск Исидора мог рассматривать как залог этому.

[102] ПСРЛ. Т. 26. С. 194.

[103] *Симеон.* С. 52 – 53, 74–75.

[104] Цит. по: *Попов А.* Указ. соч. С. 360. Отдельная редакция «Слова на латыню», по Я.С. Лурье, составлена была в 1461 – 1462 гг. (см.: *Лурье Я.С.* Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV – начала XVI в. М.; Л., 1960. С. 370 – 371).

[105] «За нужу далечнаго и непроходнаго путюшествиа, и за нахожение на наше христианьство безбожных агарян, и за неустроение и мятежи еже в окрестных нас странах, и господарей умноженна, свободно нам сътворите в нашей земли поставление митрополита» (РИБ. Т. 6. № 62. Стб. 535 – 536).

[106] ПСРЛ. Т. 12. С. 42; Т. 23. С. 150. В московских сводах 70-х годов XV в. о войне с Дмитрием Шемякой, которую начал Василий II по своей инициативе, скромно умалчивалось.

[107] П.П. Смирнов считал, что конфликт 1441 – 1442 гг. вызван был обидным для Дмитрия Шемяки решением вопроса о «наследстве» его умершего брата Дмитрия Красного (см.: *Смирнов П.П.* Древний Галич и его важнейшие памятники. С. 98). Эта догадка не лишена вероятия.

[108] Иван Кулудар происходил из среды угличских землевладельцев (АСЭИ. Т. I. № 229. С. 163), чем и объяснялась его позиция во время конфликта Василия II с Дмитрием Шемякой. Позднее он снова получил дьяческое звание и в 1448 г. служил можайскому князю Ивану Андреевичу (ДДГ, № 51. С. 155).

[109] ПСРЛ. Т. 23. С. 150 – 151; Т. 27. С. 346.

[110] НПЛ. С. 422; ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 437.

[111] ПСРЛ. Т. 23. С. 151; Т. 5 (Софийская I летопись по списку Царского). С. 267. Зиновий в 1440 г. крестил новорожденного сына Василия II Ивана, а в 1441 г. – Юрия.

[112] ДДГ. № 38. С. 107 – 117.

[113] ПСРЛ. Т. 12. С. 42.

[114] Там же. С. 61.

[115] ПСРЛ. Т. 26. С. 196; Т. 18. С. 192 (под 1442/43 г.). Г. Вернадский считал, что набег предприняли татары из орды Кучук-Мухаммеда (*Vernadsky G.* The Mongols and Russia. Jale, 1953. P. 316).

[116] ПСРЛ. Т. 12. С. 61.

[117] Там же. С. 62; Т. 26. С. 196.

[118] ПСРЛ. Т. 23. С. 151.

[119] Там же.

[120] ПЛ. Вып. 1. С. 46.

[121] ПСРЛ. Т. 24. С. 183.

[122] ПСРЛ. Т. 23. С. 151.

[123] Там же.

[124] ПСРЛ. Т. 6. С. 162 – 167.

[125] ПЛ. Вып. 1. С. 46; Вып. 2. С. 47, 135.

[126] *Черепнин.* Архивы. Ч. 1. С. 413; *Масленникова Н.Н.* Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л., 1955. С. 55.

[127] ПЛ. Вып. 1. С. 46, 47; Вып. 2. С. 47 – 48, 135 – 136.

[128] НПЛ. С. 424.

[129] НПЛ. С. 423. К.В. Базилевич, ошибочно датируя приглашение князя Юрия осенью 1444 г., объясняет обращение новгород-

цев к нему нападением тверского великого князя Бориса на новгородские волости (см.: *Базилевич.* С. 42). Скорее речь шла о подготовке войны с Ливонским орденом.

[130] LECUB. Bd X. Riga; Moskau, 1896. N 109. S. 74; *Cosack H.* Zur auswärtigen Politik des Ordensmeisters Wolthus von Herze // Hansische Geschichtsblätter. 1915. Jg. XXI. S. 102.

[131] См.: *Казакова.* С. 64.

[132] НПЛ. С. 423.

[133] ПСРЛ. Т. 16. Стб. 185. Подробнее см.: *Клейненберг И.Э.* К вопросу об огнестрельном вооружении новгородского войска // Вестник ЛГУ. 1959. № 20. С. 131–134; *Он же.* О названии новгородского пригорода Ямы в западных источниках XV в. // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. 1958. № 1. С. 12–16; *Он же.* Военно-морские действия новгородцев при отражении орденской агрессии 1443–1448 гг. // История СССР. 1958. № 4. С. 114–123; *Он же.* Борьба Новгорода Великого за Нарову в XV в. // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. 1960. № 2. С. 140–151; *Казакова.* С. 62–77.

[134] Н.А. Казакова поход князя Ивана Владимировича под Нарву относит к весне, но в летописи говорится, что он состоялся «тои же зимы», т.е. зимой 1443/44 г. (НПЛ. С. 424; *Казакова.* С. 67). См. также: *Базилевич.* С. 46–50.

[135] НПЛ. С. 424–425; *Казакова.* С. 68–69. Изложение бумаг Кенигсбергского архива, относящихся к новгородско-ливонской войне 1444–1447 гг., см.: *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. V. Примеч. 316. См. также: *Гильдебранд Г.* Отчеты о разысканиях, произведенных в Рижском и Ревельском архивах по части русской истории. СПб., 1877. № 222–224.

[136] ПЛ. Вып. 1. С. 46.

[137] НПЛ. С. 425.

[138] НПЛ. С. 426.

[139] НПЛ. С. 425. С 7 августа 1445 по 23 января 1446 г. с какой-то миссией в Заволочье ездил архиепископ новгородский Евфимий (ПСРЛ. Т. 16. Стб. 188–189).

[140] НПЛ. С. 424.

Пиррова победа (с. 100–122)

[1] В сентябре 1444 г. татары напали и на рязанские украины, и на мордву (ПСРЛ. Т. 12. С. 62).

[2] ПСРЛ. Т. 23. С. 151. Василий II к этому времени был сувереном Нижнего Новгорода. В 1444 г. ему доложена была грамота на село Омутское в Суздале (АСЭИ. Т. II. № 444. С. 485).

[3] ПСРЛ. Т. 23. С. 151; Т. 26. С. 196–197; Т. 12. С. 64. По Никоновской летописи, Улу-Мухаммед, будучи изгнан Кичи-Ахмедом из Большой Орды («ис Поля»), направился в 1437 г. в Белев, а потом «засяде Новъгород Нижней Старой» (ПСРЛ. Т. 12. С. 24, 64).

[4] ПСРЛ. Т. 12. С. 64.

[5] ПСРЛ. Т. 23. С. 151; Т. 26. С. 196.

[6] В.А. Кучкин считает, что «Старым» Нижним Новгородом летописцы называют нижегородский кремль, а «Меньшим» – одну из

осад, построенных в 1444 г. (*Кучкин В.А.* О Нижних Новгородах – «Старом» и «Меньшом» // История СССР. 1976. № 5. С. 223–231). По Г. Вернадскому, речь должна идти о Городце («Старом» Нижнем Новгороде) и Нижнем Новгороде (*Vernadsky G.* The Mongols and Russia. P. 316). Предположение Г. Вернадского сомнительно уже потому, что в источниках изучаемого времени Городец никогда не путается с Нижним Новгородом. См. пожалование Казимира IV Юшке Дранице в Новгородской волости (РИБ. Т. 27. СПб., 1910. С. 88).

[7] ПСРЛ. Т. 26. С. 197; Т. 4. Ч. 1. С. 454 («татар били по селом, а на бою многие руки знобили»). Во время военных действий погиб Александр Иванович Добрынский, сын И.К. Добрынского (см.: *Веселовский.* С. 313).

[8] НПЛ. С. 424. Воевали литовские земли, очевидно, царевичи Бердедат, находившийся летом 1445 г. на службе у Василия II, и Касым; Якуб в июле сражался с великим князем. По-видимому, младшие сыновья Улу-Мухаммеда предпочли служить на Руси, чем подчиняться не только престарелому отцу, но и энергичному и властолюбивому старшему брату, Мамутяку. По Жмойтской хронике, Василий II призвал себе на помощь «царя казанского» (ПСРЛ. Т. 32. С. 85). Сведение это не точно.

[9] ПСРЛ. Т 23. С. 151 («коли князь великы был в Володимери, а тое же зимы пришли литовьскые воеводы»).

[10] ПСРЛ. Т. 23. С. 151; Т. 26. С. 196. По литовским сведениям, во главе похода стоял Станислав Кишка. Казимир IV в то время находился в Смоленске (ПСРЛ. Т. 32. С. 85).

[11] НПЛ. С. 424. По литовским сведениям, сожжены были Можайск, Козельск, Верея и Калуга (ПСРЛ. Т. 32. С. 85).

[12] ПСРЛ. Т. 26. С. 206; Т. 12. С. 63. По Софийской I летописи, литовскими войсками разбит был сам князь Михаил Андреевич с отрядом в 300 человек (ПСРЛ. Т. 5. С. 267). По Ермолинской летописи, князь Михаил, будучи болен, послал с князем Андреем Лугвицей отряд в 300 человек, полагая, что литовцы пришли с небольшими силами (ПСРЛ. Т. 23. С. 151).

[13] ПСРЛ. Т. 12. С. 63.

[14] См.: Редкие источники. Вып. 2. С. 94.

[15] См.: *Веселовский.* С. 527.

[16] НПЛ. С. 425.

[17] ПСРЛ. Т. 26. С. 197.

[18] ПСРЛ. Т. 23. С. 151.

[19] ПСРЛ. Т. 12. С. 64.

[20] ДДГ. № 41. С. 121–122. Дата в грамоте (17 июля) ошибочна: 17 июля Василий II и Михаил Андреевич были уже в плену. Вряд ли там они имели возможность составлять докончания. К тому же Ивана Андреевича с ними там не было (см.: *Пресняков.* С. 400).

[21] Позднее русские иерархи писали Шемяке, что Василий II «посылал послов своих до четыредесяти, зовучи тобе к собе за христианство помогати: и ты ни сам к нему не поехал, ни воевод своих с своими людми не послал» (АИ. Т. I. № 40. С. 77).

[22] 6 июля 1445 г. Василий II выдал жалованную грамоту Спасо-Евфимьеву монастырю, которую скрепил Алексей Игнатьевич (АСЭИ. Т. II. № 447. С. 488).

[23] По новгородским сведениям, татары напали «без вести» (НПЛ. С. 426).

[24] НПЛ. С. 426.

[25] ПСРЛ. Т. 26. С. 197–198. По Софийской I летописи, произошло три столкновения татар с русскими. Только в третьем из них татары одержали победу, полонив Василия II и «бояр множество» (ПСРЛ. Т. 5. С. 268). См. также: *Alef G.* The Battle of Suzdal in 1445 // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 1978. Bd 25. S. 11–20.

[26] ПСРЛ. Т. 8. С. 114.

[27] ПСРЛ. Т. 13. СПб., 1904. С. 251. По Никоновской летописи, убит князь Азыя (по М.Г. Сафаргалиеву, имя хана происходит от слова «газы» – воитель, т.е. речь идет о его прозвище).

[28] Родословная книга. Ч. I. С. 26.

[29] См.: *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 1. СПб., 1863. С. 5–7.

[30] ПЛ. Вып. 1. С. 47. По новгородским данным, пожар в Москве произошел на шестой день после побоища. Сгорело в городе 700 человек (НПЛ. С. 426), по другим данным – 1500 человек (ПСРЛ. Т. 37. С. 87). О «момотяковщине», или «Суздальском бою», старожильцы помнили долго (АСЭИ. Т. I. № 615. С. 528–529; № 635. С. 548; Т. II. № 400. С. 407; № 481. С. 519; № 492. С. 534).

[31] ПСРЛ. Т. 26. С. 198.

[32] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 492 («князь Дмитрей Шемяка Юриевич з Дубны великую княиню Софию увернул к Москве»).

[33] НПЛ. С. 426. По Супрасльской летописи, в 1444 (6952) г. великий князь тверской Борис Александрович «посылал повоевати земли великого Новъгорода». Воеводой был у него дорогобужский князь Андрей Дмитриевич. Тверичи «извоеваша» тогда 25 волостей (ПСРЛ. Т. 17. Стб. 69).

[34] НПЛ. С. 426; ПСРЛ. Т. 16. Стб. 188–189 (50 волостей).

[35] ПСРЛ. Т. 26. С. 198. Сведение о том, что Василий II сведен был в Казань, ошибочно (ПСРЛ. Т. 37. С. 87).

[36] ПСРЛ. Т. 26. С. 198.

[37] Там же. С. 199; Т. 23. С. 151–152. Дата «25 октября» (ПСРЛ. Т. 24. С. 183) ошибочна.

[38] НПЛ. С. 426 («взя на нем окупа двесте тысяць рублев»).

[39] ПЛ. Вып. 1. С. 47 («посулив на собе окупа от злата и сребра, и от портища всякого, и от конеи, и от доспехов пол 30 тысящь»).

[40] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 492.

[41] ПСРЛ. Т. 26. С. 199.

[42] Там же.

[43] Там же.

[44] ПСРЛ. Т. 23. С. 152.

[45] ПСРЛ. Т. 25. С. 264. В более раннем Московском своде – «бысть радость велика всем руским князем» (ПСРЛ. Т. 26. С. 199); по Ермолинской летописи, «бысть радость велика и плачь от радости всем градом русским, отчине его» (ПСРЛ. Т. 23. С. 152).

[46] ПСРЛ. Т. 23. С. 152; Т. 26. С. 199; Т. 37. С. 87 (23 октября); Т. 15. Стб. 492 (16 ноября).

[47] Василий II якобы «царю целовал, что царю сидети на Москве, и на всех градех Руских, и на наших отчинах, а сам хочет сести на Тфери» (ПСРЛ. Т. 26. С. 200).

[48] ДДГ. № 37. С. 105–107.

[49] ПСРЛ. Т. 23. С. 152.

[50] Там же («здумаша со князем Иоанном Андреевичем Можайским, а с ними и от боляр великаго князя, и от гостеи московских, и от троецьских старцев»); Т. 26. С. 200 («мнози же от москвич в думе с ними бяху, бояре же и гости, беша же от черньцов в тои думе с ними»). В московских сводах 70-х годов XV в., как видим, вместо троицких старцев упоминаются туманные «черньцы».

[51] По С. Б. Веселовскому – Петр, Никита и Иван Константиновичи Добрынские (см.: *Веселовский.* С. 311). П.К. Добрынский в 1433 г. был ростовским наместником, верным сторонником Василия II (ПСРЛ. Т. 26. С. 189), но в 1442 г. он уже боярин князя Ивана Андреевича (АСЭИ. Т. I. № 171. С. 124 – 125).

[52] ПСРЛ. Т. 27 (Сокращенный свод конца XV в.). С. 272. И.Ф. Старков был коломенским наместником, к которому под надзор отправляли в свое время Дмитрия Шемяку (ПСРЛ. Т. 26. С. 191).

[53] Инока Фомы слово похвальное... С. 41, 42.

[54] По Новгородской IV летописи (Голицынский список), триумвиры, «здумав... царева посла велели потеряти да и казну взяли» (ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 454). В промосковских летописях о роли будущего союзника или умалчивается (ПСРЛ. Т. 23. С. 152; Т. 27 (Сокращенный свод конца XV в.). С. 272), или говорится очень мягко (ПСРЛ. Т. 26. С. 200): князь-де по слабости («убоявся») примкнул к Дмитрию Шемяке, будучи им обманут.

[55] ПСРЛ. Т. 26. С. 200. А.М. Сахаров считал, что Василий II «отправился с дарами в монастырь, надеясь получить его поддержку»(*Сахаров А.М.* Церковь и образование Русского централизованного государства. С. 55). Это не исключено, хотя возможно, что великий князь отправился просто на богомолье.

[56] ПСРЛ. Т. 26. С. 200. В Московском своде конца XV в. говорится: «...не бяше в нем» (ПСРЛ. Т. 25. С. 264); по псковским сведениям, Василий II поехал в Троицкий монастырь «на мясное заговенье», «отпустив тотар» (ПЛ. Вып. 1. С. 47). Л.В. Черепнин предполагал, что «выезд Василия II из Москвы был ловко подготовлен его противниками, действовавшими согласованно в Рузе и в Москве» (*Черепнин.* Образование. С. 794 – 795). Никаких данных в пользу догадки о том, что выезд Василия II подготовили его противники, у нас нет.

[57] Возможно, именно тогда Борис Александрович «рать... посылал на Москву» (ПСРЛ. Т. 23. С. 158). Скорее всего эта рать послана была в Рузу, где присоединилась к войскам Дмитрия Шемяки и Ивана Андреевича.

[58] ПСРЛ. Т. 26. С. 201. Вероятно, мотив о «крестном целовании» навеян уже последующим «переписыванием истории», согласно которому Василий II рисуется сторонником соблюдения докончаний, а Дмитрий Шемяка – их нарушителем.

[59] Василий II увидел присланных Шемякой людей только тогда, когда они мчались на лошадях к троицкому селу Клементьевскому. Поняв, что «несть ему никоея помощи», он быстро отправился в Троицкий собор, рассчитывая на то, что крепкие стены собора и ореол святости не позволят врагам войти в него (ПСРЛ. Т. 26. С. 201).

[60] ПСРЛ. Т. 23. С. 152.

[61] ПСРЛ. Т. 26. С. 202.

[62] Там же.

[63] В Новгородской летописи по списку Дубровского говорит-

ся, что Василия II ослепили уже в Троицком монастыре: «... положиша доску на персех его среди монастыря и ослепиша его, и вину возложиша на него» (ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 489).

[64] Г. Вернадский прозвище Василия II Темный производил от слова «темник» и связывал с приходом татар вместе с ним на Русь (*Vernadsky G.* Op. cit. P. 321). Но прозвище Темный – позднего происхождения. Оно встречается и у В.Н. Татищева (см.: *Татищев В.Н.* История Российская. Т. 1. М., 1962. С. 377), и у А.И. Манкиева с расшифровкой: «...прозванием Темный, или Слепый» (См.: *Манкиев А.И.* Ядро Российской истории. М., 1770. С. 149).

[65] Подробнее см.: ПСРЛ. Т. 26. С. 200 – 202.

[66] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 443.

[67] ПСРЛ. Т. 26. С. 202. По Ермолинской летописи, «боляр, и князеи, и детеи боярьских, и гостеи, и чернь, всех привели к целованью, что хотети им добра князю великому Дмитрею Ивановичю (так в летописи; надо: Юрьевичу. – *А.З.*) и князю Иоанну Андреевичю» (ПСРЛ. Т. 23. С. 152). После «поимания» детей Василия II (в мае) Дмитрий Шемяка «боляром и князем повеле себе служыти и привед их к неволному целованию» (Там же). Служилых людей, следовательно, дважды принуждали приносить присягу.

[68] ПСРЛ. Т. 23. С. 152 – 153 («пограби села и посад, а мало града не взял»). По московским данным, «он же, подговорив пристава его, и убежа из желез, и бежа к Коломне, и тамо лежал под своим приятелем, и многих людей подговорил с собою, пограби уезды Коломенския, побеже в Литву со многими людьми» (ПСРЛ. Т. 26. С. 202 – 203).

[69] ПСРЛ. Т. 26. С. 203.

[70] ПСРЛ. Т. 23. С. 153. По Львовской летописи – Трегуб Касым (очевидно, «Трегуб Касым» – это одно лицо) и Якуб (ПСРЛ. Т. 20. Первая половина. СПб., 1910. С. 260). Якуб перешел на сторону Василия II уже после сражения 7 июля 1445 г. Вероятно, он был послан с татарами, сопровождавшими великого князя из Курмыша в Москву. В конце 1446 г. летописи говорят только о двух царевичах на службе у Василия II – о Трегубе Касыме и Якубе (ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 455; Т. 26. С. 207). Возможно, Бердедат уже после битвы 7 июля 1445 г. на службе у Василия II не находился и сведение Ермолинской летописи ошибочно.

[71] Федор Яковлевич и Василий Степанович были известны своими дипломатическими способностями. Они, в частности, участвовали в заключении Яжелбицкого договора 1456 г. Подробнее о них см.: *Янин В.Л.* Новгородские посадники. С. 281 – 282.

[72] «Князь Дмитрии крест целова на всих старинах. А тферьскии князь Борис на опасе новгородцких послов держал 4 месяци и отпусти их» (ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 443). Не вполне ясно, о каких послах идет речь: о новгородских послах к Шемяке (см.: *Черепнин.* Архивы. Ч. 1. С. 326) или, что, на наш взгляд, вероятнее, о послах Новгорода в Тверь. Термин «опас» – охрана, защита, стража – дела не проясняет (см.: *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. II. СПб., 1895. Стб. 678).

[73] Опись. Ч. 1. С. 40 – 41.

[74] См.: *Кучкин В.А., Флоря Б.Н.* О докончании Дмитрия Шемяки с нижегородско-суздальскими князьями // Актовое источниковедение. М., 1979. С. 209. Примеч. 102. 27 мая 1446 г. князь Иван Андреевич уже выдал жалованную грамоту на село Присеки

Бежецкого Верха «по грамоте» «старейшего брата» Дмитрия Юрьевича (АСЭИ. Т. I. № 179. С. 129 – 130).

[75] См. под 1446 г.: «Того же лета начаша людие денги хулити сребреныя, даже и все новгородци, друг на друга смотря, и бысть межи ими голка, и мятежь, и нелюбовь» (НПЛ. С. 426; ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 442). См. также под 1447 г.: «Того же лета новгородци охулиша сребро, рубли старыя и новыя, бе денежникам прибыток, а сребро пределаша на денги, а у денежников поимаша посулы. В том же лете ржи коробия по полтине бысть. И бысть во граде мятежь велик» (ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 443 – 444). По Н.Д. Мец, в первом случае речь шла о понижении веса монеты, а во втором – о порче металла. Хотя летопись говорит об этих явлениях применительно к Новгороду, но, по Н.Д. Мец, их следует рассматривать как общерусские (см.: *Мец.* С. 59). См. также: *Сотникова М.П.* Из истории обращения русских серебряных платежных слитков в XIV–XV вв. (Дело Федора Жеребца 1447 г.) // Советская археология. 1957. № 3. С. 54 – 59.

[76] См.: *Мец.* С. 62.

[77] См.: *Мец.* С. 60.

[78] ПСРЛ. Т. 37. С. 87 – 88.

[79] АФЗХ. Ч. I. № 232. С. 203 – 204.

[80] См.: *Каштанов.* № 10. С. 362. По С.М. Каштанову, это могло быть сделано в Переславле, куда 6 мая 1446 г. прибыл к Шемяке рязанский епископ Иона, рассчитывавший стать и митрополитом.

[81] АСЭИ. Т. I. № 180. С. 130. В акте упоминается только келарь Авраамий, а что стало с самим троицким игуменом, неясно. В 1444/45 г. игуменом был еще близкий к Василию II Зиновий (АСЭИ. Т. I. № 175. С. 127).

[82] АСЭИ. Т. I. № 101. С. 81.

[83] АСЭИ. Т. III. № 48 а (№ 44). С. 72.

[84] «Обеща ему митрополию» (ПСРЛ. Т. 26. С. 203). Дело не в том, что «враждебные великому князю силы непосредственно опирались на церковь» (*Сахаров А.М.* Указ. соч. С. 55). Речь шла о попытке великого князя (в данном случае Дмитрия Шемяки) использовать церковь в своих интересах.

[85] См.: Инока Фомы слово похвальное... С. 40 – 41.

[86] 14 августа в Угличе у Василия II родился сын Андрей (ПСРЛ. Т. 23. С. 153), или 13 августа (Т. 26. С. 204), или 8 августа (см.: *Клосс Б.М.* Вологодско-Пермские летописцы XV в. С. 273).

[87] ПСРЛ. Т. 26. С. 203. По Ермолинской летописи, Иона взял детей Василия II «ис пелены во соборной церкве на свои руки, на всем добре, что не учинити им никакова зла» (ПСРЛ. Т. 23. С. 152). По Софийской I летописи, он «взя их на свою душу» (ПСРЛ. Т. 5. С. 268). Распространены были слухи, что Дмитрий Шемяка хотел было утопить детей Василия II «в реце в Волзе, в мехи ошивши, но не даст ему владыка Иона» (ПСРЛ. Т. 20. Первая половина. С. 260). Вероятно, это одна из версий; сторонники Ионы пытались таким образом как-то обелить его неприглядное поведение.

[88] ПСРЛ. Т. 26. С. 203.

[89] Там же. С. 204.

[90] Это известие позволяет датировать и возникновение самого движения в поддержку Василия II примерно

маем – июнем 1446 г., т.е. временем после «поимания» детей Василия II.

[91] ПСРЛ. Т. 26. С. 203 – 204.

[92] Ермолинская летопись сообщает, что Шемяка принял меры, «видя себе отвсюду обидима и от всех наругаема и поносима, зане неправедно вьземь великое княжение и великого осподаря израдив на крестномь целовании» (ПСРЛ. Т. 23. С. 153). По Л.В. Черепнину, «к середине 1446 г. слуги великокняжеского «двора» оказались отстраненными от активной политической жизни боярами и детьми боярскими, прибывшими в Москву вместе с Дмитрием Шемякой. Экономическое и политическое положение московских бояр и детей боярских значительно ухудшилось, и они решили активно действовать, защищая свои права» (*Черепнин*. Образование. С. 797 – 798). Активизацию деятельности московских бояр и детей боярских он относил к июню 1446 г., после того как были «пойманы» Шемякой дети Василия II.

[93] ПСРЛ. Т. 23. С. 153 («аще тя простить князь велики, то и мы тебя простим»). По московским летописям, Дмитрий Шемяка сам «много думав» об отпуске великого князя. Ни о какой готовности простить Шемяку со стороны церковного собора (даже в случае «прощения» его Василием II) эти летописи не говорят (ПСРЛ. Т. 26. С. 204).

[94] «Дмитреи Шемяка, събрав епископы всеи земли, и честные игумены, и прозвитеры и приехав на Угличе» (ПСРЛ. Т. 27 (Сокращенный свод конца XV в.). С. 273); «привед вси епископы на Углечь» (ПСРЛ. Т. 23. С. 153).

[95] ПСРЛ. Т. 26. С. 204 – 205.

[96] ПСРЛ. Т. 27 (Сокращенный свод конца XV в.). С. 273; Т. 23. С. 153. Ни о каких «проклятых грамотах» и о крестном целовании Василия II московские летописи не говорят.

[97] В Вологду «поидоша к нему (Василию II. – *А.З.)* множество людеи со всех стран, князи и боляре, и дети болярьские, и молодые люди, кто ему служивал, и паки кто не служывал» (ПСРЛ. Т. 23. С. 153). По Типографской летописи, «бояре его наехавше и вси людие» (ПСРЛ. Т. 24. С. 184). По московским летописям, «бояре великого князя, и дети боярские, и людие мнози» побежали от Дмитрия Шемяки и князя Ивана, узнав об отъезде Василия II в Кириллов монастырь (ПСРЛ. Т. 26. С. 205).

[98] См.: Инока Фомы слово похвальное... С. 42.

[99] ПСРЛ. Т. 23. С. 153; Т. 4. Ч. 1. С. 454 – 455 («тот грех на мне и на моси братьи главах, что еси целовал князю Дмитрею и крепость давал»). Ни о каком нарушении крестоцелования Василием II, а следовательно, и о действиях Трифона московские летописи не говорят.

[100] ПСРЛ. Т. 23. С. 153 – 154.

[101] По Устюжской летописи, тверской великий князь Борис говорил: «Оже у меня жениш сына своего князя Ивана... и аз тебе буду пособник» (ПСРЛ. Т. 37. С. 88).

[102] Инока Фомы слово похвальное... С. 42.

[103] ДДГ. № 37. С. 105 – 107.

[104] ПСРЛ. Т. 26. С. 205. По другой версии, «вся сила Московьскаа поиде к великому князю» (ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 455).

[105] ПСРЛ. Т. 5 (Софийская I летопись по списку Царского). С. 269.

[106] ПСРЛ. Т. 26. С. 205.

[107] См.: Инока Фомы слово похвальное... С. 51. Фома писал, что Борис Александрович якобы был «умолим» Василием II (Там же. С. 45–46). Панегирист князя Бориса старался представить соглашение князей как акт великодушия тверского князя. В действительности стороны, очевидно, пришли к обоюдному взаимовыгодному соглашению.

[108] ПСРЛ. Т. 26. С. 206. Ср.: Т. 4. Ч. 1. С. 455 («царевича два, Трегуб Каисым и Ягуп»); Т. 27 (Сокращенный свод конца XV в.). С. 273.

[109] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 493; Т. 23. С. 154.

[110] Под 6956 (надо: 6955) г. в летописи говорится, что Дмитрий Шемяка и Иван Андреевич «выехаша за Волгу в Галич, и на Кострому, и на Вологду, и стоаху противу себе о реце о Волге» (ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 444).

[111] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 444.

[112] См.: Инока Фомы слово похвальное... С. 44–45.

[113] ПСРЛ. Т. 23. С. 154 («развие... галичане и можаичи»).

[114] ПСРЛ. Т. 26. С. 206; Инока Фомы слово похвальное... С. 45.

[115] Инока Фомы слово похвальное... С. 45–49.

[116] Там же. С. 16–17. Река Сижка находилась в Ржевском уезде (см. там же. С. XXIV). По Я.С. Лурье и Л.В. Черепнину, экспедиция Колычева состоялась в конце 30-х годов XV в. (см.: *Лурье Я.С.* Роль Твери в создании Русского национального государства // Учен. зап. ЛГУ. № 36. Сер. истор. наук. Вып. 3. Л., 1939. С. 92–93; *Черепнин.* Архивы. Ч. 1. С. 125). Мы принимаем датировку А.А. Шахматова (см.: *Шахматов А.А.* Отзыв об издании Н.П. Лихачева «Инока Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче». СПб., 1909. С. 12).

[117] Каргополь находился на левом берегу Онеги, вблизи того места, где она вытекала из озера Лаче. В Синодике (до 1666 г.) одного из каргопольских монастырей в списке князей нет Василия II, но зато упомянут Юрий Дмитриевич. Это говорит о принадлежности Каргополя галицким князьям (см.: *Тихомиров М.Н.* Каргопольские рукописи // ТОДРЛ. Т. XI. М.; Л., 1955. С. 486).

[118] «Таков беаше мастер, но яко и среди немець не обрести такова» (Инока Фомы слово похвальное... С. 46).

[119] ДДГ. № 45. С. 129–140. Не исключено, что докончание было составлено вскоре после капитуляции Углича. 10 мая 1447 и около 1447–1455 гг. Василий Ярославич уже выдавал жалованные грамоты на владения в Дмитрове (АСЭИ. Т. I. № 191. С. 136–137; № 198. С. 142).

[120] П. Нитче считает, что гарантии перехода престола к детям Василий II начал вносить в докончания с 1445 г. (*Nitsche P.* Grossfürst und thronfolger. S. 68–74). Но он, на наш взгляд, заблуждается, датируя грамоту № 31, в которой уже содержится упоминание о «детях» великого князя, 1445 г., а не 1433 г. Не упоминает П. Нитче и грамоту № 37 (с князем Борисом Александровичем) 1437–1439 гг., содержащую подобное же глухое упоминание. Вообще же общий термин «дети» Василий II, очевидно, начал вносить в докончания с некоторыми наиболее преданными ему князьями еще в 30-х годах XV в. Но этот термин отсутствует в его докончаниях с галицкими князьями, не признававшими семейный принцип престолонаследия (грамота № 27 с Василием Ярославичем, в которой «дети» отсутствуют, восходит

по формуляру к более ранней). Грамоту № 36 П. Нитче ошибочно приписал Василию Ярославичу (надо: Василию Юрьевичу).

[121] «А добьет челом мне, великому князю, брат мои молодшеи, князь Дмитреи Юрьевич, а пожалую его его вотчиною» (ДДГ. № 45. С. 130, 132, 135, 138).

[122] Опись. Ч. 1. С. 42. Докончание датировано 6955 годом, т.е. 1 сентября 1446–31 августа 1447 г.

[123] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 493.

[124] ПСРЛ. Т. 23. С. 154; Т. 26. С. 207.

[125] ПСРЛ. Т. 26. С. 206.

[126] Там же. С. 207; Т. 23. С. 154; Т. 15. Стб. 493. На Угличе недовольство Василием II и его союзниками сохранилось надолго. Так, в грамоте великого князя 1455–1462 гг., выданной Троицкому монастырю, упоминались люди Угличского края, которые вышли из троицких владений, «не хотя ехати» на службу великого князя «к берегу», т.е. против ордынцев на берег Оки (АСЭИ. Т. I. № 265. С. 192).

[127] Шемяка якобы говорил: «Что, брате, томити мне тетку... а сам бегаю, а люди, себе надобныа, уже истомлены, а еще бы сее стеречи, лутче отпустити ея ис Каргополя» (ПСРЛ. Т. 26. С. 207).

[128] ПСРЛ. Т. 26. С. 207. М.Ф. Сабуров – видный костромской землевладелец (АСЭИ. Т. I. № 280. С. 201). Очевидно, позднее М.Ф. Сабуров дал княгине Софье свои села в Костроме на реке Колдоме, притоке Волги (ДДГ. № 61. С. 196).

[129] Инока Фомы слово похвальное... С. 47–50; ПСРЛ. Т. 15. Стб. 493.

[130] Инока Фомы слово похвальное... С. 50.

Падение Галича (с. 123–140)

[1] ДДГ. № 44. С. 127–129.

[2] ДДГ. № 48. С. 146–148.

[3] ПСРЛ. Т. 37. С. 86. В Ермолинской летописи ошибочно назван Федор Дмитриевич (ПСРЛ. Т. 23. С. 148).

[4] ПСРЛ. Т. 23. С. 148.

[5] ПСРЛ. Т. 27 (Сокращенный свод конца XV в.). С. 345.

[6] Редкие источники. Вып. 2. С. 104.

[7] ДДГ. № 47. С. 142–145.

[8] ДДГ. № 19. С. 52–55; № 33. С. 83–87.

[9] АИ. Т. I. № 40. С. 79–80.

[10] ДДГ. № 46. С. 140–142.

[11] Там же. По Л.В. Черепнину, перемирная запись «представляет собой условия, выработанные в Москве», в великокняжеской канцелярии (*Черепнин.* Архивы. Ч. 1. С. 141). Это наблюдение не лишено вероятия, хотя доказать его трудно.

[12] Дата заключения докончания определяется замечанием в послании иерархов от 29 декабря 1447 г.: «...опосле вашего докончанья, ино ушед месяць. Ино уже после того срока более шти месяць книжных» (АИ. Т. I. № 40. С. 81). Впрочем, еще 20 июля 1447 г. Дмитрий Юрьевич отсутствовал среди княжат, подписавших вместе с Василием II договор с Рязанью (ДДГ. № 47. С. 142).

[13] ДДГ. № 48. С. 146–148. Ср.: АИ. Т. I. № 40.

[14] НПЛ. С. 424; Инока Фомы слово похвальное... С. 42.

[15] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 495; Государственный архив России XVI столетия. Опыт реконструкции. М., 1978. С. 69 (ящик

147); князь Александр ошибочно назван Ивановичем, надо: Васильевич.

[16] ДРВ. Ч. VI. М., 1788. С. 457; ПЛ. Вып. 1. С. 43; *Машков И.П.* Воскресенский собор в Волоколамске // Сборник статей в честь графини П.С. Уваровой. М., 1916. С. 295.

[17] ПЛ. Вып. 1. С. 48–49, 53; ПСРЛ. Т. 16. Стб. 194.

[18] ДДГ. № 40. С. 119–121. Л.В. Черепнин считал, что «в программу Шемяки входило расчленение государственной территории, находившейся под властью московских князей, на самостоятельные княжества» (*Черепнин.* Архивы. Ч. 1. С. 131). Нам представляется, что Шемяка стремился создать ценой политических уступок коалицию князей, способную противостоять Василию II и его союзникам.

[19] Передача Юрьевичам Вятки имеет свою предысторию. Еще в 1402 г. в Вятку отправился (согласно пожалованию Василия I) суздальский князь Семен Дмитриевич с семьей (сын Дмитрия Константиновича). Здесь он пробыл пять месяцев и умер. Согласно топонимическим данным, в Вятке жил и его брат Василий Кирдяпа. Внуками Кирдяпы были князья Василий и Федор Юрьевичи (см.: *Луппов П.Н.* История города Вятки. Киров, 1958. С. 52–56). Таким образом, братья имели некоторые права на Вятку.

[20] АИ. Т. I. № 40. С. 80.

[21] См. жалованные грамоты Василия и Федора Юрьевичей: АСЭИ. Т. II. № 448. С. 488–489; Т.III. № 491. С. 471–472; № 502. С. 479(№ 18).

[22] См. грамоту одного князя Федора: АСЭИ. Т. III. № 492. С. 472; см. его же подтверждение: Т. II. № 435. С. 479.

[23] Государственный архив России XVI в. С. 69 (ящик 147).

[24] АИ. Т. I. № 40. С. 79.

[25] ПСРЛ. Т. 16. Стб. 190; ПЛ. Вып. 2. С. 48.

[26] *Казакова.* С. 70–71; *Forstreuter K.* Preußen und Rußland von den Anfängen des Deutschen Ordens bis zu Peter dem Grossen. Göttingen, 1955. S. 55–57.

[27] Инока Фомы слово похвальное... С. 51.

[28] ГВНП. № 20. С. 36–38.

[29] ПСРЛ. Т. 16. Стб. 191; ПЛ. Вып. 2. С. 47–48, 136–137.

[30] См.: *Клейненберг И.Э.* Военно-морские действия новгородцев и отражение орденской агрессии 1443–1448 гг. // История СССР. 1958. № 4. С. 117–120; *Он же.* Борьба Новгорода Великого за Нарву в XV в. // Научные доклады высшей школы. 1960. № 2. С. 140–151.

[31] ПЛ. Вып. 1. С. 48; Вып. 2. С. 48, 137; ПСРЛ. Т. 16. Стб. 191.

[32] ГВНП. № 72. С. 117–119; ПЛ. Вып. 1. С. 49; Вып. 2. С. 48, 137–138; *Казакова.* С. 75–77.

[33] ГВНП. № 73. С. 120–122; *Казакова.* С. 75–77.

[34] *Spuler B.* Die Goldene Horde. Die Mongolen in Russland. 1223–1502. Leipzig, 1943. S. 166–168; *Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1956. С. 419; *Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды. С. 262.

[35] АИ. Т. I. № 40. С. 80.

[36] ДДГ. № 49, 50. С. 149–150.

[37] АИ. Т. I. № 40. С. 81–82.

[38] ПСРЛ. Т. 26. С. 207.

[39] Там же. С. 207–208.

[40] Там же. С. 208.

[41] Инока Фомы слово похвальное... С. 52. По Тверской летописи, в Ржеве «в мясное заговенье» «засел» некий «лях» Станислав (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 493).

[42] ДДГ. № 51. С. 150–155.

[43] См.: *Базилевич.* С. 43–44. Л. Коланковский датирует договор 1448 г. и связывает его с посольством Семена Гедиголдовича (*Kolankowski L.* Dzieje Wielkiego Ksiestwa Litewskiego za Jagiellonów. T. 1. S. 262–264).

[44] ПСРЛ. Т. 26. С. 208.

[45] Там же. Новгородский летописец в осторожной форме писал, что Иона поставлен был «первыи... своими епископы» на Москве (ПСРЛ. Т. 4. Ч.1. С. 463).

[46] РИБ. Т. 6. № 64. Стб. 539–542. Это послание Ионы слито воедино с его грамотой, направленной в конце 1448 г. в Литву. В нем он сообщает о своем избрании в митрополиты священным собором, «по думе... Василья Васильевича и его молодшие братии, князей». (По предположению А.И. Плигузова и Г.В. Семенченко, послание Ионы, фрагмент которого был слит с его грамотой в Литву, было адресовано в Вятку. – *Примеч. ред.*)

[47] *Alef G.* Muscovy and the Council of Florence // Slavic Review. 1961. Vol. XX. P. 399.

[48] РИБ. Т. 6. № 84. Стб. 633–634.

[49] ДДГ. № 52. С. 158.

[50] АСЭИ. Т. III. № 253. С. 274–275. В октябре 1448 г. Василий II находился в Переславле (АСЭИ. Т. I. № 219. С. 154).

[51] См.: Инока Фомы слово похвальное... С. 34–36.

[52] ПСРЛ. Т. 26. С. 208. В московских летописях прямо не сказано, откуда вышел в поход Дмитрий Шемяка. В Ермолинской летописи говорится, что на Василия II «поидоша», «собравше силу многу», князья Дмитрий и Иван (ПСРЛ. Т. 23. С. 154).

[53] ПСРЛ. Т. 26. С. 208.

[54] ПСРЛ. Т. 23. С. 154.

[55] ПСРЛ. Т. 27. С. 273. См. упоминания о договорах Василия II с князем Иваном Андреевичем: Опись. Ч. 1. С. 40, 42.

[56] ДДГ. № 53. С. 160.

[57] ДДГ. № 54. С. 163–164.

[58] См.: Инока Фомы слово похвальное... С. 34–36, 52.

[59] В 1440 г. Ф. Блудов был повешен за то, что утопил И.Г. Протасьева (ПСРЛ. Т. 23. С. 150). Фоминское княжество и Хлепень находились на реке Вазузе и открывали с юго-востока путь к Ржеве. О князьях Фоминских см.: *Квашнин-Самарин Н.Д.* Исследование об истории княжеств Ржевского и Фоминского. Тверь, 1887; *Веселовский.* С. 363–369. По Н.Д. Квашнину-Самарину, Роман Фоминский был сыном Ивана Васильевича Козловского (см.: *Квашнин-Самарин Н.Д.* Указ. соч. С. 33).

[60] ДДГ. № 46. С. 141.

[61] ПСРЛ. Т. 23. С. 153; Т. 26. С. 206.

[62] В 1504 г. упоминалась в Звенигороде слободка, «что за татары», а также земли численных людей и ордынцев (ДДГ. № 95. С. 379, 380, 382, 386).

[63] ПСРЛ. Т. 16. Стб. 192.

[64] Цит. по: *Янин В.Л.* Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М., 1977. С. 193.

[65] Обоснование датировки см.: Справочник. Ч. III. Ошибка в индикте. О пребывании Шемяки в Новгороде см.: *Гусев П.Л.* Князь Дмитрий Юрьевич Шемяка в Великом Новгороде // Вестник

археологии и истории. Вып. XIX. СПб., 1909. С. 59–70; *Бернадский В.Н.* Новгород и Новгородская земля в XV в. М.; Л., 1961. С. 253–254.

[66] См.: *Салмина М.А.* «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966. С. 372–374.

[67] См.: *Салмина М.А.* «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго» // ТОДРЛ. Т. XXV. М.; Л., 1970. С. 90. Датировка 1448 г. для общего текста Софийской I и Новгородской IV летописей, предложенная А.А. Шахматовым, обоснована Я.С. Лурье (см.: *Лурье Я.С.* Общерусские летописи XIV – XV вв. Л., 1976. С. 118–119).

[68] См.: *Шахматов А.А.* Обозрение русских летописных сводов XIV – XVI вв. М.; Л., 1938. С. 154–156.

[69] См.: *Приселков М.Д.* История русского летописания XI – XV вв. Л., 1940. С. 150.

[70] Я.С. Лурье кажется странным помещение в Новгородском своде материала о борьбе с татаро-монголами (см.: *Лурье Я.С.* Общерусские летописи XIV – XV вв. С. 104). Но в обстановке, когда в 1445 г. Василий II «навел» татар на Русь, это совершенно понятно.

[71] См.: *Приселков М.Д.* Указ. соч. С. 154.

[72] «Дмитрий Донской мог ассоциироваться в глазах современников с Василием II, а Шемяка – с Олегом Рязанским» (*Салмина М.А.* Летописная повесть»... С. 375).

[73] Правда, «теоретически» М.А. Салмина допускает, что «сторонники Шемяки также могли использовать рассказ о Куликовской битве в своих политических целях, сопоставляя с Дмитрием Донским его внука и тезку, а с Олегом Рязанским – Василия II» (*Салмина М.А.* «Летописная повесть»... С. 376).

[74] См.: *Салмина М.А.* «Слово о житии...». С. 99.

[75] ПСРЛ. Т. 25.С. 249.

[76] Кстати, М.А. Салмина сама же считает, что «можно было бы предположить, что «Слово о житии...» отражает борьбу 40-х годов не с точки зрения Василия II, а с точки зрения Дмитрия Шемяки», но, по ее мнению, этому препятствует («вряд ли могла быть употреблена») злополучная формула о «столе» (см.: *Салмина М.А.* «Слово о житии...». С. 103).

[77] См.: *Салмина М.А.* Повесть о нашествии Тохтамыша // ТОДРЛ. Т. XXXIV. Л., 1979. С. 134–151.

[78] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 338.

[79] См.: *Черепнин.* Образование. С. 781.

[80] В.Ю. Шуйский еще зимой 1443/44 г. находился в Новгороде в качестве князя-служебника. Выпад в Повести против его родичей-соперников в новгородском (прошемякином) летописании поэтому был вполне естественным.

[81] ПСРЛ. Т. 26. С. 209. См. подробнее: *Смирнов П.П.* Древний Галич и его важнейшие памятники. С. 100–101.

[82] ПСРЛ. Т. 16. Стб. 192. В докончании Василия II с князем Василием Ярославичем (около 1450 г.) упоминается удел князя Юрия, конфискованный у «недругов» великого князя – у Василия Косого и «у князя у Дмитрея у Шемяки» (ДДГ. № 56. С. 169; ср.: № 58. С. 179).

[83] ПСРЛ. Т. 26. С. 209. По Устюжской летописи, Василий II «ходил ратью» на Галич 26 января (ПСРЛ. Т. 37. С. 88).

[84] ПСРЛ. Т. 16. Стб. 192.

Гибель Дмитрия Шемяки (с. 141–159)

[1] ПСРЛ. Т. 16. Стб. 192.

[2] ПСРЛ. Т. 37. С. 88.

[3] Там же. С. 88–89. По Л.В. Черепнину, «сопротивление Шемяке оказывает местная знать: феодалы, богатые купцы. Рядовая масса горожан выступает за него» (*Черепнин.* Образование. С. 808). В.Н. Давыдов пишет диаметрально противоположное: по его мнению, на сторону Шемяки перешла «военно-феодальная и купеческая знать», а за Василия II стояли «волостные люди, больше всех страдавшие от бесчинств удельных князей и бояр» (*Давыдов В.Н.* Присоединение Коми края к Московскому государству. Сыктывкар, 1977. С. 11). Обе точки зрения не находят опоры в источниках. В Устюжской летописи и сторонники Шемяки, и его противники названы «добрыми людьми». Речь должна идти о расколе устюжан в обстановке, когда конечная победа Шемяки была более чем проблематичной.

[4] Подробнее см.: *Давыдов В.Н.* Указ. соч. С. 10–19.

[5] ПСРЛ. Т. 37. С. 89.

[6] РИБ. Т. 6. № 73. Стб. 591–592.

[7] Вымская летопись. С. 261.

[8] См.: Очерки по истории Коми АССР. Т. 1. Сыктывкар, 1955. С. 51–52. См. также: *Голубцов В.В.* Князья Великопермские, Пермские и Вымские. 1463–1641 гг. // Труды Пермской ученой архивной комиссии. Вып. 1. Пермь, 1892. С. 75.

[9] См.: *Давыдов В.Н.* Указ. соч. С. 12–13.

[10] Вымская летопись. С. 261 («писал грамоту на Дмитрия Шемяку с проклятием от церкви святеи»). В послании от 29 сентября 1452 г. митрополит Иона писал, что Шемяка «великую церковную тягость на себе положил и неблагословение всего великого Божиа священьства». Он также упоминает «князя Дмитрея неблагословена и отлучена Божией церькви» (ААЭ. Т. I. № 372. С. 464–465). В послании около 1452 г. Иона отметил, что вятчане «с отлученным от Божья церкве с князем Дмитрием с Шемякою приходили... многожды» (РИБ. Т. 6. № 73. Стб. 591).

[11] ААЭ. Т. I. № 372. С. 464.

[12] Нет ни слова об отлучении Дмитрия Шемяки и в документах об анафематствовании русской церковью (см.: *Никольский К.* Анафематствование. СПб., 1879. С. 240).

[13] ДДГ. № 56. С. 168–175.

[14] ДДГ. № 55. С. 164–168.

[15] РИБ. Т. 6. № 70. Стб. 573–575.

[16] ГВНП. № 74. С. 124–126; *Казакова.* С. 123. О Дмитрии Васильевиче подробнее см.: *Янин В.Л.* Новгородские посадники. С. 279, 283, 287.

[17] ПСРЛ. Т. 23. С. 154; Т. 26. С. 210; Т. 27 (Никаноровская летопись). С. 116; Т. 37. С. 88. Г. Вернадский считал, что набег совершили татары, входившие в Орду Кучук-Мухаммеда (*Vernadsky G.* The Mongols and Russia. P. 330). Правдоподобнее предположение Б Шпулера, полагавшего, что речь шла о татарах Сеид-Ахмеда (*Spuler B.* Die Goldene Horde. Die Mongolen in Russland. 1223–1502. S. 168). Возможно, поход состоялся в августе (сообщение о нем помещено после записи от 13 августа).

[18] ПСРЛ. Т. 26. С. 210.

[19] *Kołankowski L.* Dzieje Wielkiego Ksiestwa Litewskiego za Jagiellonów. T. 1. S. 266.

[20] РИБ. Т. 6. № 67. Стб. 563–566. См. благодарственные грамоты Ионы Казимиру IV от начала февраля 1451 г. (Там же. № 68. Стб. 565–570).

[21] ПСРЛ. Т. 32. С. 159–160; Хроника Быховца. М., 1966. С. 97 (перевод Н.Н. Улащика). См. также: *Грушевський М.* Історія України – Руси. Т. IV. Київ; Львів, 1907. С. 246.

[22] Подробнее см.: *Kopystianski A.* Ksieze Michol Ziygmuntowicz // Kwartalnik Historiczny. 1906. T. XX. S. 74–165. По Л. Коланковскому, Михаил Сигизмундович умер в начале 1452 г. (*Kolankowski L.* Op. cit. S. 266).

[23] Переговоры в 1448 г. о заключении литовско-русского союза вел тот самый дьяк Степан Бородатый, который позднее организовал отравление Дмитрия Шемяки (ААЭ. Т. I. № 49. С. 36). По Г. Вернадскому, Михаила Сигизмундовича отравили литовские агенты (*Vernadsky G.* Op. cit. P. 327). Догадка эта не подкреплена доказательствами.

[24] *Spuler B.* Op. sit. S. 167; *Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и ее падение. С. 419–420.

[25] *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Отоманской порты до начала XVIII в. СПб., 1887. С. 207.

[26] ПСРЛ. Т. 27. С. 274.

[27] Село Озерецкое находилось в Инобожи (Дмитров). См.: АСЭИ. Т. I. № 108. С. 86–87; № 191. С. 136.

[28] По Ермолинской летописи, Василий II «поиде к рубежу ко Тверьскому», что правильнее (ПСРЛ. Т. 23. С. 155).

[29] ПСРЛ. Т. 26. С. 210–212; Т. 23. С. 154–155; Т. 27 (Никаноровская летопись). С. 116–117; (Сокращенный свод конца XV в.). С. 348.

[30] ПСРЛ. Т. 2. С. 356.

[31] ПСРЛ. Т. 16. Стб. 193.

[32] ПСРЛ. Т. 26. С. 212. Кокшенгцы считали себя потомками новгородцев. Вопрос этот остается спорным (см.: *Едемский М.* Кокшеньгская старина // Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. Т. VII. Вып. 2. СПб., 1907. С. 85–96; *Он же.* О старых торговых путях на Севере // Там же. Т. IX. СПб., 1913. С. 39–62; *Он же.* Из кокшеньгских преданий // Живая старина. Вып. 1 и 2. СПб., 1905. С. 102–106). А.Н. Насонов считает представление М. Едемского о колонизации Кокшенги из Новгорода неверным и связывает русские поселения на Кокшенге с колонизацией из Устюга (см.: *Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 189).

[33] Иван Киселев, возможно, происходил из семьи солигаличского солевара Якова Киселя (АСЭИ. Т. I. № 118. С. 94). У него также были владения между Нижним Новгородом и Муромом (ПСРЛ. Т. 26. С. 199).

[34] ПСРЛ. Т. 37. С. 89; Т. 26. С. 212.

[35] ПСРЛ. Т. 37. С. 89; Т. 27 (Никаноровская летопись). С. 118.

[36] ПСРЛ. Т. 26. С. 212.

[37] РИБ. Т. 6. № 71. Стб. 575–586.

[38] ПСРЛ. Т. 37. С. 89.

[39] ПСРЛ. Т. 16. Стб. 193.

[40] ПСРЛ. Т. 23. С. 154.

[41] ПСРЛ. Т. 16. Стб. 193.

[42] Вымская летопись. С. 261. Сообщение помещено перед

рассказом о походе Василия II на Кокшенгу.

[43] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 495.

[44] Инока Фомы слово похвальное... С. 53–54. 27 ноября 1452 г. Василий II находился в Суздале (АСЭИ. Т. III. № 96. С. 133).

[45] ПСРЛ. Т. 16. Стб. 193.

[46] Повести о житии Михаила Клопского. М.; Л., 1958. С. 108. Ржева входила в удел князя Константина Дмитриевича, а затем пожалована была Дмитрию Шемяке (ДДГ. № 35. С. 90).

[47] АИ. Т. I. № 53. С. 101–103.

[48] ААЭ. Т. I. № 372. С. 463–464. Грамота написана после приезда Дмитрия Шемяки и его жены в Новгород.

[49] ПСРЛ. Т. 26. С. 212; Т. 27 (Никаноровская летопись). С. 118; (Сокращенный свод конца XV в.). С. 274; Т. 15. Стб. 495.

[50] ПСРЛ. Т. 5 (Софийская I летопись). С. 271.

[51] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 495; Инока Фомы слово похвальное... С. 54–55.

[52] ПСРЛ. Т. 26. С. 212. До Андрея Меньшого у Василия II были уже сыновья Иван, Юрий, Андрей Большой, а в июле 1449 г. родился еще Борис (Там же. С. 208).

[53] Там же. С. 212. Сохранилась духовная грамота Софьи Витовтовны, написанная до 8 августа 1452 г. (ДДГ. № 57. С. 175–178).

[54] ПСРЛ. Т. 26. С. 213; Т. 25, С. 273; Т. 6. С. 180.

[55] ПСРЛ. Т. 27 (Сокращенные своды конца XV в.). С. 274, 348; Т. 5 (Софийская I летопись по списку Царского). С. 271; Т. 4. Ч. 1. С. 455, 490.

[56] ПСРЛ. Т. 37. С. 89.

[57] ПСРЛ. Т. 20. Первая полов а. СПб., 1910. С. 262.

[58] ПСРЛ. Т. 23. С. 155.

[59] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 445 (Новгородская летопись по списку Дубровского). С. 490 (17 июня); Т. 15. Стб. 495; Т. 24. С. 184 («по Петрове дни»); ПЛ. Вып. 1. С. 51 (18 июня); Вып. 2. С. 49 (18 июня). Еще накануне отравления Дмитрия Шемяки и вскоре после этого в Москве проявляли беспокойство в связи с положением дел в Галиче и других землях, некогда ему принадлежавших. Правительство Василия II стремилось укрепить там свои позиции выдачей льгот. Так, 3 июля 1453 г. от имени Василия II выдана была грамота на троицкие владения в районе Соли Галичской (АСЭИ. Т. I. № 245. С. 172–173). Около 1453–1455 гг. на солигаличские варницы грамоту выдала великая княгиня Мария Ярославна (Там же. № 248. С. 177).

[60] ПСРЛ. Т. 23. С. 155.

[61] Князь Андрей возмущался, что «Углецким учинено и Ерославичом и прочим единые крови? И како их всеродне заглажено и потребленно? Еже ко слышанию тяжко, ужасно!» (Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1979. С. 109).

[62] ПСРЛ. Т. 21. Вторая половина. СПб., 1913. С. 514.

[63] Подробнее о нем см.: *Кадлубовский А.Л.* Житие преподобного Пафнутия Боровского, писанное Вассианом Саниным // Сборник историко-филологического общества при институте князя Безбородко. Т. II. Нежин, 1899. С. 130, 133–134; Послания Иосифа Волоцкого. М.; Л., 1959. С. 191, 366.

[64] Дата поставления Пафнутия в игумены в его житии (1434 г.) неверна, ибо князь Семен умер еще осенью 1425 г. и

похоронен был в Троицком монастыре (ПСРЛ. Т. 27. С. 101).

[65] Суходол в 1432–1433 гг. завещан был князем Юрием Дмитриевичем своему сыну Дмитрию Красному (ДДГ. № 29. С. 74). В 1440 г. князь Дмитрий умер. По докончанию 1447 г. Василия II с князем Василием Ярославичем Суходол пожалован был этому боровскому князю. Но в договоре предусматривалась возможность замирения великого князя с Дмитрием Шемякой и передачи ему Суходола (ДДГ. № 45. С. 130). Следовательно, после 1440 г. Суходол мог принадлежать некоторое время Дмитрию Шемяке.

[66] См.: *Будовниц.* С. 224–228; *Зимин А.А.* Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV – XVI в.). М., 1977. С. 42–45.

[67] Постриженик Пафнутьева монастыря Иосиф Волоцкий позднее вспоминал: «А митрополит Иона о том брань положил на Пафнотья и по него послал, и на Москву его свел... и в темницу послал». Кончилось же дело тем, что «Иона-митрополит смирился и сам пред Пафнотием повинился, и мир дав ему, и дарова его, и отпусти его с миром» (Послания Иосифа Волоцкого. С. 365–366).

[68] ГИМ. Синод. собр. № 55. Л. 654; *Макарий.* История русской церкви. Т. VI. СПб., 1870. С. 17. Подробнее см.: *Зимин А.А.* Крупная феодальная вотчина... С. 42–45.

[69] См.: *Зимин А.А.* Крупная феодальная вотчина... С. 44–45.

[70] *Преображенский А.А.* Летопись Воскресенского монастыря, что у Соли Галичской // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 237, 242.

[71] Редкие источники. Вып. 2. С. 106–107. Это же прозвище было в середине XVI в. у князя Ивана Васильевича Пронского и у сына князя Данила Гагарина, происходившего из среды стародубских князей (Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. I. Ч. II. М., 1977. С. 263; Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М., 1950. С. 188).

[72] Новгородские писцовые книги, изданные Археографическою комиссиею. Т. IV. СПб., 1886. Стб. 351, 423.

[73] АЮ. № 135. С. 158.

[74] АЮ. № 46. С. 92.

[75] АЮ. № 423. С. 458. Существовал крест с надписью об убитом татарами в 1521 г. под Москвой Тимофее Шемяке Григорьеве сыне (см.: *Федотов-Чеховский А.* Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России. Т. 2. Киев, 1863. № 151. Стб. 543). О прозвище Шемяка см. также: *Тупиков Н.М.* Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903: *Лапицкий И.П.* Повесть о суде Шемяки и судебная практика второй половины XVII в. // ТОДРЛ. Т. VI. М.; Л., 1948. С. 82–83; *Веселовский С.Б.* Ономастикон. М., 1974. С. 365.

[76] ГБЛ. Собр. Ундольского. № 298. Л. 14 об. – 16; *Будовниц.* С. 180.

[77] ГБЛ. Троицк. собр. № 694. Л. 589–589 об. По второй редакции Жития Григория Пельшемского, Григорий якобы в 1431 г. ходил к князю Юрию в Москву и просил его отказаться от великого княжения в пользу Василия II (л. 594–594 об.). По житию, Григорий якобы умер в возрасте 127 лет в 1448 г.

[78] См.: Русская повесть XVII в. М., 1954. С. 289–291.

[79] *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. V. Примеч. 338.

[80] См.: *Черепнин.* Образование. С. 800–801.

[81] См.: *Лапицкий И.П.* Указ. соч. С. 60–99.
[82] *Маршак С.Я.* Соч. Т. 3. М., 1959. С. 593.

Концы и начала (с. 160–190)

[1] ПСРЛ. Т. 26. С. 213.
[2] ПСРЛ. Т. 24. С. 184.
[3] АФЗХ. Ч. I. № 29. С. 48–49.
[4] ГИМ. Синод. собр. № 562. Л. 433–433 об.; *Веселовский.* С. 312.
[5] ДДГ. № 40. С. 120.
[6] ДДГ. № 58. С. 180; ср.: № 61. С. 196, 199.
[7] ПСРЛ. Т. 16. Стб. 193.
[8] ПЛ. Вып. 1. С. 52; Вып. 2. С. 49.
[9] ПСРЛ. Т. 26. С. 213. В Ермолинской летописи о походе говорится скупо: Василий II «город Можаеск взял, а князь Иван Андреевич побежал в Литву, к королю служыти» (ПСРЛ. Т. 23. С. 155). Поход начался, очевидно, до 31 августа: запись о молнии в Москве от 31 августа помещена в московских летописях после записи о походе, но до сообщения о поставлении архиепископа Феодосия.
[10] См.: *Зимин А.А.* Служилые князья в Русском государстве конца XV – первой трети XVI в. // Дворянство и крепостной строй России XVI – XVIII вв. М., 1975. С. 43, 45. Стародуб и Гомель Казимир IV давал еще в 1446 г. в «вотчину» бежавшему в Литву князю Василию Ярославичу (ПСРЛ. Т. 26. С. 203).
[11] АИ. Т. I. № 56. С. 103–104.
[12] ДДГ. № 58. С. 179–186.
[13] ДДГ. № 59. С. 186–192.
[14] Князь Юрий Васильевич выдал жалованную грамоту на Дмитров уже 3 февраля 1455 г. (АСЭИ. Т. II. № 163. С. 98–99), 29 сентября 1455 г. (см.: *Голубцов И.А. Назаров В.Д.* Акты XV – начала XVI в. // Советские архивы. 1970. № 5. С. 81–82; № 2), 23 марта 1457 г. (АСЭИ. Т. II. № 356. С. 350), 6 марта и 20 июля 1461 г. (АСЭИ. Т. I. № 289, 291. С. 206–208).
[15] Около 1461/62 г. князь Андрей Большой выдавал грамоты на Звенигород (АСЭИ. Т. III. № 55. С. 84–87).
[16] ДДГ. № 14. С. 40 (1401–1402 гг.); № 38. С. 108 (1442 г.). То же в Записи о душегубстве (АСЭИ. Т. III. № 12. С. 27). Ранее термин «уезд» употреблялся в неопределенном смысле: «княгинин уезд Ульянин» (ДДГ. № 13. С. 37). В летописи под 1446 г. названы «уезды Коломенския» (ПСРЛ. Т. 26. С. 203). В актах на земельные владения Московский уезд встречается с 1460 г. (АСЭИ. Т. II. № 361. С. 355).
[17] АСЭИ. Т. I. № 47. С. 51. Ср.: «...в Кинеле в Городьском уезде» (Там же. № 117. С. 93). Переславский уезд упоминается также под 1449/50 г. (*Каштанов.* № 12. С. 364), в 1453–1460 гг. (АСЭИ. Т. II. № 354. С. 348–349; № 361. С. 354).
[18] АСЭИ. Т. III. № 70. С. 105. Ср.: под 1464 г. (Там же. № 71. С. 106). Грамота сохранилась в списке XVII в. Коломенский уезд упоминается и в Записи о душегубстве. В грамоте князя Юрия Дмитриевича 1404 г., сохранившейся в копии, упоминается Звенигородский уезд (АСЭИ. Т. III. № 53а. С. 80).
[19] АСЭИ. Т. I. № 243. С. 170. Ростовский наместник упомянут в 1433 г. (ПСРЛ. Т. 26. С. 189), поэтому Ростовский уезд мог существовать еще в это время.

[20] АСЭИ. Т.I. № 265. С. 192.

[21] АФЗХ. Ч. I. № 247. С. 211. Ср.: под 1459 г. (АСЭИ. Т. I. № 280. С. 201). В списке конца XVII в. Костромской уезд упоминается в грамоте от 30 января 1424 г., выданной И. Кафтыреву (АСЭИ. Т. III. № 239. С. 260). Упоминание сомнительно.

[22] АСЭИ. Т. I. № 315–316. С. 225 (1462–1466 гг.).

[23] АСЭИ. Т. II. № 363. С. 357.

[24] ПСРЛ. Т. 26. С. 189; Т. 27 (Никаноровская летопись). С. 104.

[25] ПСРЛ. Т. 26. С. 191; Т. 27 (Никаноровская летопись). С. 105.

[26] ПСРЛ. Т. 26. С. 199; ср.: *Веселовский.* С. 435.

[27] ПСРЛ. Т. 26. С. 191; Т. 27 (Никаноровская летопись). С. 105.

[28] ПСРЛ. Т. 26. С. 196; Т. 27 (Никаноровская летопись). С. 108.

[29] ПСРЛ. Т. 26. С. 210; Т. 27 (Никаноровская летопись). С. 116.

[30] АСЭИ. Т. III. № 101. С. 139.

[31] О судебных функциях наместников см. в докончаниях: ДДГ. № 27, 65, 67 и др.

[32] АСЭИ. Т. I. № 261. С. 190; № 260. С. 189.

[33] АСЭИ. Т. III. № 22. С. 38–41.

[34] ДДГ. № 22. С. 62.

[35] ДДГ. № 61. С. 198–199.

[36] ПСРЛ. Т. 26. С. 159.

[37] 1435–1447 гг. (АСЭИ. Т. II. № 90. С. 54–55), конец 30-х – начало 40-х годов XV в. (*Каштанов.* № 6. С. 348–350), 1442–1462 гг. (*Каштанов.* № 9. С. 354–361), около 1448–1452 гг. (АСЭИ. Т. III. № 35. С. 58), около 1449/50 г. (АСЭИ. Т. II. № 450. С. 490–491), 1453–1462 гг. (АСЭИ. Т. II. № 496. С. 544–545), 1454–1456 гг. (*Каштанов.* № 16. С. 371–372), 1461/62 г. (АСЭИ. Т. III. № 55. С. 84–87).

[38] 1428/29 г. (АСЭИ. Т. III. № 48а. С. 72; № 54), конец 40-х годов XV в. (АСЭИ. Т. II. № 374. С. 369), около 1456–1460 гг. (*Каштанов.* № 27. С. 387–388), около 1450–1463 гг. (АСЭИ. Т. III. № 36. С. 59).

[39] В 1431–1432 гг. в Орде вел переговоры боярин И.Д. Всеволожский. В 1433 г. мирные переговоры с Василием II вел боярин князя Юрия Дмитриевича Семен Морозов. В том же году с миссией к можайскому князю Ивану Андреевичу посылался А.Ф. Голтяев (ПСРЛ. Т. 26. С. 190). Тот же Голтяев и В.И. Собакин в 1437 г. вели переговоры с Улу-Мухаммедом, а князь Юрий Патрикеев тогда же собирал «черный бор» с Новгорода (НПЛ. С. 419).

[40] Редкие источники. Вып. 2. С. 69.

[41] ПСРЛ. Т. 23. С. 151.

[42] См.: *Лихачев Н.П.* Разрядные дьяки XVI в. С. 436.

[43] Редкие источники. Вып. 2. С. 69.

[44] ПСРЛ. Т. 6. С. 162.

[45] АСЭИ. Т. II. № 496. С. 544.

[46] ДДГ. № 28. С. 72.

[47] «А хто будет моих казначеев или хто моих дьяков прибыток мои от мене ведали... то все не надобны моеи княгине и моим детем» (ДДГ. № 61. С. 198).

[48] АСЭИ. Т. I. № 266. С. 193.

[49] ПСРЛ. Т. 23. С. 158.

[50] См.: *Черепнин.* Архивы. Ч. 2. С. 150–159.

[51] АСЭИ. Т. III. № 12. С. 27–29. О Записи подробнее см.: *Тихомиров М.Н.* Средневековая Москва в XIV – XV вв. М., 1957. С. 95–96; *Черепнин.* Архивы. Ч. 2. С. 348–359; Памятники русского права. Вып. 3. М., 1955. С. 199–208; *Мец.* С. 45–46; *Семенченко Г.В.* О датировке московской губной грамоты // Советские архивы. 1978. № 1. С. 53–58; *Хорошкевич А.Л.* К истории возникновения «Записи о душегубстве» // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 193–203.

[52] См.: *Мец.* С. 61–63. Монеты с надписью: «Деньга можайская» Н.Д. Мец относила к последнему периоду существования Можайского княжества, когда оно уже находилось под контролем Москвы (Там же. С. 62).

[53] *Kolankowski L.* Dzieje Wielkiego Ksiestwa Litewskiego za Jagiellonów. T. 1. S. 281; *Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и ее падение. С. 420.

[54] ПСРЛ. Т. 26. С. 213; Т. 5 (Софийская I летопись). С. 271; Т. 18. С. 209 (под 6962 г., но там записей под 6963 г. нет); Т. 25. С. 273; Т. 27 (Никаноровская летопись). С. 118; Т. 28. С. 112.

[55] ПСРЛ. Т. 23. С. 155; Т. 27 (Сокращенные своды конца XV в.). С. 274, 348; Т. 37. С. 89.

[56] ПСРЛ. Т. 6. С. 180; Т. 20. Первая половина. С. 262–263.

[57] См.: *Насонов А.Н.* История русского летописания XI – начала XVIII в. С. 308.

[58] См.: *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 1. С. 26–27. Г. Вернадский датирует основание ханства 1452 – началом 1453 г. (*Vernadsky G.* The Mongols and Russia. P. 331).

[59] *Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды. С. 256–257.

[60] ДДГ. № 52. С. 157.

[61] ДДГ. № 76. С. 284.

[62] ДДГ. № 58. С. 180.

[63] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 491; Т. 26. С. 213; Т. 37. С. 89.

[64] Н.А. Полевой считал, что речь должна идти о смоленском князе Юрии Святославиче (см.: *Полевой Н.А.* История русского народа. Т. 5. М., 1833. С. 442). Князь Юрий Святославич в 1404 г. выехал из Смоленска в Москву (ПСРЛ. Т. 26. С. 170). Вряд ли о нем говорили так панибратски («Юрга»).

[65] ПСРЛ. Т. 26. С. 213–215.

[66] Посольство возглавлял посадник Василий Степанов (ПСРЛ. Т. 26. С. 215).

[67] ПСРЛ. Т. 26. С. 215–216; Т. 23. С. 155; Т. 27 (Сокращенный свод конца XV в.). С. 274.

[68] ПСРЛ. Т. 16. Стб. 194. По Псковской летописи – 2 февраля (ПЛ. Вып. 2. С. 49).

[69] В предвидении войны с Москвой новгородцы еще в июле 1455 г. запросили к себе В.В. Шуйского из Пскова, где он до этого пробыл семь с половиной лет (ПЛ. Вып. 1. С. 52; Вып. 2. С. 49).

[70] Псковичи выслали подмогу только 15 февраля (ПЛ. Вып. 2. С. 49), «в недѣлю по Зборе» (ПСРЛ. Т. 16. Стб. 196).

[71] ПСРЛ. Т. 16. С. 196. По московским сведениям, величина «окупа» достигала 10 000 руб. (ПСРЛ. Т. 26. С. 216), по тверским – 9000 руб. (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 495–496) Сумма близка к

той, что новгородцы заплатили Василию II в 1440 г. (8000 руб.)

[72] ПСРЛ. Т. 16. Стб. 195–196. См. также: *Бернадский В.И.* Новгород и Новгородская земля в XV в. М.; Л., 1961. С. 254–257. А.В. Чарторыйский прибыл в Псков только 18 июля 1456 г. (ПЛ. Вып. 2. С. 49). Где он провел целых пять месяцев до этого, неизвестно.

[73] ГВНП. № 22–24. С. 39–44.

[74] ГВНП. № 19. С. 34–36.

[75] См.: *Черепнин.* Архивы. Ч. 1. С. 357.

[76] Там же. С. 359.

[77] «А Великому Новугороду князя Ивана Андреевичя Можайского и его детеи, и князя Ивана Дмитреевичя Шемякина и его детеи, и его матери княгини Софьи и ее детеи и зятьи Новугороду не приимати» (ГВНП. № 23. С. 43).

[78] Подробнее см.: *Зимин А.А.* Служилые князья... С. 43, 44, 54.

[79] ПСРЛ. Т. 26. С. 216–217.

[80] ПСРЛ. Т. 26. С. 217. По другим данным – 3 июля 1456 г. (ПСРЛ. Т. 5 (Софийская I летопись по списку Царского). С. 272; Т. 6. С. 181).

[81] ДДГ. № 62. С. 200.

[82] См.: Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 109; РИБ. Т. 31. СПб., 1914. Стб. 272. Умер Василий Ярославич «в железех» в 1482/83 г. (ПСРЛ. Т. 12. С. 214).

[83] ПСРЛ. Т. 23. С. 138.

[84] ПСРЛ. Т. 26. С. 217.

[85] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 445 (10 марта), 491–492 (11 марта).

[86] ПСРЛ. Т. 16. Стб. 198. Иван Лукинич принадлежал к числу виднейших деятелей из среды новгородского боярства. Уже в 1435 г. он был тысяцким (ГВНП. № 69. С. 114), а к 1439 г. – посадником. Участвовал он и в заключении Яжелбицкого мира и Коростынского договора 1471 г. Подробнее о нем см.: *Янин В.Л.* Новгородские посадники. С. 278–284, 319–321 и др.

[87] По Ф. Конечному, речь должна идти о князе Ю.С. Острогском (*Koneczny F.* Jerzy Semenowicz Ostrogski w Nowgorodzic w 1458/59 // Atheneum Wilenskie. 1925. T. III. S. 1–9). Правдоподобнее вывод Л. Коланковского, считавшего, что упоминается князь Ю.С. Голшанский (*Kolankowski L.* Dzieje Wielkiego Ksiestwa Litewskiego za Jagiellonów. T. 1. Warszawa, 1930. S. 308–309).

[88] Федор Яковлевич был посадником еще до 1440 г. В 1456 г. участвовал в заключении Яжелбицкого договора. Василий Казимир в том же году отличился в битве под Русой (см.: *Янин В.Л.* Новгородские посадники. С. 281–282).

[89] ПСРЛ. Т. 16. Стб. 197–200.

[90] РИБ. Т. 6. № 73. Стб. 591–592.

[91] ПСРЛ. Т. 26. С. 217. Еще до 5 марта 1459 г., «идучи на осподареву службу великого князя на Вятку», написал духовную Есип Окинфов, предполагая, что в походе может всякое случиться (АСЭИ. Т. III. № 100. С. 137).

[92] ПСРЛ. Т. 23. С. 156. Г.М. Перхушков известен как белозерский землевладелец (АСЭИ. Т. II. № 330. С. 309; № 376. С. 374). До 25 марта служил волостелем на Двине (АСЭИ. Т III. № 15. С. 31). Как послух упомянут в акте 1470–1490-х годов (АСЭИ. Т. I. № 487. С. 367).

[93] ПСРЛ. Т. 23. С. 156.

[94] ПСРЛ. Т. 26. С. 217.

[95] Там же.

[96] Там же; Т. 23. С. 156 («миром»); Т. 4. Ч. 1. С. 445, 455, 493.

[97] ПЛ. Вып. 1. С. 57–60; Вып. 2. С. 51 (князь Александр якобы «убоявся князя великого и побеже в Литву»), 145–148; ПСРЛ. Т. 26. С. 217–218. См. также: *Черепнин.* Архивы. Ч. 1. С. 413–414.

[98] ПСРЛ. Т. 16. Стб. 200 («якоже ему възлюбилося к святей Софии... на поклон, и к честным гробом иже святых в святей Софеи лежащеи»).

[99] ПСРЛ. Т.16. Стб. 202.

[100] ПСРЛ. Т. 23. С. 156.

[101] ПСРЛ. Т. 20. Первая половина. С. 264; Т. 6. С. 181–182.

[102] ПСРЛ. Т. 6. С. 184; *Дмитриев Л.А.* Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII – XVII вв. Л., 1973. С. 25–26.

[103] ПСРЛ. Т. 16. Стб. 202. Князь Юрий вернулся в Москву в пяток шестой недели, в канун субботы Воскресения Лазаря (11 апреля), а Василий II еще «на память святых мученик 40, иже в Севастии» (ПСРЛ. Т. 26. С. 218).

[104] ПСРЛ. Т. 16. Стб. 204; ГВНП. № 21. С. 38–39. О дате см.: *Зимин А.А.* О хронологии договорных грамот Великого Новгорода с князьями XIII – XV вв. // Проблемы источниковедения. Сб. V. М., 1956. С. 323; *Янин В.Л.* Новгородские посадники. С. 284.

[105] ПСРЛ. Т. 16. Стб. 206–207.

[106] Там же. С. 207.

[107] ПСРЛ. Т. 26. С. 219; Т. 5 (Софийская I летопись). С. 272. По другим сведениям, Ахмат стоял под Переяславлем три недели (ПСРЛ. Т. 23. С. 156).

[108] ПСРЛ. Т. 23. С. 156.

[109] ПСРЛ. Т. 26. С. 219–220.

[110] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 496.

[111] ПСРЛ. Т. 26. С. 219.

[112] ПСРЛ. Т. 27 (Сокращенный свод конца XV в.). С. 275; Т. 26. С. 219.

[113] ПСРЛ. Т. 26. С. 219. В конце 50-х – начале 60-х годов XV в. произошли серьезные перемены в епископате. В 1459 г. архиепископом новгородским стал Иона. В Твери 30 декабря 1456 (6965) г. умер епископ Илья, а 29 января 1457 (6966) г. поставлен был епископом Моисей (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 496), но вскоре он был сведен, и 22 марта 1461 г. на его место поставлен был на Москве Геннадий Кожа (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 496). Зимой 1462 г. умер епископ рязанский Ефросин Звенец, на его место 1 февраля поставлен был казначей митрополита Ионы Давыд (ПСРЛ. Т. 26. С. 220).

[114] ДДГ. № 62. С. 199–201 («А привезл сесь список Володя Давыдов лета 70»). В публикации ошибочно сказано, что текст издан по сборнику ГПБ. Q XVII. № 58. На самом деле – ГПБ. Q IV. № 14. Л. 18 об. – 19. Остаются неясными пути, которыми попал договор в сборник: его мог передать правительству Василия II сам Владимир Давыдов или он мог быть у него отобран.

[115] ПСРЛ. Т. 23. С. 157. По великокняжескому своду начала 70-х годов XV в., зимой дети боярские «целова крест меж себя»,

чтобы «изгоном» освободить князя Василия Ярославича. В ответ на это, узнав о заговоре, Василий II повелел заговорщиков «бити кнутьем и сечи руки и ноги, и носы резати, а иным главы отсекати» (В. Давыдову, П. Бреину и Л. Евсевьеву). См.: ПСРЛ. Т. 26. С. 220; Т. 27 (Никаноровская летопись). С. 122–123. По другим сведениям, картина сходная: Василий II приказал казнить «немилостивно, на лубие волочити по леду, привязав конем к хвосту» (ПСРЛ. Т. 6. С. 185).

[116] ПСРЛ. Т. 25. С. 278; Т. 4. Ч. 1. С. 445 (4 апреля); Т. 15. Стб. 496 (28 марта). В Голицынском списке Новгородской IV летописи говорится, что Василий Васильевич «повеле жещи у себе труд на хребте, болезни ради сухотныя, и с тех ран разболеся и преставися» (ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 456). Сходной была и официальная версия («зажигая труд на многих местех и по многу, иде же не бе ему никоея болезни, тогда и не чающе. Егда же разгнишася раны они, и бысть ему болезнь ташка») (ПСРЛ. Т. 26. С. 220). Ермолинская летопись добавляет: «...великая же княгини его и боляре его вси возбраняху ему, он же не послушав их, и с тех мест разболеся» (ПСРЛ. Т. 23. С. 157).

[117] ПСРЛ. Т. 5 (Софийская I летопись). С. 273.

[118] ДДГ. № 61. С. 193–199.

[119] ДДГ. № 12. С. 33–37.

[120] Если считать, что в Вятской земле было три города, то великокняжеских городов насчитывалось 18. См. подсчеты В.О. Ключевского, восходящие к С.М. Соловьеву (*Ключевский В.О.* Соч. Т. II. М., 1957. С. 40). По подсчетам В.Н. Бочкарева – соответственно 16 и 14 городов (*Бочкарев В.Н.* Политические итоги феодальной войны в удельно-княжеской Руси XV в. // Ученые записки МГПИ им. В.П. Потемкина. Т. II. Вып. 2. М., 1947. С. 65).

[121] ДДГ. № 63. С. 201–207.

[122] ДДГ. № 64. С. 207–212.

[123] ДДГ. № 65. С. 212–214.

[124] ДДГ. № 67. С. 217–221.

[125] ПСРЛ. Т. 23. С. 158; Т. 26. С. 221.

[126] ПСРЛ. Т. 23. С. 157–158.

[127] ПСРЛ. Т. 24. С. 188; *Черепнин.* Образование. С. 825–830.

[128] ПСРЛ. Т. 26. С. 250–251.

[129] ПСРЛ. Т. 24. С. 194; Т. 8. С. 180; *Насонов А.Н.* История русского летописания XI – начала XVIII в. С. 247.

[130] ПСРЛ. Т. 26. С. 274.

[131] ДДГ. № 76. С. 283–290.

[132] ДДГ. № 75. С. 277–283.

[133] ДДГ. № 78. С. 293–295.

[134] ДДГ. № 80. С. 301–315. О дате завещания князя Михаила Андреевича см.: *Каштанов С.М.* Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI в. С. 46.

[135] ПСРЛ. Т. 26. С. 184.

[136] ДДГ. № 53. С. 160. Титул «московский великий князь» широко употреблялся в Твери (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 489, 490).

Витязь выбирает путь (с. 191–211)

[1] См.: *Станкевич Н.В.* О причинах постепенного возвышения Москвы до смерти Иоанна III // Ученые записки Московского университета. 1834. Ч. 5. С. 34–35.

[2] См.: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. СПб., Б/г. Кн. 1. Стб. 1341–1344; *Ключевский В.О.* Соч. Т.II. С. 8–9; История Москвы: Краткий очерк. М., 1978. С. 17.

[3] См.: *Любавский М.К.* Образование основной государственной территории великорусской народности. Л., 1929. С. 38.

[4] *Смирнов П.П.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. // Вопросы истории. 1946. № 2–3. С. 69.

[5] См.: *Хорошкевич А.Л.* Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV вв. М., 1963. С. 223; *Заозерская Е.И.* Соляные промыслы на Руси XIV–XV вв. // История СССР. 1970. № 6. С. 95–109. О солеварении см. также: Очерки русской культуры XIII–XV вв. Ч. 1. С. 137–147.

[6] АСЭИ. Т. I. № 245. С. 172–173.

[7] Там же. № 225. С. 160–161; № 245. С. 172; № 248. С. 177. О более ранних приобретениях см. там же. № 64. С. 59; № 66. С. 61; № 67. С. 62; № 68. С. 62; № 149. С. 112; № 214. С. 149–150; № 118. С. 94; № 120. С. 95; № 151. С. 113.

[8] См.: *Заозерская Е.И.* Указ. соч. С. 96, 100.

[9] См.: *Хорошкевич А.Л.* Указ. соч. С. 224.

[10] АСЭИ. Т. I. № 130. С. 100.

[11] Там же. № 194. С. 139.

[12] АФЗХ. Ч. I. № 263. С. 236.

[13] АСЭИ. Т. I. № 31. С. 42; № 47. С. 51; № 48. С. 52; № 101. С. 81; № 199. С. 142.

[14] АСЭИ. Т. I. № 491. С. 370.

[15] ДДГ. № 17. С. 50.

[16] АСЭИ. Т. II. № 344. С. 341.

[17] АСЭИ. Т. I. № 225. С. 160–161.

[18] АСЭИ. Т. II. № 455. С. 494.

[19] См.: *Хорошкевич А.Л.* Указ. соч. С. 127. О бортничестве см. также: Очерки русской культуры XIII–XV вв. Ч. 1. С. 130–137.

[20] АСЭИ. Т. I. № 466. С. 506.

[21] *Веселовский С.Б.* Подмосковье в древности // Подмосковье. М., 1962. С. 21.

[22] АСЭИ. Т. I. № 469. С. 356 («секут лес к городу к Переславлю»).

[23] См.: *Веселовский С.Б.* Подмосковье в древности. С. 24.

[24] АСЭИ. Т. I. № 40. С. 47.

[25] *Герберштейн.* С.130.

[26] ПСРЛ. Т. 26. С. 189.

[27] Там же. С. 197.

[28] См.:*Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. 1. С. 56, 61–62, 72–74.

[29] *Смирнов П.П.* Указ. соч. С. 78, 80.

[30] См.: Очерки русской культуры XIII–XV вв. Ч. 1. С. 75.

[31] АСЭИ. Т. I. № 11. С. 31.

[32] Там же. № 62. С. 58.

[33] АФЗХ. Ч. I. № 116. С. 108.

[34] ДДГ. № 57. С. 178. Перечень см.: Очерки русской культуры XIII–XV вв. Ч. 1. С. 52–53.

[35] АСЭИ. Т. III. № 100. С. 137.

[36] АСЭИ. Т. II. № 361. С. 355.

[37] АСЭИ. Т. I. № 523. С. 400. Сведение неясное. Не установлено, когда пустошь Кашино стала третьим полем деревни Мат-

ково (ср.: № 213. С. 149). См. сведения о третьем поле в Нерехте (№ 540. С. 419), в Звенигороде (АСЭИ. Т. III. № 54а. С. 83). Последнее сведение хронологически неясно.

[38] АСЭИ. Т. I. № 205; Т. II. № 347, 352, 355, 361.

[39] АСЭИ. Т. I. № 14, 87, 230, 257.

[40] Там же. № 18, 242.

[41] Там же. № 165.

[42] АСЭИ. Т. II. № 2, 3, 8, 9, 33, 36, 46, 48, 65, 117, 128.

[43] АСЭИ. Т. I. № 21.

[44] Там же. № 67, 68.

[45] АСЭИ. Т. III. № 254.

[46] АСЭИ. Т. II. № 346.

[47] *Меховский М.* Трактат о двух Сарматиях. С. 114.

[48] *Веселовский С.Б.* Подмосковье в древности. С. 26.

[49] См.: *Ключевский В.О.* Соч. Т. II. С. 10–12; История Москвы: Краткий очерк. С. 17.

[50] ПСРЛ. Т. 26. С. 188.

[51] См.: *Лазарев В.Н.* Искусство Новгорода. М.; Л., 1947. С. 107.

[52] См.: *Смирнов Я.И.* Устюжское изваяние святого Георгия Московского Большого Успенского собора // Древности. Труды Московского археологического общества. Т. XXV. М., 1916. С. 171.

[53] Инока Фомы слово похвальное... С. 16.

[54] *Шахматов А.А.* Отзыв об издании Н.П. Лихачева «Инока Фомы слово похвальное». СПб., 1909. С. 2.

[55] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 444.

[56] ПЛ. Вып. 1. С. 41–42; Вып. 2. С. 44, 128.

[57] *Забелин И.Е.* История города Москвы. Ч. 1. М., 1905. С. 107.

[58] Хожение за три моря Афанасия Никитина 1466–1472 гг. Л., 1986. С. 53, 171. Примеч. 178.

[59] ДДГ. № 47. С. 144.

[60] В грамоте на Вологду и Устюг (около 1448–1462 гг.) прогнозировалось время, когда «будет тишина или не тишина или коли булгачно в земли» (АСЭИ. Т. II. № 102. С. 63).

[61] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 444.

[62] ПСРЛ. Т. 26. С. 184.

[63] Там же. С. 209.

[64] Собрав наспех московских «гостей и прочих», Василий II проиграл решительную битву с князем Юрием в 1433 г. (ПСРЛ. Т. 26. С. 189). Гости и суконники ссудили князю Юрию 600 руб. (ДДГ. № 30. С. 77). В июне 1436 г. Василий II писал: с Василием Косым «гости суконники вскоромолили на меня... да вышли с Москвы во Тферь в наше розмирие» (ДДГ. № 36. С. 102). В феврале 1446 г. «мнози же от москвич», в том числе гости, принимали участие в заговоре Дмитрия Шемяки против Василия II (ПСРЛ. Т. 26. С. 200).

[65] Я.В. Черепнин предполагал, что к Василию II могли благосклонно относиться жители Коломны и Мурома (см.: *Черепнин Л.В.* К вопросу о роли городов в процессе образования Русского централизованного государства // Города феодальной России. М., 1966. С. 113). Он писал, что сторонники Василия II, стекаясь в Коломну, «очевидно... находили там благоприятную обстановку и в посадской среде» (С. 113). Но ведь коломничи не

пустили в свой город Ф.В. Басенка, который ограничился тем, что «пограбил» посад (ПСРЛ. Т. 23. С. 153). Отождествлять же позицию наместников Мурома с настроениями горожан, как это делает Л.В. Черепнин (см.: *Черепнин Л.В.* К вопросу о роли городов... С. 116), нам не представляется возможным.

[66] Подробнее см.: *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.

[67] ПСРЛ. Т. 26. С. 199.

[68] ПСРЛ. Т. 23. С. 153.

[69] Там же. С. 155.

[70] Там же. С. 151.

[71] Там же. С. 154.

[72] ПСРЛ. Т. 26. С. 207.

[73] НПЛ. С. 425.

[74] ПСРЛ. Т. 23. С. 152.

[75] Там же. С. 152.

[76] См.: Инока Фомы слово похвальное... С. 45.

[77] «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966. С. 549.

[78] ПСРЛ. Т. 26. С. 204.

[79] См.: *Приселков М.Д.* Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 445.

[80] В 1463–1465 гг. русские рабы ценились на генуэзском рынке по 180–195 лир при средней цене здорового молодого раба 170–187 лир, а породистого арабского коня – 250–300 лир (*Heers V.* Gênes au XV siécle. Paris, 1961. P. 656).

[81] Впрочем, формула «яз холоп твой» известна только из более поздних источников. По Медоварцевскому летописцу, И.Д. Всеволожский в 1432 г. говорил: «А мне, холопу великого князя, зде того не мощно... Дмитров отдати» (*Лурье.* С. 10).

[82] Подробнее см.: *Зимин А.А.* Холопы на Руси (с древнейших времен до конца XV в.). М., 1972.

[83] *Бушуев В.* Опыт применения точного измерительного прибора – весов к историческому исследованию, к истории Суздальско-Нижегородского княжества в первой половине XV в. (Рукопись. 1941 г.). Цит. по: *Смирнов П.П.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. С. 88.

[84] См.: *Носов Н.Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969. С. 5–13.

[85] ПСРЛ. Т. 23. С. 157.

[86] АСЭИ. Т. II. № 138. С. 81–82.

Послесловие (с. 212–218)

[1] Список трудов А.А. Зимина (сост. А.Л. Хорошкевич) см.: Археографический ежегодник. 1980. М., 1981. С. 274–284. См. также: *Каштанов С.М.* Александр Александрович Зимин (1920–1980) // Там же. С. 357–358; *Он же.* Александр Александрович Зимин – исследователь и педагог // История СССР. 1980. № 6. С. 152–157; *Кобрин В.Б.* Александр Александрович Зимин. Ученый. Человек // Исторические записки. 1980. Т. 105; *Он же.* Новейшие труды о процессе централизации Русского государства // Россия на путях централизации. М., 1982. С. 256–269; *Он же.* А.А. Зимин // Родина. 1990. № 8. С. 83–84; *Лурье Я.С.* Об А.А. Зимине – источниковеде и текстологе // Вспомогательные исторические дисциплины. Сб. XIII. Л., 1982. С. 328–331; *Овчинников*

Р.В. К историографии Крестьянской войны начала XV в. // Россия на путях централизации. С. 273–280; *Ермолаев И.П., Литвин А.Л.* Новая советская историография о Среднем Поволжье XVI в. // Там же; *Панеях В.М.* Вспомогательные исторические дисциплины в научном наследии А.А. Зимина // Вспомогательные исторические дисциплины. Сб. XIV. Л., 1983. С. 107–135; *Хорошкевич А.Л.* Памяти Александра Александровича Зимина // Историографический сборник. Вып. XI. Саратов, 1983; Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII вв. Тезисы докладов и сообщений Первых чтений, посвященных памяти А.А. Зимина. М., 13–18 мая 1990 г. М., 1990; *Alef G.* Aleksandr Aleksandrowich Zimin (1920–1980) // Slavic Review. 1980. V. 39. N 2. P. 363–364; *Waugh D.Cl.* Aleksandr Aleksandrowich Zimin (1920–1980) // The Russian Review. 1980. V. 39. N 3. P. 390–392; *Rüss H.* Aleksandr Aleksandrowich Zimin (1920–1980) // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1980. Bd 28. Hf. 3. S. 479–480; *Kleimola A.M.* In Memory of A.A. Zimin (1920–1980) // Soviet Studies in History. 1981. V. XX. N 2; *Vodoff Wl.* A.A. Zimin (1920–1980) // Revue des Etudes slaves. 1981. V. LIII. N 4. P. 627–631; *Keenan E.* A.A. Zimin (1920–1980) // Kritika. 1980. V. XVI. N 1. P. 1–4; *Вулетич В.* А.А. Зимин//Зборник за славистику. Т. 20. Матица српска. 1981. С. 196–197; Essays in Honor A.A. Zimin. Ohio, 1985.

[2] Подробнее см.: *Кобрин В.Б.* Под прессом идеологии // Вестник АН СССР. 1990. №12. С. 25–40.

[3] Подробнее см.: *Хорошкевич А.Л.* «Опричнина Ивана Грозного» А.А. Зимина //*Зимин А.А.* Опричнина Ивана Грозного. Изд. 2, доп. и испр. М., 1992.

[4] Обретение свободы // Родина. 1990. № 8. С. 88.

[5] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 406–416. Ср.: *Павлова-Сильванская М.П.* К вопросу об особенностях феодализма в России //История СССР. 1968. № 4. С. 78.

[6] См.: *Плеханов Г.В.* История русской общественной мысли. М., 1914. С. 191.

[7] *Wittfogel K.A.* Oriental Despotism. New Haven, 1957. Ср.: *Baron S.* Feudalism or the Asiatic Mode of Production // Windows on the Russian Past. Columbus, 1977.

Список принятых сокращений

ААЭ – Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи. Т. I (1294–1598 гг.). СПб., 1836

АИ – Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. I. СПб., 1841

АСЭИ – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси. Т. I (сост. С.Б. Веселовский). М., 1952; Т. II (сост. И.А. Голубцов). М., 1958; Т. III (сост. И.А. Голубцов). М., 1964

АФЗХ – Акты феодального землевладения и хозяйства. Ч. I. (подгот. Л.В. Черепнин). М., 1951

АЮ – Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838

Базилевич – *Базилевич К.В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М., 1952

Будовниц – Будовниц И.У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV–XV вв. М., 1966

Веселовский – Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969

Вымская летопись – Вымская летопись // Историко-филологический сборник. Вып. 4. Сыктывкар, 1958

ГБЛ – Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина. Отдел рукописей (Москва)

ГВНП – Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С.Н. Валка. М.; Л., 1949

Герберштейн – Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988

ГИМ – Государственный исторический музей. Отдел рукописей (Москва)

Голубинский – Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. II. Ч. I //ЧОИДР. 1900. Кн. 1

ДДГ – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Подгот. Л.В. Черепнин. М.; Л., 1950

ДРВ – Древняя Российская вивлиофика. Ч. VI. М., 1787

Инока Фомы слово похвальное... – Инока Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче / Сообщение Н.П. Лихачева. СПб., 1909

Казакова – Казакова Н.А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV – начало XVI в. Л., 1975

Каштанов – Каштанов С.М. Очерки русской дипломатики. М., 1970

Лурье – Лурье Я.С. Рассказ о боярине И.Д. Всеволожском в Медоварцевском летописце // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник. 1977. М., 1977

Мец – Мец Н.Д. Монеты великого княжества Московского (1425–1462) // Нумизматический сборник. Вып. 3. М., 1974

НПЛ – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950

Опись Ч.1. – Опись архива Посольского приказа 1626 г. Ч.1. М., 1977

ПЛ – Псковские летописи / Подгот. А.Н. Насонов. Вып. 1. М.; Л., 1941; Вып. 2. М., 1955

Пресняков – Пресняков А.Е. Образование Великорусского государства. Пг., 1918

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей

РИБ – Русская историческая библиотека

Родословная книга – Родословная книга князей и дворян Российских и выезжих... Ч. I. М., 1787

Симеон – Повесть Симеона Суздальца // Concilium Florentinum. Documenta et Scriptores. Vol. XI. Acta Slavica Concilii Florentini. Roma, 1976

ТОДРЛ – Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского дома) АН СССР

Черепнин. Архивы – Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. Ч. 1. М., 1948; Ч. 2. М., 1951

Черепнин. Образование – Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. М., 1960

ЧОИДР – Чтения в Обществе истории и древностей российских

LECUB – Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch

Указатель имен *

Абип, купец ордынский 61
Август, имп. римский 210
Авраамий (Авраам), еп. суздальский 84, 87, 88, 92, 132, 208
Авраамий, инок, основатель Покровского Чухломского мон. 18
Авраамий, келарь Троице-Сергиева мон. 251
Азбердей Мишерованов, кн. ордынский 96
Азыя *см.* Алим-бек
Айдар, кн. ордынский, зять хана ордынского Улу-Мухаммеда 43, 45, 229
Александр Васильевич Глазатый, кн. *см.* Суздальские князья
Александр (Олелько) Владимирович, кн. киевский 44, 89
Александр Иванович Брюхатый, кн. *см.* Суздальские князья
Александр Иванович, кн. *см.* Тверские князья
Александр Иванович, кн. *см.* Ярославские князья
Александр Романович, воевода тверской 90
Александр Русан, инок Троице-Сергиева мон., солевар 238
Александр Садык, посол тверской 119
Александр Федорович Брюхатый, кн. *см.* Ярославские князья
Алексеев Ю. Г. 222
Алексей Игнатьевич *см.* Кобылины, Жеребцов
Алексей, дьяк 161
Алексей, митр. киевский и всея Руси 12, 206
Алеф Г. 132, 228, 239, 242, 248, 256, 271
Алибаба, кн. ордынский 42
Алим-бек (Азыя, Либей), хан казанский 83, 105, 248
Анастасия (Настасья) Ивановна, кнг., дочь вел. кн. московского Ивана I Даниловича Калиты *см.* Ярославские князья
Андреев Дмитрий, гонец 119
Андрей Васильевич Большой, кн. углицкий, сын вел. кн. московского Василия II Васильевича Темного 121, 156, 164, 166, 180, 185, 186, 188, 251, 260, 262
Андрей Васильевич Лугвица, кн. *см.* Суздальские князья
Андрей Васильевич Меньшой, кн. вологодский, сын вел. кн. московского Василия II Васильевича Темного 153, 186, 189, 260
Андрей Владимирович, кн. радонежский, сын кн. серпуховского Владимира Андреевича 37, 49, 52
Андрей Дмитриевич, боярин 97
Андрей Дмитриевич, кн., воевода тверской 151
Андрей Дмитриевич, кн. *см.* Тверские князья, Дорогобужский
Андрей Дмитриевич, кн. можайский, сын вел. кн. московского Дмитрия Ивановича Донского 7–10, 20–22, 30, 34, 40, 42, 48, 55, 201
Андрей Иванович, кн. серпуховский, сын вел. кн. мос-

* В указатель не включены имена, входящие в состав названий учреждений, архивных фондов и коллекций рукописей. Лица из одного рода, как правило, объединяются в одной рубрике. Принятые сокращения: архиеп. – архиепископ; архим. – архимандрит; вел. – великий (великая); сп. – список; игм – игумен; имп. – император; кн. – князь; кнг – княгиня; митр. – митрополит; мон. – монастырь; патр. – патриарх; св. – святой.

ковского Ивана I Даниловича Калиты 11
Андрей Иванович, кн., сын кн. можайского Ивана Андреевича 162
Андрей Рублев, инок, изограф, св. 32, 68, 197, 225
Андрей Сакович, наместник полоцкий 102, 178
Анна Васильевна, дочь вел. кн. московского Василия II Васильевича Темного, жена царевича Иоанна Мануиловича, будущего имп. византийского Иоанна VIII Палеолога 86, 241
Аракчеев (Уракчеев) Остафий, казначей, дьяк 168
Афанасий, инок, ученик митр. киевского и всея Руси Исидора 93
Афанасий Никитин *см.* Никитин Афанасий
Ахмат (Ахмат Кичиахматович), хан ордынский 183, 266
Ахмут-мурза (Махмут-мурза), кн. ордынский 96

Баба *см.* Друцкий Иван Баба
Бабич *см.* Друцкий Семен Иванович
Базилевич К. В. 227, 229, 243, 245, 246, 256, 272
Баранов К. В. 220
Барбаро Иосафат, итальянский путешественник 28, 221, 222, 224
Барбашев А. И. 227–229
Басенок *см.* Федор Васильевич Басенок
Бахрушин С. В. 223, 224, 232, 268
Башмак *см.* Данила Башмак
Бегич, посол ордынский 106, 107, 198
Беда *см.* Василий Беда
Беззубцев *см.* Кобылины, Кошкины
Безногий *см.* Ратшичи, Остеев
Белеутовы *см.* Редегины
Белозерские князья, род 22
Роман Федорович 22
Федор Романович 22
Федор Федорович 22
Феодосия Ивановна, жена кн. белозерского Федора Романовича 22
Сугорские, род 22
Бельские князья
Владимир Ольгердович 98
Иван Владимирович 98, 131, 246
Бердедат Кудудатович, царевич ордынский 104, 112, 247, 250
Бернадский В. Н. 257, 265
Бисер, землевладелец 227
Блудов Федор, землевладелец 135, 240, 256
Бобр *см.* Редегины, Сорокоумовы-Глебовы
Боккаччо Джованни, итальянский писатель 3
Борецкий Исаак Андреевич, посадник новгородский 41, 154
Борис Александрович, вел. кн. тверской *см.* Тверские князья
Борис Васильевич, кн. волоцкий, сын вел. кн. московского Василия II Васильевича Темного 186, 260
Борис Васильевич, кн. *см.* Суздальские князья
Борис Захарьевич, воевода тверской 120
Борисовичи, княжеская ветвь, *см.* Суздальские князья
Бородатый *см.* Степан Бородатый
Бочкарев В. Н. 267
Бреин Парфен, сын боярский 184, 267
Брунеллески Филиппо, итальянский архитектор, скульптор, ученый 3
Брюхатый *см.* Суздальские князья; Ярославские князья
Будовниц И. У. 157, 222–224, 261, 272
Булатов Иев, владычный десятильник 74
Бунко, гонец 110
Бутурлины *см.* Ратшичи
Бучинский Б. 229
Бушуев В. И. 209,270
Бывальцев Феодосий *см.* Феодосий Бывальцев

Валк С. Н. 272
Валуевы, род 11

Варлаам, еп. коломенский 93, 114, 132, 208, 240
Варлаам Хутынский, иг. Спасо-Варлаамова Хутынского мон., св. 182
Варфоломей, строитель Симонова мон. 85
Василий, боярин (Иван-Полуект
Васильевич Море Сорокоумов-Глебов?) 241
Василий I Дмитриевич, вел. кн. московский 7–9, 10, 12, 13, 15, 16, 18, 19, 22, 25, 30–32, 34, 37, 52, 55, 56, 59, 61, 69, 85, 124, 140, 165, 187, 195, 221, 225, 228, 230, 255
Василий II Васильевич Темный, вел. кн. московский 4, 5, 7–10, 12–14, 18, 22, 23, 26, 31–81, 83–97, 99–140, 142–156, 159–188, 194–204, 207, 210, 216, 217, 222–226, 228–263, 265–267, 269, 270
Василий Беда, подьячий, затем дьяк 154
Василий Васильевич Гребенка (Шуйский), кн. *см.* Суздальские князья
Василий Васильевич, кн. *см.* Ярославские князья
Василий Васильевич *см.* Протасьевичи
Василий Владимирович, кн., сын кн. серпуховского Владимира Андреевича 37, 119
Василий Дмитриевич Кирдяпа, кн. *см.* Суздальские князья
Василий Ермолаевич, кн. *см.* Пермские князья
Василий Иванович, боярин 166
Василий Иванович, вел. кн. рязанский *см.* Рязанские князья
Василий Иванович, кн. *см.* Ярославские князья
Василий Иванович Шемячич, кн. новгород-северский, внук кн. галицкого Дмитрия Юрьевича Шемяки 176
Василий Михайлович, кн. верейский, сын кн. белозерского и верейского Михаила Андреевича 189
Василий Михайлович, кн. *см.* Тверские князья
Василий Казимир, тысяцкий новгородский 174, 179, 265
Василий Семенович, кн., владелец слободки в Белозерье 22
Василий Семенович, кн. *см.* Суздальские князья
Василий Степанович, посадник новгородский 112, 250, 264
Василий Чешиха *см.* Ратшичи, Замытский
Василий Шемяка, владелец соляной варницы 156
Василий Шемяка, кн. рыльский 225
Василий Юрьевич Косой, кн. звенигородский, сын кн. галицкого и звенигородского Юрия Дмитриевича 32, 33, 40, 49, 52, 53, 56, 58–60, 62, 63, 67, 69–80, 84, 95, 100, 111, 124, 127, 131, 136, 157, 187, 198–200, 202, 210, 225, 231, 233, 234, 236–238, 254, 257, 269
Василий Юрьевич, кн. *см.* Суздальские князья, Шуйские
Василий Ярославич, кн. серпуховский и боровский, сын кн. серпуховского Ярослава Владимировича 23, 37, 47, 49–51, 56, 60, 63, 76, 102–104, 111, 112, 116, 118–121, 124, 125, 131, 134, 136, 144, 145, 155, 162, 163, 166, 169, 172, 173, 176–178, 184–187, 193, 210, 230, 232, 253, 254, 257, 261, 262, 265, 267
Васильев К. Г. 227
Василько (Василий) Ростиславич, кн. теребовльский 112
Вассиан Санин, архиеп. ростовский, церковный писатель 261
Вассиан, еп. сарский и подонский 183
Ватазин, тиун 130
Вельяминов-Зернов В. В. 105, 171, 248, 264
Вепрев *см.* Фоминские
Вернадский Г. В. 245, 247, 250, 258, 259, 264
Веселовский С. Б. 53, 54, 59, 193, 194, 216, 222,

231–234, 247, 249, 256, 261–263, 268–270, 272
Виссарион, митр. никейский 242
Витовт, вел. кн. литовский 30, 35, 38, 39, 41–43, 61, 187, 225, 227–230
Виттфогель К. А. 219
Владимир Андреевич, кн. серпуховский, сын кн. серпуховского Андрея Ивановича 13, 20, 23, 30, 37, 50, 193, 221
Владимир Андреевич, кн. *см.* Ростовские князья
Владимир Андреевич, кн. старицкий, сын кн. старицкого Андрея Ивановича 216
Владимир Всеволодович Мономах, вел. кн. киевский 53
Владимир (Володя) Давыдович Красный, сын боярский 184, 267
Владислав II *см.* Ягайло Ольгердович
Владислав III Варненьчик, король польский и венгерский 4, 89, 243
Волимунт Судимой, староста ковенский 102
Волынские
Акинф Борисович, воевода 75
Семен Борисович, воевода 82
Воронин Н. Н. 223, 225
Воронцовы *см.* Протасьевичи
Воротынский Федор Львович, кн. 129
Всеволожские (Всеволож-Заболоцкие), род 14, 203
Иван Дмитриевич, боярин 31, 42, 45–50, 52–56, 58–60, 63, 138, 164–166, 195, 204, 230–232, 234, 263, 270, 272
Заболоцкие, род 20
Вулетич В. 271

Габсбурги, династия императоров Священной Римской империи 3
Гагарин, кн. *см.* Стародубские князья
Галицкие
Борис Васильевич, боярин 36
Федор Васильевич, наместник московский 119
Гаштольд *см.* Иван Гаштольд
Гедиголдович *см.* Семен Едиголдов (Гедиголдович)
Геласий, архим. «псковский» 243
Геннадий Кожа, еп. тверской 266
Генрих VII Тюдор, король английский 4
Герасим, еп. пермский 93
Герасим, еп. смоленский, затем митр. киевский и всея Руси 65, 84, 85, 196, 207
Герберштейн Сигизмунд, барон имперский, посол 12–14, 19, 21, 23, 28, 193, 220, 222–224, 268, 272
Геронтий, еп. коломенский 183
Гиас эд-Дин, хан казанский 240
Гильдебранд Г.-Х. 246
Глазатый *см.* Суздальские князья
Голтяевы *см.* Кобылины, Кошкины
Голубинский Е. Е. 84, 240, 241, 244, 272
Голубцов В. В. 258
Голубцов И. А. 231, 262, 272
Гольшанский Юрий Семенович, кн. литовский 265
Гомер, древнегреческий поэт 85
Горбатый *см.* Суздальские князья
Гребенка *см.* Суздальские князья
Горсткин Григорий, боярин новгородский, воевода 204
Греков Б. Д. 255, 259, 264
Греков И. Б. 221, 226, 228
Григорий, архим. «псковский» 243
Григорий, инок, ученик митр. киевского и всея Руси Исидора 93
Григорий Андреевич Мамон, боярин 97
Григорий Васильевич Криворот *см.* Редегины, Сорокоумовы-Глебовы
Григорий Кириллович Посахно, посадник новгородский 41
Григорий Мамма, патр. константинопольский 149

Григорий Никитич, воевода тверской 120
Григорий Пельшемский, инок, основатель Пельшемского (Лопотовского) мон., св. 156, 157, 261, 262
Григорий Тумган, постельничий 182
Грушевский М. С. 259
Гус Ян, чешский национальный герой, мыслитель 3
Гусев *см.* Редегины, Добрынские
Гусев П. Л. 256
Гутенберг Иоганн, изобретатель книгопечатания 3

Давкши, посол литовский 122
Давид, митрополичий казначей, затем еп. рязанский 266
Давыдов Владимир *см.* Владимир Давыдович Красный
Давыдов В. Н. 143, 144, 258
Даниил Борисович, вел. кн. нижегородский *см.* Суздальские князья
Даниил Григорьевич, воевода тверской 120
Даниил Переяславский, архим. Переяславского Горицкого мон., св. 240
Даниил Семенович, кн., сын вел. кн. московского Семена Ивановича Гордого 221
Данила Башмак, гонец 118
Данила Чешко, боярин 36
Данте Алигьери, итальянский поэт 3
Дей *см.* Ярославские князья
Дионисий, еп. ростовский 227
Дионисий, инок, изограф 197
Длугош Ян, польский хронист 146
Дмитриев Л. А. 266
Дмитриевичи, княжеская ветвь *см.* Суздальские князья
Дмитрий, инок, основатель Спасо-Прилуцкого Вологодского мон., св. 15
Дмитрий Васильевич, посадник новгородский 145, 258
Дмитрий Иванович, внук боярина Ивана Овина 18
Дмитрий Иванович Донской, вел. кн. московский 4, 7–10, 17–20, 22, 23, 32, 36, 40, 46, 50, 52, 53, 57, 59, 61, 68, 70, 74, 100, 126, 137–139, 147, 158, 166, 176, 186, 187, 195, 197, 199, 201, 206, 217, 218, 228, 257
Дмитрий Константинович, вел. кн. нижегородский и суздальский *см.* Суздальские князья
Дмитрий Федорович, воевода тверской 120
Дмитрий Юрьевич Большой Шемяка, кн. галицкий, затем вел. кн. московский, сын кн. галицкого и звенигородского Юрия Дмитриевича 4, 18, 26, 32, 33, 40, 52, 53, 56, 58–60, 62, 63, 67, 69–79, 81, 88, 89, 94, 95, 98–102, 104–134, 136–146, 148–161, 166–168, 170, 173, 175–177, 181, 182, 185–188, 195, 196, 198–200, 202, 204, 207, 208, 210, 217, 218, 225, 232, 234, 237–239, 242, 243, 245, 247–261, 270
Дмитрий Юрьевич Меньшой Красный, кн. бежецкий, сын кн. галицкого и звенигородского Юрия Дмитриевича 18, 32, 40, 52, 60, 67, 70–72, 74, 76, 78, 81, 88, 89, 94, 100, 225, 231, 233, 236, 242, 245, 261
Добрынские *см.* Редегины
Довмонт-Тимофей, кн. псковский 181
Долгово-Сабуров Иван Шемяка 156
Долголдов Федор, кн., воевода 102, 103
Донателло (Донато ди Никколо ди Бетто Барди), итальянский скульптор 3
Дорогобужский, кн. *см.* Тверские князья
Драница *см.* Юрий Драница
Друцкие князья
Иван Баба 76, 238
Семен Иванович (Бабич) 170, 171
Дубенский Федор, дьяк 106, 107
Дятел, воевода вятский 77

Евгений IV, папа римский 85–87, 91, 92, 243
Евпраксия, инокиня (Елена Ольгердовна, кнг.), вдова кн. серпуховского Владимира Андреевича 168, 231
Евсевьев Лука, сын боярский 184, 267
Евфимий I Брадатый, архиеп. новгородский 65
Евфимий II Вяжицкий, архиеп. новгородский 41, 65, 85, 87, 91, 136, 141, 144, 152, 153, 155, 174, 175, 178, 246
Евфросин Звенец, еп. рязанский 183, 266
Едиголдов *см.* Семен Едиголдов (Гедиголдович)
Едемский М. Б. 259
Едигей, кн. ордынский 224, 230
Едигер, кн. ордынский 147
Елбердей, зять хана ордынского Улу-Мухаммеда 82, 229
Епифаний Премудрый, инок Троице-Сергиева мон., церковный писатель 197
Ермолаев И. П. 271
Ермолай, кн. *см.* Пермские князья
Ермоличи, княжеская ветвь *см.* Пермские князья
Ефрем, еп., затем архиеп. ростовский 84, 93, 132, 147, 160, 161, 208, 227

Жадовский Семен, воевода вятский 77
Жанна д'Арк, народная героиня Франции 3
Жеребец *см.* Федор Жеребец
Жеребцов *см.* Кобылины
Жестов Яков *см.* Морозовы
Жичев, воевода 103
Жугулев Миня, сотник пермский 143

Забелин И. Е. 197, 269
Заболоцкие *см.* Всеволожские
Замытские *см.* Ратшичи
Заозерская Е. И. 223, 224, 268
Заозерские князья *см.* Ярославские князья
Захарий Иванович, воевода тверской 41
Звенигородский Иван Александрович, кн., воевода 147, 164
Зидимонт *см.* Сигизмунд Кейстутович
Зимин А. А. 212–221, 252, 261, 262, 265, 266, 270, 271
Зимина В. Г. 220
Зиновий, иг. Троице-Сергиева мон. 95, 245, 251
Зиновьев Ромодан 146
Золотой *см.* Иван Золотой

Иаков (Яков), инок, основатель Предтеченского Железноборковского мон. 18
Иван I Данилович Калита, вел. кн. московский 7–12, 17, 22, 49, 55, 59–61, 64, 70, 76, 89, 102, 105, 128, 160, 163, 187, 194, 201, 206, 207, 210
Иван II Иванович Красный, вел. кн. московский 9, 11, 61
Иван III Васильевич, вел. кн. московский, затем всея Руси 89, 97, 108, 118, 121, 133, 142, 147–149, 153, 163, 170–172, 180, 182, 183, 185, 187–189, 197, 217, 245, 252, 260, 268
Иван IV Васильевич Грозный, вел. кн. московский, затем царь всея Руси 202, 210, 212, 213, 215, 216, 260, 265
Иван Андреевич, кн. можайский, сын кн. можайского Андрея Ивановича 22, 48, 50, 51, 60, 63–65, 67, 76, 78, 90, 95, 96, 102–104, 108–111, 113, 119–127, 129–131, 134, 135, 150, 159–163, 172, 176, 177, 184–187, 198, 199, 210, 240, 245, 247, 249, 250, 252, 253, 256, 262, 263, 265
Иван Васильевич, вел. кн. рязанский *см.* Рязанские князья
Иван Васильевич, кн. *см.* Ярославские князья
Иван Васильевич, кн., сын

вел. кн. московского Василия I Дмитриевича 9
Иван Васильевич, кн., сын кн. серпуховского и боровского Василия Ярославича 162, 177, 184, 187, 210
Иван Владимирович, кн., сын кн. серпуховского Владимира Андреевича 23, 178
Иван Гантольд, «дядька» Казимира IV Ягайловича 146
Иван Грозный *см.* Иван IV Васильевич Грозный
Иван Дей, кн. *см.* Ярославские князья
Иван Дмитриевич, кн., сын вел. кн. московского Дмитрия Ивановича Донского 8, 9
Иван Дмитриевич Руно, воевода 115
Иван Дмитриевич Шемякин (Шемячич), кн., сын кн. галицкого Дмитрия Юрьевича Шемяки 127, 137, 161–163, 172, 176, 187, 210, 265
Иван Золотой, инок Симонова мон. 85
Иван Иванович, кн. *см.* Тверские князья
Иван Лукинич, посадник новгородский 178, 265
Иван Михайлович, вел. кн. тверской *см.* Тверские князья
Иван Овин, боярин 18
Иван-Полуект Васильевич Море *см.* Редегины, Сорокоумовы-Глебовы
Иван Святославич, кн. *см.* Смоленские князья
Иван Федорович, боярин 166
Иван Федорович, вел. кн. рязанский *см.* Рязанские князья
Иван Юрьевич, кн. *см.* Тверские князья
Иван Юрьевич, кн., сын кн. галицкого и звенигородского Юрия Дмитриевича 32, 226
Иван Яковлевич, гонец 136
Ивина Л. И. 238, 241
Игнатий Иконник, инок Симонова мон. 85
Игорь Святославич, кн. новгород-северский, герой «Слова о полку Игореве» 212, 213, 257, 270
Изабелла, королева кастильская, жена короля испанского Фердинанда II 3
Измайлов Лев, воевода 119
Иконник *см.* Игнатий Иконник
Ильин М. А. 225
Илья, еп. тверской 87, 266
Иоанн VIII Палеолог, имп. византийский 86, 87, 91, 93, 149
Иов, еп. сарайский 93
Иона, архиеп. новгородский 178, 179, 182, 183, 266
Иона, еп. рязанский, затем митр. киевский и всея Руси 84, 85, 93, 97, 112, 114, 115, 130–133, 143–147, 149, 152, 153, 155, 156, 161, 162, 165, 167, 172, 179, 183, 207, 240, 241, 244, 251, 256, 258, 259, 261, 266
Иосиф II, патр. константинопольский 86, 93
Иосиф Волоцкий (Санин), основатель и игр. Иосифо-Волоколамского мон., церковный писатель, св. 261
Ирежский Иван Владимирович Кулудар, дьяк 94, 245
Исидор, митр. киевский и всея Руси 4, 83–88, 91–94, 97, 101, 114, 165, 241–245
Кадлубовский А. П. 260
Казакова Н. А. 98, 224, 228, 229, 233, 241, 244, 246, 255, 258, 272
Казат-Улан, мурза 183
Казимир IV Ягайлович (Ягеллончик), вел. кн. литовский и король польский 89–91, 98, 99, 102, 112, 122, 129, 131, 133–136, 146, 147, 173, 178, 187, 190, 243, 244, 247, 259, 262
Калита *см.* Иван I Данилович Калита
Карамзин Н. М. 157, 229, 235, 246, 262
Карамышев Семен, воевода 174
Карло Василий, митрополичий дьяк 92, 244
Карп Федорович, воевода тверской 90, 120

Касым (Трегуб Каисым), царевич ордынский, сын хана ордынского Улу-Мухаммеда, основатель Касимовского ханства 112, 118, 122, 136, 172, 196, 247, 250, 253
Кафтырев Иван, землевладелец 263
Каштанов С. М. 222, 242, 251, 262, 263, 267, 271, 272
Квашнины, род 11
Квашнин-Самарин Н. Д. 256
Киприан, митр. киевский и всея Руси 198
Кирдяпа *см.* Суздальские князья
Кирилл, основатель и иг. Кирилло-Белозерского мон., св. 21, 227
Киселев Иван, землевладелец 107, 149, 259
Кисель *см.* Яков Кисель
Кичи-Ахмет (Кичи-Ахмед, Кичи-Мухаммед, Махмет), хан ордынский, сын хана ордынского Тохтамыша 47, 51, 95, 96, 129, 231, 239, 246
Кичи-Мухаммед *см.* Кичи-Ахмет
Кишка Станислав Петрович, воевода литовский 247
Клейненберг И. Э. 246, 255
Клибанов А. И. 225
Клосс Б. М. 227, 229
Ключевский В. О. 192, 232, 267–269
Кобрин В. Б. 220, 271
Кобылины
Жеребцов Алексей Игнатьевич 247
Колычев, воевода 120, 253
Кошкины, род 14
Захарий Иванович, боярин 12, 52, 53, 192, 231
Иван Иванович, боярин 166, 180
Безубцев Константин Александрович 146, 164
Голтяевы
Андрей Федорович, боярин 65, 73, 82, 96, 263
Иван Федорович 37
Мария *см.* Мария Федоровна, княг., жена кн. боровского Ярослава Владимировича
Козак Г. 246
Козельские-Сатины
Михаил Матвеевич, посол 124
Федор Михайлович Шонур, воевода 115
Козловский, кн. *см.* Фоминские
Коланковский Л. 229, 239, 256, 259, 264, 265
Колычев *см.* Кобылины
Конечный Ф. 265
Константин I Великий, имп. римский 94, 197
Константин XI Палеолог, имп. византийский 149
Константин Васильевич, кн. *см.* Ростовские князья
Константин Дмитриевич, кн. углицкий, сын вел. кн. московского Дмитрия Ивановича Донского 7–10, 30, 33, 34, 37, 40, 42, 43, 50, 56, 60, 66, 71, 78, 95, 152, 186, 201, 226, 235, 260
Константин Константинович, боярин тверской 120
Константин Федорович, кн. *см.* Стародубские князья
Контарини Амброзио, посол венецианский 11, 12, 221, 222, 224
Копанев А. И. 21, 223
Косой *см.* Василий Юрьевич Косой
Котов Иван, боярин новгородский 154
Коцебу А.-Ф. 229, 230, 235, 240, 241
Кошкины *см.* Кобылины
Красный *см.* Владимир Давыдович Красный; Дмитрий Юрьевич Красный; Иван II Иванович Красный
Кречетников Микула, пушкарь 121
Криворот *см.* Редегины, Сорокоумовы-Глебовы
Кузьминский Петр, кн., воевода 82
Кулудар *см.* Ирежский
Кущевич Г. З. 240
Курбский Андрей Михайлович, кн. *см.* Ярославские князья
Кутузовы, род 20
Василий Федорович, боярин 122, 155
Юрий Федорович 111

Кучкин В. А. 24, 221, 223, 224, 246, 247, 250
Кучук-Мухаммед, хан ордынский 172, 245, 258

Лазарев В. Н. 68, 269
Лапицкий И. П. 157, 261, 262
Лжа *см.* Федор Андреевич Лжа
Либей *см.* Алим-бек
Литвин А. Л. 271
Лихачев Н. П. 253, 263, 269, 272
Лугвица *см.* Суздальские князья
Лузский Емельян, сотник пермский 143
Луппов П. Н. 238, 255
Лурье Я. С. 137, 220, 224, 230, 231, 239, 245, 253, 257, 270–272
Лыковы
Александр Владимирович, посол 38
Василий (Илья?) Иванович, воевода 96, 164
Любавский М. К. 192, 222, 229, 239, 268

Мазаччо (Томмазо ди Джованни ди Симоне Кассаи), итальянский живописец 3
Мазовша, царевич ордынский 147
Макар, ремесленник 52
Макарий, инок, основатель Макарьева Желтоводского мон., св. 25, 116
Макарий, митр. всея Руси 241
Макарий (Булгаков М. П.) 261
Малым Бердей, кн. ордынский 146
Мамай, темник ордынский 31
Мамон *см.* Григорий Андреевич Мамон
Мамутяк (Мамутек, Момотяк), сын хана ордынского Улу-Мухаммеда, хан казанский 103, 105, 128, 129, 131, 174, 229, 239, 240, 247, 248
Манкиев А. И. 250
Мансырь Улан, посол ордынский 48, 230
Мария Борисовна, вел. кнг., жена вел. кн. московского Ивана III Васильевича 118, 153
Мария Дмитриевна, княжна, дочь кн. галицкого Дмитрия Юрьевича Шемяки 175
Мария Федоровна, кнг., жена кн. боровского Ярослава Владимировича 71, 129
Мария Ярославна, вел. кнг., жена вел. кн. московского Василия II Васильевича Темного 22, 49, 52, 53, 66, 105, 108, 110, 120, 147, 186, 231, 260
Марк, митр. эфесский 87
Маркс К. 271
Маршак С. Я. 262
Масленникова Н. Н. 245
Махмет *см.* Кичи-Ахмет; Улу-Мухаммед
Махмут-мурза *см.* Ахмет-мурза
Махмут-Хозя, царевич ордынский 42
Машков И. П. 255
Медичи Козимо Старший, правитель Флоренции 3
Мефодий, инок, основатель Песношского мон., св. 20
Меховский Матвей, польский писатель и историк 27, 194, 224, 242, 269
Мец Н. Д. 55, 232, 235, 236, 239, 251, 264, 272
Микула Васильевич *см.* Протасьевичи
Минбулат, кн. ордынский, даруга московский 45
Минины, род 11, 194
Мисаил, еп. смоленский 162, 172
Митрофан, патр. константинопольский 93, 94, 97, 149
Михаил Андреевич, боярин 166
Михаил Андреевич, кн. белозерский и верейский, сын кн. можайского Андрея Дмитриевича 22, 48–51, 60, 63, 64, 67, 76, 78, 102–104, 106, 115, 117, 123–125, 131, 134, 143–145, 163, 166, 173, 177, 187–189, 193, 210, 247, 267
Михаил Борисович, вел. кн. тверской *см.* Тверские князья
Михаил Дмитриевич, кн., воевода тверской 151

Михаил Ермолаевич, кн. *см.* Пермские князья
Михаил Клопский, инок Троицкого Клопского мон., св. 151, 152, 260
Михаил Семенович, кн., сын вел. кн. московского Семена Ивановича Гордого 221
Михаил Сигизмундович (Михайлушко), кн. литовский 134, 135, 146, 243, 259
Михаил Туча, посадник новгородский 174
Михаил Федорович, боярин 166
Михаил Ярославич, вел. кн. тверской *см.* Тверские князья
Михайлушко *см.* Михаил Сигизмундович (Михайлушко)
Мишерованов *см.* Азбердей Мишерованов
Моисей, еп. тверской 266
Монастыревы, род 22
Иван Федорович Судок, воевода 103
Море *см.* Редегины, Сорокоумовы-Глебовы
Морозовы, род 20
Василий Михайлович Шея 73, 111
Григорий Васильевич Поплева, боярин 166, 167
Дмитрий Давыдович, боярин 166
Михаил Яковлевич Русалка Большой Тушин, сын боярский 115
Семен Федорович, боярин 17, 58, 59, 192, 233, 263
Семен Филимонович (Филимонов) Тушин, сын боярский 115
Яков Константинович Жест (Жестов) Тушин, посол 65
Мощинская Н. В. 242
Мустафа, царевич ордынский 95, 96
Мухаммадиев А. Г. 240
Мухаммед II Фатих, султан турецкий 4
Мякинин Александр 143
Назаров В. Д. 163, 262
Насонов А. Н. 171, 238, 259, 264, 267, 273
Настасья *см.* Анастасия Ивановна
Немиров Николай, наместник смоленский 102
Никита, инок Троице-Сергиева мон. 155
Никитин Афанасий, купец тверской, путешественник 27, 197, 220, 269
Николай, пушечник 41
Никольский К. Т. 258
Нитче П. 230, 236, 253, 254
Новосильцев Иван, боярин 152
Носов Н. Е. 209, 270

Оболенские князья, род 20, 168
Василий Иванович, воевода 96, 107, 111, 140, 164
Глеб Иванович, наместник устюжский 74, 164
Иван Васильевич Стрига, воевода 115, 116, 118, 134, 173, 181
Семен Иванович, воевода 111, 112, 118, 149, 161
Образцов Плишка, слуга 107
Овин *см.* Иван Овин
Овчинников Р. В. 271
Огорелковы, род 156
Шемяка Истомин 156
Одноуш *см.* Федор Одноуш
Окинфов Есип Дмитриев сын, землевладелец 266
Олег Иванович, вел. кн. рязанский *см.* Рязанские князья
Олелько *см.* Александр (Олелько) Владимирович
Олферьев Григорий, землевладелец 13
Осикович *см.* Радзивилл Осикович
Ослебятев Андрей-Акинф, митрополичий боярин 31, 225
Ослябя Родион, инок Троице-Сергиева мон., герой Куликовской битвы 31
Остеев *см.* Ратшичи
Острогский Юрий Семенович, кн. 265
Ощера *см.* Редегины, Сорокоумовы-Глебовы

Павел, архим. Нижегородского Печерского мон. 241
Павел, ливонский магистр 229
Павел Обнорский, инок, осно-

ватель Троицкого Комельского мон., св. 14
Павлов-Сильванский Н. П. 215
Павлова-Сильванская М. П. 271
Паисий, инок, основатель Успенского Галицкого мон. 18, 156, 222
Панеях В. М. 271
Патрикеевы, князья, род 11, 14, 20, 166, 203
Иван Юрьевич, боярин 166, 170, 171, 180
Юрий Патрикеевич, боярин 62, 81, 88, 108, 164, 165, 233, 234, 263
Пафнутий, основатель и игр. Пафнутьева Боровского мон., св. 155, 156, 261
Пахомий, инок, основатель Троицкого Нерехтского мон. 12
Пахомий Серб (Логофет), инок, церковный писатель 197
Пермские князья
Василий Ермолаевич 143
Ермолай 143, 144
Ермоличи, сыновья кн. Ермолая 144
Михаил Ермолаевич 143
Перхушков Григорий Михайлович, воевода 179, 266
Пестрый *см.* Стародубские князья
Петрарка Франческо, итальянский поэт 3
Петр Дмитриевич, кн. дмитровский, сын вел. кн. московского Дмитрия Ивановича Донского 7–10, 19, 20, 30, 33, 34, 39, 40, 47, 55, 186, 207, 228, 230
Писарь Семен, землевладелец 243
Питирим, еп. пермский 132, 144, 150, 172, 183, 208
Платонов С. Ф. 215
Плеханов Г. В. 219, 271
Плещеевы, род 14
Андрей Михайлович 107
Михаил Борисович, воевода 119
Плигузов А. И. 256
Плишка *см.* Образцов Плишка
Поганка, повар Дмитрия Юрьевича Шемяки 154
Покровский М. Н. 215
Полевой Н. А. 264
Полтинка, киевлянин, гонец 118
Полуект *см.* Редегины, Сорокоумовы-Глебовы
Полуектов Алексей, дьяк 168
Понтий Пилат, римский наместник в Иудее 196
Поплева *см.* Морозовы
Попов А. Н. 241, 244, 245
Попов Г. В. 244
Посахно *см.* Григорий Кириллович Посахно
Преображенский А. А. 271
Пресняков А. Е. 230, 247, 273
Приселков М. Д. 137, 257, 270
Пронские князья *см.* Рязанские князья
Протасьевичи, род 203
Василий Васильевич, тысяцкий 52
Микула Васильевич, воевода 49, 52
Тимофей Васильевич, окольничий 21
Воронцовы, род 11, 20
Протасьевы
Григорий, воевода 43, 82, 83, 229, 240
Иван Григорьевич 240
Радзивилл Осикович, воевода виленский 102
Ратшичи, род 65
Федор Григорьевич Товарко 56
Федор Михайлович Челядня, боярин 161, 166, 182
Бутурлины, род 11, 194
Замытские, род 14
Василий Иванович Чешиха, наместник московский 119
Остеев Роман Александрович Безногий, боярин 167, 192
Свибловы, род 11
Федор Андреевич Свибло 16, 25
Хромого Роман Иванович, воевода 65
Редегины
Белеутовы, род 11
Федор Александрович 182
Добрынские, род 11, 53, 208
Александр Иванович, воевода 247
Иван Константинович, боярин 247, 249

Никита Константинович, боярин 110, 161, 162, 249
Петр Константинович Хромой, боярин 11, 52, 56, 161, 164, 249
Федор Константинович Симский, воевода 42
Гусев Елизар Васильевич, посол 125
Сорокоумовы-Глебовы, род 167
Григорий Васильевич Криворот, боярин 167
Дмитрий Васильевич Бобр, 115
Иван Васильевич Ощера, воевода 115, 170, 171
Иван-Полуект Васильевич Море, постельничий 85, 167
Резеп-Хозя, купец ордынский 61
Ричард III, король английский 4
Роман, кн. переяславский 71, 236
Роман Васильевич, кн. *см.* Суздальские князья
Роман Иванович, кн. *см.* Ярославские князья
Роман Иванович Хромого *см.* Ратшичи
Ростовские князья
Владимир Андреевич 189
Константин Васильевич 22
Руно *см.* Иван Дмитриевич Руно
Русалка *см.* Морозовы
Русан *см.* Александр Русан
Рындина А. В. 244
Рязанские князья
Василий Иванович, вел. кн. 172, 176, 188, 189
Иван Васильевич, вел. кн. 172, 189
Иван Федорович, вел. кн. 41, 51, 63, 67, 124, 134, 172, 176, 178, 232, 235
Олег Иванович, вел. кн. 138, 139, 257
Федор Ольгович, вел. кн. 124
Пронские
Иван Васильевич Шемяка 261
Иван Владимирович 41
Ряполовские князья *см.* Стародубские князья
Сабуровы, род 14, 20, 156
Михаил Федорович, боярин 122, 166, 254
Савва, основатель и иг. Саво-Сторожевского Звенигородского мон., 32
Садык *см.* Александр Садык
Сакович *см.* Андрей Сакович
Салмина М. А. 137–139, 166, 257
Сараев *см.* Усеин Сараев
Сатин *см.* Козельский-Сатин
Сафаргалиев М. Г. 171, 227, 229, 240, 248, 255, 264
Сахаров А. М. 242, 244, 249, 251
Свибло *см.* Ратшичи, Свибловы
Свибловы *см.* Ратшичи
Свидригайло Ольгердович, вел. кн. литовский 43–45, 66, 80, 85, 90, 207, 229, 230, 235, 239–241
Сегал А. Е. 227
Сеид-Ахмед (Седи-Ахмет, Седи-Яхмат, Сиди-Ахмет), хан ордынский, сын хана ордынского Тохтамыша 81, 95, 129, 136, 146, 147, 162, 170, 171, 180, 259
Семен Владимирович, кн. боровский, сын кн. серпуховского Владимира Андреевича 23, 30, 37, 55, 155, 261
Семен Волынец *см.* Волынский
Семен Дмитриевич, кн. *см.* Суздальские князья
Семен Едиголдов (Гедиголдович), посол литовский 131, 256
Семен Захарьевич, воевода тверской 120
Семен Иванович, кн. стародубский, сын кн. можайского Ивана Андреевича 162, 176
Семен Иванович Гордый, вел. кн. московский 9, 11, 61, 221
Семен Олелькович (Александрович), кн. киевский 146
Семенов Глеб 143
Семенченко Г. В. 256, 264
Сергий Радонежский, основатель и иг. Троице-Сергиева мон., св. 14, 15, 155, 205
Серкизовы-Старковы, род 11, 20

Илья Федорович, боярин 75, 109, 112, 164, 208, 249
Федор Андреевич Старко, боярин 232
Сеунь-Хозя, кн. ордынский 82
Сигизмунд Кейстутович (Зидимонт), вел. кн. литовский 43–45, 80, 85, 88, 89, 239, 243
Сиди-Ахмет *см.* Сеид-Ахмед
Симеон Суздальский (Суздалец), инок, церковный писатель 88, 91, 93, 241–245, 273
Симский *см.* Редегины, Добрынские
Смирнов В. Д. 259
Смирнов П. П. 192, 194, 226, 227, 245, 257, 268, 270
Смирнов Я. И. 269
Смоленские князья
Иван Святославич 230
Федор Святославич 22
Юрий Святославич, вел. кн. 22, 264
Смолин Шемяка Васильев сын 156
Собакин *см.* Фоминские
Соловьев С. М. 214, 267, 268
Солтан, царевич ордынский 171
Сорокоумовы-Глебовы *см.* Редегины
Сотникова М. П. 251
Софокл, древнегреческий драматург 85
Софья, вел. кнг., жена вел. кн. литовского Свидригайла Ольгердовича 230
Софья Витовтовна, вел. кнг., жена вел. кн. московского Василия I Дмитриевича 8, 12, 13, 15, 16, 25, 30, 31, 34, 53–56, 65, 66, 105, 106, 108, 110, 111, 120, 122, 139, 147, 148, 153, 165, 232, 235, 248, 254, 260
Софья Дмитриевна, кнг., жена кн. галицкого Дмитрия Юрьевича Шемяки 74, 137, 175, 176, 265
Срезневский И. И. 250
Станислав, воевода 256
Станислав Кишка *см.* Кишка Станислав Петрович
Станкевич Н. В. 268
Старко *см.* Серкизовы-Старковы
Старковы *см.* Серкизовы-Старковы
Стародубские князья, род 205
Константин Федорович Льяловский 193
Гагарин Данила Юрьевич 261
Палецкий Федор Давыдович Пестрый, воевода 42, 43
Ряполовские, род 114, 115, 118, 179, 205
Дмитрий Иванович, воевода 111, 143, 179, 180
Иван Иванович 111
Семен Иванович Хрипун 111, 179
Степан Бородатый, дьяк 154, 168, 182, 259
Стефан, еп. пермский, церковный писатель 17
Стрига *см.* Оболенские князья
Стромилов Алексей, дьяк 225
Сугорские князья *см.* Белозерские князья
Судимой *см.* Волимунт Судимой
Судок *см.* Монастыревы
Суздальские князья
Александр Васильевич Глазатый 126, 133, 153, 255
Александр Иванович Брюхатый 26, 233, 238
Андрей Васильевич Лугвица, воевода 103, 126, 247
Борис Васильевич 126
Борисовичи, сыновья кн. Бориса Константиновича 209
Василий Васильевич Гребенка (Шуйский) 126, 133, 173, 174, 264
Василий Дмитриевич Кирдяпа 255
Василий Семенович 126
Даниил Борисович, вел. кн. нижегородский 221, 226
Дмитриевичи, сыновья вел. кн. Дмитрия Константиновича 209
Дмитрий Константинович, вел. кн. нижегородский и суздальский 52, 53, 126, 255
Иван Васильевич Горбатый 126, 133, 139, 153
Роман Васильевич 126
Семен Дмитриевич 32, 255

Шуйские, род 26, 126, 133, 173, 264
Василий Юрьевич 98, 126, 127, 139, 255, 257
Федор Юрьевич 117, 126, 127, 139, 255
Сысуев Шемяка, крестьянин 156

Татищев В. Н. 250
Тверские князья
Александр Иванович 37
Борис Александрович, вел. кн. 37, 41, 57, 64, 66, 73, 80, 86–88, 93, 103, 106, 109, 112, 117–120, 122, 125–127, 131, 135, 142, 150, 151, 153, 159, 163, 183, 196, 198, 224, 237, 244, 246, 248–250, 252, 253, 258, 272
Василий Михайлович, кн. кашинский 37, 227
Иван Иванович 44, 230
Иван Михайлович, вел. кн. 37
Иван Юрьевич, кн. зубцовский 120, 163
Михаил Борисович, вел. кн. 183, 188
Михаил Ярославич, вел. кн. 61
Юрий Александрович, вел. кн. 37
Юрий Иванович, вел. кн. 49
Ярослав Ярославич, вел. кн. 61
Дорогобужский Андрей Дмитриевич, воевода тверской 109, 243, 248
Холмские, род 27
Дмитрий Юрьевич 163
Тегиня Шиков 230
Тегиня Ширин, вельможа ордынский 45, 47
Темир, мурза 183
Тенсуфуй, мурза 183
Тимофей Васильевич *см.* Протасьевичи
Тимофей Григорьев сын Шемяка 261
Тимур (Тамерлан), полководец, эмир 4
Тихомиров М. Н. 54, 232, 254, 264
Тоболин Борис 76
Товарко *см.* Ратшичи
Тохтамыш, хан ордынский 47, 81, 137–139, 227, 257
Трегуб Каисым *см.* Касым (Трегуб Каисым)
Трифон, иг. Кирилло-Белозерского мон. 117, 153, 252
Тумган *см.* Григорий Тумган
Тупиков Н. М. 261
Тушин *см.* Морозовы
Тюдоры, английская королевская династия 3

Уварова П. С., графиня 255
Удальцова З. В. 242
Улащик Н. Н. 259
Улугбек Мухаммед Тарагай, государственный деятель, ученый 4
Улу-Мухаммед (Махмет), хан ордынский, затем хан казанский 25, 38, 42–48, 50, 51, 61, 81–83, 88, 89, 94, 95, 101–103, 105, 106, 195, 199, 226–229, 231, 239, 240, 242, 246, 247, 263
Ульяна, кнг., жена кн. Василия Владимировича, сына кн. серпуховского Владимира Андреевича 119
Усеин, постельник хана ордынского Улу-Мухаммеда 45
Усеин Сараев, кн. ордынский 82

Федор Андреевич Лжа, посол 56
Федор Андреевич Свибло *см.* Ратшичи
Федор Андреевич Старко *см.* Серкизовы-Старковы
Федор Васильевич Басенок, воевода 96, 112, 118, 134, 164, 166, 168, 171, 173, 174, 181, 204, 270
Федор Григорьевич Товарко *см.* Ратшичи
Федор Давыдович Пестрый, кн. *см.* Стародубские князья
Федор Жеребец 251
Федор Иванович, боярин 166
Федор Львович, кн. одоевский и новосильский 243
Федор Михайлович Челядня *см.* Ратшичи
Федор Одноуш, землевладелец 85
Федор Ольгович, вел. кн. ря-

занский *см.* Рязанские князья
Федор Романович, кн. *см.* Белозерские князья
Федор Святославич, кн. *см.* Смоленские князья
Федор Федорович, кн. *см.* Белозерские князья
Федор Юрьевич, кн. *см.* Суздальские Шуйские князья
Федор Яковлевич, посадник новгородский 112, 179, 250, 265
Федотов-Чеховский А. А. 261
Феликс V, папа римский 91
Феодосий Бывальцев, архиеп. ростовский, затем митр. московский 161, 183, 262
Феодосия Ивановна, кнг., дочь вел. кн. московского Ивана I Даниловича Калиты *см.* Белозерские князья
Феофан Грек, инок, изограф 197, 225
Ферапонт, инок, основатель Ферапонтова Белозерского мон., св. 21
Фердинанд II, король Арагона, затем король испанский 3
Филимонов Семен *см.* Морозовы
Филипп, еп. суздальский 183
Флоря Б. Н. 224, 250
Фотий, митр. киевский и всея Руси 31, 34–37, 39, 42, 43, 83, 97, 165, 198, 225–227, 232
Фома, боярин тверской 87, 91, 241
Фома, инок, церковный писатель 109, 117, 118, 120, 122, 151, 196, 222, 224, 240, 249, 251–256, 260, 269, 270, 272
Фоминские, род 256
Роман Иванович, кн. 135, 256
Вепрев Василий Борисович, воевода 115
Козловский Иван Васильевич, кн. 256
Собакин Василий Иванович, боярин 82, 263

Хаджи-Гирей, основатель Крымского ханства 129, 147
Харламов Иван, судья 167
Хлепенский Александр Борисович, землевладелец 135
Ховрины, род 20
Холмские князья *см.* Тверские князья
Хорошкевич А. Л. 220, 224, 264, 268, 270, 271
Хрипун *см.* Стародубские Ряполовские князья
Хромого *см.* Ратшичи
Хромой *см.* Редегины, Добрынские

Цицерон Марк Туллий, древнеримский политический деятель, писатель и оратор 85

Чарторыйские князья, род 89
Александр Васильевич 89, 95, 97, 128, 150, 173–175, 180, 181, 243, 265, 266
Иван Васильевич 243
Челядня *см.* Ратшичи
Черепнин Л. В. 34, 55, 61, 88, 90, 139, 169, 175, 188, 216, 225–230, 232, 233, 235, 236, 238, 241–243, 245, 249, 250, 252–255, 257, 258, 262, 264–267, 270, 272, 273
Чешиха *см.* Ратшичи, Замытский
Чешко *см.* Данила Чешко
Шахматов А. А. 137, 196, 216, 253, 257, 269
Шаховской, кн. *см.* Ярославские князья
Шахруз, царевич ордынский, сын хана ордынского Тохтамыша 227
Шемяка *см.* Василий Шемяка, владелец соляной варницы; Василий Шемяка, кн. рыльский; Дмитрий Юрьевич Большой Шемяка; Долгово-Сабуров Иван Шемяка; Огорелков Шемяка Истомин; Пронский Иван Васильевич Шемяка, кн.; Смолин Шемяка Васильев сын; Сысуев Шемяка; Тимофей Григорьев сын Шемяка; Шаховской Александр Андреевич Шемяка, кн.
Шемяка, судья, литературный персонаж 157, 158, 261
Шемяки, новгородские дворовые люди 156

Шемякин *см.* Иван Дмитриевич Шемякин (Шемячич)
Шемячич *см.* Василий Иванович Шемячич; Иван Дмитриевич Шемякин (Шемячич)
Шея *см.* Морозов
Шиков *см.* Тегиня Шиков
Ширин *см.* Тегиня Ширин
Ширины, ордынский род 45
Шишка, ремесленник 52
Шонур *см.* Козельские-Сатины
Шпаков А. Я. 84, 240, 243, 244
Шпулер Б. 255, 258, 259
Шуйские князья *см.* Суздальские князья
Шуйский Василий Васильевич Гребенка *см.* Суздальские князья

Энгельс Ф. 215, 271

Юрга, воевода 172
Юрий, митрополичий десятильник 145
Юрий Александрович, вел. кн. тверской *см.* Тверские князья
Юрий Васильевич, кн., сын вел. кн. московского Василия I Дмитриевича 8
Юрий Васильевич Большой, кн., сын вел. кн. московского Василия II Васильевича Темного 89
Юрий Васильевич Меньшой, кн. дмитровский, сын вел. кн. московского Василия II Васильевича Темного 89, 108, 121, 147, 163, 164, 170, 171, 175, 180, 181, 185, 186, 188, 189, 243, 245, 260, 262, 266
Юрий Дмитриевич, кн. галицкий и звенигородский, затем вел. кн. московский, сын вел. кн. московского Дмитрия Ивановича Донского 7–10, 17, 18, 20, 30–36, 39, 40, 43–72, 77, 83, 100, 124, 126, 127, 136–138, 144, 157, 185–187, 192, 195, 198–202, 210, 217, 218, 225–230, 232–236, 253, 257, 261, 263, 269
Юрий (Юшка) Драница, литвин, воевода 102, 103, 115, 122, 204, 247
Юрий Иванович, вел. кн. тверской *см.* Тверские князья
Юрий Лугвеньевич (Семенович), кн. литовский 65, 80, 90, 98, 172, 173, 178, 179, 243–245
Юрий Патрикеевич, кн. *см.* Патрикеевы, князья
Юрий Семенович *см.* Юрий Лугвеньевич (Семенович)
Юрий Святославич, вел. кн. смоленский *см.* Смоленские князья
Юрий Тимофеевич, посадник псковский 39
Юрьевичи, сыновья кн. галицкого и звенигородского Юрия Дмитриевича 53, 54, 62, 63, 71, 234, 236, 255
Юшка Драница *см.* Юрий (Юшка) Драница

Яблоновский Х. 229, 241, 243
Ягайло Ольгердович, вел. кн. литовский и король польский под именем Владислава II 229
Яков *см.* Иаков
Яков Кисель, солевар 259
Якуб (Егуп, Якуп), царевич ордынский, сын хана ордынского Улу-Мухаммеда 103, 112, 118, 122, 149, 240, 247, 250, 253
Якубовский А. Ю. 255, 259, 264
Янин В. Л. 228, 256, 258, 265, 266
Ярослав Владимирович, кн. серпуховский, сын кн. серпуховского Владимира Андреевича 22, 30, 37, 55
Ярослав Ярославич, вел. кн. тверской *см.* Тверские князья
Ярославко, воевода 131
Ярославские князья
Александр Иванович 236
Александр Федорович Брюхатый 76, 77, 124, 139, 188, 199, 238
Анастасия Ивановна, жена кн. ярославского Василия Васильевича 22
Василий Васильевич 22

Василий Иванович 236
Иван Васильевич 35, 37, 199, 236
Иван Дмитриевич Дей 124
Роман Иванович 199, 236
Заозерские
Андрей Дмитриевич 124
Дмитрий Васильевич 73, 124, 237
Марья, жена кн. заозерского Дмитрия Васильевича 237
Федор Дмитриевич 199, 237, 254
Курбский Андрей Михайлович, писатель 154, 177, 260, 265
Шаховской Александр Андреевич Шемяка 156

Alef G. см. Алеф Г.
Baron S. 271
Cherniavsky M. 242
Cosack H. см. Козак Г.
Forstreuter K. 255
Heers V. 270
Jablonowski H. см. Яблоновский Х.
Keenan E. 271
Kleimola A. M. 271
Kolankowski L. см. Коланковский Л.
Koneczny F. см. Конечный Ф.
Kopystianski A. 259
Lewicki A. 244
Mercatti G. 241
Nitsche P. см. Нитче П.
Russ H. 271
Spuler B. см. Шпулер Б.
Stryjkowski Maciej, польский хронист 243
Vernadsky G. см. Вернадский Г. В.
Vodoff Wl. 271
Waugh D. Cl. 271
Wittfogel K. A. см. Виттфогель К.
Zimin A. A. см. Зимин А. А.

Оглавление

Читателю
3

Завещание Дмитрия Донского
7

Дядя или племянник
31

Борьба за Москву
49

Авантюра Василия Косого
69

Флорентийская уния
79

Пиррова победа
100

Падение Галича
123

Гибель Дмитрия Шемяки
141

Концы и начала
160

Витязь выбирает путь
191

Послесловие
212

Примечания, источники и литература
219

Список принятых сокращений
269

Указатель имен
271

Научная

Александр Александрович Зимин

ВИТЯЗЬ НА РАСПУТЬЕ

Феодальная война в России XV в.

Редактор С.С. Игнатова
Младший редактор Л.П. Желобанова
Оформление художника Г.М. Чеховского
Художественный редактор И.А. Дутов
Технический редактор Е.А. Молодова
Корректор О.П. Кулькова

ИБ № 4115

Сдано в набор 26.02.91. Подписано в печать 4.07.91. Формат $84 \times 108^{1}/_{32}$. Бум. кн.-журн. Гарн. Таймс. Высокая печать. Усл. печ. листов 15,12. Усл. кр.-отт. 15,12. Учетно-издат. листов 17,74. Тираж 100 000 экз. Заказ № 849. Цена 3 р. 20 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский пр., 15.

Московская типография № 11 Государственного комитета СССР по печати. 113105, Москва, Нагатинская, 1.

3 р. 20 к.